

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО

АНТИЧНАЯ ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНИЕ ВЕКА

М. А. Поляковская

В ИЗАНТИЯ ИЗАНТИЙЦЫ ИЗАНТИНИСТЫ

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2003

ББК ТЗ (0) 44—
✓ П542

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Уральского государственного
университета им. А. М. Горького

Серия «Античная древность и Средние века»
Основана в 2002 году

Научный редактор
доктор исторических наук, профессор *А. И. Романчук*

Рецензенты
Демидовский институт (Екатеринбург);
Г. Е. Лебедева, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории средних веков Санкт-Петербургского государственного университета

1252.82.5

Поляковская М. А.

П542 Византия, византийцы, византинисты. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. — 432 с. (Античная древность и Средние века).

ISBN 5-7996-0143-2

«Человек — власть — общество» — вот основная идея первой части книги («Византийский мир»), в которой объединены статьи автора, не вошедшие в полном тексте в его монографические исследования. Статьи, отражающие жизнь Византии и византийцев, носят как конкретно-исторический, так и проблемный характер.

Вторая часть книги («Мир византинистов»), представляющая собой публикацию хранящихся в уральских архивах писем известных ученых, имеет целью воссоздать реалии жизни и духа, присущие российской гуманитарной среде второй половины XX столетия.

Книга адресуется ученым-медиевистам, преподавателям и студентам гуманитарных факультетов, всем, кого привлекает образ Византии и ментальность тех, кто его исследует.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Уральского Госуниверситета
г.Екатеринбург

ББК ТЗ (0) 44

ISBN 5-7996-0143-2

© М. А. Поляковская, 2003

© Уральский государственный университет, 2003

Фотография 1968 г.

Слово от автора

В жизни каждый миг что-то кончается и что-то начинается. У автора этой книги начался период, который он условно называет «время LXX». Пора бы, как десятилетие с лишним назад Лев Гумилев, написать автонекролог¹, но поскольку нет ни гумилевской биографии, ни его таланта, назовем эти строки просто – «Слово от автора».

LXX – это самое время подводить итоги и оценивать качества своей «делянки». Но поскольку византиноведение – скорее не нива, а роскошный осенний сад, где автору было дозволено свыше лишь немного пошуршать опавшими листьями с некогда пышной византийской кроны, о своей авторской деланке, аллоде², говорить не приходится. Автора скорее волнует сопричастность труду многих садовников в этом дивном саду.

Человеческая жизнь соткана из многих миров – мира природы, мира семьи и многих других, иногда соединяющихся, а порой существующих отдельно. Жизненные тропы, по которым шел автор, пролегли через многие миры, среди которых, в силу сюжетной основы книги, следует назвать два: византийский мир и мир византинистов.

Византийский мир в начале пути казался грандиозным, таинственным, не могущим быть познанным. Автор был способен лишь рассматривать под микроскопом крохотный его кусочек, надеясь в малом увидеть большое. Потом микроскоп был отодвинут в сторону, все стало казаться простым и понятным, близким к современному мироощущению и даже немного напоминающим Россию. Однако к концу жизни автор, простясь со своим амикошонством в отношении далекой эпохи, стал сомневаться

¹ Зная. 1988. № 4. С. 202–216.

² Одиссей. 1994. С. 5–28.

в адекватности осознания им всего византийского. Как некогда С. С. Аверинцеву, ему показалось, что за спиной сидит тот самый византиец, сочинения которого так бойко интерпретировались, и брезгливо ворчит: «Что врешь, ну что врешь-то!» Мир Византии остался для автора загадкой, Сфинксом.

Мир византинистов – это прежде всего ученая среда, без которой немислимо осознание результатов сделанного. Это общение, поиск себя и открытие для себя других. Этот мир был всегда и пока еще остается особым, элитарным – в силу соответствия объекту исследования. Здесь обычно не задерживается случайный путник.

Многомерен и многолик мир византинистов. Порой он полностью сливается с византийским миром, немислим без него: это конгрессы, симпозиумы, круглые (и не только!) столы. Ученые сборища византинистов, когда происходит соединение миров, всегда отмечены присутствием особого состояния духа, блеском интеллекта («парады стариков»), высоким эстетическим напряжением – хоралы, мантии, блистательные спичи... Но мир византинистов – это и тихие минуты наедине с листом бумаги на письменном столе, это стиль мышления, стиль жизни, стиль общения, столь разные и сугубо индивидуальные для каждого из входящих в когорту.

Книга состоит из двух частей. Первая – «Византийский мир: человек, власть, общество» – представлена статьями и докладами автора, написанными в разные периоды жизни, от 1963 до 2001 г. Большинство из этих статей («мусора», по определению автора) либо не вошло в прежние монографии, либо вошло лишь фрагментарно. Статьи и доклады расположены в книге не по времени их написания, а в соответствии с концептуальным стержнем главы: «человек – власть – общество». Некоторые из статей подновлены, добавлены появившиеся научные изыскания, другие сохранены в «музейном» варианте.

Вторая часть книги – «Мир византинистов: письма и воспоминания» – носит мемуарный характер. Автор осмелился опубликовать некоторые сохранившиеся письма ушедших от нас византинистов из плеяды великих предшественников. Это те

ученые, у которых автору в той или иной форме посчастливилось поучиться. Публикуемые письма и фрагменты писем позволяют ощутить тот духовный мир, в котором жили византилисты второй половины ушедшего столетия. Письма сохранились в Фонде М. Я. Сюзюмова (Государственный архив Свердловской области) и в личном архиве автора книги. Они публикуются выборочно, с лакунами, чтобы ничем не задеть светлой памяти о тех, кем писались некогда эти эпистолы. Письма к автору книги представлены скорее в виде дневниковых записей – жанра, ушедшего из нашей жизни. Впрочем, и письмо как жанр тоже уходит. Следующему поколению византистов уже не придется беспокоиться по поводу издания «эпистолярного наследия».

Оглянувшись назад, автор, однако, осознает, что мир византистов, становясь другим, не оскудевает, и в XXI веке будет кому пошуршать листьями в осеннем византийском саду.

М. Поляевский

Часть I

ВИЗАНТИЙСКИЙ МИР

Человек, власть, общество

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ МИР ВИЗАНТИЙЦА*

Человек любой эпохи погружен в мир эмоций. Радость и скорбь, ликование и уныние, ненависть и любовь – без этого мир человека был бы бесцветен. Обратимся же к наиболее нематериальной сфере самопроявления реального человека – миру его чувств.

Если задаться целью показать эмоциональный мир византийца в более эффектном ракурсе, надо было бы обратиться к эмоциям улицы, толпы – к публичным зрелищам, казням, пыткам, вызывающим у зрителей поистине бурную, эмоциональную реакцию. В XIV в., о котором здесь пойдет речь, подобные зрелища, как и ранее, были излюбленными. Если уличный акrobat, демонстрируя головокружительные трюки, срывался и падал, умирая у ног зрителей, они за полученное удовлетворение и платили больше¹.

Изощренные казни – выкалывание глаз, обжигание обернутой промасленным материалом головы, отсечение руки, носа и многое другое² вызывало у зрителей, наряду с чувством ужаса, и удовлетворенность эмоциональных потребностей.

Однако, отойдя от жизни улиц, площадей и ипподромов, обратимся к эмоциональному миру византийского интеллектуала. Перелистаем лишь отдельные страницы писем ученого XIV в., мезадзона императорского двора Димитрия Кидониса.

В письмах Кидониса, наряду с богатой палитрой характеристики византийского общества, внешней политики государства, политической ситуации при императорском дворе, уровня образованности высших кругов общества, религиозных разногласий, отражен

* Статья опубликована в сборнике, посвященном памяти профессора М. Я. Сюзюмова: АДСВ: Византия и средневековый Крым. Барнаул, 1992. Вып. 26. С. 134–141.

¹ *Nic. Greg.* VIII. 10–1, 348–351.

² *Поляковская М. А., Чекалова А. А.* Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989. С. 246.

«вторым планом» – не прямо, а через ситуации – эмоциональный мир византийца. Разумеется, это прежде всего мир чувств самого автора писем.

Для ранних писем Димитрия Кидониса характерна юношеская возвышенность чувств, проявлявшаяся прежде всего в его отношении к семье и друзьям. Потеряв в 17 лет отца, Кидонис, став, по сути дела, главой семьи, всегда нежно заботился о матери, сестрах и брате. В письме от 2 сентября 1346 г. 22-летний Димитрий, находясь во Фракии, писал одному из своих друзей: «Вчера... я ощутил печаль и пустоту при мысли о том, как долго я разлучен с мамой, как далеко от сестер и брата, как давно я не встречался с друзьями»³. Своему бывшему учителю, иеромонаху Исидору, Димитрий Кидонис написал о разлуке с находившимися в восставшей Фессалонике родными: «Воспоминания о матери, сестрах и брате я ношу в сердце, как тлеющий огонь»⁴.

Письма разных лет жизни Кидониса хранят неизменно теплые чувства к матери, сестрам и брату, а после их смерти – преданную память о них. Откровенность в выражении чувства к родным и семейному очагу входила в «набор» добродетелей, присущих человеку высокой образованности. Эти чувства к родным и откровенность, с которой они проявлялись, можно поставить в один ряд с неперенным для истинного эллина чувством любви к родине, которому посвящено немало строк в сочинениях византийских интеллектуалов.

Столь же открытым и постоянным в интеллектуальном мире было чувство дружеской привязанности. Откровенно, искренне и тепло обращался Кидонис в письме от 1347 г. к своему школьному другу Николаю Кавасиле, которого он пригласил в Константинополь: «Я считал дни и тщательно следил за движением ветра, моля море о спокойствии. И когда причаливала какая-нибудь триера – не описать, как я торопился к пристани... Я мчался, как птица... (Но тебя нет) – и я чувствую себя, как при корабле-

³ *Démétrios Cydonès. Correspondance* / Publ. par R.-J. Loenertz. ST. 186, 208. Città del Vaticano. 1956. Vol. 1; 1960. Vol. 2. № 5. 4–9.

⁴ Ibid. № 43. 23–24.

крушении»⁵. Это письмо, уже давно привлекавшее внимание исследователей с точки зрения реконструкции биографий знаменитых фессалоникийцев – Николая Кавасилы и Димитрия Кидониса – одновременно заслуживает внимания уровнем выражения дружеского чувства молодым человеком (Кидонису было тогда 23 года). В приведенных строках письма обнаруживаются нежность и трепетность по отношению к другу, с которым автор разлучен жизненными обстоятельствами. То, что по современным меркам звучит излишне сентиментально и немужественно, Кидонисом отнюдь не скрывалось, что свидетельствует о соответствии этого чувства поведенческим нормам того времени.

Чувства, связанные с утратой родных и близких людей, описываются в письмах Димитрия Кидониса не только как нравственное, но и физическое страдание. Автор писем не делал тайны из своей слабости. Напротив, он пространно описывал свое состояние и рассчитывал на сострадание.

Приехав в 1362 г. в Фессалонику, чтобы навестить больную мать, Кидонис стал свидетелем эпидемии чумы, унесшей жизни матери и двух его сестер. Во время вспышки чумы умерли многие фессалоникийские друзья и добрые знакомые Димитрия. В письме, посланном под впечатлением этой трагедии, он написал Георгию Философу: «Я совершенно не мог переносить ежедневные погребения друзей и родных... Я многократно терпел смерть каждого моего друга, как свою собственную»⁶. В этом же письме он пишет о своей тревоге за оставшуюся в живых младшую сестру, которая постоянно «сидит на могиле, не сводит с нее глаз, переживая таким образом еще раз их (матери и сестер. – М. П.) агонию»⁷.

После потери родных Димитрий Кидонис долгое время находился в состоянии нервного «срыва»⁸. Он так описывал это свое

⁵ *Démétrios Cydonès. Correspondance.* № 87.

⁶ *Ibid.* № 110. 29–33.

⁷ *Ibid.* 24–27.

⁸ Характеристика Димитрия Кидониса как личности и, в частности, выделение стадий его депрессии даны Фр. Тиннефельдом: *Zur Persönlichkeiten des Kydones // Demetrios Kydones. Briefe / Übersetzt und erläutert von Fr. Tinnfeld.* Stuttgart, 1981. Bd. 1. S. 53–62.

состояние: «Если бросить взгляд на происходящее, можно увидеть, что я, живой, не счастливее тех, кто умер. Даже сейчас, год спустя, я страдаю от постоянных головных болей, и сердце бьется и разрывает мне грудь, выскакивая из нее. И одышка напала на меня – как будто я задыхаюсь, и бессонница, которая приносит мне почти сумасшествие. Все это способствует ощущению постоянной слабости»⁹.

В ответ на письмо неизвестного нам друга, выразившего Кидонису сочувствие в связи со смертью его брата Прохора, Димитрий написал в начале 70-х гг.: «Для меня с его смертью ушли все радости – дневной свет, еда, а всякие умственные занятия внушают мне отвращение»¹⁰. Чем старше становился Кидонис, тем больнее воспринимал он смерть близких ему по духу людей.

Если обратиться к другому полюсу положительных эмоций, то выражение восхищения в письмах Кидониса явно гиперболизировано. Отбросив похвалы, обращенные к официальным лицам и выполненные в соответствии с канонами высокой риторики, обратим внимание, что и похвалы в адрес друзей тоже очень ярки и эмоциональны. В письме к одному из друзей (вероятно, Тарханиоту) Димитрий Кидонис так отозвался о литературных достоинствах полученного от него послания: «Прелесть твоих выражений, волнующая завершенность фигур и сила твоего слова, которая победит всякого Одиссея, твой сжатый стиль... все пронизывающая гармония, которая напоминает произведения античных писателей, позволили всем воскликнуть: “Протагор у нас в гостях!”, и “Он говорит, как Демосфен!”, и “Нельзя перед ним устоять – так красиво он написал! Ты так потряс наш круг, начиная с самого благородного императора”»¹¹.

Приведенные фрагменты из писем Димитрия Кидониса создают представление о нем как о человеке мягком, добром, легко ранимом и восторженном. Однако если соизмерить все запечатленные на страницах его писем авторские чувства, то будут превалиро-

⁹ *Démétrios Cydonès*. Correspondance. № 110. 34–38.

¹⁰ *Demetrios Kydones*. Briefe. № 81. S. 447.

¹¹ *Démétrios Cydonès*. Correspondance. № 40. 8–14.

вать противоположного настроения эмоции – сарказм, негодование, возмущение, непримиримость. Каков же уровень выражения негативных эмоций?

Даже образный ряд писем-псогосов Димитрия Кидониса создает впечатление очень резкого выражения чувств. В письме другу (начало 70-х гг.) участники судилища над Прохором Кидонисом названы клеветниками, наглецами, злословами, безбожниками, богохульниками, завистниками, подлецами, хвастунами, а глава паламитского лагеря патриарх Филофей – жалким, проклятым, трусливым невеждой¹². В письме-псогосе, адресованном этому патриарху, он представлен как жестокий, коварный и трусливый человек. Активно не вынося чванливого невежества, Димитрий Кидонис написал патриарху: «Ты красноречив лишь тогда, когда тебя окружают подхалимы, которые из-за их непреодолимой лени смотрят тебе в рот и кормятся с твоего стола, поддакивая тебе за это»¹³. Невежественное многословие своего адресата, его склонность постоянно выступать с речами Кидонис сравнивает с поведением дурной женщины, выставляющей себя напоказ¹⁴. Обращенное к патриарху, это сравнение звучит особенно дерзко.

Такого же рода эмоции отражены и в письме к Иоанну Кантакузину (начало 70-х гг.), прежнему кумиру Кидониса, когда тот, убоявшись суда равных ему по учености людей, окружил себя людьми малознающими, но щедрыми на похвалы. Автор письма осудил желание Иоанна Кантакузина «бурлить относительно взглядов Паламы и поддерживать их гниль многими сочинениями»¹⁵.

Подчеркивая «беспредельную ограниченность» тех, кто вершил суд над его братом Прохором, ученым латинофильского направления, Димитрий Кидонис писал: «улицы дрожали от оскорбительных речей против него... они выдвинули обвинения и против книги, в которой он доказывал, что они на деле не поняли самых азов и не имели привычки говорить что-то мудрое...»¹⁶

¹² *Demetrios Kydones*. Briefe. № 81.

¹³ *Démétrios Cydonès*. Correspondance. № 40.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid. № 400.

¹⁶ *Demetrios Kydones*. Briefe. № 81. 73–79.

Письма Димитрия Кидониса отражают не только его эмоциональный мир. Даже приведенные фрагменты из двух-трех писем создают привычную атмосферу интеллектуальных дискуссий: диспутант «бурлил» относительно обсуждаемого сочинения, улицы «дрожали» от речей.

На страницы писем Димитрия Кидониса попали сцены жизни интеллектуальной среды. «Театры», где порой и зачитывались письма, часто становились местом словесных ристалищ, вызывающих необычайный накал страстей: зрители разве что только не кидали камни в неугодных ораторов¹⁷. Удачные же выступления, напротив, вызывали бурные рукоплескания, громкие восклицания и другие проявления восторга¹⁸. Так, в частности, случилось, когда Кидонис в кругу императора зачитывал приведенное выше письмо своего фессалоникийского друга, названного восхищенными слушателями Протагором и Демосфеном. По просьбе собравшихся Кидонису пришлось зачитывать письмо и отдельные его пассажи несколько раз¹⁹.

Чтобы убедиться, что описанное Димитрием Кидонисом не было преувеличением, вспомним известный фрагмент из сатирического диалога начала XV в.: «В театре перед риторам и философами я рецитирую твои речи, и, слушая меня, одни вскакивают со своих мест от восхищения, другие сардонически смеются, иные кричат и умоляют Клото до срока оборвать на веретене нить твоей судьбы, чтобы ты скорее сошел в подземный мир»²⁰.

Хотя зачастую Кидонис описывал мир риториков сатирическим пером, однако «спорящих о Сократе» он противопоставлял тем, кто шумно проявлял свои чувства во время игры в кости или выпивки²¹.

¹⁷ *Démétrios Cydonès*. Correspondance. № 78. 20; 326. 17–19; 376. 29–32.

¹⁸ *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. Л., 1976. С. 14–17; *Он же.* Литературные «салоны» в Поздней Византии // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 53–59.

¹⁹ *Démétrios Cydonès*. Correspondance. № 40.

²⁰ *Мазарис* // Византийский сатирический диалог / Подготовлен С. В. Поляковой и И. В. Феленковской. Л., 1986. С. 106.

²¹ *Démétrios Cydonès*. Correspondance. № 380. 40–42.

Приведенные здесь фрагменты из нескольких писем Димитрия Кидониса свидетельствуют, что запечатленные в них эмоции, как положительные, так и отрицательные, несмотря на их «знакомость», были откровеннее и ярче тех, что присущи современной интеллектуальной среде.

1253825
Й. Хейзинга, исследуя формы жизненного уклада и формы мышления в Западной Европе XIV–XV вв., выделил прежде всего такую черту, как «яркость и острота жизни»²². Первый из употребленных автором «Осени средневековья» эпитетов обращает нас к зрительному ряду. Невольно вспоминается тот колористический фон придворной жизни, к которой Димитрий Кидонис был причастен каждодневно. Перечисление лишь цветов одежды сановников по обряднику Псевдо-Кодина – золотой, серебряный, алый, красный, фиолетовый, белый, голубой, желтый, зеленый, абрикосовый – свидетельствует, что применительно к Византии «яркость» не была только образом, метафорой. Несомненно, что эмоциональный уровень неотрывно связан с эстетическим. Более строгие тона жизни (в частности, одежды) отражают и более сдержанный тон эмоций. Разумеется, эти наблюдения следует проводить на уровне общества, а не отдельной личности, могущей прекрасно сочетать «красное и черное».

Разумеется, эмоциональный мир интеллектуала был сдержаннее и изящнее мира человека из уличной толпы. Однако эмоциональные «выплески» в поведении интеллектуала, отраженные в письмах Димитрия Кидониса, свидетельствуют о том, что и трепетное чувство к другу, и любовь к близким, и неприязнь к преступившему нормы поведения ученому, и презрение к невежде – чувства, столь знакомые и понятные современному человеку, имели, однако, более высокий «градус». В порывах восхищения и ненависти византийский интеллектуал был более откровенным. Эта откровенность соответствовала принятым в этой среде нормам культуры чувств. Византийские интеллектуалы не стеснялись публично-

²² Хейзинга Й. Осень средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1988. С. 7–33.

го проявления своих эмоций. Напротив, многие из них умышленно демонстрировались, если вспомнить о роли письма в то время. Это не был акт сугубо индивидуального общения. Автор всегда предполагал, что его письмо будет публично прочтено получателем. Обнародованная же скорбь, негодование или нежное чувство к другу должны были прозвучать еще «громче». Средневековые были временем повышенной эмоциональности, когда чувства не регламентировались. Последующие витки цивилизации приведут к тому, что эмоции станут более сдержанными, а письма потеряют свое назначение быть отражением интеллектуального и эмоционального мира человека и по преимуществу станут атрибутом общения деловых людей.

Осознавая, что разрозненные письма одного человека не могут быть основой для широкого обобщения, а также понимая, что при оценке эмоционального поведения следует учитывать характер климата и ландшафта (южане – северяне), полагаем, однако, что приведенный материал дает все же основание для сделанных выводов.

ПОНЯТИЕ НРАВСТВЕННОЙ НОРМЫ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIV в.: АЛЕКСЕЙ МАКРЕМВОЛИТ*

Нравственные нормы поведения человека возникают из общественной потребности в регулировании человеческих отношений и являются одним из проявлений духовной жизни общества на определенном этапе его развития. Напряженность идейной жизни Византийской империи перед ее падением не могла не найти отражения в сфере морали. Сочинения византийских интеллектуалов изучаемой эпохи содержат выводы и сентенции, позволяющие воссоздать картину нравственных отношений как одного из звеньев общественных отношений.

Анализ понятия нравственной нормы в византийских источниках палеологовской эпохи усложняется тем, что почти все известные нам авторы занимали на лестнице общественной жизни ступени одинаковой социальной значимости. Количество памятников народной литературы бесконечно мало по сравнению с морем литературы аристократической.

Уникальным памятником, позволяющим реально ощутить отдельные проявления нравственного конфликта, разъедающего византийское общество середины XIV в., является «Разговор между богатыми и бедными» Алексея Макремволита¹. Автор этого своеобразного произведения противопоставляет два различных нравственных начала как результат социального конфликта между высшими предпринимательскими и торговыми кругами и трудовым людом города. Norma как мера людских отношений является для читателей «Разговора...» тем ключом, который открывает сокро-

* Статья опубликована в сборнике, посвященном 80-летию М. Я. Сюзюмова: АДСВ. Свердловск, 1973. Вып. 10. С. 251–254.

¹ ЗРВИ. 1960. Кн. 6. С. 203–215.

вишницу моральных ценностей. Поскольку симпатии автора на стороне «бедных», вступивших в спор с «богатыми», нравственная норма «бедных» получает в «Разговоре...» императивное выражение («Уважайте нашу общую природу», «Дайте нам наше» – 208. 17; 214. 12). Однако нравственный конфликт не выглядит обнаженным. Он облачен в одежды библейских формул. Но правила, почерпнутые в общем кодексе христианской морали, в устах «богатых» и «бедных» трактуются по-разному. Если «богатые» обращаются к словам апостола Павла («Если кто не хочет трудиться, тот не ешь» – 205. 17–18), то «бедные» повторяют: «Не копите», ссылаясь на Исход и другие книги Ветхого завета (208. 13–17; 210. 30–34). И только комментарии к библейским изречениям дают возможность понять те нравственные цели, которые заставили собеседников прибегать к тому или иному учению священных книг. Анализ словесной нюансировки в передаче библейских правил вырисовывает истинный смысл той или иной формулы. Приведенные выше слова из Второго послания апостола Павла фессалоникийцам в устах «богатых» получили явный оттенок предпринимательской логики: «Нет такого обычая – кормить даром тех, кто не служит».

Содержание нравственной нормы «богатых» и «бедных» в Макремволитовом «Разговоре...» раскрывается прежде всего в таких этических категориях, как добро и зло, – категориях, строго соответствующих принципам христианского мировоззрения². Понятия добра и зла представляют собой обобщенную оценку человеческого поведения и нравственных отношений. Добро, благо включают в себя содержание совокупности норм морали, будучи тождественными понятию нравственного. Понятие «благо» тесно соприкасается с представлениями об идеале, счастье, которые выявляют ценности, составляющие смысл жизненной позиции человека. Высшим благом для «богатых» в «Разговоре...» является обладание золотом, богатством: «...мы любим золото и ценим его выше самих

² Исследование понятий добра и зла на византийском материале см.: *Каждан А. П.* Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский // ВВ. 1968. Т. 28. С. 77–78.

душ. Обладание им и его сохранение желанно везде» (215. 7–10). Все человеческие чувства и отношения в представлении «богатых» определяются деньгами: «...когда наши близкие не слышат звона золота, они никогда не проявляют заботы о нас – ни друг, ни сосед, ни брат, ни кто-нибудь другой» (214. 25–28). В рассуждениях «богатых» о золоте как лекарстве от всех бед определенно выражается идеология собственников: «А если придет старость со всеми ее недугами или случится какое-нибудь несчастье на путях жизни – и если золото нам не поможет, разве тогда мы тотчас же не погибнем самой позорной смертью?» (211. 22–24).

«Бедные» противопоставляют этому идеалу жизни свое представление о счастье как совокупности интересов, находящихся в сфере добра: «...есть Христос вместо золота» (211. 25)³. Что же главное в этом идеале? Несомненно, высокое нравственное совершенство человека⁴. Человеческие добродетели для «бедных» – это «самое прекрасное из всего, что человек взял у Бога, без чего нельзя познать Бога и отличить добро от зла...» (206. 2–4). Благо «бедных» проявляется через примат духовного над земным на основе удовлетворения материальных нужд людей и даже утверждения имущественного равенства (а местами и социального). Ведущий мотив «Разговора...» – «мы живем хорошо» (206. 6), предпочитая высшее низшему⁵. Следовательно, представление о «хорошей жизни», о благе, жизненном идеале резко противоположно

³ Можно сопоставить эти слова с определением «Бог есть благо» Николая Кавасилы. Хотя формула добра у обоих авторов совпадает, у Николая Кавасилы для познания высшего блага требуется не только отказ от всякого субъективного удовлетворения, но и возвышение над ним. Благо, по Кавасиле, – состояние трансцендентной умиротворенности.

⁴ Идея нравственного совершенства характерна для христианских авторов. Поиски путей этого совершенства часто противоречивы. Если Алексей Макремволит во имя достижения нравственного идеала требует устранения общественной несправедливости, то Николай Кавасила зовет к уходу от жизни в мир Христа.

⁵ Выяснению понятий «высокое» – «низкое» был посвящен доклад профессора Амстердамского университета И. Гоудсблома на VII Международном социологическом конгрессе (см.: *Goudsblom I. On High and Low in Society and in Sociology: A Semantic Approach to Social Stratification. Varna, 1970*).

в понимании «богатых» и «бедных», по Алексею Макремволиту.

Понимание «зла» оттеняет содержание «добра». Если «богатые» считают злом нищенство (212. 10–14), леность (212. 30–32), то «бедные» усматривают высшее проявление зла в социальной несправедливости («...вы присваиваете себе то, что принадлежит всем» – 203. 3).

Представление человека о чести и достоинстве определяется его отношением к добру и злу. Понятие «честь», выражающее общественную оценку личности, стоит в том же ряду понятий, что и «добро». У «бедных» честь и достоинство (τὸ ἄξιωμα ... καὶ τὴν τιμὴν) состоят в нравственной чистоте (206. 9–15). Материальное благополучие не считается честью: «И что это за слава, имеющая в основе выгоду и наследство?» (215. 16). «Богатые» же ценят человека по тому, какие места он занимает в собраниях (209. 20), каковы его доходы (208–209) и даже – сколь пышна церемония его похорон (214–215).

В прямой связи с понятием «добро» находится понятие «совесть», которая является своеобразным мерилom нравственности. Совесть проявляет себя в осознании человеком ответственности за свое поведение, в оценке собственных поступков. «Бедные» считают, что скупость и бессердечие не соответствуют требованиям совести (205. 10–16). Обращаясь к голосу совести «богатых», они неоднократно произносят свое «стыдитесь» (αἰδεῖσθε).

Но, может быть, мы имеем дело с отражением традиционной христианской морали, в которой совесть является критерием ответственности не перед собой и обществом, а перед Богом? Нет, в «Разговоре...» мы слышим не нравоучительные советы (как в «Аллегории...» этого же автора), а гневное осуждение тех, кто поступает вопреки совести, справедливости. Высшей совестью является здесь не столько Бог (хотя как без него средневековому писателю!), сколько ответственность перед людьми (205. 9–16) и перед обществом («правитель государства, чтобы не осквернить и себя в этой грязи, должен был бы принять решение, угодное Богу, и изгнать из правительственного дворца тех, кто не заботится о своих подданных» – 210. 12–16).

У «богатых» же чувство долга и понятие «совесть» заменены

признанием неизбежности установленного порядка – «так надо», «так определено» (206. 16–17). В таком аргументе проявляется характерное для эксплуатирующих классов деонтологическое понимание долга.

Не следует думать, что Алексей Макремволит был последовательным выразителем нравственной нормы (как одного из аспектов социальной нормы) трудового населения. Он был интеллигентом, думавшим прежде всего о тех «бедных», которые были равны ему по положению (т. е. недостаточно богатых). Однако в полемическом пылу он сказал значительно больше: его «Разговор...» рисует типичную для классового общества картину нравственного конфликта и дает возможность раскрыть реальное содержание тех моральных принципов, ценностей и идеалов, которые определяют нравственную норму человека классового общества.

Краткий анализ одного из сочинений Алексея Макремволита, разумеется, далеко не исчерпывает всех проявлений морали этого времени. Византийская общественная жизнь накануне падения империи, отражая сложность политической, социальной, идейной ситуации в обществе, интегрирует наряду с мистическим нравственным идеалом и те противоречивые нравственные нормы, которые порождены реальными жизненными условиями.

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ «СЛОВА ПРОТИВ РОСТОВЩИКОВ» НИКОЛАЯ КАВАСИЛЫ*

Сочинения византийских авторов середины XIV в., касающиеся экономических и политических проблем общественной жизни, позволяют исследовать одновременно и проявления нравственных установок общества, ибо они находили отражение в решении социальных вопросов. Так как моральные оценки и ориентиры определяются конкретными социальными координатами, понимание характера жизнедеятельности общества невозможно без анализа нравственных принципов эпохи.

Содержание трактата Николая Кавасилы «Слово против ростовщиков»¹ предоставляет возможность для постановки вопроса о структуре нравственного сознания византийского общества середины XIV в. Нравственное сознание, основными элементами которого являются нормативные оценки и ценностные ориентиры, а также регуляторы поведения человека (требования, запреты), отражает наряду с практикой нравственных отношений «моральный климат» эпохи. Структура нравственного сознания, т. е. соотношение названных элементов, представляет собой ценностно-императивный нравственный аспект существующих общественных отношений.

* Опубликовано в сб.: АДСВ. 1977. Вып. 14. С. 77–84.

¹ Этические проблемы в творчестве Николая Кавасилы рассматривались исследователями только на материалах его теологических сочинений. См.: *Алексий*, еп. Византийские церковные мистики XIV века (препод. Григорий Палама, Николай Кавасила, препод. Григорий Синаит). Казань, 1906. С. 60–68; *Lot-Borodine M.* Un maître de la spiritualité byzantine au XIVe siècle. Nicolas Cabasilas. P., 1958. P. 121–153; Eadem. La doctrine de l'amour divin dans l'oeuvre de Nicolas Cabasilas // *Irénikon*. 1959. Vol. 32. P. 6–22.

Важнейшим проявлением нравственного сознания, нашедшим отражение в сочинении Николая Кавасилы, является ценностно-ориентирующая функция². Автор дает читателям нравственную ориентацию среди явлений социальной действительности, расставляя ценностные акценты.

Высшей в шкале моральных ценностей является категория идеала. У Николая Кавасилы, как и у других христианских авторов, высшим выражением ценности является бог, представляющий собой абсолют нравственности. Главное в этом идеале – всеобъемлющая любовь. Неслучайно Николай Кавасила называет христианскую заповедь «возлюби ближнего своего» «всеобщим законом Христа» (πᾶς ὁ τοῦ Χριστοῦ νόμος – 732 С). Человек, по Кавасиле, в своем поведении должен ориентироваться на этот высший нравственный идеал: «...устремленными вперед глазами ты видишь сияние» (733 А). Постыдные дела людей должны лишать их права на подобную устремленность (там же). Преступая нормы поведения в обществе, человек тем самым совершает проступок прежде всего против бога. В подтверждение этой мысли Николай Кавасила приводит слова апостола Павла: «Преступлением закона бесчестишь Бога» (748 А). Любой человеческий поступок, по Кавасиле, измеряется по шкале, высшей и абсолютной ценностью которой является Бог. Делай, как делал Бог, будь похожим на Него – вот основной ценностный ориентир сочинения Николая Кавасилы³.

Одновременно Николай Кавасила постоянно напоминает о недостижимости высшего нравственного идеала. Даже сопоставление человеческого и божественного закона он считает дерзостью (740 Д). Человеку, высоко ценящему свои достоинства и заслуги, он говорит: «Ты на таком же расстоянии от Бога, как слуга от царя» (741 А–В).

В связи с ориентацией на высший закон Бога – закон всеобъемлющей любви – Николай Кавасила, подобно своим современни-

² Мораль и этическая теория. Некоторые актуальные проблемы. М., 1974. С. 65–75.

³ Наиболее четко этот ценностный ориентир отражен в сочинении «Семь слов о жизни во Христе» (PG. Т. 150. Р. 493–726).

кам, представляет человеческие отношения как общение братьев⁴. Библейскую заповедь «не дай под процент брату своему» (732 С) Кавасила ставит в один ряд с основными максимами Священного Писания «не убий» и «возлюби ближнего своего» (741 С). Братская помощь должна лежать в основе людских отношений. Николай Кавасила упрекает ростовщиков: «...проценты с братьев вы брали, но из своих запасов вы ничего не уступали нуждающимся» (732 Д). Лишать единоверца его имущества посредством взимания высоких процентов – это значит, по Кавасиле, выступать против законов родства («Ты обращаешь в рабство единоплеменника» – 748 Д). Ведущей темой упреков автора является напоминание о нарушении основного закона нравственности: «Ты не любишь ближнего своего» (740 А).

Несмотря на призывы организовать земную жизнь как союз братьев во Христе, Николай Кавасила оставляет в этом мире имущественное неравенство. Упоминания о «бедных» и «богатых» постоянно встречаются на страницах «Слова против ростовщиков» (732 Д, 733 ВСД, 740 А, 748 А и др.).

Правда, каких-либо социальных градаций в отношении этих понятий Николай Кавасила не дает⁵. Для него богатым является тот, кто берет проценты с должников; бедным же автор называет выплачивающего эти проценты. Таким образом, богатые и бедные могут быть соединены в одной социальной категории. Не определяя социального содержания бедности и богатства, Николай Кавасила акцентирует внимание на моральной стороне их взаимоотно-

⁴ В исследовательской литературе не раз отмечалось, что общественные отношения в феодальном мире строились по принципу «отцы – дети» (по аналогии с пятой заповедью десятилетия Моисея: «почитай отца твоего и мать твою»). См.: Мораль и этическая теория... С. 43; *Титаренко А. И.* Структуры нравственного сознания: Опыт этико-философского исследования. М., 1974. С. 58–76. Николай Кавасила же говорит об обществе детей одного отца, т. е. братьев. Тема отношений братьев, детей общего отца – Бога, является ведущей и у другого византийского автора середины XIV в. – Алексея Макремволита в его «Разговоре между богатыми и бедными» // ВВ. 1972. Т. 33. С. 278–282.

⁵ Это в значительной степени отличает Николая Кавасилу от Алексея Макремволита.

шений. По «Слову против ростовщиков» в понятие нравственно положительного автор прежде всего включает заботу о бедных: «Если кто-то вследствие твоего (займа) не попал в бедность, то это за его счет наполнило твои руки. И если тебе это дало деньги, то ему пустой дом. И это человеколюбие и забота о бедных?» (733 С). «Уступать нуждающимся» (732 Д) – часто повторяющийся мотив «Слова против ростовщиков». Он лишен социального содержания и сведен к моральному понятию братской любви, помощи старшего и сильного младшему и слабому⁶. Благодарение как мера регуляции отношений «бедных» и «богатых» совершенно четко выделена Николаем Кавасилой. В решении этого вопроса он твердо стоит на позициях христианских норм морали⁷.

В «Слове против ростовщиков» нашло отражение христианское отношение к труду. Слова апостола Павла: «Кто не хочет трудиться, тот не ешь» легли в основу понимания автором этой проблемы. Кавасила пишет: «...не следует получать доход тем, кто никак не трудится» (729 А). Трудолюбие рассматривается автором, согласно общей христианской концепции, как высокая моральная ценность. Того, кто стремится обогатиться, не затрачивая труда, ожидает в будущем расплата: «Ты, получающий проценты, неужели ты думаешь избежать геенны?» (733 А).

Николай Кавасила, говоря о результатах труда, имеет в виду в соответствии с христианским учением о примате духовного над земным спасающую, а не накопительную функцию труда: «Ты только о доходе думал...» (733 В). В интерпретации Кавасилы труд является средством обеспечить себе будущее спасение. Тот же,

⁶ Этот мотив напоминает следующие фрагменты у Алексея Макремволита: «Будьте благосклонны к нам в своем изобилии, как друзья и братья...»; «мы рассчитываем на ваше сочувствие, к которому мы и обращаем смело слова»; «Только через сострадание к нам вы обретете бессмертные покои» (ВВ. Т. 33. С. 280–281).

⁷ «Социальные принципы христианства проповедуют необходимость существования классов – господствующего и угнетенного, и для последнего у них находится лишь благочестивое пожелание, дабы первый ему благодетельствовал» (*Маркс К.* Коммунизм газеты «Rheinischer Beobachter» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 204).

кто не трудится (в частности, получающий проценты), «не получит хорошего на небесах» (745 С).

Утверждение Николаем Кавасилой обязательности труда для всех не выходит за рамки своего времени: оно полностью соответствует библейским текстам, обосновавшим необходимость тяжелого труда⁸ во имя будущего спасения. Таким образом, проблема труда решается автором в моральном ключе: все в равной мере должны каждодневным трудом искупать грехи во имя светлого будущего. Ростовщичество же в силу этого не может считаться нравственным, ибо «процента никто не получает трудом» (729 А).

Содержательное сопоставление моральных норм по трактату «Слово против ростовщиков» в конечном счете сводится к дихотомии добра и зла. Эти ключевые понятия дают возможность оценочно подойти к любому моральному проявлению.

Поскольку несправедливо высокий процент оправдывается в трактате сторонниками ростовщичества как проявление необходимой меры, направленной на спасение бедняков («Этот мудрый род ростовщиков, якобы во имя нового всеобщего спасения, создал несправедливость...» – 736 С), понятия «добра» и «зла» раскрываются Николаем Кавасилой на материале, соответствующем теме. Автор показывает всю сомнительность такого «добротворения», как помощь в форме предоставления денег в долг под проценты. Николай Кавасила говорит, что ростовщик под видом спасения должника, по сути дела, убивает его; кормя, он обрекает его на голод: «Как это противоречит – убивать и спасать, обирать и снабжать, мучить голодом и кормить, наносить удары и быть любезным. Ты все это смешиваешь» (733 С). Стремление ростовщиков подменить понятия «зло» и «добро» вызывает у Николая Кавасилы протест. Он дает совершенно четкую моральную оценку: «Бедного душить, прижимать голодом, раздевать... это зло» (740 А). Но не давать в долг, по Кавасиле, – это не меньшее зло, чем ростовщичество: «...ты бежишь к другому проступку, меняя одно зло на другое – от “ростовщичествовать” к “не давать в долг” – и этим ты неопровержимо доказываешь явную подлость» (738 В).

⁸ «В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Бытие. 3. 19).

В соответствии с понятиями «добро» и «зло» подаются в рассматриваемом сочинении и оценки «добрый – плохой». По Николаю Кавасиле, истинно добрый не требует платы за свою доброту: «...ты будешь любить и хорошо поступать не потому, что получишь вознаграждение, но потому, что ты добр...» (732 С). Но, разумеется, проповедуемые Николаем Кавасилой доброта и любовь отнюдь не так бескорыстны, как может показаться на первый взгляд: они, несомненно, предполагают обязательную награду за пределами земной жизни.

В тексте трактата можно найти отдельные нюансы в оценке «плохого»: «И более преступны и плохи те, кто совершает дурное по отношению к тем, чьими услугами (ранее) пользовались» (740 В). Ростовщик же, живущий плодами чужих трудов, «хуже тех, кто посылается в геенну» (736 А).

Нелепость попыток назвать ростовщичество проявлением доброты, милосердия опровергается Николаем Кавасилой следующими словами: «Однако ты не скажешь, что земледelec кормит землю, когда бросает зерно, чтобы получить урожай» (733 В). Еще более выразительным является сравнение ростовщичества с «милосердием» людоеда: «Лучше же, я думаю, ты назовешь милосердием пиршество людоеда, ибо он вкусно и сытно кормит человека, чтобы (потом) его, разжиревшего, сожрать» (733 В).

Сочтя ростовщичество злом, проявлением недоброго и немилосердного, Николай Кавасила приравнивает взимание процента к акту несправедливости, цитируя Давида: «И от процента, и от несправедливости освободит их души» (728 В). Автор подчеркивает, что этими словами Давид «связывает воедино беззаконность, обман, несправедливость» (728 В). Справедливость предстает здесь как мера моральной оценки, соотносящаяся непосредственно с понятием «добро – зло».

Николай Кавасила призывает своего противника по спору произвести самооценку своего поведения: «Как ты, будучи столь плох, не стыдишься, не краснеешь» (733 АВ, 746 С). Обращаясь к совести ростовщика как проявлению его морального контроля, автор трактата подчеркивает связь совести с миром внешних по отношению к личности отношений: «Отчего же ты не стыдишься

с нечестивостями фарисейскими нарушать божественную заповедь из-за традиции людей?» (741 В). Совесть как выражение нравственного самосознания личности в трактате «Слово против ростовщиков» носит явно выраженный экстравертный характер, будучи сориентированной скорее на божественную заповедь, нежели на голос внутреннего «я».

Николай Кавасила, выступая против ростовщиков, пытается воздействовать на них не только угрозой возмездия, наказания судом Бога или осуждения людей. Он привлекает моральные аргументы, соответствующие уровню и характеру мышления средневекового человека. Как уже отмечалось в исследовательской литературе, совместные трапезы имели в сознании людей той эпохи глубокий моральный смысл, означая умиротворение и дружбу. Разделить трапезу с человеком и остаться враждебным ему считалось аморальным: «И как ты не стыдишься делить общие трапезы с тем, кому ты враждебен, как ты не содрогаешься жить с ним вместе...» (748 Д)⁹. Николай Кавасила апеллирует также и к нравственной основе такого явления, как обмен дарами, имеющий целью проявление дружественных чувств. Автор трактата упрекает ростовщика в том, что он, получив дары (τὰ δῶρα δεξάμενος), сохраняет враждебность к дарителю (748 Д).

В рассматриваемом трактате отражена не только ценностно-ориентирующая, но и регулятивная функция морали. Поведение средневекового человека предопределялось строгой системой запретов и поощрений. Необходимо было повседневно следовать готовым образцам и канонам поведения. Предписательность – важнейший регулятивный элемент морали. Требования и запреты диктовали определенный стереотип поведения, нарушение которого подлежало осуждению и наказанию. По Николаю Кавасиле, регулятивная функция морали по выполнению нравственных предписаний связывается прежде всего с судом Бога. Статус Бога как

⁹ Ср. у Алексея Макремволита: «И разве не достаточно ясное свидетельство того, что вы отворачиваетесь от вашей же природы, когда вы избегаете брака с нами, не хотите посидеть с нами за общим столом и поговорить?» (ВВ. Т. 33. С. 279).

высшего идеала сочетается у Кавасилы с его функциями высшего судьи, оценивающего человеческие поступки, определяющего степень наказания в случае отклонения от существующих норм поведения: «...Бог требует наказаний наисуровейших» (744 С). Ростовщик, взломщик, вор, убийца, по трактату, должны получить наказание прежде всего по приговору Бога: «Когда Бог судит эти самые Преступления, полагается (в качестве наказания) геенна» (745 С). Нарушение законов братства и всеобщей любви «ведет к наказанию геенной, тьмой, пределом всех бед» (732 Д). Отмечая связь божественных и социальных санкций, Николай Кавасила заканчивает трактат словами: «...ты ответственен перед Богом и обществом всех людей» – καὶ Θεῷ καὶ τῷ κοινῷ τῶν ἀνθρώπων πολλῶν ὑπεύθυνος ὢν – 749 В). Автор, осуждая ростовщичество как проявление несправедливости и немилосердия, взывает не только к божественной, но и к соответствующей социальной санкции. Однако закон как выражение социальной санкции не запрещал ростовщичество во времена Николая Кавасилы. Это вызывает протест у автора трактата: «Насколько лучше судьи, несущие мысль в соответствии с судом Божиим, чем те, которые соглашаются с человеческими законами» (740 Д). Наряду с ростовщичеством как формой преступления в трактате порицаются и судьи, допускающие его: «благодаря судьям, подобным тебе, ты пользуешься добрым именем» (745 В). Отсутствие строгих правовых санкций, по мнению автора, поощряет ростовщиков пользоваться доходами, в основе которых не лежит труд: «Зачем же неработающим пренебрегать прибылью, если кара за это невелика?» (729 А). Николай Кавасила явно противопоставляет правовую санкцию в отношении ростовщичества божественной и морально-общественной, говоря об ответственности ростовщиков перед богом и обществом всех людей (749 В).

Оценивая ростовщичество как несправедливость и вступая в конфликт с современным ему законодательством в отношении этого вида общественной деятельности, Кавасила отнюдь не выступает носителем идей, с которыми связаны прогрессивные тенденции развития общества. В отношении позиции Николая Кавасилы

силы мы можем отметить противоположное: его выводы имели обратную направленность – во времена Василия Великого, во времена раннего христианства. Ростовщичество, паразитировавшее на теле хиреющей византийской экономики, имело, однако, перспективу дальнейшего развития при условии изменения общественной ситуации в сторону генетического накопления элементов предпринимательства. Николай Кавасила порицает аморальность ростовщичества с позиций ортодоксального христианства, обращенных не вперед, а назад.

В целом «Слово против ростовщиков» дает представление о психологически экстравертном характере функционирования нравственного сознания. Виновность человека связывалась в основном с внешней карой – возмездием Бога. Боязнь наказания за совершенный грех обладала огромной нравственной силой. Стимулом нравственного поведения было стремление спасения души для вечного блаженства. Обращенность нравственности вовне, к внешним по отношению к личности канонам морали, свидетельствовала о преобладании нравственно-эмоционального, а не рационального мировосприятия. Проповедуемая Николаем Кавасилой система нравственных представлений была тесно связана с христианским вероучением и опиралась на идею Бога. Нормы морали представляли собой некие идеальные («небесные») принципы, противостоящие земной жизни человека.

Изложенные в «Слове против ростовщиков» нравственные предписания выглядят недифференцированными: они в равной мере должны распространяться на всех людей. Принцип равенства людей перед требованиями морали, разумеется, имеет социально-уравновешивающий смысл. Трактат обращен к людям, занимающим в обществе примерно равное положение. Таким образом, этот принцип равенства всех перед заповедью Бога является формальным в силу фактического неравенства в обществе.

Рассматриваемое сочинение Николая Кавасилы, равно как и многие другие сочинения византийских авторов того времени, приводит к мысли, что, вопреки утвердившемуся в научной литературе тезису, стержневым элементом средневековой структуры

нравственного сознания является не честь, а долг¹⁰. Долг всех перед Богом, долг искупления первородного греха, долг перед братьями, детьми общего отца, является основной темой и императивом выраженной в сочинении Николая Кавасилы морали. Долг выполнения божественной заповеди дополняется и долгом в социальном смысле. Обязанность человека трудиться, благотворить, не завидовать имущим, не красть – все это складывалось в целую систему «долгов», формально нерасчлененных, но фактически имеющих определенную социальную адресацию. В этом отношении представляются справедливыми слова П. Лафарга: «Все члены феодальной иерархии, восходящей от крепостного к королю или императору, были тесно связаны взаимными обязательствами. Тогда долг, как теперь прибыль, был душой общества»¹¹.

Входят ли нравственные нормы, изложенные в «Слове против ростовщиков», в «общую» мораль византийского общества? Не вызывает сомнения, что Николай Кавасила выражал мысли господствующего класса. Однако надо согласиться, что «мысли господствующего класса» являются в каждую эпоху господствующими мыслями»¹². Нравственные принципы трактата, написанного аристократом Николаем Кавасилой, представляли господствующую в обществе мораль, которая своей внешней формой и утверждением равенства всех перед заповедью обслуживала коммуникативность между различными социальными группами, а внутренним смыслом утверждала интересы тех, кто имел власть и богатство.

¹⁰ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 184. Честь может быть вычленена как стержневой элемент сознания только в рамках сословной морали при условии четкой кристаллизации системы иерархии. В Византии не существовало сословной системы и строгой иерархии социальных групп. Корпоративность была присуща феодальному обществу Византии в значительно меньшей степени, чем западноевропейским обществам эпохи Средневековья (см.: *Каждан А. П.* Византийская культура, X–XII вв. М., 1968. С. 47–49; *Он же.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975. С. 136–137).

¹¹ *Лафарг П.* За и против коммунизма. Собственность и ее происхождение. М., 1959. С. 101.

¹² *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Соч. Т. 3. С. 45.

ФРАКИЙСКИЙ ДНЕВНИК МОЛОДОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА (август — сентябрь 1346 г.)*

Византийское письмо имеет множество жанров – от энкомия, псогоса или полемического мини-трактата до заурядного риторического упражнения. Исследователи обычно выделяют особо письма, содержащие информацию о каких-либо важных событиях эпохи. Письма сугубо личного плана причисляют зачастую к третьеразрядным. Преимущественно это относится к письмам, далеким от конкретных событий. А поскольку информативность византийского письма предельно низка, эпистолярное наследие Византии в основной своей массе остается лишь иллюстрацией уровня развития высокой риторики.

Среди жанров византийских эпистул можно выделить один, не привлекий еще достаточного внимания. Речь идет о письме-дневнике. Для характеристики развития общественных процессов этого рода письмо, окрашенное сиюминутным настроением автора, не имеет принципиального значения. Однако эпоху представляют, прежде всего, люди, а их внутреннее состояние и поведение, переплетаясь в тысячах судеб, составляет то, что мы называем духом эпохи.

Письмо-дневник нельзя счесть распространенным жанром византийской эпистолографии. Как известно, по канонам византийской риторики, автор письма, напротив, старался приблизиться к трафарету, позволяющему не называть вещи своими именами и несколько поэтизированно скрыть свое «я». Мастерство ратора ценилось по умению облечь предмет обсуждения в многослойные вуали иносказания. Откровения, высказываемые даже в отно-

* Статья опубликована в сб.: Византийский временник. 1998. Т. 55 (80), ч. 2. С. 206–211.

шении самого себя, не так уж часты в византийской эпистографии.

Четыре письма молодого Димитрия Кидониса, позднее известного, крупного политического деятеля и ученого, написанные им в течение августа – сентября 1346 г., связаны не только датой и местом отправления, но и настроением автора¹. Их можно счесть дневниковыми записями, получившими вид письма. Одно из этих писем (от 2 сентября 1346 г.) не имеет адреса, другие адресованы Иоанну Кантакузину, находившемуся, по всей вероятности, в Селимврии (№ 10), его сыну деспоту Мануилу в Веррию (№ 18), а также монаху Исидору, будущему патриарху, в Константинополь (№ 43)².

Димитрию Кидонису в момент написания названных писем было 22 года. Адресаты были для него довольно близкими людьми. Он вошел к этому времени в окружение Иоанна Кантакузина и имел возможность убедиться в его явной благосклонности. С Мануилом Димитрий поддерживал дружеские и вместе с тем почтительные отношения. Исидор был его прежним учителем. Четвертое письмо, судя по его тону, предназначалось очень близкому другу или, возможно, самому себе.

Все четыре письма написаны в маленьком фракийском городке, названия которого мы не знаем. Во Фракию из Веррии, резиденции Мануила Кантакузина, Димитрий Кидонис приехал еще зимой для встречи с Иоанном Кантакузином. В упомянутом же фракийском городке он оказался позднее и жил там, оторванный от коллег, друзей и семьи. Кидонис подчеркивал, что он оказался здесь «по необходимости», нам неизвестной (№ 10. 25–26; № 18. 1–7).

Собственно дневником из четырех указанных писем может быть названо письмо без адреса (№ 5). Возможно, оно и замыш-

¹ Первым на это обратил внимание Ф. Тиннефельд, что дало ему возможность уточнить датировку писем № 10, 18, 43. См.: *Demetrios Kydones. Briefe / Übersetzt und erläutert von F. Tinnefeld*. Stuttgart, 1981, 1982, 1991. T. 1. Hbd. 1. S. 144, 155, 163.

² *Démétrius Cydonès. Correspondance / Publ. par R.-J. Loenertz*. ST. 186, 208. Città del Vaticano, 1956. 1–2. Здесь и далее ссылки на это издание писем будут даваться в тексте.

лялось автором как письмо «для себя». Внешне письмо отличается от обычной эпистулы. Оно разделено на отдельные части (все-го их четырнадцать). Объем письма превышает среднюю норму: оно имеет 172 строки.

Словесное обрамление письма типично дневниковое. Описание прожитого дня Димитрий Кидонис начинает со своего пробуждения: «Вчера я поднялся с постели до восхода солнца и начал с прогулки. Я привык постоянно вставать в это время и приводить тело в движение...» (№ 5. 4–5). Далее он ведет читателя от события к событию, от встречи к встрече и заканчивает своим отхождением ко сну: «... когда я это обдумывал, был уже вечер, и пришел обычный приступ лихорадки. Я погрелся немного у огня и пошел спать, поскольку больше уже не мог писать: моя рука перестала действовать» (Там же. 169–171).

Другие из названных писем настолько тесно связаны с письмом без адреса общими сюжетами, мыслями, состоянием духа, болезнью автора, что их в комплексе можно условно назвать «фракийским дневником» Димитрия Кидониса.

Письма августа – сентября 1346 г. объединяет неприязненное отношение автора к месту его пребывания. Этот городок «в глубине Фракии, в бездне» (№ 5. 36–37) вызывает раздражение молодого Кидониса «убожеством местности и ее климата» № 10. 16). Он сравнивает свое пребывание во Фракии с наказанием в аду (№ 43. 17–18).

Самое острое чувство, которым пронизаны фракийские письма Кидониса, – это одиночество. Он страдает от разлуки с родной Фессалоникой, своей семьей и друзьями. Семье посвящено немало теплых слов в этих письмах (№ 5. 34–35; 94–95; № 43. 11–13). В письме к Исидору Димитрий написал: «Воспоминания о матери, сестрах и брате я ношу в моем сердце, как тлеющий огонь» (№ 43. 23–24).

Вынужденно покинув родной город, Димитрий Кидонис особенно отчетливо осознал его место в своей жизни. Он написал в письме без адреса, что раньше не верил тем, кто утверждал, «что только родной земли ему достаточно для счастья» (№ 5. 11–12).

Друзья, их участие в его судьбе, их признание и общение с ними вспоминаются пребывающим во фракийском «изгнании»

Кидонисом постоянно. Он пишет: «За какую награду я променял бы свое сегодняшнее окружение на них!» (№ 5. 32–33). Воспоминания об «ученой дружбе» заставляли его обратиться в мыслях к прежним литературным штудиям и общению с «друзьями прекрасного» (Там же. 34–35).

Письма Иоанну Кантакузину, деспоту Мануилу и монаху Исидору наполнены просьбами о дружеском участии, которое, как лекарство, было необходимо ему в его вынужденном одиночестве. Иоанна Кантакузина, находившегося в это время в пределах Фракии, он просит о приезде (№ 10. 24), монаха Исидора – о молитве за него (№ 43. 4–6; 32–33). В письме к Мануилу Кантакузину Димитрий вспоминает, как тот дружески отговаривал его ехать во Фракию: «Действительно, ты был Колхантом и знал, что здесь случится со мной, более точно, чем какой-нибудь предсказатель. Я ведь еще помню ту ночь и твои предостережения, которыми ты пытался меня удержать...» (№ 18. 4–6). Нуждаясь в сочувствии, Кидонис написал Мануилу: «Твой голос значит для меня больше, чем божественный напиток, больше, чем голос Гомера. Поскольку он так далек от меня, сладкое мне не сладко, неприятности еще тяжелее. Так почему ты не посылаешь мне сладкую гармонию твоей речи?..» (Там же. 10–12). Разумеется, Кидонис понимал, что все его мольбы о дружеском письме или другом проявлении участия были не более, как обычным риторическим приемом, которым украшалось любое «письмо издалека», однако реальное содержание его посланий свидетельствует о том, что он действительно нуждался в поддержке.

Когда Димитрий Кидонис сетует по поводу одиночества и изгнания, он имеет в виду не только осенние дни 1346 г. Дело в том, что ему пришлось покинуть родную Фессалонику, охваченную зилотским движением, еще весной 1346 г. В связи с этим контакты с родными были утрачены именно тогда. Фракийское одиночество выросло не просто из неуютного чувства пребывания в местечке, где нет знакомых, где плохой климат, унылый пейзаж, грязные глинистые неухоженные улицы. Оно тянулось от майских дней 1345 г. (№ 5. 36–37). Письма фракийского цикла прямо сообщают об этом: «И вот уже второй год, как я, плача, тоскую по матери,

и она, в слезах о случившемся, еще более оплакивает мое отсутствие – и еще живые, мы, кажется, переживаем судьбу мертвых. Наши сестры и брат также не могут узнать, как у нас идут дела...» (№ 43. 10–14; № 5. 33–34). В дни, когда писались письма из Фракии, исполнялась печальная годовщина драматических для Кидониса, Фессалоники и империи событий – «августовской резни» 1345 г., бывшей пиком жестокости зилотского восстания. Эта дата делала боль за родной город еще острее.

Димитрий Кидонис сообщает в письме без адреса, что у него ежедневно перед глазами враги, которые расправлялись с его родными (№ 5. 95–96). Следя за развитием событий в Фессалонике, Кидонис пишет и о внешних врагах (сербях)³, осаждающих город, и о части горожан, ждущих их прихода (№ 43. 15–17).

Если обычно в византийской риторике общественные эксцессы приводят к ассоциативному литературному образу корабля в бурном море⁴, то во фракийском цикле писем, напротив, трагедия семьи и родного города напоминает автору его недавнее морское путешествие. Кидонис сообщал о нем еще зимой 1346 г., т. е. тогда, когда оно было совершено (№ 19). Кидонис описал деспоту Мануилу эту поездку из Веррии, где они распрощались, во Фракию. В письме он упоминает о морских волнах, стремившихся поглотить корабль, о нападении пиратов, о скалах, на которые его вместе со спутниками чуть было не выбросила волна (Там же. 8–12). Захватывающие дух недавние впечатления от пережитого на море вызывали обратную ассоциацию с отчим домом, пережившим трагедию во время восстания: «Тот счастливый дом, который многим оказывал гостеприимство и радушие, как корабль, погиб в высоких волнах в шторм» (№ 43. 8–9). В этом же письме, адресованном монаху Исидору, Кидонис опять вспоминает о своем страшном морском путешествии с его рифами и пиратами, которых было не меньше, чем волн (18–21).

³ См. комментарий Ф. Тиннефельда по этому поводу: *Demetrios Kydones. Briefe*. S. 157.

⁴ *Каждан А. П.* «Корабль в бурном море»: К вопросу о соотношении об-разной системы и исторических взглядов двух византийских писателей // *Из истории культуры средних веков и Возрождения*. М., 1976. С. 3–15.

В ощущениях Кидониса его собственные беды слились с общей трагедией страны. Он обращается к своему прежнему учителю: «Объясни мне, откуда взялся этот потоп, который все затопил, и что могут сделать люди, чтобы восстать из этого» (Там же. 30–31). Примерно та же мысль звучит и в письме Мануилу: «...куда нужно пойти, чтобы пройти мимо сирен?» (№ 18. 9–10).

Отраженное в письмах тревожное состояние души отягощалось постоянно упоминаемой автором болезнью, которую он сравнивает с огнем, тлеющим внутри него (№ 5. 15–17). Димитрий Кидонис написал Кантакузину об этой болезни, которая вспыхнула сразу же после того, как он с проскинезой попрощался с адресатом и отправился в путь: «...голова горела лихорадкой, гармония тела нарушилась, я вскрикивал от каждого прикосновения» (№ 10. 10–15). Кидонис написал в письме без адреса о постоянном головокружении, внезапно наступающей слабости и страшных головных болях. Он заметил в письме-дневнике, что болезнь еще более усугубляла его несчастья (№ 5. 40). Судя по контексту фракийских писем, создается впечатление, что болезнь Кидониса была следствием всех его бед.

Описываемый Кидонисом в дневниковых записях день – 2 сентября 1346 г. – был праздничным, новогодним. Димитрий вспоминал, что обычно в этот день открыты все храмы, возносятся молитвы: одни просят о счастье, другие – о свободе от угнетателей, третьи молятся о здоровье, другие – о благополучии в военных и мирных делах, о хорошей погоде, об урожае (№ 5. 19–22).

Воспоминания о прежних новогодних праздниках приводят Кидониса мысленно в его родную Фессалонику: «Сейчас город стоит под знаком празднества и жертвенного служения богу; сейчас храмы полны молящихся; дома полны людей, которые желают друг другу счастья и согласия. В курии вместе собираются сенаторы, в места муз – воспитатели. Наши соученики снова собираются вокруг учителей и радуются, видя друг друга» (№ 5. 25–28).

Первый день нового года издавна считался особым: в нем угадывались черты предстоящего года. Димитрий Кидонис написал в дневнике: «Вообще все считают этот день предзнаменованием будущего» (Там же. 23).

Новогодние впечатления, пережитые Кидонисом во фракийском городке, составляют контраст к его радужным воспоминаниям о праздничной Фессалонике. Он подробно описывает свои случайные встречи с незнакомыми ему доселе людьми. Усмотрев в этих встречах печальные предзнаменования, Димитрий Кидонис посвящает каждой из них специальный раздел в своем описании. Девятый и десятый разделы дневника посвящены первой утренней встрече с нищим, почти нагим, который из-за болезни ног с трудом передвигался с помощью деревяшек. Он поведал Кидонису, сколь тяжелой была его жизнь, как его разорили болезнь и врачи, как он вынужден, чтобы прокормить семью, следующую за ним, брести в более теплые края. Кидонис написал в дневнике: «это событие стало для меня словно прологом дня» (Там же. 31).

Следующее впечатление нового утра было не менее тягостным. Некий человек, переходящий вброд уличную грязь, был сбит телегой, влекомой быками, и почти насмерть раздавлен колесами. В описании Кидониса эта страшная уличная сцена сопровождалась страшными криками, заглушаемыми плачем жены пострадавшего (№ 5. Разд. 11). Кидонис написал: «...с этим я пережил второе несчастье в этот день» (Там же. 139).

«Поздним утром я увидел, что какие-то люди с криком вторглись в один из домов», — пишет далее Кидонис (Там же. 140). Они схватили прятавшегося под кроватью человека, крича ему о процентах, просроченных за месяц, и деньгах. При этом схваченный — красивый длиннородый мужчина — просил об отсрочке, а его жена проклинала тех, кто с ним так груб. Должника уволокли к судье» (Там же. Разд. 12).

После этого Кидонис спустился по улице вниз, к рынку, и увидел там рыдающую до иступления женщину, у которой какой-то варвар утащил в рабство ее мужа (Там же. 151–154). Следующее описанное Кидонисом новогоднее впечатление — встреча с похоронной процессией: хоронили человека «в лучших годах», убитые горем старики-родители следовали за гробом (Там же. 154–157).

Димитрий Кидонис завершает это горестное новогоднее эссе описанием увиденной им полуразрушенной церкви, пострадавшей

от пожара. Как предполагает автор записей, раньше эта церковь блистала своим великолепием, многочисленными росписями, устремленными ввысь, и богато украшенными колоннами. Сейчас же сквозь разрушенную кровлю проникал свет извне (Там же. 158–162). Образ разрушенной церкви воспринимается как символ несчастий автора дневника, его современников и всей империи.

Прожитые в одиночестве дни, когда мысль хранила только печальные образы, обратили Димитрия Кидониса к раздумьям о смысле человеческой жизни. Разделив земной путь человека на три этапа – детство, зрелые годы и старость, Кидонис заметил, что в нашем начале мы все хорошие люди. Однако, будучи еще ребенком, человек ограничен в своих поступках и настроениях строгостью родителей и педагогов. В зрелые годы приходит необходимость заботиться о карьере и о деньгах, т. е. о том, что позднее покажется не более чем мифом. В это время человек имеет много притязаний – он хочет появляться в хорошем окружении, в одежде стремится не быть похожим на толпу. Этот период жизни сопровождается безрассудными эротическими желаниями, напоминающими вспышки, против которых позднее восстает разум (Там же. Разд. 4–7). «Но однажды появляются седые волосы... изменяется кожа, изменяется тело, вкрадывается дрожь и духовный упадок», – так описывает молодой Кидонис наступившую старость (Там же. 54–56). Сейчас, как и в детстве, человек во всем ограничен, а если он захочет о чем-то из прожитого поведать, то при этом рискует быть названным «старым болтуном» (Там же. 58–59). Такой видится Кидонису человеческая жизнь в преддверии его собственной зрелости.

Страницы фракийского дневника Димитрия Кидониса позволяют понять растерянность перед жизнью молодого образованного человека из высших кругов, потерявшего отца, оставшегося без определенных доходов, пережившего трагедию репрессий во время восстания. Нестабильность политической жизни в стране, различного рода общественные катаклизмы, которыми были наполнены трудные 40-е гг., не сложившиеся судьбы вчера еще благополучной семьи и родного города были основанием для от-

разившихся в дневнике рефлексий. Пройдет всего лишь полгода, и автор добьется всего, что он называл в дневнике мифом и чего он в те дни боялся не добиться.

Записи от 2 сентября 1346 г. и примыкающие к ним фракийские письма отличаются от других византийских писем (в том числе и писем Димитрия Кидониса) сюжетной целостностью и меньшей долей иносказательности. Четыре письма из Фракии, не неся какой-либо новой информации, позволяют исследователю рельефнее представить внутренний мир образованного византийца и его ощущение эпохи.

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ВИЗАНТИЙСКОМ ПИСЬМЕ*

Письмо, один из распространенных жанров византийской литературы, связывало писателя и читателя более прямой, быстрой и очевидной связью, нежели другие сочинения. Контакт писателя и читателя здесь был более зримым уже потому, что автор письма не без оснований рассчитывал «на обратную связь». Византийское эпистолярное наследие содержит огромный пласт информации, не нашедшей пока (за редким исключением) своего исследователя: это отраженный в письмах мир человеческой души. Византийская ментальность, ожившая под пером И. Шевченко, А. Каждана, Ф. Тиннефельда, Я. Любарского и немногих других исследователей, нашла свое отражение прежде всего в жанре эпистолы.

Человек, присутствующий в византийском письме, предстает перед современным читателем в четырех «измерениях»: 1) автор письма; 2) адресат; 3) третье конкретное лицо; 4) человек вообще¹. Доклад основан на материалах писем самого плодovitого эпистолога XIV в. Димитрия Кидониса².

Человек в письме – это прежде всего его *автор*, его внутренний мир, коллизии его жизни, его политическая позиция и вос-

* Доклад на Международном конгрессе византинистов в Москве (август, 1991). Тезисы доклада опубликованы: XVIII Международный конгресс византинистов: Рез. сообщ. М., 1991. Т. 2. С. 909–910.

¹ А. П. Каждан, исследовавший проблему человека в литературе на ином литературном материале, выделил другие измерения: автор – читатель – герой (*Kazhdan A. Der Mensch in der byzantinischen Literaturgeschichte // JÖB. 1979. Bd. 28. S. 1–21*). В эпистолографическом жанре можно также выделить в качестве еще одной ступени «измерения», помимо четырех предложенных выше, категорию «читатель», ибо письма обычно читались вслух в присутствии равного по уровню литературной образованности общества (кружка, «театра»).

² *Démétrios Cydonès. Correspondance / Publ. Par R.-J. Loenetz. ST. 186, 208. Città del Vaticano, 1956. Vol. 1–2.*

приятие мира. Письма Димитрия Кидониса разных лет дают возможность увидеть развитие его характера, изменение взгляда на мир и человеческие взаимоотношения. Но одновременно это и незыблемые жизненные принципы – отношение к родине, семье, старым друзьям, учителям. Конфликтные ситуации позволяют обнаружить характер и градус открытых эмоций. Даже непоследовательность в оценках и советах дает возможность составить представление о византийской ментальности. Диапазон самопроявления личности в письме велик – от самоуничтожения и неверия в себя до дерзости и политической смелости.

Адресат в византийском письме представлен обычно менее ярко, чем автор. Порой его образ скрыт за привычной для византийского стиля риторической мишурой. Реальный облик корреспондента зачастую исчезает за одним из привычных для энокия образов – друга, ученого, правителя и т. д. Для Димитрия Кидониса мерилом его оценки личности являлись образованность, служение наукам, истине. Объектом его похвал за приверженность наукам были Иоанн Кантакузин, Георгий Философ, Прохор Кидонис, Нил Кавасила, Мануил II Палеолог. Слова похвалы в связи с удачным дебютом в риторике обращает Димитрий Кидонис к своей ученице Елене Кантакузине, единственной женщине среди его корреспондентов.

В письмах-псогосах, где личности и автора письма, и его адресата обнажены, превалируют гиперкритические оценки. В письмах в адрес патриарха Филофея он характеризуется Димитрием Кидонисом как жестокий, коварный, трусливый и невежественный человек. В псогосе к Иоанну Кантакузину он низверг своего корреспондента с того высокого морального пьедестала, на который он возвел своего патрона в молодые годы, когда даже вид походной кровати, на которой когда-то отдыхал Кантакузин, приводил Кидониса в восторг и умиление (№ 12).

Однако, если обратиться к реалиям, вызвавшим появление письма, можно заметить, что значительный элемент истинного отражения ситуации и соответствующего поведения адресата присутствует в характеристиках, данных автором письма.

Самый большой пласт информации о *третьем лице* – оценочный, находящий выражение во фрагментах – псогосах или энкомиях, вплетающихся в ткань письма.

Следует заметить, что псогос в адрес патриарха Филофея или Иоанна Кантакузина не меняет своих красок, когда они – и Филофей, и Кантакузин – фигурируют в письмах уже не как адресаты, а в качестве «третьего лица». Так, в письме другу от 1371 г. Димитрий Кидонис написал о Филофее: «Их предводитель – слепец из слепцов – он более жалок, чем те, кем он руководит... он принимает свою опрометчивую болтовню за знание и мудрость»³. Об Иоанне Кантакузине Кидонис написал в этом же письме: «Он преподносит свои аргументы торгашам, ткачам, ремесленникам, предоставляя им право судить об его музе... Итак, что же мы должны думать о танцорах, если руководитель их хоровода так выбивается из ритма и мелодии?»⁴ Совпадение образа конкретного лица, когда оно выступает и в качестве адресата, и в качестве «третьего лица», на мой взгляд, свидетельствует о глубокой порядочности автора писем.

Галерея подобных портретов могла бы быть продолжена. Она многое дает для понимания личности как автора, так и объекта его критики или похвал. Кроме того, такого рода письма помогают составить представление об эмоциональном уровне взаимоотношений.

Портрет человека *вообще* имеет в письме в большинстве случаев четкие параметры и собирает в себе типичные черты определенной социальной, политической, идейной или профессиональной группы (простолудин, придворный, моряк, исихаст, врач) и соответствующей корректировки авторского восприятия.

Византийское письмо давно уже реабилитировано как исторический источник, дающий информацию о состоянии общества и биографиях людей, а также позволяющий уточнить отдельные детали какого-либо события или его дату. Наряду с этим письмо

³ *Demetrios Kydones. Briefe / Übers. und erl. von F. Tinnfeld. Stuttgart, 1982. T. 1, Hbd. 2. № 81. 82–85.*

⁴ *Ibid. № 81. 86–94.*

в большей степени, чем другие жанры византийской литературы, пронизано «человеческим» материалом, позволяющим составить представление о внутренней организации личности, о нравственных основах общения людей, об оценках поведения отдельного человека, пусть и не занявшего в непрерывном потоке человеческой истории заметного места. Византийские письма, хотя они и писались с соблюдением строгого литературного канона, в большей степени, чем энкомии, речи или другие риторические сочинения, окутаны аурой человеческого духа, самовыражения личности. Многие моральные ценности вполне «узнаваемы» современным человеком, однако запечатленные в письмах эмоции, сопутствующие миру человеческих отношений, производят впечатление более ярких и «громких» по сравнению с уровнем современных чувств, что соответствует духу средневековой ментальности.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ: УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ*

Для истории византийского образования и образованности в высшей степени характерна преемственность. Почти все выдающиеся государственные и церковные деятели, ученые, писатели последних двух веков существования империи¹ оказывались связанными цепочкой, по которой передавались знания от одного поколения к другому. Ученик Монастариота, будущего митрополита Эфесского, Никифор Влеммид стал учителем Феодора II Ласкариса и Георгия Акрополита. Последний был учителем Григория Кипрского, который дал образование Феодору Музалону и Никифору Хумну. Максим Плануд и Фома Магистр учили Димитрия Триклиния. Учениками Плануда были также Мануил Мосхопул и Георгий Лакапин. У Фомы Магистра учился будущий патриарх Филофей Коккин. Среди учеников Феодора Метохита мы видим Никифора Григору, Феодора Милитениота, Исаака Аргира, Мануила Вриенния. Последний в зрелом возрасте учился также и у Фомы Магистра. Никифор Григора учил Иоанна Кипариссиота, а также детей своего учителя Метохита. Неслучайно последний, по словам Григоры, называл его «наследником своей учености» (ὅτι διάδοχον τῆς αὐτοῦ σοφίας ἐλέλοιπεν με)². Учениками будущего

* Статья опубликована: АДСВ. 1987. Вып. 23. С. 111–120. В основу статьи положен доклад, прочитанный на I научных чтениях, посвященных 90-летию профессора М. Я. Сюзюмова.

¹ Представляется доказательным мнение Г. Хунгера относительно того, что историю культурного подъема начала XIV в. следует вести с середины XIII в.: *Hunger H.* Von Wissenschaft und Kunst der frühen Palaiologenzeit. Mit einem Exkurs über die Κοσμητὴ δῆλωσις Theodoros' II Ducas Laskaris // *JÖBG.* 1959. Т. 8. S. 123.

² *Nicephori Gregorae* Byzantina historia. Bonne, 1829–1855. L. VIII. C. 5. P. 309.8.

митрополита Фессалоникийского Нила Кавасилы были его племянник Николай Кавасила и Димитрий Кидонис. Среди тех, кто учился у Кидониса, были Мануил II Палеолог; посещал его школу и Георгий Гемист Плифон. Последний был учителем Марка Евгеника, будущего митрополита Эфесского, а также Георгия Схолария, позднее ставшего учеником Марка Евгеника. Виссарион Никейский учился вместе с Иоанном Аргиропулом и Константином Ласкарисом у Мануила Хрисококка; учителями Виссариона были также Хортасмен и Плифон; у Плифона учился и правнук Феодора Метохита Димитрий Рауль Кавакис. Учениками Схолария были Феодор Софиан и Матфей Камариот. У Иоанна Аргиропула учился Михаил Апостолий (оба – и учитель, и ученик – относились к кругу Плифона)³. Не все звенья цепочки⁴ смыкаются, но определение «учитель учителей» (διδάσκαλος τῶν διδασκάλων), употребленное в отношении Феодора Милитениота⁵, может быть отнесено в широком смысле слова ко многим византийским ученым.

Приведенный здесь далеко не полный перечень учителей и учеников дает некоторое представление о преемственности образования в Византии. Все, кто учил и учился, знали друг друга, если не лично, то через своих друзей или по работам. Тесные контакты в мире византийской образованности, сохраняемые на протяжении многих десятилетий, несомненны.

³ Более полный список учителей и учеников, насчитывающий 174 человека см.: *Matschke K.-P., Tinnefeld F.* Die Gesellschaft im späten Byzanz: Gruppen, Strukturen und Lebensformen. Köln; Weimar, 2001. S. 299–300.

⁴ *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527–1453). München, 1897; *Beck H.-G.* Kirche und theologische Literatur der byzantinischen Reich. München, 1959; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1–2; *Karayannopoulos J., Weiss G.* Quellenkunde zur Geschichte von Byzanz (324–1453). Wiesbaden; Harrassowitz, 1982. Bd. 1–2; Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit / Erst. von E. Trapp. Wien, 1976–1983. Fasz. 1–6; *Karayannopoulos J. E.* Πηγαὶ τῆς Βυζαντινῆς ἱστορίας. Thess., 1970.

⁵ *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Literatur... S. 135. Об употреблении понятия «διδάσκαλος τῶν διδασκάλων» в значении «megas didaskalos» см.: *Demetrios Kydones.* Briefe / Übers. und erl. von F. Tinnefeld. Stuttgart, 1981. Bd. 1, Hbd. 2. S. 508–510.

Место учителя в жизни образованного византийца было обычно весьма значительным. Многие византийские писатели в своих автобиографиях или автобиографических экскурсах наряду с родителями называли имена своих учителей. Интимный характер обучения, передача учителем не только какого-то объема конкретных знаний, но и своего творческого опыта создавали в процессе преподавания особый нравственный и интеллектуальный климат.

По византийской традиции, начальное образование в среде аристократии и в состоятельных кругах в большинстве случаев было домашним. Обычно им руководил кто-то из родственников или людей, близких к дому. Так, первым учителем Никифора Григоры был его дядя со стороны матери митрополит Иоанн Ираклийский, которого он называет в своей «Истории» «первым после бога попечителем (ὁ ἐμὸς μετὰ γὰρ θεὸν κηδεμὼν...) с детства»⁶. Начальные знания Димитрий Кидонис и Николай Кавасила получили от дяди последнего – митрополита Фессалоники Нила Кавасилы.

С именем первого учителя часто связывались не только первые знания, возможность приобщиться к миру наук, но и воспитание характера, нравственная ориентация в мире, который открывался перед подростком. Об этом выразительно сказал Никифор Григора, характеризуя Иоанна Ираклийского, преподававшего «своим пасомым такие законоположения и правила, которые сообщают человеку нравственную красоту, сдерживают в нем излишние порывы, приучают умерять желания и останавливают всякое нескромное движение»⁷.

После этапа первоначального обучения молодые люди из аристократических семей обычно направлялись в столицу или другой крупный город для продолжения своего образования у кого-либо из ученых, зарекомендовавших себя в той или иной науке. К примеру, Никифор Влеммид поехал из Труз в Никею для изучения риторики, затем – в Смирну для изучения логики⁸. Георгий

⁶ *Nic. Gr.* Hist. L. IX. C. 7. P. 429. 7–9.

⁷ *Ibid.* P. 429. 18–23.

⁸ *Nicephori Blemmydae curriculum vitae et carmina* / Ed. A. Heisenberg. Lipsiae, 1896. P. 558. 15–16; *Барвинок В. И.* Никифор Влеммид и его сочинения. Киев, 1911. С. 5–6.

Акрополит по настоянию покровительствовавшего его семье императора Иоанна Дуки изучал математику и риторику у Федора Экзаптеринга, логику – у Никифора Влеммида⁹. Никифор Григора учился риторике у патриарха Иоанна Глики, астрономии – у Феодора Метохита¹⁰. Григорий Палама риторику слушал у Григория Дримия, богословие изучал под руководством Феолипта Филадельфийского¹¹.

Каждый из стремившихся к образованию в большинстве случаев считал избранного им учителя самым выдающимся ученым. Георгий Акрополит писал о Никифоре Влеммиде, что «все... его знали как лучшего знатока по части философии»¹². Григорий Палама называл Феолипта Филадельфийского светочем (λυχνίον), осветившим мир¹³. Никифор Григора так дорожил уроками патриарха Иоанна Глики, что старался пользоваться ими ежеминутно. Он писал о нем: «Это был человек мудрый, отличавшийся от всех благородным афинским выговором»¹⁴. Другого своего учителя, Федора Метохита, Никифор Григора прославлял за то, что он «один знал науку астрономии в совершенстве»¹⁵. Григора считал его воплощением «науки наук» (ἐπιστήμην ἐπιστημῶν)¹⁶, постоянно подчеркивая универсальность знаний учителя: «Говоря о тебе как о риторе, поэте, астрономе, государственном деятеле, практике, мыслителе, мы остаемся строго верными истине»¹⁷. Никифор Григора высоко ценил значение трудов Метохита, считая их полезными правителям, военачальникам и вообще всем людям, жаждущим

⁹ Летопись великого логофета Георгия Акрополита. СПб., 1863. С. 58–59 (далее – *Акр.*).

¹⁰ *Guilland R.* Essai sur Nicéphore Grégoras. L'homme et l'oeuvre. P., 1962. P. 6–7.

¹¹ *Алексей, еп.* Византийские церковные мистики 14-го века. Казань, 1905. С. 7; *Meyendorff J.* Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. P., 1959. P. 1.

¹² *Акр.* Гл. 32.

¹³ PG. T. 150. C. 1116 D.

¹⁴ *Nic. Gr.* Hist. L. VII. 11. P. 270. 7–9.

¹⁵ *Ibid.* L. VIII. 5. P. 309. 1–4.

¹⁶ Correspondance de Nicéphore Grégoras / Texte éd. et trad. par R. Guilland. P., 1927. № 14. P. 65. 7–8.

¹⁷ *Ibid.* P. 63. 17–20.

знания. «Гномические заметки» Феодора Метохита Григора называл «сокровищем, содержащим различные драгоценности, аптекой, могущей предложить различные лекарства...»¹⁸. Димитрий Кидонис писал о Ниле Кавасиле: «По учености не было такого второго, он не уступал никому из мыслящих людей этого времени, по характеру он был философом, а его слава соответствовала его способностям и достоинствам; его имя, уважаемое всеми, было у всех на устах»¹⁹.

Чувство почитания учителя часто переносилось на учителей учителя и его соучеников. Так, Григорий Кипрский называл школу Никифора Влеммида, где получил знания его учитель Георгий Акрополит, «местом вожделенным»²⁰. Виссарион Никейский поклонялся Димитрию Кидонису, учившему его учителя Плифона²¹. Михаил Апостолий, ученик Иоанна Аргиропула, написал панегирик в честь Виссариона Никейского, соученика Аргиропула²².

Почти каждый из учеников считал для себя долгом чести оставить сочинение, прославляющее учителя. Фома Гориантис написал благодарные стихи Максиму Оловолу за преподавание ему аристотелевского «Органона»²³. Юношей воспел Мануил Фил историка Георгия Пахимера в написанной ямбическим стихом монодии²⁴. Ученик Максима Плануда некий Григорий посвятил ему надгробное слово²⁵. Никифор Григора оставил жизнеописание Иоанна Ираклийского²⁶. Другому учителю – Феодору Метохиту – Григорой было написано надгробное слово²⁷. Мануил Калека

¹⁸ Correspondance de Nicéphore Grégoras. P. 15. 7–8.

¹⁹ *Merhati G.* Notizie di Procoro e Demetrio Cidone, Manuele Caleca e Teodoro Meliteniota ed altri appunti per la storia della teologia e della letteratura bizantina del secolo XIV. ST. 56. Vatic., 1931. P. 391. 7–10.

²⁰ PG. T. 142. C. 24 B.

²¹ *Удальцова З. В.* Жизнь и деятельность Виссариона Никейского // ВВ. 1976. Т. 37. С. 92.

²² Там же. С. 77.

²³ *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Literatur... S. 773.

²⁴ Ibid. S. 774.

²⁵ Ibid. S. 543.

²⁶ *Guilland R.* Essai sur Nicéphore Grégoras... P. 4. 180.

²⁷ *Nic. Gr.* Hist. L. X. 2. P. 475. 1–481. 13.

написал слово, посвященное памяти Димитрия Кидониса²⁸. Надгробный панегирик Георгию Гемисту Плифону был посвящен его учеником Григорием Монахом²⁹. Стихотворная эпитафия Плифону была написана и Виссарионом³⁰.

Обычно уже в юношеском возрасте складывался у учеников под впечатлением личности учителя идеал ученого. Так, для Никифора Григоры примером для подражания в деле служения науке был Феодор Метохит. Что же в понимании Никифора Григоры характеризует его как настоящего ученого? Прежде всего он называет как неперменный атрибут учености широкую эрудицию. Он писал о Феодоре Метохите: «На каждый вопрос о делах давно минувших или о позднейших он мог отвечать во всякое время и говорил, как по книге... Это была живая библиотека (βιβλιοθήκη γὰρ ἦν ἔμψυχος οὗτος), в которой легко было наводить необходимые справки...»³¹ Необходимым качеством ученого Никифор Григора считает стремление к постоянному совершенствованию в науке. Настоящий ученый «при смутном и тревожном положении дел, при самых разнообразных заботах, наполнявших его душу, всегда еще находил досуг читать и писать»³². Но в то же время он подвергал критике тех ученых, которые, «с молодых лет совершенно предавшись ученым занятиям и оставаясь глухими ко всему происходящему вокруг них», не отдавали сил публичной общественной деятельности³³. Никифор Григора считал, что наука не может быть плодом трудов человека, оторванного от реальной жизни. Он писал: «Одинокое изучение наук, какое получается при посредстве книг, будет ли оно коротко или обширно, по моему мнению, походит на телесный организм, не имеющий еще души и только снабженный внешними чувствами...»³⁴ Григора преклонялся перед великим логофетом Феодором Метохитом за его уме-

²⁸ *Merkati G.* Notizie... P. 110.

²⁹ *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. Л., 1976. С. 47.

³⁰ PG. T. 161. C. 697.

³¹ *Nic. Gr.* Hist. L. VII. 11. P. 272. 3–4.

³² Ibid. P. 272. 14–21.

³³ Ibid. L. I. P. 10. 16–16.

³⁴ Ibid. L. VIII. 8. P. 327. 11–23. 1.

ние совместить научную работу с активной общественной жизнью: «Он так распоряжался временем, что с утра до вечера всецело и горячо был предан занятиям по общественным делам (τὰ κοινὰ διοικῶν) во дворце, как будто ученость была для него делом совершенно посторонним; ночью же, возвратившись домой, он весь погружался в литературу, как будто был каким-нибудь схоластом, которому ни до чего другого нет дела»³⁵. Мы знаем, что многие византийские ученые стремились строить жизнь по этому образцу. К примеру, слова Григоры, характеризующие Феодора Метохита, в полной мере могли быть отнесены к месадзону императорского двора Димитрию Кидонису.

Признаком высокой учености Никифор Григора считал умение передать свои знания ученикам, в отличие от учителя, «который с кафедры говорит речи неблагоприятные, безрассудные, трескучие, шумные и не заключающие в себе ничего полезного»³⁶.

Отношения учителей и учеников часто складывались в атмосфере дружбы. Как пример дружественной близости можно вспомнить отношения, сложившиеся в процессе обучения между Никифором Влеммидом и Феодором II Ласкарисом. Свидетельством их духовного общения являются сохранившиеся письма, собранные соучеником Феодора Георгием Акрополитом. Феодор Ласкарис в письмах называет Влеммида учителем, другом, отцом. Он пишет, что «они одно по душе и по мыслям», что «наука и мысли связали их вместе»³⁷. Никифор посылал на суд Феодора свои сочинения, последний же постоянно заботился о материальном благополучии своего учителя³⁸. Дружеские отношения Никифора Влеммида и Феодора II Ласкариса не мешали учителю делать замечания бывшему ученику даже после его восшествия на престол³⁹.

Об уровне дружбы, выражавшейся во взаимных правах тех, кто был ею связан, свидетельствует пример Феодора Метохита и Никифора Григоры. Последний, поддержав однажды Метохита,

³⁵ *Nic. Gr.* Hist. L. VII. 11. P. 272. 21–273. 1.

³⁶ *Ibid.* L. IX. 7. P. 429. 15–18.

³⁷ *Барвинков В. И.* Никифор Влеммид... С. 329–331.

³⁸ Там же. С. 331.

³⁹ Там же. С. 334.

огорченного осложнением отношений с императором Андроником II Палеологом, позволил себе сказать учителю: «Но я не могу похвалить тебя... которому следовало бы при таких обстоятельствах быть непоколебимой башней и образцом для других по твердости духа». Григора так заключает изложение своей беседы с учителем: «Этими словами я пристыдил этого человека»⁴⁰.

Понятие «ученик и друг» характерно для византийской ученой среды. Мы знаем Мануила Мосхопула как ученика и друга Максима Плануда⁴¹. Учеником и другом Никифора Григоры был Агафангел⁴².

Димитрий Кидонис, вспоминая о своем первом учителе Ниле Кавасиле, писал об узах дружбы, связавших их в процессе занятий науками: «Со дней моей юности он был моим единомышленником в такой степени, что стремился превзойти воспеваемые образцы дружбы в своем отношении ко мне. Я понимал дружеское отношение этого человека и хотел доказать свою дружбу не меньше, чем он...» Основой дружбы становилась та атмосфера интеллектуальности, когда учитель стремился расти вместе с учеником. Их роднила радость познания и открытия нового. Это уже не просто почтительность и восхищение одного и снисходительное покровительство другого, но созвучное чувство обоюдной интеллектуальной близости. Димитрий Кидонис писал в «Апологии I» о Ниле Кавасиле: «...В своем росте я учился вместе с ним, и мы сообща направляли свои усилия на науки»⁴³.

Отношения взаимного понимания и близости сложились в процессе обучения у Димитрия Кидониса и его ученика Мануила Палеолога⁴⁴, позднее ставшего императором. В течение многих лет они обменивались письмами⁴⁵, свидетельствовавшими о близости

⁴⁰ *Nic. Gr. Hist. L. VIII. 5. P. 309. 22–312. 12.*

⁴¹ *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur... S. 546.*

⁴² *PLP. F. 1. № 67. P. 5.*

⁴³ *Merkti G. Notizie... P. 391. 11–18.*

⁴⁴ *Barker J. W. Manuel II Palaeologus (1391–1425). New Brunswick; New Jersey, 1969. P. 414–419.*

⁴⁵ *Loenertz R.-J. Manuel Paléologue et Démétrius Cydonès. Remarques sur leur correspondances // EO. 1937. Vol. 36. P. 271–283, 474–487; 1938. Vol. 37. P. 107–124; Dennis G. T. The Lettres of Manuel II Paleologus. Dumbarton Oaks; Washington, 1977.*

корреспондентов. Димитрий Кидонис был на свадьбе и коронации Мануила II⁴⁶. Мануил Калека и Максим Хрисоверг согревали дружеской близостью старика Димитрия Кидониса, который не был для них школьным учителем, но мэтром и наставником⁴⁷.

Чувством теплой заботы и ответственности за судьбу молодого человека отмечены письма Димитрия Кидониса к некоему Радену⁴⁸. Своими письмами-наставлениями Кидонис формировал у адресата жизненную позицию, являвшуюся, с точки зрения учителя, основой для ученых занятий, к которым он хотел обратить молодого человека. Он уберег Радена от уз брака, настоял, чтобы он отошел от уготованной ему отцом коммерческой деятельности. Признавая необходимость материальных благ для человека, Димитрий Кидонис между тем поучал Радена, что деньги не должны быть жизненной целью. В адрес Радена были неоднократно повторены учителем рекомендации о стремлении к состоянию политической и духовной свободы. Службу Радена у другого его ученика Мануила Палеолога Димитрий Кидонис считал проявлением утраты независимости. Ведомые Мануилом переговоры с турками Кидонис комментировал как путь к потере внутренней свободы⁴⁹. Ранняя смерть Радена больно ранила старое сердце Кидониса.

Образцом дружбы между учителем и учеником поздневизантийского времени были отношения Георгия Гемиста Плифона и Виссарiona Никейского, что нашло отражение в их переписке⁵⁰. Те ученики, которые особенно были близки Плифону, включались в число «своих» (эсотериков), в отличие от «пришлых» (эксотериков)⁵¹.

Учителя иногда делали наиболее близких учеников своими доверенными лицами. Так, патриарх Иоанн Глика поручил Никифору Григоре изложение своей последней воли⁵². Феодор Метохит

⁴⁶ См.: *Tinnefeld Fr.* Einleitung // Demetrios Kydones. Briefe. S. 46. Anm. 260.

⁴⁷ Ibid. S. 45–49.

⁴⁸ *Démétrius Cydonès.* Correspondance / Publ. par. R.-J. Loenertz. ST. 186, 208. Citta del Vaticano, 1956, 1960.

⁴⁹ Об отношениях Димитрия Кидониса и Радена см.: *Tinnefeld Fr.* Freundschaft und PAIDEIA: die Korrespondenz des Demetrios Kydones mit Rhadenos (1375–1387/8) // Byz., 1985. T. 55. Fasc. 1. S. 210–244.

⁵⁰ *Удальцова З. В.* Жизнь и деятельность... С. 78.

⁵¹ *Медведев И. П.* Мистра. Л., 1973. С. 101.

⁵² *Nic. Gr.* Hist. L. VIII. 2. P. 289. 22–23.

оставлял на попечение Григоры дорогие вещи, находившиеся в восстановленном им монастыре Хора. Умирая, он препоручил монастырь заботам ученика⁵³. Григора писал по поводу их отношений: «Он ставил меня почти наравне со своими детьми»⁵⁴. Мануил Калек в течение 1393 г. пользовался особым доверием Димитрия Кидониса, копируя собрание его поздних писем⁵⁵. Мануил II Палеолог получил по завещанию Кидониса часть его рукописей⁵⁶. Мануил Хрисококк, учитель Виссариона Никейского, дал ему письменное полномочие подписать от его имени церковную унию⁵⁷.

Ученики, в свою очередь, зачастую были движимы в поступках чувством долга перед учителем или его памятью. Известно, что Григора поддерживал огонь образованности в очаге, разожженном Феодором Метохитом, в знаменитой Хоре⁵⁸. Елена Кантакузина, давняя ученица Димитрия Кидониса, вспомнила о своем учителе при разделе имущества в момент ее ухода в монастырь⁵⁹. Димитрий Рауль Кавакис, ученик и секретарь Плифона, немало сделал для спасения рукописного наследия своего учителя⁶⁰. Иоанн Мосх, ученик Плифона, стал после смерти учителя главой основанной учителем школы.

Поклонение учителю и наставнику порой становилось решающим фактором при определении идейной платформы в последующие годы. Так, Мануил Хрисолора и Мануил Калек под влиянием пролатинских настроений Димитрия Кидониса склонились к католицизму⁶¹. Георгий Схоларий, подписавший унию на Ферраро-Флорентийском соборе, обратился затем с покаянным письмом⁶² к своему учителю Марку Евгенику, а после его смерти, как прежде Марк, стал главой православной церкви.

⁵³ *Nic. Gr. Hist. L. IX. 5, 13.*

⁵⁴ *Ibid. L. VIII. 5. P. 309. 1–4.*

⁵⁵ *Tinnefeld Fr. Einleitung. S. 47.*

⁵⁶ *Ibid. S. 51.*

⁵⁷ *Удальцова З. В. Жизнь и деятельность... С. 76.*

⁵⁸ *Ševčenko I. Théodore Métochites: Chora et les courants intellectuels de l'époque // Art et société à Byzance sous les Paléologues. Venise, 1971. P. 15–39.*

⁵⁹ *Tinnefeld Fr. Einleitung. S. 46. Anm. 261.*

⁶⁰ *Медведев И. П. Византийский гуманизм... С. 47.*

⁶¹ *Beck H.-O. Kirche und theologische Literatur... S. 740, 751.*

⁶² *PG. T. 160. C. 533–536.*

Однако, понимая назначение византийской риторики и делая при чтении похвальных слов учителям некоторую скидку на традиционность темы, следует заметить, что содержащаяся порой в сочинениях византийских авторов критика в адрес учителей свидетельствует, что и похвалы не всегда были лишь литературным трафаретом.

Как известно, не сложились отношения между Никифором Влеммидом и его учителем логики и патом философов Димитрием Кариком⁶³. По описанию Влеммида, Карик, подвергнувший его после завершения обучения публичному испытанию в присутствии императора, стремился представить ученика невеждой, но Влеммид своими ответами поверг в замешательство экзаменатора, что привело к еще большему ухудшению отношений между ними.

Георгий Акрополит не очень лестно отзывался о своем учителе Феодоре Экзаптеринге, называя его человеком, «малосведущим в математике»⁶⁴. Даже Никифор Григора, считавший Феодора Метохита идеалом ученого, в письме к Иосифу Ракендиту объективно оценивал его познания: «...Для достижения совершенства его трудам недостает только двух вещей – изучения логики Аристотеля и метафизики»⁶⁵. Признавая достоинства своего учителя, Никифор Григора, однако, не считал совершенным его литературный стиль и писал, что Феодор Метохит не хотел «смягчать важные мысли приятностью и легкостью изложения... от этого он царапает и терзает слух принимающихся за его сочинения, как шипы розы царапают руку срывающего розу»⁶⁶.

Иногда в отношениях учителя и ученика наступал полный разрыв по соображениям идейного порядка. Так разошлись пути Димитрия Кидониса и его первого учителя Нила Кавасилы. Они оказались в различных лагерях. Нил стал апологетом паламизма, а Димитрий Кидонис – активным его противником. Кидонис в «Апологии I» с обидой вспоминает, что он в дни своих тревожных поисков и стремления разобраться в причинах разногласий

⁶³ *Nic. Blem.* Curric. P. 55. 15–19.

⁶⁴ *Акр.* С. 59.

⁶⁵ *Nic. Gr.* Corr. №. 13. 59. 25–27.

⁶⁶ *Nic. Gr.* Hist. L. VII. 11. P. 272. 12–14.

между западной и восточной церквями, обратившись к учителю, который когда-то напутствовал его в первых выступлениях, на этот раз не получил поддержки. Он писал: «Я рассказал ему о хаосе в собственной душе, сказал, что говорили люди, которых я спрашивал, и что среди них не было никого, кто дал бы опору моему духу и что, напротив, мои колебания существуют, как и прежде. Я просил у него лекарства для моей больной души»⁶⁷. Учитель, на которого Кидонис возлагал надежды, стал склонять его к молчанию, которое бы позволило Кидонису не испортить отношения с двором и императором. Поскольку Димитрий Кидонис не встал на предложенную учителем позицию лавирования и замалчивания своей точки зрения, пути их разошлись. Нил Кавасила стал публично критиковать позицию бывшего ученика. Кидонис считал, что «он делал это из опасения подвергнуться из-за его дружбы со мной аналогичным подозрениям»⁶⁸. Когда Нил выступал с защитой точки зрения, противоположной позиции Кидониса, последний дал следующую характеристику этому научному труду: «...Он хотел помочь убожеству мыслей красивыми словами, закругленными периодами, чередованием способов изложения и неожиданными стилистическими новшествами, короче говоря, аттической изысканностью и старался... сделать оскорбления более приятными... Для меня... это краснобайство и многословие... не содержало ничего полезного: слова звучали у меня в ушах, в рассудок же из этого ничего не проникало... Он задвинул истину на задний план изысканностью речи...»⁶⁹ Столь пространный псогос учителю – явление нечастое в поздневизантийской литературе. Отдавая должное учености Нила, Кидонис выступает с бескомпромиссной критикой нравственной позиции учителя, превратившего науку в политику и поправшего, с точки зрения ученика, те нормы поведения ученого, которым он некогда обучал своих учеников.

Иногда недоброе отношение к какому-либо ученому передавалось по наследству от учителя. Так, Матфей Камариот, ученик

⁶⁷ *Merkati G.* Notizie... P. 391. 19–22.

⁶⁸ *Ibid.* P. 392. 40–42.

⁶⁹ *Ibid.* P. 393. 63–69.

Схолария, вслед за учителем поносил Плифона, называя школу, которую когда-то прошел и Схоларий, «плифоновской чумой»⁷⁰. Принципиальными идейными расхождениями были отмечены нередко и отношения бывших соучеников. Виссарион и Марк Евгений, учившиеся у Плифона, стали непримиримыми врагами: первый провел в жизнь идею унии с латинянами, второй же выступил ее активным противником⁷¹. Стереотип отношений интеллектуальной близости и дружественности в византийской ученой среде на уровне учеников и учителей (или соучеников) часто корректировался жизнью.

Приведенные примеры позволяют дополнить картину византийского образования и образованности. Разумеется, содержащиеся в византийской риторике энкомии учителям во многом отражают законы сложившегося издавна литературного жанра. Подобные примеры можно было бы найти и у Анны Комниной, и у Михаила Пселла, и у писателей других периодов в истории Византии. Разумеется, отношения учитель – ученик, строившиеся по канонам ученой дружбы⁷², восходят как к идеалу к античной системе образования. В целом преемственность в сфере высокого образования не только является доказательством традиционализма, характерного для многих сфер общественной жизни византийского общества, но и узости социального охвата образованием населения империи. Несмотря на присутствие определенного литературного штампа в освещении темы «учитель – ученик», сочинения названных писателей помогают воссоздать отдельные фрагменты реальных интеллектуальных связей в поздневизантийском обществе.

⁷⁰ *Медведев И. П.* Мистра. С. 101; *Он же.* Византийский гуманизм... С. 34.

⁷¹ *Удальцова З. В.* Жизнь и деятельность... С. 80–82.

⁷² *Tinnefeld Fr.* «Freundschaft» in den Briefen des Michael Psellos: Theorie und Wirklichkeit // JÖB. 1973. Bd. 22. S. 155 f.

«АПОЛОГИЯ I» ДИМИТРИЯ КИДОНИСА КАК ПАМЯТНИК ВИЗАНТИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XIV в.*

История византийской общественной мысли XIV в.¹ отмечена двумя активными импульсами. Первый из них проявился в начале века в творчестве Феодора Метохита и Никифора Хумна². Интеллектуальный подъем, связанный с их деятельностью, был, несомненно, подготовлен оживлением духовной жизни общества, наступившим восстановлением Византийской империи. Второй импульс приходится на 40–60-е гг. XIV в., на время, представленное именами Никифора Григоры, Иоанна Кантакузина, Димитрия Кидониса, Николая Кавасилы, Григория Паламы, Прохора Кидониса, Нила Кавасилы, Алексея Макремволита. Для этого периода характерна острая идейная борьба и разнонаправленность духовных устремлений.

Духовное оживление в византийском обществе в середине XIV в. объясняется прежде всего напряженностью социальной

* Статья опубликована в сб.: Общественное сознание на Балканах в средние века. Калинин, 1982. С. 20–37. Информация о статье Ф. Кьянки (*The Apology of Demetrius Cydones: A Fourteenth Century Autobiographical source* // *Byzantine Studies / Etudes Byzantines*. 1980. Vol. 7. P. 57–71) пришла через посредство «*Byzantinische Zeitschrift*», когда публикуемая здесь статья уже была в печати. Несмотря на относительную близость названий, обе работы значительно разнятся по содержанию.

¹ Проблема интеллектуальной жизни византийского общества была одной из ведущих тем XIV Международного конгресса по византиноведению в Бухаресте в 1971 г. См.: *Ševčenko I.* Society and Intellectual Life in the fourteenth century // *XIVe Congrès international des Etudes byzantines*. Bucarest, 1971. Rapp. I. P. 7–80.

² *Verpeaux J.* Nicéphore Choumnos. Homme d'Etat et humaniste byzantine. P., 1959; *Hunger H.* Theodoros Metochites als Verläufer des Humanismus in Byzanz // *Byzantinische Grundlagenvorschung*. L., 1973; *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. Л., 1976.

жизни империи. Это были годы, когда решалось будущее страны, стоявшей на пороге экономического и политического кризиса. Представители византийской интеллигенции были вовлечены в русло общественной жизни. Одним из определяющих явлений интеллектуальной жизни этого времени было мистическое учение Григория Паламы, поддержанное сепаратистски настроенными политическими деятелями. Противостоящие ему направления либо отстаивали истинно православные принципы – без добавлений паламизма, либо склонялись к латинофильству. На поверхности интеллектуального потока находились преимущественно религиозные проблемы. Лишь время от времени в литературе всплывали вопросы политического и социального характера, с тем, чтобы быстро вновь исчезнуть.

Среди сочинений середины XIV в., затронувших проблемы общественной жизни империи, наряду с трактатом «Слово против ростовщиков» Николая Кавасилы, «Ромейской историей» Никифора Григоры, «Разговором между богатыми и бедными» Алексея Макремволита, «Апология I» Димитрия Кидониса занимает видное место.

Текст «Апологии I» издан полвека назад Дж. Меркати по рукописи Vat. Gr. 1102, ff. 55–78³. Издатель сопровождал его текстологическими наблюдениями. В литературе издание получило высокую оценку⁴. До появления работы Дж. Меркати имелся очень свободный перевод «Апологии I» Димитрия Кидониса на французский язык М. Жюжи⁵. В 1952 г. появился немецкий перевод «Апологии», выполненный Г.-Г. Беком⁶, в основе которого находится текст, изданный Дж. Меркати. Греческий текст сочинения Димитрия Кидониса не имеет названия. Дж. Меркати назвал его

³ *Mercati G.* Notizie di Procoro e Demetrio Cidone, Manuele Caleca e Teodoro Meliteniota ed altri appunti per la storia della teologia e della letteratura bizantina del secolo XIV. Vaticano, 1931. P. 359–403.

⁴ *Sykturis J.* Рец. на: Mercati G. Notizie... // BZ. 1935. Bd. 35, Hbd. 1. S. 92–95.

⁵ *Jugie M.* Démétrius Cydonès et la theologie latine à Byzance aux XIVe siècle // EO. 1928, 152. P. 385–402.

⁶ *Beck H.-G.* Die «Apologia pro vita sua» des Demetrios Kydones // Ostkirchliche Studien. 1952. T. 1. 208–225, 264–282.

«Ai Greci Ortodossi», вводя текст сочинения в рубрику «Apologie della propria fede» вместе с двумя другими сочинениями Кидониса религиозного содержания. В немецком переводе рассматриваемое сочинение названо «De Vita sua». Р. Ленертц, биограф Кидониса и издатель его писем, называет сочинение «Апологией I», в отличие от трех других сочинений Кидониса, которые он тоже называет «Апологиями», но под номерами II, III, IV⁷. В данной статье труд Димитрия Кидониса, начинающийся словами «Δέομαι πρὸς Θεοῦ», будет называться, вслед за Р. Ленертцем, «Апология I».

Рассматриваемое сочинение Димитрия Кидониса не являлось предметом специального научного анализа. Упоминания этого труда Кидониса в исследовательской литературе немногочисленны и в большинстве случаев не относятся к главным темам сочинения. Дж. Каммелли при исследовании биографии Димитрия Кидониса цитировал фрагменты «Апологии I», полагаясь на несовершенный французский перевод⁸. Г.-Г. Бек, И. Ирмшер и И. П. Медведев упоминают «Апологию» как пример византийской автобиографии⁹. Г. Вайс вскользь характеризует рассматриваемое сочинение Димитрия Кидониса как источник, доказывающий проявление интереса к книгам Иоанна Кантакузина¹⁰. Г.-Г. Бек и Дж. Мейендорф ссылаются на «Апологию I», говоря о пролатинских настроениях Димитрия Кидониса¹¹.

Заслуживающие внимания наблюдения имеются в работах И. Шевченко и Э. Фенстера. И. Шевченко, отмечая негативное восприятие Кидонисом современной ему византийской литературы

⁷ *Lenertz R.-J.* Démétrios Cydonès. De la naissance à l'année 1375 // OCP. 1970. Vol. 36. F. 1. P. 55.

⁸ *Cammelli G.* Introduction // Démétrios Cydonès. Correspondance. P., 1950. P. XVI–XIX.

⁹ *Beck H.-G.* Die «Apologia pro vita sua»... S. 208; *Irmsher I.* Autobiographien in der byzantinischen Literatur // *Studia byzantina*. 1973. Bd. 2. S. 3–11.

¹⁰ *Weiss G.* Johannes Kantakuzenos – Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch – in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969. S. 17.

¹¹ *Beck H.-G.* Humanismus und Palamismus // XIIe Congrès International des Etudes byzantines. Belgrade; Ochride, 1961. Rapp. 3. P. 69; *Meyendorff J.* Society and Culture in the fourteenth century // XIVe Congrès... P. 60.

и проявлений политического апломба империи, полагает, что автор «Апологии I», страстно споря с соотечественниками, «выдвигает соломенное чучело»¹² и ведет эту борьбу с затратой излишних усилий. С этим замечанием нельзя согласиться, поскольку вся византийская литература этого времени проникнута утверждением величия имперской власти и империи в целом. Эта идея являлась официальной политической доктриной и нашла отражение даже в прооимиях актов¹³, не говоря о большом количестве трактатов, речей, писем. Кстати, оценка «Апологии I» в исследовании Э. Фенстера опровергает вывод И. Шевченко. Э. Фенстер называет сочинение Димитрия Кидониса шокирующим, поскольку оно находилось вне русла официальной литературы¹⁴. Однако оценка Э. Фенстера, на наш взгляд, несколько преувеличивает значение «Апологии I».

Обратимся к анализу «Апологии I». По своим внешним признакам сочинение соответствует принятым канонам. Это трактат полемического характера, композиционно и стилистически отвечающий жанровым принципам риторической литературы. В «Апологии» отсутствуют свидетельства о каких-либо конкретных ситуациях, нет имен соотечественников автора, отсутствуют даты. Общая манера изложения идеально соответствует тому закону риторики, который назван современными исследователями деконкретизацией. Эмоциональный настрой «Апологии I» весьма возвышен. Красоту латинского языка Димитрий Кидонис сравнивает с лотосом (363. 30), понравившуюся ему книгу он называет «цветком мудрости» (362. 5–8), логика изложения для него – пение сирен (366. 88–89). Однако содержание «Апологии I» вступает в противоречие с формой. Автор подвергает критике стремление к красивой изощренности речи, в угоду которой приносится в жертву содержание. Резко оценивая краснобайство и многословие, Димитрий Кидонис пишет об одном из своих современников: «Он придавал

¹² *Ševčenko I.* The Decline of Byzantium seen through the Eyes of his Intellectuals // DOP. 1961. Vol. 5. P. 172.

¹³ *Hunger H.* Prooimien. Wien, 1964.

¹⁴ *Fenster E.* Laudes Constantinopolitanae. München, 1968. S. 230.

силу словам, красиво говоря, закругляя периоды, меняя стилистические фигуры, находя необычные обороты и вообще укрепляя недостаток мыслей аттическим изяществом» (393. 63–65). Димитрий Кидонис убежден, что попусту тратит время тот, кто занимается «поэтами, прозаиками, ораторами и всеми теми, кто применял к своим речам красивые слова о богах и мифах» (367. 36–38). Несдерживаемое раздражение вызывают у писателя те риторы, которые, находясь в плену законов ораторского искусства, из года в год повторяли один другого в восхвалении столицы и империи. Кидонис шаржирует приемы создания принятых словословий, приводя шаблон схем их построения: «Один восхищался кольцом стен нового Рима... описывал красоту и число находящихся в нем храмов, говорил, что гавань более безопасна, чем где бы то ни было в мире, и перечислял, какие корабли заходят в нее отовсюду. Что же касается местоположения, город находится в самом прекрасном месте земли, представляя око мира... Другой продолжал его речь в том же духе» (370. 24–29).

Приведенные фрагменты из «Апологии I» Димитрия Кидониса свидетельствуют, что между формой и содержанием этого сочинения существует значительный разрыв. Как объяснить его? Думается, что Кидонис не пренебрег принятой формой для того, чтобы не настроить против себя читателей: его целью была защита своей точки зрения. Чтобы обеспечить успех «Апологии», следовало соблюдать импонирующие читателю каноны. Придерживаясь привычной формы, Димитрий Кидонис отстаивал тезис о приоритете мысли над словом, содержания над формой. Следовательно, уже по своим внешним признакам при всем соблюдении норм риторики «Апология I» обращает на себя внимание своей необычностью.

«Апология I» написана вскоре после 1363 г.¹⁵ с целью защиты ее автора от обвинений в предательстве в связи с его увлечением

¹⁵ Автор статьи придерживается мнения издателя, что «Апология» была написана в 1363–1365 гг., поскольку в ней есть намек на то, что Кидонис приступил к ее написанию вскоре после смерти своего учителя Нила Кавасилы, последовавшей в 1363 г. (см.: *Merkati G.* Notizie... P. 519).

западной культурой. В сочинении можно выделить несколько пластов, самым мощным из которых является автобиографический. Неслучайно некоторые исследователи считают «Апологию I» примером византийской автобиографии, с чем, впрочем, трудно согласиться в полной мере. Не будь писем Дмитрия Кидониса, его речей к Иоанну Кантакузину, многие факты биографии писателя были бы нам не известны. И по своему построению «Апология I» не соответствует принятым композиционным принципам античной или средневековой автобиографии¹⁶. Автобиографический материал, занимающий в «Апологии I» значительное место, имеет, однако, для автора вспомогательный характер. Факты из жизни писателя должны показать склонность Дмитрия Кидониса к науке, которая определила его занятия латинской литературой, а также подтвердить его честность как гражданина и политического деятеля.

Автобиографическая линия «Апологии I» начинается сведениями о родителях и детстве автора. Приведем фрагмент, который можно назвать «семейным экскурсом». «Я родился от добрых христиан, устроивших свою жизнь согласно вере. Они не позволили мне выучиться какой-нибудь из маленьких ремесленных специальностей, чтобы обеспечить мне необходимое в жизни, но доверили меня мужам ученым и мудрым, считая, очевидно, что от этого и моему разуму, и моему духу прибудет во имя моего будущего благополучия. У моих родителей были средства не только для детей и для друзей, но и для всех потребностей. Они надеялись, что, получив образование, я хорошо их (средства — *М. П.*) использую. Закончив начальное обучение, я обратился к более совершенным наукам, к тому, в чем нуждаются и ум, и душа, поглощая более серьезные знания; и когда начинали перечислять сверстников, преуспевающих в науках, мое имя первым среди других приходило всем в голову. Но пока я, словно побег, благополучно набирая высоту, немного спустя обещал созреть прекрасным плодом муд-

¹⁶ Милецкий Г. Л., Лютиц Г., Энгельс-Яноши Ф. Биография и историческая наука. М., 1970; Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография: К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М., 1973.

рости, смерть моего отца остановила меня, и мысль моя о науках сменилась заботой о близких, ибо я имел возраст, достаточный для выполнения этих обязанностей. И я был вынужден заменить матери и младшим братьям и сестрам отца. Это прервало мою научную стезю, хотя все предсказывали мне блестящий успех» (359.8–360.25).

Следует заметить, что сведения, сообщаемые здесь Димитрием Кидонисом о его семье, весьма бедны. В его речах и письмах имеется в этом отношении более богатый материал. Из них мы узнаем, что семья Кидонисов принадлежала к знатным кругам и была дружна с Иоанном Кантакузином. Глава семьи находился на дипломатической службе и погиб при выполнении миссии. Разорение семьи во время восстания зилотов заставило молодого Кидониса пойти на службу¹⁷. В приведенном же экскурсе Кидонисом были сделаны только такие акценты: родители, добрые христиане, дали автору прекрасное образование и способствовали развитию его склонностей к научным занятиям, прерванным смертью отца. Несомненно, Димитрий Кидонис привел те сведения о семье и своих молодых годах, которые были нужны ему для доказательства своей приверженности православной вере и ранней склонности к занятиям наукой, которые прекратила случайность.

Следующий раздел в автобиографии Димитрия Кидониса можно назвать «служебным экскурсом» сочинения. Здесь характеризуется место автора при дворе императора. Правда, Димитрий не называет своей должности, но из других его сочинений и из «Истории» Иоанна Кантакузина мы знаем, что он был месадзоном¹⁸, исполняя обязанности высокого чиновника по иностранным и внутренним делам¹⁹.

«Служебный экскурс» не представляет собой такого монолитного куска, как семейный. Здесь действующими лицами являются

¹⁷ Loenertz J. Démétrios Cydonès. De la naissance... P. 48–49.

¹⁸ Joannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri IV. Bonn, 1832. Vol. 5. S. 285. 4–9.

¹⁹ Beck H.-G. Der byzantinische «Ministerpräsident» // BZ. 1955. Bd. 48. S. 309–338.

император и придворные. Став месадзоном императора, Кидонис оказался в центре придворной жизни: «Столь большая должность, которую он пожелал возложить на меня при своем дворе, означала, что, согласно предписанию, ни один из желавших поговорить с ним (с императором. – М. П.) не мог попасть к нему иначе, как переговорив прежде об этом со мной. И это несмотря на то, что люди, находившиеся у власти... говорили, что опасно и несправедливо возлагать на совсем молодого человека такие полномочия, которых едва лишь добиваются много потрудившиеся люди» (300. 31). Особенно недовольны были назначением Кидониса на должность месадзона те, кто мог уже сослаться на свои значительные заслуги «в качестве своего рода награды за свершенные труды» (36–37). Таким образом, описание жизни Димитрия Кидониса при дворе сфокусировано на взаимоотношениях его с императором, с одной стороны, и с сановниками – с другой. Автор «Апологии I» настойчиво проводит мысль о том, что император всегда защищал месадзона от всех нападков со стороны завистливых и тщеславных придворных: «Василевс откровенно ненавидел и называл клеветниками тех, кто тайком стремился очернить меня перед ним» (369. 91–93). Судя по ситуации, в качестве императора здесь фигурирует Иоанн Кантакузин. Кидонис подробно пишет о том, что, поняв непримиримую позицию императора, сановные лица зачастую были вынуждены менять свою точку зрения и восхвалять месадзона. По Кидонису, Иоанн Кантакузин «давал понять, что те, кто хочет оклеветать меня перед ним, говорят вздор» (369. 98–97). Автор «Апологии I», активно проводя мысль о доброжелательном отношении императора к нему, постоянно подчеркивает, что тот «мало принимал во внимание недовольные лица» (360. 37–38). Как известно, отношения Димитрия Кидониса с Иоанном Кантакузином развивались не столь уж благоприятно, тем более что к 1368 г., когда писалась «Апология I», в их разрыве уже не приходится сомневаться. Однако проводимая в сочинении мысль о дружеских отношениях месадзона с императором и постоянном заступничестве последнего нужна автору как наиболее веский аргумент его честного служения родине и государю.

Второй темой, которая откровенно звучит в «служебном экскурсе», является тема заинтересованности месадзона латинской культурой. Неизбежность знакомства с ней, судя по тексту «Апологии», предопределялась характером должности Димитрия Кидониса. По долгу службы он вынужден был постоянно встречаться с иностранцами, читать зарубежную корреспонденцию. Автор «Апологии I» пишет об этом: «Многие из тех, кто хотел попасть к нему (к императору. – *М. П.*), как из наших, так и из иностранцев, сначала, как он предписал, должны были приходить ко мне, среди них были многие с Запада послы, торговцы, а также, бывало, и наемники. Было среди них много и так называемых благородных – “блуждающие планеты” – из тех, кто хотел увидеть все достойное. Ромейские василевсы оказывали им много внимания и других проявлений благосклонности, когда среди них (путешественников. – *М. П.*) попадались правители больших народов и городов, которые, как говорили, чтобы познать историю, тайно ездили повсюду, как некогда Одиссей. Василевс поручил мне разузнавать все о тех, чтобы не показалось, что этими людьми пренебрегают. Но мне было нелегко разбирать их речь без переводчиков; это часто создавало для меня трудности, когда один не понимал другого или не знал языка в достаточной степени, или не улавливал тонкости смысла сказанного» (360. 39 – 361. 52). Кидонис пытается убедить своих читателей, что именно выполнение служебных обязанностей подтолкнуло его к осознанию необходимости серьезного изучения латинского языка. Несомненно, это один из оправдательных маневров его защитной речи. Той же цели служат те фрагменты «Апологии», где Димитрий Кидонис пишет, сколь трудно было найти среди государственных дел время для изучения чужого языка. Свои небольшие успехи в его познании Кидонис объясняет большой занятостью и отсутствием свободного времени. Он полагает, что можно было бы сделать больше, «если бы служба у императора не отнимала у меня много времени и если бы толпа посетителей давала возможность использовать время для себя» (866. 66–57). Однако мотивы, вызывавшие у Кидониса стремление изучать латинский язык, несомненно, иные: тяга к западной культуре, желание глубже познать ее. Это, конечно, не могло быть

одобрено в придворных кругах и побуждало Кидониса приводить в «Апологии» другие обоснования тому, что ему пришлось «не полагаться на языковое искусство других» (361. 57–58).

Следующая тема сочинения Кидониса может быть определена как пролатинская тема «Апологии I». Здесь писатель подробно описывает свои первые шаги на пути познания западной философии, вспоминает уроки латинской грамматики, которые он брал у магистра богословия, жившего в латинском предместье Константинополя. Пройдя через трудный этап постижения смысла отдельных слов, Димитрий Кидонис овладел чужим языком настолько, «будто изъяснялся на родном» (362. 94–95). Далее он описывает свое первое знакомство с книгой Фомы Аквинского. «Он (учитель. – М. П.) дал мне ее, желая лишь, чтобы я узнавал слова, как школьные учителя часто дают читать лучшее из Гомера и Гесиода; он не ожидал при этом, чтобы я понял смысл и красоту сочинения. Однако я воспринял чтение как нечто, полностью соответствующее мне. Итак, я не пропустил ничего из прочитанного» (362. 6 – 363. 10). После знакомства с сочинениями Фомы Аквинского Кидонис стал страстным приверженцем западной философии. Он пишет, что «полностью заполнил себя языком Италии» (363. 30–31). Кидонис постоянно вращался в кругу ученых латинян, которые, как он замечает, «сделали мой дом местом каждодневных встреч» (363. 34–35). Месадзон стал страстным пропагандистом западной культуры в образованных византийских кругах. Он перевел на греческий язык сочинения Фомы и других латинских авторов. Оценивая значение своих переводов, Кидонис отмечает, что они предоставили ученым возможность «умножить свои знания» (382. 43). Он посвятил немало страниц восхвалениям в адрес западного богословия и философии. Он восхищался латинскими учеными, их глубоким знанием сочинений Платона и Аристотеля, логичностью системы их доказательств, аргументированностью выводов²⁰. Кидонис жадно прочитывал все, что мог найти из сочинений латинских авторов.

²⁰ См. об этом: *Поляковская М. А.* Димитрий Кидонис и Запад (60-е гг. XIV в.) // АДСВ: Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979.

Изучив немало общих трудов, он обратился к анализу частных аспектов западного богословия и выявил множество противоречий в сочинениях православных авторов (386–390).

Не вызывает сомнения, что пролатинская тема является ведущей темой «Апологии I». Димитрий Кидонис стремился не столько очистить себя от обвинений в предательстве, сколько доказать, что признание истинно великой латинской культуры должно возвысить его соотечественников. В его адрес давно были слышны при дворе упреки, что он «бранит греков» (365. 61–62) и этим предаёт родину (368. 83–84). Автор «Апологии I» доказывает свою честность, реабилитируя латинян – среди последних наряду с торговцами и моряками были и те, кому доступна высокая наука (366. 83–84). Начиная сочинение, Кидонис писал, имея в виду будущего читателя: «Пусть он поверит сказанному, как врачу, последует высказанным мыслям и судит нас по тому выводу, который мы считаем установленным и от которого мы хотим лишь, чтобы он нашел признание и у других» (369. 3–6). Такого содержания прооймий еще раз убеждает нас, что автор не столько оправдывает себя, сколько рекомендует отрешиться от традиционного предубеждения в отношении латинской культуры, признать ее совершенство.

Наряду с автобиографической и пролатинской темой в «Апологии I» прослеживаются еще три сюжета, которые можно определить как внутривосточный, внешнеполитический и научный²¹.

Оценка Димитрием Кидонисом внутривосточного положения империи имеет резко негативный характер. Писатель называет Константинополь «столицей несчастий и страданий» (374. 60–61), полагая, что выпавшую на долю империи судьбу можно пожелать только врагам (375. 74–75). Причиной многих бед страны Димитрий Кидонис считает междоусобия, распри, анархию. Он пишет: «Самое худшее и причина всего зла – анархия, опустошающая города, где она царствует, разрушающая собственные дома и уничтожающая все имеющееся. Результаты этого видны нынче у нас» (379. 20–23). «Беспорядок повсюду несет гибель себе са-

²¹ Последний сюжет будет рассмотрен в специальной статье.

мому» (377. 56–57). Хотя в тексте сочинения эти слова непосредственно отнесены к состоянию византийской церкви, можно допустить, что писатель переносил эту характеристику на общую ситуацию в стране. Димитрий Кидонис убежден, что в империи его времени нет ни права, ни закона, ни заботы о науках, ни самой слабой видимости добродетели (374. 57–59). Духовный авторитет страны, по Кидонису, неуклонно падает, ибо константинопольский патриарх находится в унижительном, зависимом от императора положении (373. 30–32). Состояние анархии подкрепляется неустойчивым состоянием в области веры. Следует предположить, что Димитрий Кидонис имел в виду прежде всего победы паламизма на церковных соборах 40–50-х гг. Он пишет, что делу анархии служат «новшества в вере и споры...» (379. 24–25). Подвергая критике внутривосточную и идейную ситуацию в империи, Кидонис видит упадок общества также в обнищании верхов: «Богачи ходят подобно нищим» (374. 66).

Досадой и раздражением окрашены те фрагменты «Апологии I», где описываются придворные круги. Димитрий Кидонис передает атмосферу наушничества, сплетен, интриг, царивших в этой среде. Писатель так говорит о реакции двора на его желание серьезно заняться изучением и переводом латинских авторов: «Кто-то узнал о моем намерении, затем – второй, третий, и по дворцу пошла сплетня...» (361. 70–80). Автор «Апологии» пишет о тех, кто «тайком хотел очернить» его (369. 91–92) посредством доноса императору о намерениях месадзона, растрачивающего свои силы не на государственные дела (361. 81–82). Кидонис пишет о придворных: «Как можно доверяться мнениям этих дворцовых рабов?» (376. 2–3). Свою работу при дворе в качестве месадзона он считает бесполезной (361. 78). Автор откровенно пишет о честолюбивых намерениях близких ему людей: «Многие из друзей также были раздосадованы, поскольку они больше не могли использовать меня при императоре...» (362. 83–84).

Единственным человеком, чьи действия Димитрий Кидонис оценивает положительно, был император. При этом его действия характеризуются позитивно только в ситуациях, имеющих отношение к автору «Апологии»: император, покровитель наук, сделал

своим месадзоном образованного молодого человека (360. 26–27); он поручил Кидонису заботиться об иностранцах (360. 47–49), одобрил выполненный Кидонисом перевод сочинения Фомы Аквинского, повелев снять копию (363. 20–29), любил кнѣги и тратил много денег на пополнение своей библиотеки (364. 49–50), оказывал Кидонису почести (369. 91–97). Несомненно, этот положительный образ василевса понадобился автору «Апологии I» для того, чтобы снять с него обвинения в измене. Во всех других случаях император получил характеристику, соответствующую ситуации в стране: он несправедливо вторгается в дела церкви (373. 27 – 374. 36; 385. 9–10), во всем зависим от неверных (374. 62–65).

Как и во многих других сочинениях, в «Апологии I» Димитрий Кидонис проводит мысль о необходимости установления прочной государственной власти, которая будет противостоять анархии и междоусобиям. Он утверждает, что неорганизованность толпы приводит в конце концов «к беспорядку, разрушению, потрясению и ни к чему, кроме зла» (377. 44–45). Не вызывает сомнения, что Димитрий Кидонис являлся сторонником централизованной монархии. Он одобряет «эту форму (господства. – *М. П.*), которая как можно больше избегает множественности и предлагает вождем всех единственного и лучшего, ибо, чтобы соединить единство мнения и многих людей, лучше всего это делать одному человеку...» (377. 62–64). Хотя приведенный фрагмент относится к положению дел в церкви, утверждение автором монархического принципа несомненно. Димитрий Кидонис выступает против мнения, что «сейчас якобы не нужно верховного владыки или нужны многие» (378. 73–79). Он убежден, что «всего необходимее иметь одного хорошего владыку, так как при многих всегда возникает много беспорядка и нужно много больше трудов, чтобы так или иначе привести к порядку и единству распадающееся множество» (378. 78–81). Можно предположить, что Димитрий Кидонис был противником наследственной власти: «Все-таки недостаточно быть вторым, чтобы получить первенство. Дети тиранов, возможно, могли бы считать прекрасным такой закон, по которому после смерти старшего из братьев его место занимает следующий» (2–5). Мысль о выборности власти иллюстрируется автором с помощью

церковного материала, и у нас нет оснований переносить ее на государственную власть, однако она представляет несомненный интерес. Кидонис пишет: «Там, где посвящение в должность основывается на выборе, необходимо проводить снова выборы кандидата на первенство. То, что у нас до настоящего времени происходило так, показывает, что это правильно: если у нас ушел верховный владыка, то по этому обычаю ему не наследуют, но мы часто перепрыгиваем через всю середину и ищем подходящего для должности в народе» (378. 5–379. 10). Любопытно заметить, что выборы кандидата на первенство – это единственное в современном автору «Апологии I» обществе, что удостоено его похвалы.

Описывая внутривосточную ситуацию в империи, «в нашем собственном доме», Кидонис одновременно отмечает: «плачевно обстоят у нас дела во внешней политике» (374. 55). В «Апологии I» содержится резкая критика официальной политической концепции, основой которой была доктрина ойкуменизма. Димитрий Кидонис считал безрассудным поддерживать тезис о высоком международном престиже империи только на том основании, что Константинополь представлял собой резиденцию императора, унаследовавшего величие своего титула от Древнего Рима (385. 9–10). Автор «Апологии» пытается раскрыть глаза своим современникам, подчеркивая роль турок, которым, по его словам, достаются «все почести и доходы» (374. 42–43). Кидонис говорит о каждодневных изменах в среде его соотечественников, переходящих на службу к туркам (374. 46–50). Писатель упрекает и самих императоров, постоянно вступавших в ненужные и обременительные контакты с турками (374. 62–65). По его мнению, империя уже во всем зависела от нечестивых.

В «Апологии I» подвергнут критике один из основных принципов внешнеполитического курса империи – тезис о приоритете ромеев. Димитрий Кидонис осмеивает привычку своих соотечественников называть варварами соседние народы, которые они либо презирают, либо не принимают во внимание (365. 77–80). Высокомерие ромеев не имеет оснований, поскольку империя слабеет, а ее соседи, особенно турки, день ото дня утверждают свой авторитет и заставляют служить себе тех, кто ранее был зависим

от империи (374. 51–52). Писатель склонен считать, что настойчивое выделение достоинств империи является «тайным прикрытием зависти» ромеев по отношению к некоторым из соседних народов (366. 92–93).

В сочинении приводятся многие аргументы, подтверждающие значительное политическое влияние латинян, которое не учитывали византийцы. Димитрий Кидонис настойчиво подводит читателей к мысли о необходимости дружбы и постоянных политических контактов с итальянцами, мотивируя это тем, что подобные связи давно установились в торговле: «Мы одобряем то, что заграничные купцы при очень далекой доставке старательно снабжают рынок своими товарами» (366. 2–4).

Димитрий Кидонис развивает в «Апологии I» новую концепцию патриотизма, основанную на желании помочь своей отчизне идти верным путем²². Он выступает против тех, кто лживо продолжает восхвалять империю, закрывая глаза на все ее беды и не желая видеть язв, которые покрывают ее тело. Признавая любовь к родине одним из самых высоких чувств, Кидонис решительно порывает с теми, кто идет по легкому пути безмерного восхваления своей страны, не желая взять на себя миссию исправления тех недостатков, которые мешают ей стать достойной произносимых в ее адрес славословий (384. 71–74; 396. 56–57; 396. 52–54; 400. 5–7; 401. 23–31)²³.

Все сюжетные линии «Апологии I», будучи сведенными воедино, свидетельствуют, что в общей тональности сочинения доминирующими являются критические ноты. Димитрий Кидонис подверг аргументированной критике внутреннее состояние империи, характеризующееся неурядицами, слабостью императорской власти, льстивостью и неискренностью придворных, доморощенными новшествами в религии. Концепция первенства империи в международных делах, столько веков считавшаяся неоспоримой, сдана

²² Поляковская М. А. Понимание патриотизма Димитрием Кидонисом // АДСВ: Античные традиции и византийские реалии. 1980. Вып. 17. С. 45–52.

²³ Закржевская О. Г. Концепция патриотизма Никифора Григоры: К вопросу о «греческом патриотизме» XIV в. // АДСВ. 1977. Вып. 14. С. 85–95.

Кидонисом в архив. Писатель не оставил камня на камне от самодовольной убежденности греков в превосходстве отечественной философии.

В отличие от других критических произведений середины XIV в., «Апология I» содержит и конструктивную программу, отличающуюся от тех нереальных проектов, которые предлагались Николаем Кавасилой в «Слове против ростовщиков» (давать деньги займы без процента) или Алексеем Макремволитом в его «Разговоре между богатыми и бедными» (браки богатых женихов и бедных девушек). В «Апологии I» отражен совершенно конкретный путь преодоления отмеченных автором отрицательных сторон жизни империи – путь политических и научных контактов с Италией. В «Апологии I» в концентрированном виде представлена платформа будущего латинофильства. В период, когда была написана «Апология», это направление только складывалось и Кидонис был его видным представителем. Однако предлагаемый писателем путь не был спасительным для Византии: по нему не могли и не хотели пойти широкие народные массы страны, познавшие много бед в период латинского господства. Дмитрий Кидонис скорее выступал как преклонявшийся перед итальянской культурой ученый, нежели как прозорливый политик.

По уровню своего критического настроения «Апология I» является одним из выдающихся произведений середины XIV в. Если в современных ей произведениях критические сентенции являются лишь редкими вкраплениями в ткань текста, то в «Апологии I» наблюдения подобного рода составляют плоть и кровь сочинения. Конструктивная основа текста «Апологии I» в той ее части, которая касается состояния философии, характеризует автора как прогрессивно мыслящего человека, предусмотревшего почти на полвека вперед положительный результат византийско-итальянских культурных связей.

ЭНКОМИИ НИКОЛАЯ КАВАСИЛЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК*

В литературном наследии Николая Кавасилы, одного из крупнейших византийских писателей XIV в., известного прежде всего как апологет православия и автор мистического учения, значительное место занимают энкомии. Преимущественно это похвальные слова на праздники – на Вознесение, на Страсти Христовы, на день св. великомученика Димитрия Солунского, св. Феодоры, трех вселенских святителей и др.¹ Кроме того, известно несколько энкомиев Николая Кавасилы, обращенных к светским лицам, – это похвальные слова типа λόγος βασιλικός. Энкомии последнего типа посвящены царствующим особам – Иоанну Кантакузину, Анне Савойской, Матфею Кантакузину.

Энкомий, изданный П. Энепекидисом в 1953 г.², адресован τῷ ἁγίῳ βασιλεῖ – вероятнее всего, Иоанну Кантакузину (при ссылках на этот энкомий далее: ЭИ). Материал энкомия не дает оснований для его точной датировки. Издатель относит его ко времени после 1341 г.

Основной текст энкомия τῇ εὐσεβεστάτῃ Αὐγούστῃ κυρᾷ Ἄννῃ τῇ Παλαιολογίνῃ (далее при ссылках – ЭА) издан М. Жюжи в 1911 г. Заключительная часть энкомия опубликована В. Лораном позднее – в 1936 г.³ Энкомий Анне Савойской обратил на себя

* Статья опубликована: АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 77–88. В основе статьи лежит доклад на XIV Международном конгрессе по византиноведению в Бухаресте (сентябрь, 1971).

¹ См. также: *Dyobuniotis K.* Νικολάου Καβάσιλα ἀνέκδοτον ἐγκώμιον εἰς τοὺς τρεῖς ἱεράρχας // ΕΗΒΣ. 1938. 14. Ρ. 157–162.

² *Enepekides P.* Der Briefwechsel des Mystikers Nikolaos Kabasilas // BZ. 1953. Bd. 46, H. 1. № 17. S. 43–44.

³ *Jugie M.* Nicolas Cabasilas. Panegyriques inédits de Mathieu Cantacuzène et d'Anna Paléologine // ИРАИК. 1911. Т. 15. Ρ. 112–121; Hellenika. 1936. Т. 9. Ρ. 203–204.

внимание исследователей в основном в плане параллелей с письмами Николая Кавасилы и трактатом «О ростовщичестве» в целях уточнения датировки названных сочинений⁴. И. Шевченко, а за ним и Р. Ленертц справедливо отмечают ошибку Р. Гийана и П. Энепекидиса в определении даты того письма Николая Кавасилы отцу, которое содержит обещание написать похвальное слово василисе, т. е. Анне Савойской (а не столице, как у Гийана и Энепекидиса)⁵. Предварительный анализ неизданного трактата Николая Кавасилы «О ростовщичестве»⁶, адресованного также Анне Савойской, позволяет почувствовать некоторую близость риторического рисунка этого сочинения и рассматриваемого энкомия. Вероятно, они близки и по времени их написания⁷. Издатель энкомия Анне М. Жюжи датирует его временем от 1347 до 1351 г.; Р. Ленертц – 1352–1354 гг.; И. Шевченко – от 1347 до 1349 г.⁸ Текст энкомия Анне позволяет говорить о том, что он написан после признания ею паламизма, но до начала нового этапа гражданской войны (вероятно, до 1352 г.).

Энкомий Εἰς τὸν αὐτοκράτορα Николая Кавасилы, изданный М. Жюжи вместе с энкомием Анне Савойской, несомненно, адресован старшему сыну Иоанна Кантакузина Матфею (при ссылках на энкомий далее – ЭМ). Это сочинение Кавасилы не являлось предметом специального изучения. В ряде исследований, касающихся жизни и творчества нашего автора, имеются лишь упоминания и ссылки на него. Энкомий может быть отнесен – в соот-

⁴ *Ševčenko I.* Nicolaus Cabasilas' correspondence and the treatment of late byzantine literary texts // BZ. 1954. Bd. 47, H. 1; *Loenertz R.-J.* Chronologie de Nicolas Cabasilas 1345–1354 // OCP. Miscellanea Georg Hoffmann S. J. Roma, 1955. Vol. 21. № 1–2.

⁵ Р. Гийан и П. Энепекидис относят это письмо приблизительно к 1320 г. См.: *Guilland R.* La correspondance inédite de Nicolas Cabasilas // BZ. 1929/30. Bd. 30. S. 99; *Enepekides P.* Der Briefwechsel... S. 30.

⁶ *Guilland R.* Le traité inédit «Sur l'usure de Nicolas Cabasilas» // Mélanges Lampros. Athènes, 1935. P. 269–273 (перепечатка: Etudes byzantines. P., 1959. P. 81–87); *Loenertz R.-J.* Chronologie... P. 220–224.

⁷ И. Шевченко считает terminus post quem трактата 1341 (1345) г.; Р. Ленертц датирует его 1351 г.

⁸ *Jugie M.* Nicolas Cabasilas... P. 113; *Loenertz R.-J.* Chronologie... P. 224–226; *Ševčenko I.* Nicolaus Cabasilas' correspondence... P. 55.

ветствии с мнением издателя – ко времени, следующему за коронацией Матфея (май 1354 г.).

Названные энкомии Николая Кавасилы имеют форму, соответствующую композиционным нормам этого жанра византийской литературы. Энкомий Матфею Кантакузину есть типичная хвалебная речь, панегирик, – то, что византийцы называли «царским словом»⁹. Из всех разновидностей λόγος βασιλικός этот энкомий по своему содержанию ближе всего стоит к λόγος χαριστήριος и в некоторой степени – к λόγος στεφανωτικός¹⁰. Два других энкомия, скорее, относятся к эпистолярному жанру, это – хвалебные эпитры, столь часто встречающиеся в литературных памятниках прошлого, начиная с античных времен¹¹.

В выборе энкомия как формы обращения к царствующим особам Николай Кавасила не оригинален («похвальные» слова были спутниками и других василевсов – ЭМ, р. 113. 12–13). Ἐγκώμιον (наряду с ψόγος) является одним из наиболее популярных в Византии жанров эпидейктической литературы¹². Каждый писатель почитал за честь обратиться хвалебными словами императору или членам его семьи. Сам по себе акт составления панегирика считался мерилом писательской зрелости. Энкомий Анне Савойской был задуман Николаем Кавасилой в молодые годы, когда он уехал учиться в Константинополь (в одном из писем наш автор советуется по этому поводу с отцом). Однако он считает себя недостаточно подготовленным для этого («Я молчу, не имея требуемого опыта»)¹³. Николай Кавасила вспомнил однажды древний закон,

⁹ Nicephori Blemmydae Andrias basilikos // PG. T. 142, 612–674. Подробно об см.: **Барвинок В. М.** Никифор Влеммид и его сочинения. Киев, 1911.

¹⁰ **Volkmann R.** Die Rhetorik der Griechen und Römer in systematischer Übersicht. B., 1872. S. 262.

¹¹ Античная эпистолография: Очерки. М., 1967. С. 10–15 и др. Из хвалебных писем византийских авторов XIV в. см., например, письмо Димитрия Кидониса Иоанну Кантакузину (лето 1345 г.): **Démétrius Cydonès.** Correspondance / Publ. par. R.-J. Loenertz. Città del Vaticano, 1956. Vol. 1. № 6. P. 31–32. Замечания издателя по поводу этого письма см.: **Loenertz R.-J.** Note sur une lettre de Démétrius Cydonès à Jean Cantacuzène // BZ. 1951. Bd. 44, Hbd. S. S. 405–408.

¹² **Burgess T. C.** Epideictic Literature // Studies in classical Philologie. Univ. of Chicago. 1902. P. 89–142.

¹³ **Enepekides P.** Der Briefwechsel... № 3. 32–39.

запрещавший людям, не достигшим 30-летнего возраста, выступать с публичными речами¹⁴. От обращения к Иоанну Кантакузину его удерживали великие добродетели императора, которым нужно найти достойные слова (ЭИ, 1–26). И обратившись позднее к Анне Савойской, Николай Кавасила просит снисхождения в связи с несовершенством его похвалы, называя свое решение обратиться к василисе дерзновением (τὴν τόλμαν – ЭА, р. 119. 8–9). Не вызывает сомнения, что формула признания автором своего писательского несовершенства несет явные признаки трафарета, присущего византийской риторике¹⁵. Однако даже введение в энкомий этой традиционной формулы свидетельствует об осознании автором степени ответственности акта составления похвального слова и меры требовательности к способностям и образованности энкомиаста.

Поскольку энкомий ведет свою историю от античных времен, он подчинен давно сложившимся традиционным законам жанра¹⁶. Похвальное слово отличается от других видов литературных или исторических сочинений своей структурой, качеством словесной ткани, стилистическим рисунком¹⁷. Украшение похвального слова определенными трафаретными формулами, называемыми ныне клише, является одним из обязательных элементов литературного канона энкомия¹⁸. Признаком большой учености считалось умение говорить о современных событиях на классическом языке, имитируя античные модели этого рода литературы. Г. Хунгер вклю-

¹⁴ *Ševčenko I.* Nicolaus Cabasilas' correspondence... P. 55.

¹⁵ Ср.: Энкомий Льва Дьякона (застольная речь в честь императора Василия II), 1–2. См.: *Сюзюмов М. Я.* Мировоззрение Льва Дьякона // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 144.

¹⁶ Г. Хунгер не без оснований отмечает поразительное сходство византийских энкомиев различных веков. См.: *Hunger H.* Klassizistische Tendenzen in der byzantinischen Literatur des 14. Jh. // XIVe Congrès International des Etudes byzantines. Bucarest, 1971. Rapp. 1. P. 84; *Lehmann P.* Das literarische Bild Karls des Grossen vornehmlich im lateinischen Schriften des Mittelalters // SBAW. Philosoph.-hist. Abt., H. 9. München, 1934. S. 9; *Nisse Th.* Historisches Epos und Panegyrikos in der Spätantike // Hermes. Zeitschrift für klassische Philologie. 75 Jahrgang, H. I, Jubilläumsheft. B., 1940. Bd. 75. S. 300; *Lausberg H.* Handbuch. Bd. 1, § 259; Bd. 11. S. 851.

¹⁷ Энкомий как жанр ближе всего стоит к эпистолярной литературе.

¹⁸ *Каждан А. П.* Византийская культура (X–XII вв.). М., 1968. С. 68, 176–177 и др.; *Ševčenko I.* Society and Intellectual Life... P. 21, 26.

чает в дефиницию поздневизантийского классицизма в литературе подражание образцовым произведениям классики как в отношении их содержания, так и в отношении их формальных качеств¹⁹. Для энкомиев в особой степени характерен именно формальный классицизм, находящий выражение в языковых и стилистических явлениях.

Николай Кавасила, выступая в амплуа энкомиаста, спешит прежде всего сообщить, что он следует примеру эллинов. «Закон обязывал всех эллинов нести первый сбор плодов в Афины» – так начинает он похвалу Анне Савойской, оправдывая этой формулой возможное несовершенство своего сочинения (ЭА, р. 118. 21). Он аргументирует свое желание украсить Анну словами по примеру афинян, считавших необходимым «возвышать до божественных предков» (ЭА, р. 118. 28–32).

Обращаясь к мифологическим образам, Николай Кавасила вспоминает покровителя красноречия Гермеса и муз, вдохновлявших энкомиастов (ЭМ, р. 113. 10–11; ЭИ, 24–26). Он называет эпизоды античной истории (Марафон – ЭМ, р. 115. 2), имена исторических деятелей Древней Греции (Демосфен – ЭА, р. 119. 25), литературных героев древнегреческой литературы (Нестор – ЭМ, р. 117. 22), имена философов той эпохи (Анаксагор – ЭМ, р. 117. 26; Платон – ЭА, р. 121. 9–10)²⁰. Николаем Кавасилой использован в похвальном слове Анне Савойской образ платоновской колесницы, которая, как известно, отождествляется с человеческой душой, влекомой двумя конями – добрым и злым – и управляемой возникшим – разумом²¹. Николай Кавасила советует Анне «умело направлять колесницу Платона» (τὸ τοῦ Πλάτωνος ἄρμα).

Энкомии Николая Кавасилы в соответствии с требованиями жанра отмечены печатью деконкретизации²². Из трех анализируе-

¹⁹ *Hunger H.* Klassizistische Tendenzen... P. 83.

²⁰ *Idem.* On the Imitation (MIMESIS) of Antiquity in Byzantine Literature // DOP. 1970. Vol. 23/24.

²¹ *Платон.* Федр, 246с–247в. // Сочинения. 1970. Т. 2. С. 181–183. Традиция образа идет к Пармениду.

²² *Полякова С. В.* Из истории византийской любовной прозы // Византийская любовная проза. М., 1965. С. 126; *Каждан А. П.* Византийская культура... С. 173.

мых здесь похвальных слов два не имеют точного адресата: один направлен автократору (ЭМ), другой – святому василевсу (ЭИ). В энкомиях Николая Кавасилы отсутствуют современные ему имена, географические названия, даты, события. Автор использует лишь архаические названия народов (афиняне – ЭМ, р. 115. 2, ЭА, р. 118. 28–29; эллины – ЭА, р. 118. 21; заки – ЭМ, р. 114. 25–26) и мест (река Фазис, Геракловы столбы – ЭМ, р. 114. 23–24). Врагов империи он называет не сербами или турками, а варварами (ЭМ, р. 114. 26). Хотя очевидно, что в похвале Анне Савойской речь идет о событиях в Фессалонике, автор не называет города, а для его определения использует прием, представляющий подмену одного названия другим: он называет Фессалонику «вместилищем всей Эллады» (ЭА, р. 110. 1). Только однажды, в энкомии Анне (кстати, здесь и адресат точно назван), упомянута конкретная территория – Македония (ЭА, р. 119. 5–6).

В связи с предназначенностью энкомиев их лейттема состоит в похвалах воспеваемому лицу. Добродетели, превозносимые энкомиастом, столь же традиционны и трафаретны, как сам жанр энкомия. Матфей в изображении Николая Кавасилы – полководец, одерживающий победы над варварами; страж, оруженосец, сражающийся в первых рядах; советчик, поклонник благоразумия, управляющий делами подданных и отвращающий несправедливость; стоящий во главе законов (ЭМ, р. 114. 26; 115. 35–38; 117. 15–20). Восхваляются его ум, ораторские способности, умение предпочесть дела словам (р. 117. 10–14, 22–25).

Отличительной чертой Иоанна Кантакузина как правителя, по Николаю Кавасиле, является филантропия: «Ты имеешь душу о подвластном, словно матери о детях» (ЭИ, 1–2). Кроме того, Иоанн в изображении Кавасилы – прекрасный писатель и оратор, покровитель муз (ЭИ, 16–20). Главная добродетель Анны Савойской – благотворительность («достойна восхищения твоя филантропия относительно отца моего и родины» – ЭА, р. 118. 36–37; 119. 6–7). Николай Кавасила превозносит Анну, философствующую, разумную правительницу (ЭА, р. 120. 23–26; 121. 6–8) за ее умение оставаться непоколебимой в изменяющемся мире: «Ты одна, великая царица, не изменяешься вместе с другими» (ЭА,

р. 120. 27–33). Приемы восхваления этих добродетелей самые типичные: «Мой восхищенный отец всякий раз получает удовольствие от твоих благодеяний; все уши он наполнил рукоплесканиями тебе, все языки – похвалами тебе. И нет в Македонии никого, кто бы не слышал об этом» (ЭА, р. 119. 3–5). Возвеличивание выражается в утверждении превосходства воспеваемого лица над всеми. Ведущая формула энкомия Матфею – «βέλτιστος πάντων», «χράτιστος πάντων» (ЭМ, р. 114. 2.4.16; 117. 1.37; 118. 15).

Явная гиперболизация в освещении достоинств воспеваемого лица не дает оснований впасть в ошибку, даже если бы исследователь хотел довериться излияниям энкомиаста. К тому же превозносимые Николаем Кавасилой добродетели столь безлики, столь шаблонны, что их спокойно можно приписать любому другому правителю. Кроме того, реальные факты истории заставляют усомниться в истинности этих качеств, когда Николай Кавасила относит их к конкретным лицам: политическая устойчивость Анны! Филантропия Иоанна Кантакузина, делающая всех его подданных людьми счастливой судьбы! Несомненно, что этот перечень добродетелей мало что может дать для характеристики правителя и эпохи.

Органически врастают в ткань энкомиев Николая Кавасилы утверждения дидактического характера, представляющие собой общеизвестные истины – наставления («не всем все дал Бог, но одному – одно, другому – другое» – ЭА, р. 119. 21–22; «не мы существуем для дел, но дела для нас» – ЭА, р. 121. 1–2). Использование этих нравоучительных формул также традиционно – оно восходит к древним временам.

Если сравнить энкомий по манере изложения с другим жанром эпидейктической литературы – псогосом²³, то становится совершенно очевидным, что последний отчетливее передает настроения автора. Негативный настрой псогоса дает возможность прорваться авторским страстям – негодованию, возмущению, презрению²⁴. В энкомии же все окрашено в более индифферентные,

²³ *Tinnefeld F. H.* Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Niketas Choniates. München, 1971.

²⁴ О псогосе у Николая Кавасилы см.: *Поляковская М. А.* О памфлете Николая Кавасилы // АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 149–158.

спокойные тона, что, несомненно, очень осложняет его прочтение и понимание.

Можно ли после всего, что сказано об энкомии, считать его достойным внимания историческим источником? Не следует ли относиться к сочинениям этого жанра лишь как к литературным памятникам, несущим печать традиционной устойчивости форм византийской словесности?

При оценке энкомиев как источника историк не может пройти мимо того, что является характерной чертой многих из сочинений подобного рода, – их эзотеризма²⁵. За штампом, за клише-фразой энкомиев кроется иногда определенный, внутренний смысл. Ценность похвального слова в глазах современников возрастала в зависимости от умения автора проявить особую словесную виртуозность при использовании античного трафарета, искусно прикрывающего истинный смысл речи. Энкомиасты, рассчитывая на образованную аудиторию, строили свои сочинения по принципу *sapienti sat*. Оживленный в энкомиях классицизм был для византийцев определенной «знаковой системой»²⁶, которую умели читать лишь интеллектуалы. Исследователю наших дней нелегко постигнуть эзотеризм энкомиев. Разумеется, допустимы разночтения тех или иных мест сочинений этого жанра: столкновение мнений не только возможно, но и желательно.

Вслед за проф. И. Шевченко следует согласиться с тем, что энкомии (как и письма) палеологовского времени в большинстве своем не отделены от современных им событий, как может показаться на первый взгляд²⁷. За их эзотеричностью скрывается часто тот – иногда минимальный – материал, который определяет потенциальную ценность энкомиев как исторического источника.

Несомненно, что энкомии, несмотря на значительно большее, чем в сочинениях иного рода, проявление чистой риторичности, являют собой достаточно интересный источник, дающий основа-

²⁵ Каждан А. П. Византийская культура... С. 187; Ševčenko I. Society and Intellectual Life... P. 25.

²⁶ Любарский Я. Н. Живое наследие Византии // Вопр. лит. 1970. № 8. С. 239.

²⁷ Ševčenko I. Nicolaus Cabasilas' correspondence... P. 49.

ние для выяснения отдельных оттенков писательской манеры их авторов и в некоторой степени – пусть даже незначительной! – для определения политической ориентации составителей этих энкомиев. Несмотря на всю трудность обработки данных источников подобного типа, трудность, проявляющуюся прежде всего в сложности отсложения индивидуального от традиционного и парадно-торжественного, – подчас именно энкомии проливают некоторый свет на позиции и настроения их авторов.

Активное внимание исследователей к материалам энкомиев, проявляемое в последнее время, а также издания ранее неопубликованных текстов энкомиев и их переводов свидетельствуют о значимости этого жанра литературного наследия Византии для изучения истории страны²⁸.

Названные выше энкомии Николая Кавасилы составляют как раз ту группу литературных сочинений, которые не изолированы от влияния общественной жизни середины XIV в. Автор, придав своим похвальным словам требуемую жанром деконкретность, в то же самое время говорит о совершенно конкретных событиях. Каким же образом передает энкомиаст историческую ситуацию, факт, событие?

Одним из средств информации в энкомиях Николая Кавасилы (как и в энкомиях других авторов) является аллюзия, особая риторическая фигура, представляющая собой прозрачный намек на события, которые предполагаются общеизвестными.

Энкомий Анне Савойской содержит аллюзию, говорящую, несомненно, о положении дел в Фессалонике во времена зилотского движения²⁹. В описании Николая Кавасилы Фессалоника пережи-

²⁸ Niceforo Basilace *Encomio di Adriano Comneno* / Testo edito per la prima volta, con apparato critico, introduzione, commentario a cura di A. Garzya. Napoli, 1965; *Brand Ch. M.* A Byzantine plan for the Fourth Crusade // *Speculum*. 1968. № 43. P. 465–472; *Detorakys Th. E.* Anekdoton enkomion eis Andrean Kretes // *EHBS*. 1969/70. T. 37. P. 95–133 (мне недоступно); *Fusko Fr.* Il panegirico di Michele Italico per Giovanni Comneno // *Ibid.* P. 146–169.

²⁹ И. Шевченко также относит этот пассаж из энкомия Анне Савойской к событиям зилотского движения (см.: *Ševčenko I.* Nikolaus Cabasilas' correspondence. P. 55). О пребывании Николая Кавасилы в зилотской Фессалонике 1342–1347 гг. см.: *Angelopoulos A.* Νικόλαος Καβάσιλας Χαμαετός. 'Η ζωὴ καὶ τὸ ἔργον αὐτοῦ. Thess., 1970.

вает ненастье событий (ἐν τοσοῦτῳ τῶν πραγμάτων χειμῶνι) и пребывает в несчастье (καὶ δυστυχεῖ μὲν τὸ κοινὸν τοῦτο πάσης Ἑλλάδος). Правда, энкомиаст в этой ситуации ищет повод сделать очередной комплимент Анне, сопротивляющейся и этим вселяющей надежду городу, который и в пучине войн видит под влиянием ее уверенности и спокойствия будущий мир и тишину (эти слова «ἐκ θυμάτων γαλήνην ὄρᾳ», заимствованные из речи Еврипида, позднее повторит Николай Кавасила в письме к ипомниματοграфу, описывая свирепствовавшую в Константинополе чуму)³⁰. В тексте эта аллюзия звучит так: «Я имею и другой стимул (для похвалы. – М. П.), который заставляет, как говорят, человека спешить: это твое восхищающее человеколюбие в отношении моего отца и родины, ибо она (родина – Фессалоника. – М. П.) в этом ненастье событий, когда ты, лучшая из всех, сопротивляешься, из пучины волн видит спокойствие; и пребывает в несчастье вместилище всей Эллады» (ЭА, р. 118. 36–38; 119. 1).

Нельзя согласиться с мнением Р. Ленертца, интерпретирующего этот фрагмент энкомия как описание событий новой войны между Иоанном Палеологом и Иоанном Кантакузином (1352–1354)³¹, поскольку за названным пассажем следуют несколько аллюзий, близких или совпадающих по времени с зилотским движением: намек на собор 1341 г., на котором «великий василевс победой обратил в бегство богохульников» (ЭА, р. 120. 9–11), на эволюцию отношения Анны Савойской, вначале «попавшей в отношении божественного благочестия под власть дурных языков», к паламизму (ЭА, р. 120. 6–11), на примирение Анны и Иоанна Кантакузина в 1347 г. (ЭА, р. 119. 36–38).

В энкомии автократору Николай Кавасила наряду с другими аллюзиями описывает весьма прозрачно то событие, которое и явилось поводом для написания похвального слова, – коронацию Матфея Кантакузина, которого он называет «второй фигурой царской власти» (τὸ δεῦτερον τῆς βασιλείας ἔχοντα σῆμα – ЭМ, р. 116. 11).

Говоря о том, что сначала Матфей был избран людьми, а затем уже Бог вручил ему царскую власть, Николай Кавасила, несом-

³⁰ *Enepekides P.* Der Briefwechsel... № 11. I; *Eurip.* Or. 279.

³¹ *Loenertz R.-J.* Chronologie... P. 225–226.

ненно, имеет в виду то обстоятельство, что из-за оппозиции патриарха Каллиста коронация Матфея была временно отложена и состоялась лишь после избрания патриархом Филофея. Автор энкомия говорит и о положении Иоанна Палеолога в этот период политической борьбы: «...тот, кто управлял раньше, сам бросил скипетр, и вследствие этого вместо того, чтобы править, должен был бежать» (ЭМ, р. 116. 21–23). Имеется в виду вынужденное бегство Иоанна на остров Тенедос в связи с победами Кантакузина и его требованием отказа от выделенного Иоанну удела.

Думается, что исследователь может получить некоторую информацию, анализируя отдельные моменты взаимосвязи формы и содержания сочинения. Попробуем обратиться к сравнениям подобного рода на примере энкомия Матфею Кантакузину.

По нормам классической риторики в энкомии принято выделять следующие части³²: вступление (προοίμιον)³³, род (γένος)³⁴, воспитание (ἀνατροφή)³⁵, деяния (πράξεις)³⁶, сравнение (σύγκρισις)³⁷, заключение (ἐπίλογος)³⁸.

В энкомии автократору мы можем выделить более или менее четко все названные части, исключая ἀνατροφή. Запевка – προοίμιον – типичная: нелепо и несправедливо не воспеть того, кто достоин этого; многие василевсы были воспеты, но более достоин этого ты, лучший из всех.

Вторая часть энкомия – γένος – вырисовывается очень неопределенно. Здесь нет традиционных элементов, из которых строится обычно этот раздел похвальных слов, а именно: ἔθνος, πατρίς, πρόγονοι, πατέρες. Впрочем, в византийских энкомиях эта часть

³² *Rhetores Graeci* / Ed. L. Spengel. Leipsic, 1853. P. 36–37; **Lester B. Struthers**. The rhetorical structure of the encomia of Cladius Claudian // *Harvard Studies in classical philology*. Cambridge: Harvard University press, 1919. Vol. 30. P. 49–87.

³³ **Lausberg H.** *Handbuch der literarischen Rhetorik. Eine Grundlegung der Literaturwissenschaft*. Max Huebar Verlag. München, 1960. Bd. 2. Reg. S. 874.

³⁴ Ibid. S. 851–852.

³⁵ **Lausberg H.** *Handbuch der literarischen Rhetorik*. Bd. 1. § 245; Bd. 2. Reg. S. 848.

³⁶ Ibid. Bd. 1. § 245; Bd. 2. Reg. S. 873.

³⁷ Ibid. Bd. 1. § 661; Bd. 2. Reg. S. 876–877.

³⁸ Ibid. Bd. 2. Reg. S. 858.

иногда опускалась. Интересно вспомнить в связи с этим застольную речь Льва Дьякона в честь императора Василия II (в переводе проф. М. Я. Сюзюмова): «Вошло в обычай для придания изящества в подобного рода выступлениях сначала перечислять достижения прошлого и доблести предков и затем проводить (от них) словно по течению похвалу к прославляемому. Но мне кажется это искусственным, совершенно пустым и бесполезным, когда дело идет о прославлениях именно твоих добродетелей»³⁹. В энкомии автократуры Николая Кавасилы содержится несколько самых общих, неконкретных фраз относительно рода и предков.

Основная часть энкомия – *πράξις* – включает изложение отдельных моментов деятельности Матфея, подаваемых в окраске, соответствующей лейтмотиву энкомия: «ты лучший из всех».

Четко выделить в энкомии Кавасилы синкрисис не удастся. Здесь нет сравнения каких-либо конкретных фамилий, родов; нет обычных ссылок на деяния великих деятелей древности – Александра Македонского, Кира, Ксеркса, нет характерных сравнений с солнцем и океаном⁴⁰.

Может быть, отсутствие четкого синкрисиса является особенностью поздневизантийского энкомия? Нет, в панегирике Иоанна Хортасмена императору Мануилу II⁴¹ мы снова встречаем сравнение, содержащее привычный для этого вида литературы материал относительно Ксеркса и Александра. Однако при отсутствии в энкомии Николая Кавасилы синкрисиса как специального раздела можно отметить, что элементы синкрисиса разбросаны по всему энкомию. Например, говоря о мудрости Матфея Кантакузина, Николай Кавасила замечает, что Матфей «дает более полезные советы, чем Нестор, бывший стариком» (р. 117. 22–23).

³⁹ Энкомий Льва Дьякона... С. 144–145. 5.

⁴⁰ *Brand Ch. M.* A Byzantine Pan... P. 467; Энкомий Льва Дьякона... С. 147; *Bachmann M.* Die Rede des Johannes Syropoulos an den Kaiser Isaak II. Angelos (Text und Komment.) nebst Beiträgen zur Geschichte des Kaisers aus zeitgenössischen rhetorischen Quellen. München, 1935; *Каждан А. П.* Никифор Хрисоверг и Николай Месарит: Опыт сравнительной характеристики // ВВ. 1969. Т. 30. С. 108.

⁴¹ *Hunger H.* Johannes Chortasmenes. Briefe, Gedichte und kleine Schriften. Einleitung, Regesten, Prosopographie. Text. Wien, 1969. S. 125–126, 217–224.

Эпилог энкомия является собранием наивысших похвал василевсу и утверждением его вечной славы.

Таким образом, следует отметить, что в целом композиция энкомия Николая Кавасилы в достаточной степени традиционна. При сохранении структурных норм риторики энкомий, однако, выглядит упрощенным по сравнению с классическими образцами. Мы не встречаем здесь той цветистой торжественности, которая отличает этот вид сочинений.

При всей традиционности рассматриваемого энкомия Николая Кавасилы обращают на себя внимание отдельные композиционные моменты. Так, в разделе *πράξεις* при перечислении добродетелей василевса (ЭМ, р. 114. 26; 115. 35–38; 37. 10–20) автором сделана акцентировка на благочестии Матфея. *Εὐσέβεια* автократора стоит не в общем перечне его заслуг и добродетелей, но композиционно выделено особо (ЭМ, р. 116. 28–36). Энкомиаст замечает, что Матфей является избранником не только всех подданных, но и тех, «кто взирает лишь на небеса» (*ἀλλὰ καὶ οἱ πρὸς οὐρανὸν μόνον ὀρῶσαν* – р. 116. 25). Кроме того, Матфей является избранником самого Бога: «И если раньше ты был избран людьми, одержимыми страстью процветания, то ныне тебе сам Бог вручает царскую власть через священников...» (р. 116. 29–31). Правитель, отмечает Николай Кавасила, друзей благочестия называет своими спутниками, почитает, нуждается (в них); они преобладают среди других, словно они самые родные ему (р. 117. 33–35).

Параллельно с темой благочестия идет тема всепрощения. Николай Кавасила относит к добродетелям правителей умение прощать своих врагов. «Когда водоворот был укрощен, – пишет он, – дела таким образом установились... он проявил человеколюбие... и не только оставлял безбоязненно жизнь, но и давал власть, и считал их достойными большой заботы, словно в отношении него они относились наилучшим образом» (р. 116. 1–8).

Эта идея примирения с политическими врагами противостоит твердой позиции автора энкомия по отношению к врагам в области веры. Он проповедует вражду к тем, кто не признает благочестия, называя их «наихудшими негодьями» (*τοὺς χείριστ' ἀπολούμενους* – р. 117. 28–33). Это отношение автора энкомия к тем, кто не при-

держивается истинной веры, полностью соответствует той позиции, которую занимает он в своем известном памфлете «Против нелепостей Григоры», памфлете, пронизанном негодующей страстью против того, кто поддерживает противников истинной веры⁴².

Подобная подача темы благочестия, казалось бы столь традиционной в византийской риторике, позволяет, однако, выявить в некоторой степени отношение автора к идейно-политической борьбе своего времени. Следует вспомнить, что памфлет Николая Кавасилы, содержащий ψόγος, направленный против антипаламита Никифора Григоры, относится примерно к этому же периоду творчества автора – он написан после 1355 г.

В энкомии неоднократно звучит также мысль о том, что царствование нового василевса связывается в надеждах людей с мыслями о счастье и процветании: «...ты был избран людьми, одержимыми страстью процветания», ты был избран «для всеобщего блага» (р. 116. 27–31). Хотя сама по себе эта мысль не нова – она традиционно имеет место почти в каждом энкомии, – однако нельзя не заметить, что это отраженное в рассматриваемом опусе представление о правителе как защитнике мира, процветания и благочестия очень точно соответствует тому образу идеального архонта, который мы видим в другом сочинении Николая Кавасилы – «Слово об архонтах»⁴³. Безбожие и беспечные действия архонтов, не приносящих пользы обществу, порицаются там Кавасилой, напоминая ему действия Пилата, держащего суд над Христом. Говоря об отличиях архонта от тирана, Николай Кавасила прежде всего подчеркивает, что архонт действует во имя пользы подданных, в то время как тиран угнетает их и попирает закон⁴⁴.

Обращает на себя внимание и другой структурный элемент – неконкретность раздела γένος, что уже отмечалось выше. Возникает вопрос: несет ли этот индивидуальный стилистический прием определенную смысловую нагрузку?

⁴² *Garzya A.* Un opusculé inédit de Nicolas Cabasilas // *Byz.* 1954 (1956). Vol. 24. P. 521–532.

⁴³ *Ševčenko I.* Nicolas Cabasilas' Anti-Zealot Discourse. A Reinterpretation // *DOP.* 1957. Vol. 11.

⁴⁴ *Ibid.* P. 106. 25; 108. 29.

Попробуем проследить по энкомию, как описывает Николай Кавасила взаимоотношения Матфея с отцом. Энкомиаст прославляет Матфея за то, что «он перенес многие опасности вместе с отцом», за то, что он «не думает о негодовании, об изгнании, о трудностях, не проявляет недовольства отцом, предпочитавшим врагов сыну» (р. 116. 9–13). Не вызывает сомнения, что здесь речь идет о событиях, предшествовавших коронации Матфея, начиная с 1347 г., когда Иоанн Кантакузин получил корону. Известно, что Матфей, подбиваемый теми, кто был недоволен состоявшимся примирением Иоанна Кантакузина с Анной Савойской, пытался образовать собственный удел во Фракии. Ирине Кантакузине с трудом удалось тогда уговорить Матфея не выступать против отца. В 1352 г. Иоанн Кантакузин, ущемляя интересы сына, отдал молодому императору удел, принадлежащий Матфею. И только когда Иоанн Палеолог начал открытые военные действия против Матфея, Кантакузин наконец-то решился помочь сыну. Из текста энкомия ясно, что Николай Кавасила возводит в добродетель сыновнее послушание Матфея. А как относится энкомиаст к поступкам самого Иоанна Кантакузина?

Как известно, в большинстве исторических исследований Николай Кавасила называется сторонником Кантакузина. Однако следует сказать, что Николай Кавасила не использовал все возможности энкомия, чтобы выразить свою преданность Кантакузину, — уже отмечалась эта композиционная особенность сочинения. А между тем энкомий Матфею мог бы явиться панегириком роду Кантакузинов и самому Иоанну. Кроме того, Николай Кавасила мог в энкомии не заострять до такой степени разногласия отца и сына: для подтверждения сыновней преданности Матфея он мог найти менее негативные аргументы.

Все сказанное не означает, однако, что Николай Кавасила выступает в энкомии против Иоанна Кантакузина, — отнюдь нет! Однако отдельные оттенки изложения свидетельствуют о том, что в это время Николай Кавасила не был рьяным, убежденным кантакузианцем.

Невольно вспоминается в связи с этим имеющий место в исторической литературе тезис о политической изворотливости

Николая Кавасилы. Как известно, Г.-Г. Бек считал этот тезис снятым с повестки дальнейшего обсуждения, поскольку удалось установить, что ряд действий, ранее приписываемых Николаю, был связан с другими его современниками – Нилом Кавасилой и Михаилом Кавасилой⁴⁵. Однако факты говорят все-таки о том, что Николай Кавасила иногда проявлял политическую непоследовательность (участие в посольстве к Мануилу Кантакузину в 1345 г.; пребывание при дворе Иоанна Кантакузина после 1347 г.; восхваление Анны Савойской в трактате о ростовщичестве 1351 г.; противопоставление Анны тем, кто борется с ней, злым и бесчеловечным (οἱ μὲν πονηροὶ καὶ ἀλάνθρωποι)⁴⁶. Но в этом находили отражение, несомненно, не его политическое приспособленчество и изворотливость, а верность идеалу справедливого правителя. Вероятно, именно поэтому Иоанн Кантакузин, в период гражданской войны поступавший иногда вопреки представлениям о честности и добродетели, не получил в энкомии Николая Кавасилы хвалебной оценки.

Кроме того, не вызывает сомнения, что нельзя в актах выражения симпатии к политическим деятелям различных группировок усматривать только проявление политической непоследовательности. К примеру, одним из побудительных мотивов создания энкомия Анне Савойской стало прежде всего сыновнее уважение к политическим симпатиям отца. Разумеется, на материале одного энкомия не следует делать прямых выводов о политической ориентации Николая Кавасилы. Для решения этого сложного вопроса следует привлечь все его сочинения, а также замечания его современников.

Однако разбор даже одного энкомия Матфею, несомненно, дает достаточно интересный материал для характеристики отдельных

⁴⁵ *Beck H.-G.* Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959. S. 780.

⁴⁶ *Loenertz R.-J.* Chronologie... P. 207, 222. Об участии Николая Кавасилы в посольстве к Мануилу Кантакузину см.: *Loenertz R.-J.* Note sur une lettre... P. 407. Р. Ленерц усматривает политическую линию Николая Кавасилы в том, что он написал одновременно похвалы и Анне, и Матфею (см.: *Loenertz R.-J.* Chronologie... P. 226).

оттенков политических настроений одного из видных византийских авторов XIV в.

Можно было бы обратить внимание и на такое средство информации, как нюансировка в характеристике или в описании: энкомии Николая Кавасилы в этом отношении достаточно интересны. Удивляет, например, умение нашего энкомиаста от похвал незаметно перейти к рекомендациям, каким должен быть истинный правитель (ЭА, р. 119. 30–38; ЭМ, р. 115. 20–24 и др. – об этом подробнее в одной из следующих статей).

В целом же необходимо отметить, что эпидейктическая литература палеологовской эпохи, несмотря на одевающую ее пелену традиционности, таит в себе богатства, могущие дать исследователю ценный исторический материал.

ПЛЕН КАК ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ СТОЛКНОВЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «СВОИХ» И «ЧУЖИХ»*

Коллективные представления народов друг о друге возникают прежде всего в процессе общения. Формы общения могут быть разнообразными: каждодневное общение с соседями в приграничных областях, индивидуальные поездки в чужие страны, участие в посольских миссиях, прием послов при императорском дворе своей страны. К экстремальным ситуациям общения может быть отнесена война, когда одна из враждующих сторон обычно оказывается на землях своих противников, что дает возможность, чаще негативную, проверить свои представления о «чужих». Плен как сопутствующее перманентным войнам средневековой эпохи явление обнажал обычно противостояние полярных элементов в напряженном дихотомическом единстве «свой – чужой».

Византийские источники, преимущественно нарративные, содержат сообщения о попавших в плен византийцах (к туркам, болгарам, сербам, половцам, норманнам) и об иностранцах, пребывающих в византийском плену. Противник, в руках которого находится пленный, обретает наряду со стереотипическими чертами еще и те, которые определялись характером содержания пленного.

Византийские риторы использовали всю гамму темных красок, чтобы описать ужас пребывания в плену. В одном из писем Димитрия Кидониса 80-х гг. XIV в. плен ассоциируется со многими несчастиями (τὰ δυσχερῆ), а зрительный образ пленения пред-

* Тезисы доклада на научной конференции в рамках Института всеобщей истории РАН, состоявшейся 23–25 июня 1997 г., опубликованы: Иностранцы в Византии. Византийцы за рубежами своего отечества: Тез. докл. М., 1997. С. 37–38.

ставлен автором в виде мрачной пещеры (σχοτεινὸν ἄντρον), где ноги пленника сжаты железом, где он ест лишь хлеб печали и пьет со слезами смешанное питье; когда голос и взгляд охранника-варвара оскорбляют пленника, когда будущее видится худшим, чем настоящее¹.

Григорий Палама был пленен турками во время морского путешествия, вблизи Галлиполи, и находился в плену с марта 1354 г. по весну 1355 г. Обстоятельства пребывания в плену отражены Григорием Паламой в его «Письме из азиатского плена к своей церкви»².

Изначально пленение казалось Паламе самым худшим из того, что могло бы случиться во время морского путешествия. Когда корабль турок стал приближаться к тому судну, на котором находился Григорий Палама, он и его спутники, желая вернуться на остров Тенедос, предлагали капитану всевозможные подарки, лишь бы не стать «для турок жалкой и случайной добычей» (ПСЦ, 6. 6–8).

После пленения по прибытии в Лампсак к Григорию Паламе и его спутникам по плену «были применены все законы рабства: они остались без одежды и были лишены всего необходимого» (7. 16–17). Как пишет Григорий Палама, начальник варваров, узнав об ученых заслугах пленника, надеялся получить от него «тысячу номисм» (7. 10–11). В течение семи дней Палама и его спутники подвергались давлению с целью увеличить выкуп (9. 6–7), что продолжалось и по прибытии в Пиги. Однако Палама не располагал подобной суммой денег (10. 5–7).

Особенно тяжелы были для Григория Паламы и его спутников по несчастью переходы от одного населенного пункта до другого. По этому поводу он написал: «И если бы я хотел показать в деталях страдания перехода, то ни чернил, которыми я располагаю теперь, ни бумаги мне бы не хватило» (9. 8–9).

¹ *Démétrius Cydonès. Correspondance* / Publ. par R.-J. Loenertz. ST, 208. Città del Vaticano, 1960. Vol. 2. № 224. 4–8.

² *Philippidis-Braat A. La captivité de Palamas chez les Turcs: Dossier et commentaire* // TM. 1979. Vol. 7. P. 137–165. Далее в тексте указывается раздел греческого текста Письма.

По прибытии в Пиги пленникам было позволено находиться в христианском храме, который для них «как тихая гавань после многочисленных бурь» (10. 9–10). Здесь их накормили, обули и дали все необходимое на последующие дни. Пленникам было разрешено общаться с местными жителями и христианами, пребывавшими там в плену.

Несмотря на давление со стороны турок получить за Паламу выкуп, приводившее время от времени к ухудшению его содержания, статус пленного не лишал Паламу некоторой свободы и уважения к нему как к известному теологу.

В Бруссе, неподалеку от которой среди гор и деревьев находилась резиденция хана Орхана, его внук Исмаил выразил желание встретиться с Григорием Паламой, чтобы побеседовать на богословские темы. Как написал Палама в «Письме...», он с Исмаилом сел на мягкую траву (ἐπὶ μαλακῆς καθίξει τῆς λόας – 13.9), им были принесены мясо для Исмаила и фрукты для византийского богослова (13). Этот долго продолжавшийся за оживленной беседой завтрак на траве был прерван лишь неожиданно начавшимся резким дождем (16. 1–2).

Будучи позднее переведенным в соседнюю с резиденцией хана деревушку, Палама встречался с византийскими послами. И в Никее ему позволялось жить и ходить, где он хотел, и встречаться с теми, с кем он пожелал (18). Узнав, что много христиан жило в Никее близ монастыря св. Иакинфа, Григорий Палама с другими пленниками отправился туда, найдя, что монастырь был расположен в очень удобном и уютном месте в окружении высоких деревьев, дававших густую тень. Как видно из текста письма, Григорию Паламе было далеко не безразлично, что христианский храм благоденствует на земле турок. Через случайных переводчиков византийский богослов имел возможность беседовать с турками о некоторых их обрядах (20–28).

Оценка турок Григорием Паламой имеет несколько граней. Прежде всего она содержит стереотип негативного отношения к туркам как к иноверцам. Палама называет турок безбожниками (δυσσεβές), которые, не почитая Христа, «живут позорно и бесчеловечно», находя удовольствие «в порабощениях, убийствах,

грабежах, похищениях (ἀνδραλοδισμοῖς, φόνοις, λεηλασίαις, ἄρπαιγαῖς... – Там же, 24–27). Но, с другой стороны, византийский богослов полагал, что, побывав в плену, он видел «христиан и турок, живущих вместе» (3. 1–2). В этом он усматривал провидение Бога (ὁ γούν τῆς τοῦ Θεοῦ προνοίας – 3. 2–3). Пребывание в плену у турок породило в нем некоторые позитивные оценки в связи с их веротерпимостью и стремлением вести дискуссию по вопросам веры. Условия содержания в плену откорректировали позицию Григория Паламы по отношению к туркам.

Надо полагать, что пребывание в плену всегда уточняет – в ту или иную сторону – сложившийся стереотип оценки иноплеменников.

ДИКАНИКИЙ КАК АТРИБУТ ВЛАСТИ ВИЗАНТИЙСКИХ АРХОНТОВ*

Поздневизантийский церемониал предусматривал определенную иерархию атрибутов власти для придворных кругов. Причастность к системе государственного управления, согласно обряднику Псевдо-Кодина¹, символизировали прежде всего три атрибута: платье – каввадий, эпилурик, головной убор – скиадей, фиал, а также жезл – диканикий².

Диканикий являлся символом власти не только для архонтов двора, но, в первую очередь, для императора (174. 17; 175. 3–5; 177. 3, 21; 190. 24–25; 280. 10). Псевдо-Кодином отмечено наличие диканикия у патриарха (279. 24–25; 280. 10) и архимандрита (283. 30).

Что же касается придворных кругов, то для каждой ступени управления оговорены в деталях все три названных атрибута. Отсутствие диканикия при церемониальных актах у какого-либо лица также являлось обозначением его должности.

Диканикии в описании Псевдо-Кодина различаются по цвету, наличию или отсутствию узлов (комп) и их количеству, орнаменту узлов и интервалов.

Иерархия цвета, использованного в декоре диканикия, традиционна. Более высокой ступени в системе власти и управления – от великого доместика до великого этериарха – соответствовало

* Доклад на XV Всероссийской научной сессии византинистов: Византийское государство в IV–XV вв.: Центр и периферия: Тез. докл. Барнаул, 1998. С. 63–65.

¹ *Pseudo-Kodinos. Traite des offices* / Par J. Verpeaux. P., 1966 (далее ссылки на этот источник приводятся в тексте с указанием страницы и строки).

² О спорности интерпретации назначения скараника см.: *Поляковская М. А.* К спорам о скаранике // АДСВ: Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. Вып. 27. С. 41–45. Перепечатка в данном издании: с. 101–108.

большее количество золотых, серебряных, алых и белых деталей. Так, великий domestik имел жезл с тремя интервалами между компами: первый и третий были золотыми, второй – золотой с серебряным орнаментом. Жезл протостратора имел золотые интервалы между золотым и серебряным компами. Жезл великого примикирия был полностью из позолоченного дерева. Наличие золотого цвета в декоре жезла охватывает верхние ступени вплоть до великого этериарха. Следует заметить, что до этого же уровня иерархической лестницы распространяется и право делать выбор в одежде между каввадием и эпилуриком (158. 25–159. 2).

В пределах этой условно выделенной группы в орнаменте жезла, наряду с золотом, встречаются зеленый цвет (протовестиарий), алый (великий папия и великий друнгарий), белый (паракимомен), черный (трапезит), голубой (великий этериарх). Цвет в орнаменте жезла зачастую перекликался с цветом одежды и обуви. Так, протовестиарий, в орнаменте диканикия которого появился зеленый цвет, имел зеленую обувь и тампарий. Одежда великого папия и великого друнгария, как и их жезлы, сочетала белый и золотой цвета.

Во второй условно выделенной группе – от великого хартулярия до последнего из названных Псевдо-Кодином чинов папия – золотой и серебряный орнамент встречается лишь четырежды: серебряным был жезл domestika схол и великого аднумиаста, позолоченным – у эпи тон анамнесеон; великий миртит имел серебряный жезл с орнаментом из золота и серебра. В остальном же колористическая гамма в этой группе была несколько менее разнообразной: это белый, алый, голубой, желтый цвета, без зеленого и черного. Но наиболее характерными для этой группы были жезлы из неокрашенного гладкого дерева.

Различия жезлов по количеству и форме узлов менее вариативны. В первой группе все жезлы имели несколько комп, разделенных интервалами. Так, диканикий великого domestika имел не менее пяти искусно высеченных комп. Псевдо-Кодином не всегда оговаривается количество комп и интервалов, а также характер их орнамента.

В отношении второй группы в «Трактате о церемониях» содержится информация только о наличии комп диканикиев доместика схол, великого аднумиаста, великого миртита. Причем последние два чина имели компы особой формы: великий аднумиаст – в форме голубя (162. 19–20), великий миртит – в форме гаммы (166. 17).

Детали декора диканикия, а также его наличие или отсутствие, увеличивали возможность модификации парадного костюма придворных архонтов. Так, логофет геникона при одинаковых с протовестиаритом каввадии и скаранике, в отличие от последнего, не имел жезла (157. 1–11).

Не все придворные имели диканикий. В первой выделенной нами группе из 21 архонта 9 не имели жезла (великий логофет, великий коноставл, протосеваст, пинкертн, куропалат, логофет геникона, доместик стола, эпарх). Во второй группе отсутствие жезла являлось более частым – при этом иногда оговаривалось, что его заменяло. Так, заусий носил на поясе слева дротик, называемый «салиба» (161. 19–20), проталлагатор – армейскую дубинку – серебряную, с обтянутой алым шелком рукояткой (163. 32–164. 1–5).

Наряду с парадно-представительным назначением диканикий имел и «сюжетное» применение. Некоторые церемониальные акты были отмечаемы с его помощью. Так, протовестиарит в знак окончания императорского приема тихо ударял своим диканикием о пол; засим этериарх и те, кто имел деревянные жезлы, должны были сообщить тем, кто вошел в зал после передачи императору его диканикия, чтобы они вышли (177. 16–21). Византийский церемониал в приведенном и подобных актах запечатлел тот срез ритуальной культуры, который позволил Ж. Ле Гоффу назвать Средневековье «эпохой жеста»³.

Итак, диканикий играл заметную роль в обозначении ступеней придворной иерархии и использовался в церемониальных действиях. Его назначение можно определить по крайней мере тремя проявлениями:

³ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 90.

- репрезентативное;
- рекогнационное (распознавательное);
- функциональное.

Несомненно, диканикий был одним из существенных семантических знаков в общей знаковой системе⁴ византийского церемониала.

⁴*Tinnefeld F.* Semiotische Aspekte der byzantinischen Gesellschaftsstruktur // XVII Международный конгресс византистов: Рез. сообщ. М., 1991. Т. 2. С. 1160–1161.

К СПОРАМ О СКАРАНИКЕ*

Скараник (τὸ σκαράνικον), как известно, является одним из элементов поздневизантийского придворного костюма. Он многократно назван в обряднике Псевдо-Кодина середины XIV в. при описании парадной одежды верхних чинов императорских служб. Подробно определены в обряднике соответствующие ступеньке служебной лестницы цвет, отделка и украшение скараника.

Что же такое скараник? Н. П. Кондаков, как и его предшественники, среди которых были Гретцер, Гоар¹ и Дюканж², считали скараник парадной одеждой, имеющей вид ездового кафтана по аналогии со скарамангием, упоминаемым в «Церемониях византийского двора» Константина VII Багрянородного³. Ф. Кукулис, автор известного исследования по византийскому быту, также считал скараник видом одежды⁴. Точка зрения Н. П. Кондакова и Ф. Кукулиса оказала влияние на представления о скаранике автора этих строк при написании соответствующей главы книги «Византия: Быт и нравы»⁵.

В научной литературе имеется и иная точка зрения. В 1924 г. А. П. Смирновым был сделан на заседании византийского разряда Российской академии истории материальной культуры доклад, где автор доказал, что скараник является парадным головным убором. Доклад А. П. Смирнова не был напечатан, но в журнале

* Статья опубликована в сб.: АДСВ: Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. Вып. 27. С. 41–45.

¹ *Pseudo-Kodinos*. Traite des offices / Par. J. Verpeaux. P., 1966. P. 145. С. 2.

² *Кондаков Н. П.* Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. С. 239.

³ *Kondakov N. P.* Les costumes orientaux à la cour byzantine // Byz. 1924. 1. P. 11–15; *Он же.* Очерки в заметки... С. 238–239, 259.

⁴ *Koukoules Ph.* Βυζαντινὸν βίος καὶ πολιτισμός. Athenai, 1948. T. 2. P. 8.

⁵ *Поляковская М. А., Чекалова А. А.* Византия: Быт и нравы. Свердловск, 1989. С. 207.

«Byzantion» за этот же год о нем появилась информация⁶. Главным убором считает скараник и автор статьи «Византиногерманика» Ст. К. Каратцас⁷. Издатель текста «Трактата о церемониях» Псевдо-Кодина Ж. Верпо также определяет скараник как головной убор, уточняя, что он имел яйцевидную форму⁸.

Обе точки зрения нашли отражение в «Оксфордском словаре по Византии», где скараник назван осторожно – элементом придворного костюма⁹.

Наиболее весомым доказательством для исследователей, которые считают скараник головным убором, является изобразительный материал. А. П. Смирнов апеллировал в своем докладе к живописному изображению великого примикирия Иоанна на иконе Пантократора (ныне Эрмитаж, № 515), к миниатюре, запечатлевшей великого дуку Апокавка в Парижской греческой рукописи (№ 2144), и к чеканному изображению Константина Акрополита на иконе Божьей Матери Одигитрии (ныне Третьяковская галерея, № 22722). Ж. Верпо в подстрочном примечании, ссылаясь на неопубликованное мнение А. П. Смирнова, называет, кроме указанных докладчиком, изображение протосеваста Константина Комнина Рауля Палеолога из Типика Линкольнского колледжа и др. Во всех этих светских портретах на головном уборе яйцевидной или трапециевидной формы имеется схематическое изображение человеческой фигуры. Названные исследователи отождествили это изображение с фигурой императора, которая была, судя по тексту Трактата Псевдо-Кодина, украшением скараника. Правда, эта деталь в костюме сохранившихся от палеологовского времени светских портретов настолько условна, что, к примеру, А. В. Банк,

⁶ Byz. 1924. Т. 1. Р. 726. Информацию о неопубликованном докладе А. П. Смирнова см. также: *Смирнов А. П.* Что такое «скараник»? К вопросу об одной спорной части византийского придворного облачения эпохи Палеологов // ВВ. 1991. Т. 52. С. 236–237.

⁷ *Caratzas St. C.* Byzantinogermanica: (karanos – skaranikon) // BZ. 1954. Bd. 47. S. 321. Anm. 4.

⁸ *Pseudo-Kodinos.* Traite des offices. P. 145–146. № 2 (далее при ссылках на текст: *Ps.-Kod.*).

⁹ The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. Vol. 3. P. 1908–1909.

комментируя изображение великого логофета Константина Акрополита на серебряном окладе иконы Божьей Матери, написала, что на высокой шапочке укреплен металлическая пластинка с изображением Христа¹⁰, а не императора, как указано у Псевдо-Кодина.

Итак, главным аргументом в пользу того, что скараник представляет собой головной убор, является наличие в изобразительном материале на головных уборах светских лиц пластинки с человеческой фигурой. Этот аргумент довольно убедителен, но хотелось бы соотнести его с текстом Трактата Псевдо-Кодина, нашего основного источника о придворном костюме второй половины XIV в., в том числе и скаранике.

В «Трактате о церемониях» слово «τὸ σκαράνικον» употреблено 40 раз (II глава – 31 упоминание; III – 1; IV – 6; VII – 1; VIII – 1), в некоторых случаях с более или менее пространным текстом. Так, деспот «носит скараник с золотым и серебряным орнаментом, драгоценными камнями и жемчугом, вставленными в оправу»¹¹. Скараник великого domestika имеет такое описание: «Его скараник ало-золотой, вышитый золотыми нитками. Он имеет впереди и сзади искусно сделанное изображение императора – стоящего, коронованного, с ангелами справа и слева, обведенными кругом из жемчуга, и еще одно изображение императора. Скараник имеет в круге впереди линию, вышитую жемчугом»¹². Скараник великого дуки «ало-золотой, украшенный золотыми листиками, имеет искусно сделанное изображение императора впереди, сзади – императора, сидящего на троне»¹³. Скараник великого примикирия, по описанию Псевдо-Кодина, был из шелка абрикосового цвета, вышитого золотыми нитками, с изображением императора впереди – стоящего, сзади – сидящего на троне¹⁴. Скараник великого друнгария, «как и у епарха, из желто-золотого шелка, вышитого

¹⁰ **Банк А. В.** Прикладное искусство // История Византия: В 3 т. М., 1968. Т. 3. С. 295.

¹¹ *Ps.-Kod.* P. 145. 23–24; 146. 1–2.

¹² *Ibid.* P. 152. 1–11.

¹³ *Ibid.* P. 153. 11–17.

¹⁴ *Ibid.* P. 155. 3–13.

золотыми нитками. Он имеет впереди изображение императора на троне со ступеньками, сзади – портрет императора верхом»¹⁵. В большинстве упоминаний называется лишь цвет скараника. Вероятно, изображение императора на скаранике имели лишь высшие чины.

В целом все описания Псевдо-Кодина, если абстрагироваться от существующего изобразительного материала, могут в равной степени относиться как к головному убору, так и к одежде.

Все ли придворные чины носили скараник? В соответствии с той информацией, которая содержится во второй главе обрядника, одни придворные носили скиадей, каввадий, скараник, другие – тюрбан (факеолиду) и эпилурик (одежду из шелка или хлопка, одеваемую на петли кольчуги). Факеолиду и эпилурик носили логофет дрома и еще семь чинов, находившихся ниже него¹⁶. Для некоторых из них оговорено, что скараника они не носят¹⁷. Протасикрит в сочетании с тюрбаном и эпилуриком носил скиадей¹⁸.

Основная же часть придворных от деспота до протокомита носили костюм, состоящий из скиадия, каввадия и скараника (в восьми случаях последовательность перечня иная – скиадей, скараник, каввадий). Может быть, нам поможет понять назначение скараника характер сопутствующих ему элементов одежды?

По комментарию издателя, скиадей – это тот же головной убор, что и калиптра, упоминаемая Георгием Пахимером и Никифором Григорой¹⁹. Как известно, это был головной убор пирамидальной формы с верхом из довольно легкой и иногда пестрой ткани. Ж. Верпо замечает, что скиадей был, по всей вероятности, с поля-

¹⁵ *Ps.-Kod.* P. 158. 14–20.

¹⁶ *Ibid.* P. 159. 12–16.

¹⁷ *Ibid.* P. 160 б; 11–13.

¹⁸ *Ibid.* P. 159. 17–18.

¹⁹ *Georgii Pachymeris* de Michaelae et Andronico Palaeologis libri XIII / Rec. I. Bekker. Bonnae, 1935. Vol. 1. P. 337. 10–13; *Nicephori Gregorae* Byzantina historia / Ed. L. Schopen. Bonnae, 1829–1855; Vol. 1. P. 567. 15–16. Интересно заметить, что Пахимер и Григора, называя головным убором калиптру, не упоминают ни о скиадии, ни о скаранике, а Псевдо-Кодин, напротив, вообще не называет калиптру.

ми, чтобы закрывать лицо от солнца²⁰. Если это так, хотя текст не дает оснований для подобного объяснения, то все шапочки яйцевидной или трапециевидной формы, которые мы видим на светских портретах XIV в., не скиадии и, следовательно, не калиптры. В отношении головных уборов придворных палеологовского времени еще много неясного.

Каввадий, в интерпретации Ж. Верпо²¹, представлял собой длинный и простой плащ. Судя же по светским портретам, это был однобортный прилегающий кафтан в пол, с цельнокроеными рукавами и застежкой впереди. Так же описан каввадий и у Н. П. Кондакова²².

Итак, имеющаяся в научной литературе интерпретация элементов костюма, называемых в обряднике вместе со скараником, не только не помогает определить назначение скараника, но и нуждается в дальнейшем уточнении также в отношении других атрибутов костюма.

Тем не менее некоторые пассажи в Трактате Псевдо-Кодина дают материал для догадок — чем же является скараник, но этот материал противоречив. В описании одежды деспота имеется противопоставление, на которое, видимо, и обратил внимание А. П. Смирнов²³. Согласно тексту, юный деспот носил во дворце скиадий, а в праздничные дни надевал скараник²⁴. Это противопоставление должно было бы нас утвердить во мнении, что скараник, следовательно, являлся головным убором. Однако нельзя полностью доверяться логике этого сравнения. Например, в другом месте в отношении одежды императора существует противопоставление подобного рода: «Во время исполнения тропарей император одет в скиадий и свой обычный костюм... Во время вечерни и литургии он надевает тунику, украшенную узорами

²⁰ *Ps.-Kod.* P. 141.1. В современном греческом языке τὸ σκιάδι — соломенная шляпка.

²¹ *Ibid.* P. 146. № 1.

²² *Кондаков Н. П.* Очерки и заметки... С. 229–230.

²³ *Смирнов А. П.* Что такое «скараник»? К вопросу... С 236.

²⁴ *Ps.-Kod.* P. 145. 23–24; 146. 1–2.

из жемчуга»²⁵. Если следовать логике приведенного ранее сравнения, то скиадей должен быть одеждой, что исключено.

В пользу того, что скараник был головным убором, может также служить и упоминание об украшающей скараник кисточке²⁶. Правда, Н. П. Кондакова, упоминувшего эту деталь украшения скараника, это не смущало: он считал, что эта кисточка (ἡ φοῦντα) находилась в верхней части одежды²⁷, хотя реальнее представить ее на макушке шапочки, тем более что в современном греческом языке слово «ἡ φοῦντα» означает как кисточку, так и султанчик, хохолок у птиц.

Таковы свидетельства обрядника, которые можно привести как аргументы в пользу того, что скараник был головным убором. Однако есть в Трактате Псевдо-Кодина доказательства и в пользу противоположной точки зрения.

В одном из пассажей при упоминании о скаранике использовано причастие от глагола ἐνδύω (надетый скараник), применяемого только по отношению к одежде²⁸. В частности, произведенное от этого глагола существительное τὸ ἐνδυμα означает одежду.

Некоторые фрагменты обрядника, упоминающие скараник, могут иметь различную интерпретацию. Так, на рождественской трапезе во дворце приветствуют императора сначала те, кто носит скиадей²⁹. Затем, «когда великий domestik уходит с первым классом архонтов», наступает очередь тех, кто носит скараник³⁰, начиная с протовестиария и ниже — до логофета τῶν ἀγέλων, в костюме которых скараник не входил. Не ясно, почему архонты высшего ранга были на праздничной трапезе не в скараниках (если их считать головным убором), а в скиадиях, хотя, казалось бы, именно скараник противопоставлялся скиадию как более праздничный³¹.

²⁵ *Ps.-Kod.* P. 195. 11–17.

²⁶ *Ibid.* P. 163. 7–10.

²⁷ *Кондаков Н. П.* Очерки и заметки... С. 239.

²⁸ *Ps.-Kod.* P. 239. 21–31. На эту тонкость в интерпретации текста обратил наше внимание Р. М. Бартикан.

²⁹ *Ibid.* P. 207. 17–20.

³⁰ *Ibid.* P. 210. 14–16.

³¹ См. сн. 25.

В другом месте главы IV отмечено, что император пять раз в году собирает на праздничную трапезу в Триклине всех архонтов, носящих скараники (в это число входит и праздник Рождества Христова)³². Не может быть, чтобы не имелись в виду те, кто на рождественской трапезе был в скиадиях. Создается впечатление, что скараники и скиадии носили одновременно, что исключено для головного убора.

Может быть, что-то прояснит в отношении назначения скараника его происхождение? Автор «Трактата о церемониях» считал, что тюрбан и эпилурик взяты византийцами из Мидии, а скараник и каввадий – из Ассирии³³. Р. Фурикис выводил скараник из армяно-ассирийских основ³⁴. Ст. К. Каратцас писал о германском происхождении скараника, который стал элементом официальной одежды во времена Мануила I в силу сильного западного влияния³⁵. Ф. Кукулис же считал скараник одеждой северного, может быть, славянского происхождения. Аналогию слову «скараник» он видит в валашском «царанико», как называют валахи деревенскую одежду³⁶.

Итак, вопрос о происхождении скараника также дает разброс мнений. Псевдо-Кодин, говоря о его ассирийском происхождении, не дает возможности установить его назначение; Каратцас и Фурикис, предлагая не совпадающие версии его происхождения, единодушны в признании его головным убором, а Кукулис, склоняясь к славянскому варианту его происхождения, видит в нем одежду.

Вышеизложенное не имело целью окончательно решить спор, а лишь показать, что вопрос о скаранике остается спорным и обе точки зрения имеют право на существование. Хотя изобразительный материал склоняет автора этих строк к признанию не лишенных оснований выводов А. П. Смирнова и его единомышленников, однако показателем достоверности знания об обсуждаемом

³² *Ps.-Kod.* P. 219. 27–31.

³³ *Ps.-Kod.* P. 206. 19–21.

³⁴ *Phourikes P. A.* Σαραμάγγιον – καββάδιον – σκαράνικον // Λεξικογραφ. Ἀρχεῖον τῆς μέσης καὶ νεᾶς ἑλληνικῆς. 1923. Vol. 6. P. 444–473.

³⁵ *Caratzas St. C.* Byzantinogermanica. P. 327–332.

³⁶ *Koukoules Ph.* Βυζαντινῶν βίος καὶ πολιτισμός. Τ. 2. P. 8.

предмете может быть только совмещение информации обрядника и свидетельств художественных памятников, современных обряднику. Пока эти два вида источников наших представлений о скаранике существуют в значительной мере изолированно друг от друга. Вернее всего искать решение вопроса в сфере уточнения аналогий с деталями костюма других народов, но не путем филолого-лексических построений (что блестяще сделано Р. Фуриком и Ст. Каратцасом), а на основе этнографического поиска.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ВЛАСТЬ В ВИЗАНТИИ*

Византию можно счесть уникальной страной европейского Средневековья по многим проявлениям ее жизнедеятельности, в том числе и по степени участия интеллектуальной элиты в процессе функционирования власти. Ни одна из ведущих стран средневековой Европы, достигнув упрочения централизованности, не знала столь насыщенной концентрации интеллекта во властной среде, как в Византийской империи. Высокая образованность носителей власти, как в сфере ее репрезентативности, так и функционирования, в странах Западной и Центральной Европы была скорее исключением, чем правилом.

Один из авторов статьи является специалистом в области ранней истории Византии, другой изучает последние столетия ее существования. В силу этого на исследовательском поле будут высечены два периода: ранне- и поздневизантийский. Большой временной диапазон с акцентированием внимания на двух хронологических полюсах позволяет авторам обратиться к истокам и закату исследуемого явления.

Перенеся столицу империи с берегов Тибра на берега Босфора, Константин I таким образом положил начало созданию нового центра империи, значительно более соответствовавшего изменившейся социально-политической ситуации. Если первый Рим был городом сената, то новая столица являлась городом императора¹.

* Статья написана в соавторстве с А. А. Чекаловой и опубликована в сб.: Византийские очерки. М., 1999. С. 5–24. Будучи написанной в честь Г. Г. Литаврина, она открывалась словами: «Проблема власти близка научному творчеству академика Г. Г. Литаврина и, обратясь к одной из ветвей этой большой темы, мы вплетаем ее в юбилейный венок».

¹ *Dagron G.* Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451. P., 1974.

Именно в IV в. складывается достаточно крепкий, разветвленный бюрократический аппарат. Именно тогда личные службы императора превращаются в государственные, а совет при императоре (консistorий) из неофициального, совещательного, в значительной степени дружеского его окружения превращается в важный орган политической власти². Именно тогда же вместо старого сенаторского *cursus honorum* утверждается новый тип карьеры сенатора – через службу в государственном аппарате и при дворе императора³. Изучение административной истории IV в.⁴ и социального состава сената, в среде которого было большое число близких к императору лиц, позволяет утверждать, что генетически сенат Константинополя восходил не столько к римскому сенату, сколько к *familia Caesaris*⁵, т. е. опять-таки к ближнему окружению императора.

Принимая во внимание огромную роль имперской администрации в реализации политической власти в ранней Византии, можно было бы предположить, что ей суждено было стать сугубо бюрократическим государством. Однако этого не произошло. Огромную роль здесь сыграли традиции греческих полисов восточной половины Римской империи, в частности, наличие в них огромного числа интеллектуалов. Образованность являлась неотъемлемой частью городской жизни. Сами города с их прекрас-

² Из последних работ о консистории см.: **Graves D. A.** Consistorium Domini: Imperial Council of State in the Later Roman Empire. Ph. D. Dissertation. The City University of N. Y., 1973 (Ann Arbor, University Microfilm, 1983). В. Турпинг выдвинул теорию (которую склонны разделить и другие исследователи) о том, что слово «консistorий» означало лишь зал, в котором собирался совет при императоре. См. его еще неопубликованный доклад в Кембридже: **Turpin W.** Consistorium. Paper read at Cambridge University in 1979. Считаю своим приятным долгом выразить благодарность В. Турпингу за возможность ознакомиться с его работой.

³ См.: **Чекалова А. А.** К вопросу о возникновении сенаторского сословия Константинополя // ВВ. 1989. Т. 50. С. 54–56

⁴ Литература по этой части огромна. См., напр.: **Hopkins K.** Conquerors and Slaves: Sociological Studies in Roman History. Cambridge; London; New York; Melbourne, 1978–1983. Vol. 1–2; **MacMullen R.** Corruption and the Decline of Rome. New Haven; London, 1988; **Delmaire R.** Largesses sacrées et «res privata». L'aerarium impérial et son administration du IVe au VIe siècle (Coil. de l'École franç. de Rome, 121). Rome, 1989 etc.

⁵ О familia Caesaris см.: **Weaver P. R. C.** Social Mobility in the Early Roman Empire // Past and Present. 1967. № 37. P. 14.

ными постройками, утонченной скульптурой и великолепной мозаикой являлись своего рода университетами на открытом воздухе. К таковым в первую очередь относилась Антиохия, воплощавшая в себе Афины Востока. Родившиеся и выросшие в ней лица, будь то язычники или христиане, не могли уже относиться без почтения к эллинской культуре и к тем, кто олицетворял собой эту культуру — риторам, философам, поэтам.

Оказавшись на Востоке, император Константин, в практическом складе ума и характера которого мало кто сомневался, решил привлечь на свою сторону многочисленную и действенную силу греческих интеллектуалов. Отнюдь не желая окружать себя родовитой римской аристократией или старинной знатью греческого Востока (куриалами)⁶, он охотно покровительствовал представителям свободных профессий. Император явно благоволит афинским ученым и литераторам и, по всей видимости, субсидировал поездку в Александрию известного философа-неоплатоника и ритора Никагора⁷.

Своим ближайшим советником Константин избрал известного философа Гермогена, который, по утверждению ритора Гимерия, способствовал смягчению законов, помогал тем, кто находился в опасности, обеспечивал назначение достойных людей на посты правителей провинций, выполнял роль посредника между Константином и его подданным⁸. Другим доверенным лицом императора стал поэт Стратигий, прекрасно писавший как по-гречески, так и по-латыни, за что был прозван императором Музонианом. Стратигий играл важную роль в осуществлении религиозной политики Константина, который, например, поручал ему ведение переговоров с восточными епископами. После смерти Константина

⁶ Ряд исследователей полагают, что в отличие от Диоклетиана Константин взял курс на союз со старой римской senatorской знатью. См., напр.: *Arnheim M. T. W.* The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford, 1972. P. 49–73. Убедительные возражения против этой точки зрения приведены, на мой взгляд, Д. М. Новаком: *Novak D. M.* A Late Roman Aristocratic Family: The Anicii in the Third and Fourth Century. Chicago, 1976. P. 89–89. О политике Константина по отношению к куриям и куриалам см.: *Gaudemer J.* Constantin et les curies municipales // Jura. 1951. T. 2. P. 44–75.

⁷ *Graindor P.* Constantin et le dadouque Nicagoras // Byz. 1926. T. 3. P. 209–214.

⁸ Himerii Or. XLIII. 28–30; PLRE. I. P. 424–425: Hermogenes 9.

Стратигий Музониан продолжал находиться у кормила власти. Поначалу он оставался комитом императора, хотя теперь это был сын Константина – Констанций II, затем (до 353 г.) он получил должность проконсула Константинополя, в 353 г. он – проконсул Ахайи, а в 354 г. Стратигий был удостоен высшего поста в имперской администрации – должности префекта претория Востока, которую исполнял до августа 358 г. Находясь на этом важном посту, он активно занимался судебной деятельностью, реорганизовал флот навикуляриев, от стратигий которых зависела доставка хлеба из Египта в Константинополь, а также принимал активное участие в переговорах с Ираном, шахом которого являлся тогда небезызвестный Шапур II⁹.

Жизнь и деятельность Стратигия Музониана отнюдь не были исключением. Напротив, они являлись в значительной мере правилом. За неимением здесь места приведем лишь несколько имен. В 361–365 и в 365–367 гг. пост префекта претория Востока занимал Сатурниний Секунд Салютий, выходец из Галлии, но вместе с тем прекрасно знавший греческую литературу и философию и легко вошедший в круг интеллектуальной элиты Востока, став другом Юлиана Отступника и Ливания¹⁰; в 369 г. ту же должность занимал другой, еще более близкий знаменитому антиохийскому ритору человек – Домикий Модест, который использовал свое влияние на императора Валента, убедив его воздерживаться от собственной юрисдикции¹¹; в 388–392 гг. префектом претория был еще один друг Ливания – Флавий Евтолмий Татиан. Пример Татиана может быть особенно показательным для роли интеллектуальной элиты в имперской администрации, ибо Татиан, уроженец Ликии, к тому же, видимо, не слишком богатый, начал службу простым ассессором: сначала у правителя провинции, затем у викария, далее у проконсула и, последовательно, у двух префектов. Наконец он дослужился до самостоятельной должности – президента Фиваиды, затем, восходя постепенно по служебной лестнице, он стал в 367–370 гг. префектом августалом, между 370 и 374 гг. –

⁹ PLRE. I. P. 611–612: Strategius Musonianus.

¹⁰ Ibid. P. 814–816: Saturninius Secundus Salutius 3.

¹¹ Ibid. P. 605–606: Domitius Modestus 2.

консуляром Сирии и комитом Востока, в 374–380 гг. комитом священных щедрот, а в 388 г. его карьера увенчалась постом претория Востока. Татиан принадлежал к одной из наиболее важных и влиятельных фигур в империи конца IV в. Юрист по образованию, он был известен не только своей деятельностью в области юриспруденции и законодательства, а также в других важных вопросах внутренней политики (в том числе и церковной), но и широкой строительной активностью. Благодарные современники удостоили его нескольких памятников¹².

Уместно здесь вспомнить еще об одном префекте претория Востока, важном политическом деятеле эпохи императора Феодосия II (408–450), друге и единомышленнике императрицы Афинаиды-Евдокии – поэте из Панополя Кире, дважды исполнявшем должность префекта города Константинополя, а в 439–441 гг. совмещавшем этот пост с должностью префекта претория Востока и удостоенном титула консула (441) и патрикия. Кир позволил себе отказаться от латинского языка в качестве официального языка имперской администрации, но особо высокую популярность ему снискала его деятельность по благоустройству и украшению Константинополя. Он ввел систему освещения города, позаботился о починке городских стен, отстроил бани Ахиллеса, возвел в квартале, где он жил, и который, как тогда было принято, носил его имя, церковь Богоматери. Его слава была столь велика, что однажды во время аккламаций на ипподроме после имени императора Константина народ вместо того, чтобы произносить нараппев имя правящего императора, принялся славить Кира¹³. Префекта обвинили в язычестве (видимо, ложно¹⁴) и отправили в ссылку¹⁵.

¹² PLRE. I. P. 876–878: Fl. Eutolmius Tatianus 5; *Grégoire H.* Miettes d'histoire byzantine (IVme – VIme siècle) // *Anatolian Studies Presented to Sir William Mitchell Ramsay*. L.; N. Y., 1923. P. 151–164.

¹³ *Ioannis Malalae* Chronographia. Bonnae, 1831. P. 361–362.

¹⁴ См.: *Cameron Al.* The empress and the poet: paganism and politics at the court of Theodosius II // *Cameron Al.* Literature and Society in the Early Byzantine World. L.: VR, 1985. № 3, – где автор справедливо делает акцент на принадлежности как Кира, так и императрицы Афинаиды-Евдокии не столько к язычеству, сколько к христианству.

¹⁵ PLRE. II. P. 336–339: Fl. Taurus Seleucus Cyrus 7.

Немало интеллектуалов оказалось на посту магистра оффиций, должности, непосредственно связанной с имперскими службами и внешними сношениями империи. В 369–374 гг. этот пост занимал, например, старый друг брата Григория Назианзина Кесария – Софроний¹⁶. Впечатляющим было число профессий среди квесторов священного дворца, т. е. главных чиновников по юридической части. Отнюдь не все квесторы являлись юристами по образованию, были среди них и лица, обладавшие традиционной для греческого Востока риторической ученостью. Но как бы то ни было, большая часть квесторов при всем том, что они являлись уже носителями новой, христианской, веры, успешно соединяли ее с ценностями языческой культуры, ибо адвокаты до того, как получить юридическое образование, обучались в риторических школах. Это особенно важно отметить, поскольку, как показал Т. Онорэ, тщательно исследовавший стиль отдельных законов, именно квесторы являлись истинными создателями императорских рескриптов¹⁷.

Помимо всем известного творца Кодекса Юстиниана – Трибониана – следует вспомнить и о тех, кто имел непосредственное отношение к созданию предшествующего «Своду гражданского права» Кодексу Феодосия. В первую очередь здесь необходимо назвать видного юриста первой половины V в. Антиоха Худзона, роль которого в составлении этого свода была столь же велика, сколь и Трибониана в создании Кодекса Юстиниана. Это был необычайно влиятельный в свое время человек, имевший отношение не только к законотворчеству, но и к практической деятельности по управлению империей. В 430–431 гг. он исполнял должность префекта претория Востока, заслужив похвалу Феодорита Киррского за удачный выбор правителей провинций¹⁸. Он обладал собственной точкой зрения в вопросах религий, состоял в переписке с ересиархом Несторием и позаботился о его благополучном возвращении на восток через Азию и Понт. Помимо иной деятельно-

¹⁶ PLRE. II. P. 847–848: Sophronius 3.

¹⁷ *Honoré T.* Some Questors of the Reign of Theodosius II // *The Theodosian Code*. L., 1993. P. 68–94.

¹⁸ Theod. Ep. XXXIX.

сти, он прославился строительной активностью, обновив стены родного города – Антиохии¹⁹. Как ни велика была роль Антиоха Худзона, он, разумеется, работал не один. В этой связи хотелось бы упомянуть другого Антиоха, являвшегося квестором в 427 г. Не будучи юристом, он соединял в себе два важных качества: опыт умелого администратора и высокую литературную образованность. Именно ему принадлежит деятельность по реорганизации высшего образования в Константинополе²⁰.

Особенно же много представителей свободных профессий находилось на посту проконсула Константинополя, получившего с 359 г. статус префекта города – должности, которая давала право на первенство в сенате. В 353 г. этот пост занимал известный уже нам Стратигий Музониан, которого сменил знаменитый юрист и государственный деятель середины IV в., друг Ливания Анатолий²¹; в 375–376 гг. префектом Константинополя был ученик знаменитого антиохийского ритора Виндаоний Магн²², в 388–392 гг. – сын упоминавшегося уже префекта претория Востока Татиана – Прокл²³ и многие другие.

В самом константинопольском сенате число интеллектуалов составляло, по меньшей мере, четвертую часть от общего числа сенаторов. Такие лица в этом органе власти, хотя он и не обладал тем могуществом и влиянием, которыми пользовался римский сенат, являлись серьезной силой, благодаря не только своей многочисленности, но и важности занимаемого положения. Ибо, как уже упоминалось, представители свободных профессий нередко достигали самых высших постов в имперской администрации, определявших и их положение в сенате.

Уже из перечисленных примеров ясно, что эти находившиеся у самых вершин власти интеллектуалы, которые были воспитаны еще в античных традициях, отнюдь не служили бессловесными исполнителями воли монарха, и часто именно они играли опреде-

¹⁹ PLRE. II. P. 103–104.

²⁰ *Honoré T.* Op. cit. P. 82–83.

²¹ PLRE. I. P. 58–60: Anatolius 3.

²² Ibid. P. 536: Vindaonius Magnus 12.

²³ Ibid. P. 746: Proculus 6.

ляющую роль в законодательной деятельности, внутренней и внешней политике императора.

Нельзя забывать и о том, что представители свободных профессий занимали не только те высокие посты, которые позволяли получить сенаторский титул. Многие из них оказались на среднем, если можно так выразиться, уровне административного аппарата империи, пребывая в должности ассессора, адвоката или *agens in rebus* какого-либо высокого должностного лица²⁴. И здесь их роль была огромна, ибо они являлись влиятельными и знающими советниками своих патронов в самых различных делах, в том числе и в вопросах назначения тех или иных лиц на должности разного уровня, включая и те, которые влекли за собой получение сенаторского титула, а также и в том, каким мерам в политике будет отдано предпочтение, какие идеалы будут в моде.

Уместно здесь вспомнить и о советниках, не имевших четкого официального статуса, но входивших в ближайшее окружение многих влиятельных особ. Таким был, например, советник и друг префекта претория Востока в 405–414 гг. Анфимия – известный поэт своего времени Троил²⁵. Сходное положение при могущественном магистре милитум эпохи императора Зинона Илле занимал Пампрепий. Куда бы ни отправлялся этот видный военный, он всюду брал с собой Пампрепия²⁶.

Вероятно, невозможно не вспомнить и особенную роль, которую играла дружба в среде интеллектуалов, и особый дух корпо-

²⁴ Перечень интеллектуалов, оказавшихся на скромных постах в имперской администрации, занял бы не один десяток страниц. Ограничимся поэтому двумя, но весьма известными именами – Иоанна Лиды, всю жизнь прослужившего в префектуре претория Востока, и главного историографа эпохи Юстиниана – Прокопия Кесарийского, являвшегося ассессором, а затем советником по юридическим делам полководца Велисария. В общем виде мысль о значении интеллектуалов в имперской администрации была высказана еще в 1971 г. П. Брауном. См.: *Brown P. The World of Late Antiquity. AD 150–750. L., 1971. P. 30.*

²⁵ PLRE. II. P. 1128: Troilus 1.

²⁶ *Delatte A. Stroobant. L'Horoscope de Pamprépios, professeur et homme politique de Byzance // Bulletin de la Classe des lettres et des sciences morales et politiques de l'Académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique. Classe des lettres. 5e série. 1923. T. 9. P. 60–61.*

ративности, помогавшие представителям данного сословия оказаться на всех уровнях административного и военного аппарата империи. Чтобы пояснить нашу мысль, приведем несколько примеров. Так, Ливаний, никогда не занимавший никаких административных должностей, тщательно следил за тем, кто оказывался на том или ином посту и прикладывал немало усилий к тому, чтобы у власти оказались его друзья, ученики и единомышленники. Обратим внимание на то, как действовал этот мудрый человек. В 362 г. он помог своему другу Аристофану, исхлопотав для него должность викария Македонии, а затем уже начал обращаться к нему с просьбами пристроить того или иного из своих друзей²⁷. Огромные усилия приложил Ливаний для успешной карьеры уже упоминавшегося здесь Домикия Модеста. Затем, когда судьба Модеста удачно сложилась, ритор не раз препоручал его заботам других своих друзей и подопечных²⁸. Также и Ливаний похлопотал перед своим земляком, магистром официй Флорентием, за антиохийского ритора Прискиана, а когда тот в свой черед получил пост проконсула Палестины, обратился к нему с просьбой помочь ритору Каллиопию²⁹. Более сложно переплелись дружеские связи вокруг личности Аристенета, родившегося в Вифинии и получившего образование в Афинах. С одной стороны, ему оказывал покровительство его друг Гермоген, находившийся в 358–360 гг. на посту префекта претория Востока, с другой – упомянутый выше видный государственный деятель Анатолий, которого в свою очередь связывали узы дружбы с Ливанием, и, наконец, сам Ливаний принимал участие в его судьбе и состоял с ним в переписке. Когда же в результате землетрясения Аристенет, уже викарий Понта, погиб, Ливаний написал в его память надгробную речь³⁰.

Таким образом, представители свободных профессий, благодаря сложной сети дружеских связей, окутали невидимыми нитями сложную бюрократическую машину ранней Византии и в известном смысле поставили ее под свой контроль. Именно эти люди

²⁷ Lib. Ep. 1264; PLRE. I. P. 106–107: Aristophanes.

²⁸ Ibid. P. 605–608: Domitius Modestus 2; 174: Calliopius 2.

²⁹ Ibid. P. 727: Priscianus I; 174: Calliopius 2.

³⁰ Ibid. P. 104: Aristaenetus I.

помогали сохранению многих традиционных ценностей греческого Востока. Особенно же ощутимо влияние культурной элиты византийского общества проявилось в отношении к образованию как к одному из наиболее важных качеств обладателя должности в административном аппарате империи. Именно вследствие их влияния чиновники отдают своих детей в обучение риторам, а сами высшие чиновники, следуя моде, оказывают покровительство поэтам, риторам и философам, способствуют возникновению и процветанию интеллектуальных кружков³¹.

С полным основанием можно утверждать, что общественно-политический и культурный климат в ранней Византии в значительной мере определялся представителями свободных профессий. Что касается самих этих лиц, то они вполне осознавали за собой особую функцию в обществе и считали своим долгом влиять на управлявшую их обществом власть, в первую очередь на власть императора, подвергая ее порицанию или восхвалению.

Надо сказать, что предназначенных для печати критических сочинений до нас дошло немного, однако их важность недооценить невозможно. Для власть предержащих они служили своего рода предостережением о том, что и им, в том случае, если они не будут отвечать представлениям о справедливом императоре, ничего не останется, как быть запечатленными для потомства в ужасающе черных красках, подобно тем императорам, галерея отталкивающих портретов которых родилась под пером талантливого историка Аммиана Марцеллина³².

К критике прибегали порой и при жизни правящего императора, но подобного рода сочинения отнюдь не предназначались для широкого круга лиц. Напротив, они создавались в расчете на весьма узкий круг читателей. Именно таковым являлось сочинение Синесия Киренского «О царстве». Мы не будем повторять здесь всего того, что написано об этой знаменитой речи. Обратим внимание лишь на недавнюю работу известного историка поздней антично-

³¹ Ср., напр., кружок вокруг упомянутого выше префекта претория Востока в 405–414 гг., членом которого, наряду с поэтом Троилом, был известный философ того времени Теотим. См.: *Synesii* Ep. 47, 49, 99.

³² *Matthews J.* The Roman Empire of Ammianus. Baltimore, 1989.

сти Т. Барнса, который показал, что речь Синесия не могла быть произнесена просто потому, что она по меньшей мере в 10 раз превышает объем речей, относившихся к жанру *logos stephanikos* и сопровождавших поднесение императору в качестве дара от того или иного города *aurum coronarium*. Содержание сочинения также заметно отстывает от канонов подобного рода речей³³. Всякому, кто хотя бы поверхностно знаком с позднеантичной риторикой, подобная аргументация покажется более чем убедительной. Отнюдь не *logos stephanikos*, а своего рода памфлет против всесильного временщика при императоре Аркадии Евтропия создавал Синесий. Тем самым он отражал борьбу различных группировок при византийском дворе конца IV в. и выступал от лица партии видного политического деятеля конца IV – начала V в. (оказавшегося тогда не у дел, более того – в опале) Аврелиана, исполнявшего до этого ряд таких важных должностей, как префект города Константинополя или префект претория Востока³⁴. Речь Синесия, видимо, передававшаяся из рук в руки, сыграла свою роль. Евтропий пал и был предан казни, а Аврелиан вновь получил пост префекта претория Востока. Таким образом, критика, хотя и высказанная не в открытой форме, могла оказывать весьма важное влияние на ход политических событий и на сами структуры власти³⁵.

Однако, пожалуй, гораздо более существенную роль в общественно-политической жизни того времени играли не сочинения критического направления, а (как это ни покажется странным) панегирики. Ранневизантийское время по справедливости можно было бы назвать эпохой панегириков. Панегирики составлялись

³³ Barnes T. D. Synesius in Constantinople // GRBS. 1986. Vol. 27, № 1. P. 93–112. Иначе: Cameron Al., Long J., with a contribution by Sherry L. Barbarians and Politics at the Court of Arcadius. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1993. P. 127–128, где авторы уподобляют Синесия, восхвалявшего Аврелиана, Клавдиану, который, будучи по существу придворным поэтом, превозносил все-сильного Стилюхона.

³⁴ PLRE. I. P. 128–129: Aurelianus 3.

³⁵ Здесь не упоминается «Тайная история» Прокопия Кесарийского, которая не предназначалась для чтения даже близкими родственниками историка, хотя влияние этого сочинения на изложение политической теории, а возможно, и отображение самой действительности было несомненным, что могло бы послужить предметом специального исследования.

в адрес и царственных особ, и важных политических деятелей. И дело совсем не в том, что риторы этого времени отличались особым низкопоклонством или раболепием. Отнюдь нет. Причины заключались в особых социально-политических реалиях того времени, в той особой атмосфере, которой были окружены император, его приближенные и лица, непосредственно занимавшиеся управлением власти. Достаточно вспомнить хотя бы одну, причем не самую важную деталь: обычный правитель провинции по вступлении в должность получал право на роскошный выезд – право, которое тотчас возвышало его над обычными подданными. Что и говорить о столичных вельможах. Ну, а особа василевса, считавшегося помазанником Божиим, разве могла она воспринять нелицеприятные, а то и просто резкие речи в собственный адрес? Разумеется, нет. Именно по этой причине ранневизантийские интеллектуалы предпочитали влиять на власть своими энкомиями, в которых восхваления перемежались с советами и главное – в лестной для императора форме он уподоблялся идеальному правителю, обладавшему такими важными чертами, как благочестие, филантропия, забота о благе подданных. Было бы заблуждением думать, что императоры с величайшей готовностью следовали этим литературным образцам, но не подлежит сомнению то, что эти образцы служили смягчению жестких форм власти. Идеальным примером может служить деятельность видного философа второй половины IV в. – Фемистия, удостоенного за удачный панегирик императору Констанцию II звания придворного оратора, а впоследствии исполнявшего должность сначала проконсула (358–359), затем префекта города Константинополя (384). Языческий философ, он пользовался благосклонностью всех христианских императоров того времени: только что упомянутого императора Констанция II, Иовиана, Валента, Феодосия I³⁶. В то время как Ливаний считал, что оратор должен быть свободным в своих суждениях

³⁶ Принято считать, что у Фемисия были, по меньшей мере, натянутые отношения с императором Юлианом Отступником. См., напр.: *Dagron G.* L'Empire romain d'Orient au IVe siècle et les traditions politiques de l'hellénisme. Le témoignage de Thémistios // TM. 1968. T. 3. P. 218; *Sterz S. A.* Θεία βασιλεία: Hellenistic Theory and the Foundation of Legitimacy, A. D. 270–395 (Dissertation).

и сторониться власть предрежащих, Фемистий, напротив, считал, что интеллектуалы должны идти на государственную службу и вообще не отдаляться от тех, кто вершит судьбами государства. Только таким способом, по его мнению, можно было оказать влияние на формы отправления власти, сделать их более гибкими и мягкими. Советником императора, а не его слугой воспринимал себя язычник-философ. Он служил обществу, воспринимая свою деятельность как гражданский долг³⁷. Ради этой великой цели он и льстил императорам, уподобляя одного юному красавцу, другому воскуряя еще более сладостный фимиам, и все это ради того, чтобы внушить императорам, что главная их добродетель – человеколюбие³⁸. Он назвал ее вершиной всех добродетелей, ставя филантропию выше благочестия и считая ее высшим проявлением разума³⁹. Насколько злободневной была, по всей видимости, проблема взаимоотношения власти и подданных, настолько жесткой казалась она жителям греческого Востока, еще совсем недавно жившего иной жизнью, что не реагировать на это было совершенно невозможно. Но в то время как одни метали громы и молнии или свергали с пьедесталов статуи императора, другие, вроде Фемистия, решили действовать иначе – через восхваление и создание образа идеального императора к подобию разумного правления, смягченного мудрым советником-философом, функцию которого уже в ранневизантийское время восприняли христианские епископы и монахи⁴⁰.

Традиция привлечения образованных людей в структуры власти, равно как и их стремление обладать должностью, в целом

Ann Arbor, 1974. P. 227 f. В последнее время эту точку зрения попытался оспорить Т. Брауш: *Brauch Th.* The Prefect of Constantinople for 362 AD: Themistius // Byz. 1993. T. 63. P. 37–78; *Idem.* Themistius and the Emperor Julian // Byz. 1993. T. 63. P. 79–115.

³⁷ *Курбатов Г. Л.* Риторика // Культура Византии: IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 338–339.

³⁸ Главной работой о Фемистии остается классическое исследование Ж. Дагрона: *Dagron G.* L'Empire romain...

³⁹ *Themistii* Or. I. P. 7–9; VII. P. 133; *Чекалова А. А.* К вопросу о теории монархии в IV в. // ВО. М., 1991.

⁴⁰ *Brown P.* Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire. Madison (Wisconsin), 1992. P. 103–146.

характерная для Византии, была продолжена и при Палеологах. По-прежнему (за редким исключением) положение в обществе определяла не земля, а должность. Среди интеллектуалов палеологовской эпохи были обладатели должности месадзона (5), великие логофеты (4), логофеты геникона (4), протоасикриты (2), квестор, эпи ту каниклеу, логофет агелона, логофет тон ойкейакон, апографевс. Многие из пишущих людей были послами, выполняли функции судей. Среди них были и обладатели титулов пансеваста и севаста. Интеллектуальная элита концентрировалась преимущественно в Константинополе, при императорском дворце, или поддерживала с ним связь, живя в провинции, главным образом в Фессалонике (хотя по уровню интеллектуальности ее вряд ли можно назвать провинцией).

Среди интеллектуалов позднего времени мы встречаем и сенаторов. Однако сенат (синклит)⁴¹ в поздневизантийское время являлся институтом нерегулярным и означал скорее собрание знатных людей, могущих время от времени оказывать воздействие на решение императора.

Однако следует отметить, что степень участия интеллектуалов в управлении государством была высокой только при первых двух Палеологах. Этому в немалой степени способствовал тот патриотический подъем, которым было отмечено время восстановления в 1261 г. Византийской империи. Образованные византийцы были горды тем, что на улицах Константинополя, обретшего после долгих лет латинского владычества предназначенный ему статус столицы великой империи, снова звучала аттическая речь.

Дух греческого патриотизма начал вызревать еще до восстановления Византийской империи, при никейском дворе⁴², который был той средой, где родилась «эллинская идея». Никейские ученые и литераторы находили поддержку у правителей империи Иоанна III Ватаца и Феодора II Ласкариса. Оба императора покро-

⁴¹ *Raybaud L. P.* Le gouvernement et l'administration centrale de l'Empire byzantin sous les premiers Paléologues. P., 1968. P. 112.

⁴² *Irmscher J.* Nikäa als «Mittelpunkt des griechischen Patriotismus» // *BF.* 1973. Bd. 4; *Idem.* Griechische Patriotismus im 14. Jahrhundert // XIVe Congrès international des études byzantines. Bucarest, 1971.

вительствовали образованности. Литературная деятельность Феодора II Ласкариса способствовала расцвету среди членов придворного кружка того рафинированного эпистолярного стиля, который столь характерен для итальянских гуманистов⁴³. Членом литературного кружка был месадзон правительства Иоанна III Ватаца Димитрий Торник, обладавший высшей гражданской властью с 1217 по 1252 г.⁴⁴, а известный историк Георгий Акрополит выполнял обязанности великого логиариастиса при Иоанне III и великого логофета при Феодоре II Ласкарисе⁴⁵.

Традиции никейского двора органично были восприняты при константинопольском дворе. Георгий Акрополит, историк и ритор, продолжил свою деятельность при Михаиле VIII Палеологе в качестве великого логофета, участвовал в посольстве в Лион в связи с подготовкой унии церквей, выполнял другие посольские миссии; филолог Максим Плануд до 1283 г. был императорским чиновником⁴⁶. Ритор и гимнограф Мануил Неокесаритис выполнял функции протоасикрита в 1274–1283 гг.⁴⁷ Однако сам Михаил VIII Палеолог был более воином и дипломатом, чем его предшественник или преемник. Понадобилась его политическая воля, чтобы реализовать «эллинскую идею», которая получила новую жизнь при дворе следующего из Палеологов – Андроника II (1282–1328).

Двор Андроника II был самым просвещенным во всей палеологовской истории. При императоре объединились известные риторы и ученые, дав возможность одному из них назвать это собрание интеллектуалов при императорском дворе «гимнасией эрудиции»⁴⁸. Сам Андроник II не был писателем, как Феодор II Ласкарис или Мануил II Палеолог, но обладал большой ученостью

⁴³ Жаворонков П. И. Гуманистические мотивы в культуре Никейской империи // ВВ. 1989. Т. 50. С. 147–153.

⁴⁴ Жаворонков П. И. Состав и эволюция высшей знати Никейской империи: Элита // ВО. 1991. С. 87.

⁴⁵ PLP. F. 1. № 518. Ср.: Жаворонков П. И. Некоторые аспекты мировоззрения Георгия Акрополита // ВВ. 1986. Т. 47. С. 126–127.

⁴⁶ PLP. F. 10. № 23308.

⁴⁷ Ibid. F. 8. № 20093.

⁴⁸ *Nicephori Gregorae Historia byzantina* / Cura L. Shopeni. Bonnae, 1829. Vol. 1. P. 327 (далее: *Nic. Greg.*).

и покровительствовал ей. При дворе собирались «театры» и проводились дискуссии. Должность великого логофета при Андронике II занимали автор ряда богословских и агиографических сочинений, эпистолограф Феодор Воила Музалон (1282–1294)⁴⁹; писатель и мелограф, сын историка Георгия Акрополита Константин Акрополит⁵⁰ и величайший эрудит, писатель гуманистического направления Феодор Метохит (1321–1328)⁵¹. Каждый из них, прежде чем стать великим логофетом, прошел по ступеням должностной лестницы. Феодор Музалон начал свою карьеру с логофета геникона (1277–1282), в 1291 г. он совмещал должности великого логофета и протовестиария. Кроме того, он имел титул протосеваста. Феодор Метохит был в 1290–1295/96 гг. логофетом агелона, в 1295/96 г. – логофетом τῶν οἰκειακῶν, в 1305–1321 гг. – логофетом геникона, а с 1290/91 г. был синклитиком⁵².

Высшую должность месадзона (первого министра) последовательно занимали два наиболее ярких представителя интеллектуального мира – философ Никифор Хумн (1294 – приблизительно 1315) и Феодор Метохит (приблизительно 1315/16–1328). Никифор Хумн до этого прошел через должности квестора (1272/75–1293) и эпи ту каниклеу (1295–1327)⁵³.

Иоанн Глика, ритор и эпистолограф, прежде чем стать патриархом (1315–1319), был логофетом дрома (1295/96–1315)⁵⁴ и синклитиком. Поэт Лев Вардалис в последние семь лет правления Андроника II Палеолога занимал должность протоасикрита⁵⁵. Писатель Мануил Плануд служил до 1283 г. императорским чиновником⁵⁶. Некоторые из интеллектуалов, не имея государственной должности, оказывали большое влияние на императора и управ-

⁴⁹ PLP. F. 8. № 19439.

⁵⁰ Ibid. F. 1. № 520.

⁵¹ PLP. F. 7. № 17982.

⁵² Ср.: *Медведев И. П.* Ренессансные тенденции поздневизантийской культуры // Культура Византии. М., 1991. Т. 3. С. 226.

⁵³ PLP. F. 12. № 30961.

⁵⁴ Ibid. P. 2. № 4271.

⁵⁵ Ibid. № 2183.

⁵⁶ Ibid. F. 10. № 23308.

ление. Прежде всего следует вспомнить имя ученика и преемника Феодора Метохита, придворного историка Никифора Григоры.

Интеллектуалы из окружения Андроника II Палеолога выполняли дипломатические поручения императора, Иоанн Глика и Феодор Музалон принимали участие в 1294 г. в посольской миссии на Кипре и в Малой Азии; Феодор Музалон был послом в Рим в 1280 г.; Лев Вардалис ездил с посольством в Венецию в 1297 г., в Малую Азию в 1300 г., к Андронику Младшему – в 1321 г. Феодор Метохит был послом в 1298/99 г. в Сербию к Стефану Урошу II Милутину, в 1303–1305 гг. ездил как советник Ирины Монферратской в Фессалонику. Писатель Андрей Ливадий был в составе посольства в Египет и Иерусалим приблизительно в 1320–1328 гг.⁵⁷ В 1326 г. в посольской поездке к Стефану Урошу III принимал участие Никифор Григора.

Хотя Андроник II Палеолог оказался плохим политиком и был слаб в военных вопросах, его просвещенный двор принес этому императору славу. Никифор Григора написал после двух последовавших одна за другой смертей – отстраненного внуком от власти Андроника II и его бывшего месадзона Феодора Метохита: «Где сонмы мудрецов и почтенные соревнования ученых? Где празднества риторов великолепнее Панафиней? Все обман, все тлен. О, жестокое время! Как могло ты погубить митрополию мудрости?»⁵⁸

Ситуация при дворе резко изменилась с приходом к власти Андроника III Палеолога (1328–1341), а затем его сына Иоанна V (1341–1391). Символом императорской политики становится меч, а не книга. Мы не увидим более такого соцветия имен ученых у вершин власти. Даже богословские споры в это время приобретут характер политических баталий, а войны станут главной темой дня.

Политический горизонт этого времени освещает, пожалуй, лишь одно имя – ритора, полемиста, переводчика и блестящего эпистолографа Димитрия Кидониса. Начало его служебной карьеры относится ко времени совместного правления Иоанна V Палеолога и Иоанна VI Кантакузина. В 1347 г. он был приглашен

⁵⁷ PLP. F. 6. № 14864.

⁵⁸ *Nic. Greg.* I. P. 475. 18–20.

последним на должность главы правительства – месадзона и исполнял ее до конца 80-х гг. Верный идее союза государя и философа, Кидонис надеялся, заняв пост месадзона, возродить дух интеллектуальности при дворе и связывал свой идеал с такой крупной политической фигурой, как Иоанн Кантакузин, который обратил на себя внимание современников еще будучи великим доместиком при Андронике III Палеологе. Однако Иоанн Кантакузин сделал ставку в своих политических «играх» на паламизм, что не соответствовало желанному для его месадзона духу эллинской учености. К ярким именам этого времени можно отнести имя севаста (с 1345 г.), пансеваста (1351–1359) и судьи (ἡγεμὼν κρίτης) Константина Арменопула⁵⁹, но он жил не в Константинополе, а в Фессалонике.

Вообще можно заметить, что к середине XIV в. появляется тенденция: интеллектуалы, ранее концентрировавшиеся в Константинополе, с течением времени все чаще стали представлять провинцию. Можно вспомнить в связи с этим сенатора и главу Хиоса в 1337–1338 гг. ученого Иоанна Комнина Хумна⁶⁰ или писателя, ученика Феодора Иртакина, протонотария, протовестиария Трапезунда в 1330–1336 гг. Константина Лукитиса⁶¹.

Новым этапом в отношениях интеллектуалов и власти в палеологовскую эпоху стало время правления Мануила II Палеолога (1391–1425), ученика Димитрия Кидониса, названного им «философом на троне». Мануил II, сам имевший влечение к перу, ритор и эпистолограф, пытался воссоздать аттический стиль служения власти и музам, в связи с чем известный филолог Иоанн Хортасмен написал, что «мудрость снова почитают», «искусство речи занимает во дворце большое место»⁶². Однако представители ученой и писательской элиты не имели каких-либо постов в правительстве Мануила II, разве что можно вспомнить автора риторических сочинений и астрономических таблиц Димитрия Хрисолору,

⁵⁹ PLP. F. I. № 1347.

⁶⁰ Ibid. F. 12. № 30954.

⁶¹ Ibid. F. 6. № 15153.

⁶² *Johannes Chortasmenos*. Briefe, Gedichte und kleine Schriften. Wien, 1969. S. 160. 16–17.

бывшего синклитиком и οἰκεῖος императора⁶³. Хрисолора был другом и адресатом Мануила II и Иоанна Хортасмена, но не оставил заметного следа в политико-государственной сфере.

Мануил II Палеолог скорее использовал творческих людей своего круга в дипломатической практике. Мануил Хрисолора, друг и адресат императора, неоднократно был в составе посольств в Венецию (в 1390–1391 гг. вместе с Димитрием Кидонисом, в 1394–1395, 1404, 1406), во Флоренцию (1396). В 1408 г. он был в составе посольской делегации в Париже, в 1409 г. – в Лондоне и Зальцбурге⁶⁴.

Продолжает существовать при Мануиле II Палеологе «провинциальная тема» в истории византийских интеллектуалов. Димитрий Хрисолора был месадзоном Иоанна VII Палеолога в Фессалонике в 1403–1408 гг. Отсюда же он ездил с посольской миссией к Мураду.

Наряду с «темой провинции» при Мануиле II начинает ощущаться новая для Византии, но все более нарастающая тема – эмиграция византийских интеллектуалов. Так, Мануил Хрисолора, бывший ранее послом Мануила II Палеолога в Италии, затем уезжает туда для преподавания и живет во Флоренции, Болонье, Венеции. Эмиграционный импульс будет сохраняться и позднее.

При двух последних Палеологах – Иоанне VIII (1425–1448) и Константине XI (1448–1453) – участие интеллектуалов в функционировании власти продолжает сокращаться. Наиболее яркая фигура на политическом небосклоне этого времени – Лука Нотара, месадзон (1435 – приблизительно 1449) и великий дука флота (1441–1453)⁶⁵.

В биографии Луки Нотары есть отдельные страницы, которые могут в какой-то степени дать основание для сравнения его с другим месадзоном – Димитрием Кидонисом. Оба служили в качестве первого министра нескольким императорам, оба имели склонность к Италии, оба были эпистолографами. Правда, уровень (и количество) эпистолографических эссе Димитрия Кидониса

⁶³ PLP. F. 12. № 31156.

⁶⁴ Ibid. F. 12. № 31165.

⁶⁵ Ibid. F. 8. № 20730.

несоизмерим с результатами писательской деятельности Нотары, а итальянский «синдром» имел различное происхождение: если Димитрия Кидониса влекла латинская культура, то для Луки Нотары Италия была привлекательна в связи с его коммерческой деятельностью⁶⁶. Оба – и Димитрий Кидонис, и Лука Нотара были признаны итальянскими гражданами: первый – гражданином Венеции, второй – Генуи и Венеции⁶⁷. И того, и другого современники обвинили в предательстве – Димитрия Кидониса на основе его симпатий к латинянам, а Луку Нотару – в силу его туркофильских настроений (именно ему принадлежала известная фраза «Лучше турецкая чалма, чем латинская тиара»⁶⁸). Но если Димитрий Кидонис был настоящим византийцем, исповедовавшим античные идеалы, то Лука Нотара был уже в определенном смысле политическим деятелем нового типа, ничего не изменившим, однако, в судьбе Византии.

Другое известное имя из истории позднепалеологовского времени – историк Георгий Сфрандзи. Он был великим логофетом при Константине XI в самое страшное время падения империи (1451/52–1453)⁶⁹. Сфрандзи в молодости был недолгое время на службе у Мануила II, ездил вместе с Лукой Нотарой с посольской миссией к султану Мураду II. Мануил II Палеолог испытывал доверие к Георгию, который был по желанию стареющего императора одним из его душеприказчиков. Мануил II считал, что Сфрандзи облегчил ему жизнь «во всем, что касается души и тела»⁷⁰.

После кончины Мануила II Палеолога Георгий Сфрандзи, не считая его преемника Иоанна VIII достойным правителем, предпочел службу у деспота Константина, став управляющим сначала

⁶⁶ *Matschke K.-P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1981. S. 186–188 ff.

⁶⁷ *Oikonomides N.* Hommes d'affaires grecs et latins à Constantinople. Paris; Montréal, 1979. P. 126–128.

⁶⁸ *Evert-Kappesowa H.* La tiare ou le turban // BS. 1953. Vol. 14. P. 245–248.

⁶⁹ PLP. F. 11. № 27278.

⁷⁰ *Георгий Сфрандзи.* Хроника / Пред., пер. и примеч. Е. А. Джагацпанян // Кавказ и Византия. Ереван, 1987. Вып. 5. С. 167.

Патр (1430–1443), затем управляющим Селимври (1443–1446) и позднее – управителем Мистры (1446–1448/49). Находясь на службе у деспота Константина, Георгий Сфрандзи неоднократно выполнял посольские миссии и окончательно сложился как дипломат⁷¹.

После смерти Иоанна VIII Георгий Сфрандзи находился на службе у императора Константина XI Палеолога. В 1449–1451 гг. он был послом в Грузии и Трапезунде. В 1453 г. он также согласился по желанию Константина XI направиться с посольской миссией в Грузию (за что получил чин великого логофета), однако поездка не состоялась из-за тяжелого внешнеполитического положения империи. Следует заметить, что император, пожаловав Георгию Сфрандзи высокий чин, просил хранить это в тайне, боясь интриг при дворе и прежде всего недовольства со стороны Луки Нотары⁷². В преддверии гибели страны ситуация при дворе была сложной; «ловля» же чинов, как и прежде, разобщиала придворных.

На время правления последних Палеологов приходится деятельность крупного историка Дуки, однако его служба была прочно связана с провинцией. После 1421 г. он был на службе у Гаттилузи на Лесбосе, в 1452 г. – в Адрианополе, после падения Константинополя Дука был послан Гаттилузи послом к султану Мехмеду II⁷³.

Приведенный перечень лиц, находившихся на государственной службе в палеологовское время, включает лишь тех, кто оставил письменные свидетельства своего интеллектуального творчества. В этот список не вошли как те, кто имел какую-либо высокую должность, но не был писателем, так и те, кто писал, был близок ко двору, но не имел должности. Например, те послы позднепалеологовской эпохи, имена которых привел И. П. Медведев, не были писателями, но, несомненно, принадлежали к интеллектуальным кругам⁷⁴. По византийской традиции, в качестве послов направляли

⁷¹ *Георгий Сфрандзи*. Хроника... С. 178.

⁷² Там же. XXXIV. 1–9.

⁷³ PLP. F. 3. № 5685.

⁷⁴ *Медведев И. П.* К вопросу о принципах византийской дипломатии накануне падения империи // ВВ. 1972. Т. 33. С. 131.

не столько профессионалов, сколько образованных людей⁷⁵. В силу этого участие писательской элиты в функционировании власти гораздо шире, чем можно представить по приведенным выше материалам.

Далеко не все интеллектуалы палеологовского времени были связаны со сферой власти должностями, санами или выполнением каких-либо миссий. Однако сама проблема государственной власти была небезразлична для этой среды. Разрабатывались идеи монархии и других форм государственного управления, развивались концепции основ государственного устройства. Не имевший непосредственного отношения к среде власти филолог Мануил Мосхопул определил идею договорного принципа организации государства. Ученый Фома Магистр, никогда не занимавший какой-либо должности, написал свои знаменитые трактаты «Περὶ βασιλείας» и «Περὶ πολιτείας». Учитель и филолог Максим Плануд адресовал Андронику II и Михаилу IX свой «Василикос», развивая идею вселенской империи. Георгий Гемист Плифон рассматривал государя как должностное лицо, лишив его иератических черт.

Государственная власть в Византии всегда была неразрывно связана со сферой права. Систематизаторы права (Константин Арменопулос, Матфей Властарь) способствовали не только некоторой упорядоченности функционирования власти, судебных органов, но и принципов взаимоотношений церкви и государства.

Писатель Псевдо-Кодин описал практику функционирования власти: в его «Трактате о должностях» представлены поздневизантийская табель о рангах, соответствующие каждой ступени должностные обязанности, реалии такой важной функции императорской власти, как ее репрезентативность.

Жанр энкомия, столь любимый в византийской писательской среде, формировал в общественном мнении идеал императора (философа, справедливого законодателя, благочестивого правителя, филантропа), причем похвалы, часто не соответствующие действительному облику восхваляемого правителя, были скорее завуалированными рекомендациями этим архонтам.

⁷⁵ Nic. Greg. Hist. I.

Близкие к властной среде византийские интеллектуалы, либо кормившиеся должностью, либо, не имея ее, ожидавшие от правителя щедрот, были заражены духом сервилизма. Откровенное низкопоклонство было одной из наиболее характерных черт «византинизма» в среде интеллектуальной элиты. Болезни бюрократической системы не могли не распространиться на писательскую среду, близкую к власти: ожидание должности, отношение к ней как к синекуре, соперничество, клеветничество – довольно частые явления.

Но, как во все времена, интеллектуалы были одновременно носителями скепсиса, полускрытой оппозиционности по отношению к власти. Фома Магистр критикует налоговую политику Андроника II Палеолога, Николай Кавасила выступает в связи с конфискацией земель против тиранических свойств архонта, Димитрий Кидонис подвергает критике Иоанна V Палеолога за непорядочность (невыплата жалованья), Иоанна VI Кантакузина – за невежественность (поддержка монашеской мистики), а придворную среду представляет как жалкую безнравственную камарилью.

Подъем творческой интеллектуальной активности при дворе в палеологовскую эпоху, как было показано, был связан с ожиданием надежд на восстановление величия империи. Осознание же их тщетности вело к оттоку интеллектуалов в провинцию либо за пределы империи.

В Византии, государстве городской по своей сути цивилизации, элита властных структур имела изначально урбанистическое происхождение. Поскольку византийское общество унаследовало в значительной степени влияние греко-римских государственно-правовых норм (с соответствующей их корректировкой в эллинистическую эпоху), влияние образованности было заметным, начиная с ранневизантийского периода. Эта черта государственности, представляющая особенность Византии по сравнению со странами средневекового Запада, сохраняется в течение всей жизни империи. В проявлении названного свойства власти были свои подъемы и спады, но оно сохранило значение вплоть до конца палеологовской эпохи.

Идея естественности и необходимости связи власти и философии входила в официальную политическую концепцию Византийской империи и отражена во множестве трактатов и речей. Достаточно привести в подтверждение этому фрагмент из «Царской статуи» Никифора Влеммида: «Люди, которые заняты производством материальных благ, должны выплачивать (правителю) часть доходов от своего ремесла... Те же, кто является учениками мудрости и истины, должны приносить мудрые рассуждения... василевс наиболее близок понятиям и темам философии»⁷⁶.

⁷⁶ *Hunger H., Ševčenko I.* Des Nikephoros Blemmydes «Basilikos Andrias» und dessen Metaphrase von Georgios Galesiotes und Georgios Oinaiotes. Ein weiter Beitrag zum Verständnis des byzantinischen Schriftkoine // Wiener byzantinische Studien. 1986. Bd. 18. S. 44. 5–7.

FREISINN ODER ANGST?

Die moralischen Dominanten zweier Korporationsgruppen der byzantinischen Gesellschaft*

Die byzantinische Gesellschaft war im Unterschied zu der des westlichen Mittelalters stärker individualisiert. Dennoch entdecken wir in ihr Bildungen von gesellschaftlichen Gruppen, die zum Teil zu ihrer Zeit formell nicht gekennzeichnet waren. Diese Korporationsgruppen – ohne formales Kennzeichen, aber mit festen inneren Bindungen – kann man in der spätbyzantinischen Gesellschaft finden. Von den inneren Bindungen zweier Gesellschaftsgruppen soll hier die Rede sein.

Die byzantinischen Intellektuellen haben eine solche Gruppe gebildet. Es handelt sich hierbei um eine eigentümlich byzantinische Erscheinung. Der europäische Westen kannte ähnliche Bildungen bis zur Zeit der Renaissance nicht. Das Zentrum einer solchen Gruppe war gewöhnlich ein Gelehrter, un maître, ein Lehrer. Die Gruppe konnte sich auch aus gleichaltrigen und gleichgesinnten Gelehrten zusammensetzen. In diesen Korporationsbildungen herrschte eine moralische Atmosphäre, die auf dem Prinzip der $\phi\iota\lambda\iota\alpha$ beruhte. Einigkeit in der Erforschung der Wahrheit lag dieser Gelehrtenfreundschaft zugrunde. Das Kennzeichen der Zugehörigkeit zu einer solchen informellen Gruppe war neben hoher Erudition ein besonderer – hellenischer – Geist, der auf die Freiheit der Persönlichkeit und deren besondere Stellung im Reich ausgerichtet war. Das Hauptattribut der Freiheit war für den Intellektuellen die $\pi\alpha\rho\rho\eta\sigma\iota\alpha$, das Recht, seine Gedanken frei aussprechen zu dürfen. Die Vertreter dieser Gruppe haben die Kritik

* Доклад на Международном конгрессе византистов в Копенгагене в августе 1996 г. Тезисы опубликованы: Byzantium: Identity, Image, Influence. Abstracts: XIX International Congress of Byzantine Studies. Copenhagen, 1996. P. 7621. Благодарю моего коллегу доктора Ханса-Файта Байера за редактирование немецкого языка доклада.

an der Macht als ihre wichtigste Funktion in der Gesellschaft verstanden. Das Hauptthema der byzantinischen Rhetorik bestand darin, dem Kaiser dabei zu helfen, nicht den Weg der Tyrannei zu beschreiten. So schrieb ein Autor der Mitte des 14. Jahrhunderts, Nikolaos Kabasilas, nach der Konfiskation von Ländereien durch die Regierung: «Wie kann eine Regierungsform ohne Freiheit bestehen, dieser bemerkenswertesten Errungenschaften der Menschheit?»¹ Ein Intellektueller, der zur geistigen Elite gehörte, sprach sich gewöhnlich für die Freiheit von der Macht, von politischen Streitigkeiten, vom Alltag und von der Familie aus. Doch verwirklicht wurde meistens nur das letzte...

Die *σχολή* gewährleistete der Intellektuellenschicht jedoch nicht die Mittel ihrer Existenz. Dazu bedurfte es eines Amtes. Durch diesen Umstand wurde der geschlossene Kreis zerrissen. Die Intellektuellen traten in den Kreis der Bürokratie ein, die in Gestalt des Hofbeamtentums eine weitere Korporationsgruppe innerhalb der nicht-korporierten byzantinischen Gesellschaft darstellte. Die moralische Dominante in diesem Kreis war die Angst davor, seine Stellung auf der Dienststufenleiter zu verlieren. Hier gab es einen anderen «Ehrenkodex». Ein Intellektueller, der *de facto* beiden Gruppen angehörte, hatte die «Spielregeln» dieser zweiten Gruppe zu berücksichtigen. Das führte letztlich zu einem Widerstreit der beiden verschiedenen moralischen Richtungen und einer Vertiefung des sogenannten Byzantinismus.

Der spätbyzantinische Schriftsteller Demetrios Kydones verkörperte diesen Zwiespalt wohl deutlicher als jeder andere. Der Verfasser des Werkes «Apologia I» war gleichzeitig Gelehrter und Beamter von höchstem Rang. Das Leben hinter den Kulissen des Kaiserpalastes war ihm bestens bekannt. Demetrios schrieb in seiner Apologia, daß die Höflinge andere «insgeheim beim Kaiser verleumdeten»². Sie wechselten leicht ihre Positionen nach dem Wunsch des Basileus. Demetrios Kydones bemerkt: «...als Ankläger kamen sie, doch mußten sie die Rolle eines Verteidigers übernehmen...»³. In einem seiner Briefe charakterisiert Demetrios Kydones

¹ Ševčenko I. Nicolas Cabasilas «Anti-Zealot» Discourse. A Reinterpretation // DOP. 1957. Vol. 11. 26. 1–2.

² Beck H.-G. Die «Apologia pro vita sua» des Demetrius Kydones // Ostkirchliche Studien, 1952. Bd. 1. S. 369. 91–93.

³ Ibid. S. 369. 94–97.

die Situation am Kaiserhof so: «...und so ist jetzt die Residenz in der Tat ein Markt des Geschwätzes und der Liebedienerei»⁴.

Das Ideal eines jeden Intellektuellen war die Freiheit. Im Winter des Jahres 1371/72 schrieb Demetrios Kydones: «Vom Palastdienst befreit, habe ich, was ich ersehnte. Ich ersehnte ja das Privatleben und wünschte mir, der Verantwortung für das, was sich jetzt abspielt, entledigt zu sein, obwohl ich, um die Wahrheit zu sagen, niemals aufhöre, diese Vorgänge zu tadeln»⁵.

Wie uns durch die Untersuchungen von F. Tinnefeld bekannt ist, meinte Demetrios Kydones, daß die wichtigste und unabdingbare Voraussetzung für ein Philosophenleben die geistige Freiheit sei⁶. Er riet seinem Schüler Rhadenos, diesen Weg zu wählen. Rhadenos ließ sich jedoch durch seine praktische Tätigkeit vom Weg der Philosophie ablenken, zunächst durch das Geschäft seines Vaters und später durch seine Tätigkeit im Dienst Kaiser Manuels II. Diesen Dienst bezeichnet Kydones als «Sklaverei»⁷.

Zwiespalt der Moral und Spaltung der Persönlichkeit, besonders der intellektuellen Persönlichkeit, lagen der Mentalität der oberen Schichten der byzantinischen Gesellschaft zugrunde. Die unteren Schichten wurden mit diesem Bazillus nicht infiziert.

Die Vereinigung der Dominanten zweier Ehrenkodizes macht den Inhalt des Begriffs «Byzantinismus» aus. Dieser Ausdruck hat mehrere Bedeutungen. Wir verwenden ihn hier nur in dem Sinn, den der russische Byzantinist P. Besobrasow in ihn hineingelegt hat: Byzantinismus ist Doppelzüngigkeit, Treulosigkeit, Unaufrichtigkeit⁸. Diese Züge der byzantinischen Mentalität sind nur für die Kultur der oberen Schichten der Gesellschaft kennzeichnend, vor allem deshalb, weil die Intellektuellen in Byzanz der reibungslosen Funktion der autoritären Staatsmacht dienten. Dieser Zug ist für den mittelalterlichen Westen nicht charakteristisch.

⁴ *Démétrius Cydonès*. Correspondance / Publ. par R.-J. Loenertz. Città del Vaticano, 1956. Vol. I. № 114. 10–11.

⁵ Ibid. № 115. 4–8.

⁶ *Tinnefeld F.* Freundschaft und PAIDEIA: die Korrespondenz des Demetrios Kydones mit Rhadenos // *Byz.*, 1985. T. 55. Fasc. 1.

⁷ *Démétrius Cydonès*. Correspondance. № 303, 310.

⁸ *Безобразов П. В.* Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890.

ЭВОЛЮЦИЯ ПАРАДНОГО ОБЕДА ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ (X—XIV вв.)^{*}

Культуры различных народов и эпох во многом схожи и различны. Своеобразие выражается в конкретных проявлениях — назначении вещей, деталях декора, аранжировке быта, символике цвета и т. п. — во всем, что принято называть «знаком культуры» или, в более широком смысле слова, индикатором характеристики общества. Количество подобных знаков, индикаторов, или «социокодов» может быть довольно большим. Каждый из них характеризует какую-то отдельную сферу культуры и общественной жизни в целом. Совокупность этих знаков и дает полное представление о специфике культуры определенного народа и определенной эпохи¹.

Давнее желание автора статьи обратиться к сюжету парадного обеда XIV в. как проявлению византийской культуры было стимулировано ожиданием появления нового тома научного сборника «Одиссей. Человек в истории», главной темой которого является трапеза. Эта тема стала в свою очередь продолжением темы круглого стола «Социальность, рожденная за пиршественным столом»². Предлагаемая здесь тема стоит несколько особняком по сравнению с разработкой проблемы участниками круглого стола, как, впрочем, во многом особняком стоит византийская культура в целом.

^{*} Статья опубликована в сб.: АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 157–172.

¹ *Hauck K.* Rituelle Speisegemeinschaft im 10. und 11. Jahrhundert // *Studium generale*. 1950. Bd. 3. H. 11; *Blumenstengel J.* Wesen und Funktion des Banketts im Beowulf. Marburg, 1964; *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры М., 1972. С. 206–213; *Кнабе Г. С.* Древний Рим — история и повседневность. Гл. 4. Обед, социальные микрообщности и принципы стилизации. М., 1986; *Петров М. К.* Язык, знак, культура. М., 1991; *Лотман Ю. М., Погосян Е. А.* Великосветские обеды. СПб., 1996.

² Одиссей. Человек в истории. М., 1999.

В анализе эволюции императорского парадного обеда приходится полагаться на традиционно используемые в научных исследованиях источники. Это прежде всего два византийских обрядника – «Книга церемоний» Константина VII Багрянородного (X в.) и «Трактат о должностях» Псевдо-Кодина (середина XIV в.)³, а также свидетельства иностранцев, посетивших Византию в X–XI вв. Будем ориентироваться преимущественно на время, к которому относятся обрядники, хотя, как известно, они содержат и материалы предшествующих веков.

Хотя исследовательских трудов, посвященных парадной жизни Византии, великое множество⁴, эволюция парадного обеда не была предметом специального изучения. Более ста лет назад Д. Ф. Беляев написал: «...так как порядок и процедура царских обедов не входит в нашу настоящую задачу, то мы и не будем излагать теперь чина царских обедов и пиров, тем более что эти обеды совершались по особым правилам, составляющим довольно сложную систему, изложение которой со всеми подробностями может составить предмет особого очерка»⁵. Тема императорского парадного обеда до сих пор остается открытой.

Императорские парадные обеды были составной частью различных церемоний – в честь военной победы, дня рождения императора и членов его семьи, коронации императора, в дни свадеб

³ *Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae byzantine libri duo graece et latine* / E rec. I. I. Reiskii. Bonnae, 1830 (далее – De cer.); *Verpeaux J.* Pseudo-Kodinos. Traité des offices. P., 1966 (далее – *Ps.-Kod.*).

⁴ *Беляев Д. Ф.* Byzantina II. Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм св. Софии в IX–X вв. // ЗРАО. СПб., 1893. Т. 6; *Андреева М. А.* О церемонии «прокиписис» // SK. 1927. Т. 1. P. 157–173; *Kantorowicz E. H.* The King's two Bodies. Princeton, 1957; *Grabar A.* Pseudo-Codinos et les cérémonies de la cour byzantine au XIVe siècle // Art et société à Byzance sous les Paléologues. Actes du Colloque organisé par l'Association Internationale des études byzantines à Venise en septembre 1968. Venise, 1971. P. 195–221; *Ravegnani G.* L'ambasceria di Liutprando di Cremona alla corte di Constantino Porfirogenito e il libro della cerimonie // Syndesmos. Studi in onore di Rosario Anastasi. 1994. Vol. 2. P. 323–327.

⁵ *Беляев Д. Ф.* Byzantina II. Ежедневные и воскресные приемы византийских царей... С. 211.

и крестин, в честь основания Константинополя, приема иностранных послов и гостей, в связи с различными светскими и церковными праздниками.

Регламент императорского парадного обеда прошел за долгие века значительную эволюцию. Поскольку конечной вехой возможных сравнений является сочинение Псевдо-Кодина, а им подробно описан рождественский обед, будем по возможности отдавать предпочтительное внимание трапезам в честь Рождества Христова и нового года⁶.

В ранний период новогодние празднества с неизменными календами приходились на первые дни января. В императорском дворце проводились пиршества, сопровождаемые шумными зрелищами, которые соответствовали духу календ⁷.

Описанный Константином VII Багрянородным рождественский обед⁸ приходился на девятый день послерождественского двенадцатидневья (τῇ ἐννάτῃ ἡμέρᾳ τῆς δωδεκαημέρου)⁹, т. е. на второе января, обычный день календ, хотя они таковыми не названы в обряднике. Однако переодевания, маски и шумные пляски проводились, хотя и носили строго определенный и ограниченный регламентом характер.

В названный день близкие императору люди собирались в большом Триклинии на трапезу (ἐπὶ τοῦ δείπνου)¹⁰, которая еще имела черты римского обеда (неслучайно в латинском переводе этого текста приглашение к обеду – *ad coenam*)¹¹. На обеде присутствовали также представители партий венетов и прасинов, партий, давно потерявших какое-либо политическое значение и ставших в значительной степени декоративными. Пиршество собиралось в зале девятнадцати застольных лож (10 ἀμουβίων)¹² большого

⁶ См.: Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècle / Introduction, texte, traduction et commentaire par N. Oikonomidès. P., 1972. P. 165–189.

⁷ **Литаврин Г. Г.** Как жили византийцы. М., 1974. С. 171; **Поляковская М. А., Чекалова А. А.** Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989. С. 179.

⁸ De cer. L. I. C. 83. P. 381–386.

⁹ Ibid. P. 384. 4.

¹⁰ Ibid. P. 381. 4–5.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibid. P. 381. 6–7. См. план Большого императорского дворца: сн. 16.

Триклиния. Само слово, означавшее застольное ложе, восходит к латинскому *accubitus*, что еще раз напоминает о римском обычае возлежать во время трапезы. Венеты во время торжества подходились с левой стороны, а прасины – с правой¹³.

Главным зрелищем, представленным собравшимся на рождественское торжество, был так называемый готский танец, напоминавший об эпохе Валента или Феодосия II. Четыре «гота» (по два представителя венетов и прасинов), надев различные маски, держа щиты (σχουτάρια) в левой руке, а в правой – палочки (βεργία)¹⁴, ударяли ими о щит и пританцовывали в военном ритме, выкрикивая «τοὺλ τοὺλ» и старались находиться поближе к императорскому столу (πλησίον τῆς βασιλικῆς τραπέζης)¹⁵. Остальные готы, не занятые в военном танце, пели песни, давно уже ставшие ритуальными, так что их латинский текст в X в. был уже настолько искажен, что смысл их стал непонятен и представлялся набором неясных слов¹⁶. Затем хоры голубых и зеленых пели соответствующие случаю славословия в честь Христа и пожелания долголетия императору.

Итак, в описанном Константином VII Багрянородным рождественском праздничном обеде соединились римские, ранневизантийские, варварские, языческие и христианские традиции.

Близко к описанному Константином VII Багрянородным воспроизводит рождественский пир лангобардский посол Лиутпранд, посетивший Византию по поручению правителя Беренгария II в 949 г. В позднее написанном им сочинении «Антаподосис, или Воздаяние» воспроизводится дворцовая церемония, посвященная Рождеству Христову. Часть текста сочинения Лиутпранда даже воспринимается как пересказ текста 83-й главы I книги «О церемониях двора» Константина Багрянородного. Лиутпранд пишет: «С северной стороны близ ипподрома есть помещение, которое

¹³ De cer. L. I. C. 83. P. 381. 15–16.

¹⁴ Ibid. P. 381. 13–14.

¹⁵ Ibid. P. 381. 4–5. В латинском параллельном переводе слово «стол» передается как *mensa*.

¹⁶ Ibid. P.382. 14–383.3.

называется *Decaenneacubita*¹⁷. Название это оно получило не без оснований и по определенной причине: по-гречески *deca* означает “десять”, *ennea* можно перевести как “наклонное” или “изогнутое”. Такое название происходит оттого, что в каждую годовщину Рождества Господа нашего Иисуса Христа в этом зале накрываются 19 столов, за которыми император и его гости пировали не как в прочие дни – сидя, а возлежа. В эти дни на стол ставили не серебряную, а исключительно золотую посуду»¹⁸. Описанный Константином Багрянородным «готский танец» заменен в сочинении Лиутпранда сюжетом циркового представления. Один из артистов, держал на лбу шест длиной примерно в 24 фута с перекладиной в верхней его части, а вскарабкавшиеся наверх два мальчика, обнаженные, лишь с набедренными повязками, балансировали наверху, выполняя различные сложные трюки, что вызывало восхищение зрителей, а это в свою очередь доставляло удовольствие императору¹⁹. Споров относительно «Антаподосиса» существует немало²⁰. Надо полагать, что наряду с залом 19 лож для парадной церемонии в честь Рождества использовались более крупные помещения, например, Магнавра²¹. Однако лишь описание Лиутпранда подтверждает существование во времена написания его сочинения подобной традиции.

Арабский автор X в. Харун бен Йахья оставил описание рождественского обеда, местом проведения которого, как считается, тоже был зал 19 лож²², однако по размаху празднования и деталям декора это, возможно, была и Магнавра. Харун пишет, что гости

¹⁷ *Guilland R.* Etudes sur le Grand palais de Constantinople les XIX lits // JÖBG. 1962–1963. Bd. XI–XII. P. 85–113. См. план Главного дворца, где оно отмечено цифрой 16: *Dietrich K.* Hofleben in Byzanz. Leipzig, 1912. S. 21 (план воспроизводится по кн.: *Ebersolt J.* Le grand palais de Constantinople. P., 1910).

¹⁸ *Becker J.* Die Werke Liutprands von Cremona. Hannover; Leipzig, 1915. K. 8. S. 156.

¹⁹ Ibidem. См. также: *Dietrich K.* Hofleben in Byzanz. S. 59–60.

²⁰ *Ravegnani G.* L'ambasceria di Liutprando di Cremona... P. 323–327.

²¹ См. на плане императорского дворца помещение 6: *Dietrich K.* Hofleben in Byzanz. S. 21.

²² *Dietrich K.* Hofleben in Byzanz. S. 57–59.

сидели за столами (а не возлежали), играл орган, а затем и цимбалы. Арабский путешественник представил рождественскую трапезу (см. об этом ниже) как совершенно светский обед.

Константин VII Багрянородный описал вечерний обед в сочельник накануне Рождества²³. Главным действием этого обеда была церемония поцелуя, когда император целовал патриарха, митрополитов, епископов, носителей высших церковных санов. Чиновники различных рангов обменивались поцелуями в соответствии с их достоинством. Патриарх во время ужина передавал императору священный хлеб. Затем все шли к священному колодцу во дворе перед дворцом. Там их встречали партии голубых и зеленых, которые устраивали императору традиционные приветствия. Пройдя сквозь ряды дворцовой гвардии в большой зал заседаний²⁴, где сенат выкрикивал императору долголетие, придворная гвардия перестраивалась, маршируя, в форме греческой буквы «П»; гвардейцы кричали приветствия по-латински. Таким образом, христианский сценарий рождественского сочельника сочетается с отзвуками ранневизантийского времени. Обед является составной частью парадных действий, связанных с перемещением всех участников празднования по помещениям дворца и дворцовому двору.

Трапеза по случаю Пасхи (празднование с пирами продолжалось семь дней) в описании обрядника Константина Багрянородного²⁵ соответствовала всем принятым в это время нормам. На пиру в Хрисотриклинии²⁶ присутствовало более двухсот человек, среди которых была знать, различные светские и духовные чины, гости, послы. Все присутствующие вставали по рангу с левой и правой сторон, а затем рассаживались по полагающимся им местам. В конце стола сидели справа и слева кандидаты, а далее слева – арабские гости в белых одеждах и без поясов, справа – гости из Болгарии²⁷. Звучали музыкальные инструменты; на орга-

²³ De cer. L. I. C. 22. P. 132 sq.

²⁴ **Dietrich K.** Hofleben in Byzanz. S. 21. См. помещение 15.

²⁵ De cer. L. II. C. 52. P. 765. 17–775. 6. Les listes de préséance byzantines... P. 201–211.

²⁶ De cer. P. 767. 5.

²⁷ Ibid. P. 768. 11–13.

не исполнялся величальный гимн, завершавшийся словами евфимии²⁸. Обеденные приемы в течение пасхальной недели проходили по схеме первого дня празднования (τελεῖται κλητώριον ἐπὶ τοῦ χρυσотρικλίνου κατὰ τὸ σχῆμα τῆς πρώτης ἡμέρας)²⁹. На пятый день в праздничном обеде принимали участие патриарх, митрополиты, клир³⁰. Строго регламентированной была и процедура вставания из-за стола и выхода из зала.

Императорский обед по случаю праздника Пятидесятницы³¹, по описанию «Книги церемоний», проходил в Триклинии Юстиниана и Хрисотриклинии³². Во время многодневных пиров, в том числе и названных выше, почти всегда в ходе торжеств менялись залы Большого императорского дворца для продолжения трапезы. На императорских парадных обедах могло присутствовать до 250–300 человек.

Церемониальные приемы иностранных послов завершались обычно трапезой (чаще на другой день после приема), на которой присутствовали император, императрица, члены императорской семьи (в зависимости от ранга представляемого послом государства). Таким был, согласно «Книге церемоний», прием русской княгини Ольги³³. Прием и торжественный пир в честь княгини, хотя они проходили в сентябре, были организованы по рангу праздника Пасхи³⁴. Прием Ольги соответствовал регламенту и сопровождался презентацией архонтов (архонтисс), провозглашением долголетия и проскинесисом. Во время обеда, проходившего в Триклинии Юстиниана, распевались василикии, разыгрывались театральные зрелища, звучали хоры голубых и зеленых³⁵.

Наряду с торжественными обедами, сохранились в X в. и те, которые были связаны либо с государственными праздниками,

²⁸ De cer. P. 768. 14–15.

²⁹ Ibid. P. 769. 16–17.

³⁰ Ibid. P. 770. 20–23.

³¹ De cer. P. 775–783. Les listes de préséance byzantines... P. 213.

³² Ibid. P. 75. 13–15; 776. 1; 778. 23.

³³ Ibid. L. I. C. 15. P. 594. 15–598. 12.

³⁴ См. об этом: *Литаврин Г. Г.* Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников // ВВ. 1981. Т. 42. С. 35–48.

³⁵ *Литаврин Г. Г.* Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары императора» // ВО. 1982. С. 71–92.

либо с народными обычаями. Таким был, к примеру, праздник в честь дня рождения столицы, отмечаемый ежегодно 11 мая на ипподроме и завершавшийся пиршеством среди зелени и цветов, восходя к оргиям в честь Дионисия³⁶. В ноябре – декабре в императорском дворце широко праздновали брумалии³⁷.

Любопытно, что непосредственно о еде в ходе торжественных пиршеств не писали ни византийцы, ни иностранцы. Мы информированы из неофициальных источников, что византийцы знали толк в еде: на званом обеде могло быть разнообразие мясных блюд – от фазаньего мяса до индюшатины, обилие сортов рыбы, как морской, так и речной, сыры, многочисленные виды овощей, ароматические травы, специи, обилие вин и фруктов³⁸, сладких десертов³⁹.

Лангобардский посол Лиутпранд в отчете о своем первом посольстве 949 г. в Византию, когда он представлял Беренгария II, восторженно писал, что «после пира приносили плоды в трех золотых вазах, которые из-за их непомерной тяжести доставлялись не людьми, но подвозились на тележках, покрытых пурпуром. А на стол они подавались таким образом: через отверстие в потолке спускалось три каната, обтянутых позолоченной кожей, с прикрепленными к ним золотыми кольцами, которые продевались в петли на краях сосудов и тогда посредством лебедки, находившейся под потолком, и с помощью четырех или более человек, стоящих внизу, вазы ставились на стол и точно так же убирались»⁴⁰.

Во время своего второго посольства в 968 г., уже будучи германским послом, представлявшим Оттона I, совсем незадолго

³⁶ De сег. P. 340–348. См. об этом: *Поляковская М. А., Чекалова А. А.* Византия: быт и нравы. С. 183.

³⁷ Les listes de préséance byzantines... P. 67, 71, 134, n. 103; 223. 26–28; n. 269; 225. 10; 229. 17.

³⁸ *Kukules F.* Βυζαντινῶν βίος καὶ πολιτισμός. Ἀθήναι, 1954. Т. 5. Σ. 42, 46, 67, 106, 114, 209, 288, 303, 377, 380, 414; *Karpozelos A.* Realia in Byzantine Epistolographie X–XII c. // BZ. 1984. Bd. 77. S. 22–27 ff; Idem. Realia in Byzantine Epistolographie XIII–XIV c. // BZ. 1995. Bd. 88. S. 71–77.

³⁹ Les listes de préséance byzantines... P. 181. 7, 189. 26, 203. 35.

⁴⁰ *Becker J.* Die Werke Liutprands von Cremona. Antapodosis. С. 8. S. 156. Вероятнее всего, эти вазы подавались в Магнавре, а не в зале 19 лож. См.: *Ravegnani G.* L'ambasceria di Liutpradno di Cremona... P. 326.

до этого ставшего римским императором, Лиутпранд, не найдя со стороны Никифора II Фоки понимания и проявлений гостеприимства, был лишь один из всей германской группы приглашен на торжественное пиршество в честь св. Троицы и сидел на пятнадцатом (далеко не почетном) месте от «императорской скатерти»⁴¹. Обед показался ему отвратительным, долго тянувшимся; пища, по его мнению, была слишком жирной («как это бывает у пьяниц»), а запах рыбного маринада он назвал мерзостным⁴². Вполне понятна реакция посла, с которым византийский император, не могущий в этот момент принять довольно дерзкое, с его точки зрения, возвышение Оттона I, разговаривал нелицеприятно и всячески унижал его на этом приеме⁴³.

В описании новогоднего пиршества, сделанном арабом Харуном бен Йахья, отмечается, что на каждом столе стояло одинаковое количество холодных и горячих блюд, и церемониймейстер громко объявил, учитывая привычки гостей-арабов, что среди мясных блюд нет свинины⁴⁴. В своем описании он заметил, что цимбалы играли столько времени, сколько гости ели – «и таким образом они ели двенадцать дней» (т. е. все время от 25 декабря до 6 января – от Рождества до Крещения). Этой фразой арабский автор компенсировал некоторую аскетичность официальных обрядников⁴⁵.

В целом, можно заметить, что в X в. в парадном императорском обеде были соединены разновременные традиции, начиная от римских и ранневизантийских, но уже четко сформировался тип

⁴¹ Отдельная скатерть у императора имела важное ритуальное значение и вошла в европейский церемониал. См.: Лотман Ю. М., Погосян Е. А. Великосветские обеды. С. 86.

⁴² Legatio. C. 11. – *Qua in coena turpi satis et obscena, ebriorum more oleo delibuta alioque quodam deterimo piscium liquora aspersa...* – Koder J., Weber Th. Liutprand von Cremona in Konstantinopel. Wien, 1980. S. 85. Weber Th. Essen und Trinken in Konstantinopel des 10. Jahrhunderts, nach den Berichten Liutprands von Cremona // Koder J., Weber Th. Op. cit. S. 76–98.

⁴³ Koder J. Στερεότυπα στη βυζαντινή ιστορία 'Ο Λιουτπράνδος Κρεμώνης ως «ιστοριογράφος» και ως αντίχειμένο της ιστοριογραφίας // Τò παιχνίδι με την 'Ιστορία. Θεσ., 1994. Τ. 4. Σ. 29–37.

⁴⁴ Dietrich K. Hofleben in Byzanz. S. 57–59.

⁴⁵ Ibid. S. 58.

императорского приема и следующего за ним пира, где предпочтительной оказывалась принадлежность к тому или иному разряду, фиксирующему должностью, одеждой, местом за столом социальную значимость участника парадной церемонии. Репрезентативность становилась доминирующей чертой византийской придворной культуры. Парадный обед византийских императоров олицетворял некое иерархическое единство и был средством социальных связей. Декорум обеда и его ритуализованный регламент были призваны демонстрировать роскошь как определенный социокод, соотносимый с могуществом самого императора.

Пир как знаковая реалья культуры, с одной стороны, отражал стандарт социальной жизни верхов общества, а с другой, транслировал далее отраженный в нем код, открывая возможности для его последующей эволюции.

От комниновской эпохи не сохранилось описаний императорских парадных обедов, соответствующих регламенту обрядника, хотя, несомненно, они проходили.

Франкский историк XII в. Одон Дейльский, сопровождавший короля Людовика VII во время второго крестового похода, побывав в Константинополе по пути в Антиохию, оставил в IV книге своего сочинения «О странствовании Людовика VII, короля франков, на Восток» описание торжественного пиршества, проходившего во Влахернском дворце: «Король в сопровождении императора посетил святыне места и по возвращении отобедал с ним... Это пиршество, на котором присутствовали знатные гости, удивительное по своей пышности и по изысканности яств и по приятным развлечениям, услаждало одновременно и слух, и уста, и глаза»⁴⁶.

С реставрацией Византийской империи Палеологами парадность придворной жизни как символ восстановленного имперского могущества становилась все более рафинированной. Соответствующая ритуалу приемов репрезентативность власти, проявлявшаяся в той или иной парадной акции, стала составлять основное содержание каждой церемонии. Но в связи с ситуацией изменилось

⁴⁶ Odo de Diogilo. De profectioe Ludovici VII Francorum regis in Orientem / Ed. by V. G. Berry. N. J., 1948. C. IV. P. 66.

место проведения церемоний: императорский двор переместился во Влахернский дворец⁴⁷. Иной стала и иерархическая лестница знати и чиновничества: исчезло деление на вилы, большинство должностей получило иное название⁴⁸. Деление чиновников на «разряды» скорее можно было определить по цвету головного убора, одежды, по типу их декорирования и наличию (или отсутствию) жезла-диканикия⁴⁹.

В XIV в., согласно Псевдо-Кодину, количество торжественных императорских обедов сократилось, и проводились они лишь по случаю больших религиозных праздников. Так, в «Трактате о должностях» отмечено, что торжественные приемы в Триклинии, сопровождаемые обедом, проводились пять раз в году: в праздники Рождества Христова, Крещения, Входа Господня в Иерусалим, Пасхи и праздника Св. Духа (Пятидесятницы)⁵⁰.

Празднование Рождества Христова начиналось в сочельник, 24 декабря. Император в этот день не выходил к заутрени, выслушавшая ее во дворце, в своих покоях. Вечерняя же литургия проходила в церкви в присутствии императора. После окончания рождественских гимнов все певчие и чтецы восклицали здравицу в честь императора, а у входа в храм падали на колени и получали освященные хлеба⁵¹. В церкви (вероятно, Влахернской) совершалась торжественная церемония прокиписиса⁵². Император всходил на трибуну, с ним – деспоты, протовестиарии и лампадарий со свечей. Высшее духовенство становилось перед хоругвями, после чего начинали играть трубачи, букинаторы, анакаристы с кимвалами

⁴⁷ *Беляев Д. Ф.* Ежедневные и воскресные приемы византийских царей... С. 259; *Андреева М. А.* О церемонии «прокиписис». С. 158.

⁴⁸ *Ps.-Kod.* С. I.

⁴⁹ *Ps.-Kod.* С. II. См. также: *Поляковская М. А.* Диканикий как атрибут власти византийских архонтов // Византийское государство в IV–XV вв. Центр и периферия: Тез. докл. XV Всерос. науч. сес. византинистов. Барнаул, 1958. С. 63–65 (перепечатано в настоящем издании).

⁵⁰ *Ps.-Kod.* С. IV. P. 220.

⁵¹ *Ibid.* P. 197. 1–6.

⁵² *Андреева М. А.* О церемонии «прокиписис». С. 158. О местопрохождении прокиписиса 24 декабря см.: *Heisenberg A.* Aus Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit // SBAW. 1920. Abh. 85. Anm. 7.

и флейтисты. Играющие на органе составляли другую, отдельно стоящую группу. Затем в церковь входили, соответственно рангу, архонты⁵³. Процедура прокипсиса сопровождалась, как всегда, подъемом и спуском драпированных тканей, скрывавших или открывавших взору императора и его сопровождение⁵⁴. После гимна «Христос воскрес, чтобы короновали императора», и соответствующих славословий и выкриков драпировки снова закрывались⁵⁵.

Вечерний обед в сочельник напоминал скорее торжественный прием, нежели трапезу. Когда император занимал место за столом, начиналась процедура приветствия его различными группами архонтов. Этим «парадом» архонтов руководил протовестиарий (когда же он отсутствовал, приемом и поздравлениями руководили великий этериарх или примикирий двора)⁵⁶.

В Триклинии Влахернского дворца, где проходила церемония празднования, первыми из архонтов входили те, «кто носит красно-золотые скиадии (σκιᾶδια χρυσοκόκκινα)»⁵⁷. Наряду с элитой, представленной родственниками императора – деспотом, севастократором, кесарем⁵⁸, – к этой группе принадлежали великий доместик, протовестиарий, великий дука, протостратор, великий логофет и великий стратопедарх⁵⁹. Они выкрикивали в адрес императора пожелания многолетия, на что император отвечал тем же. Затем эта группа покидала зал.

Согласно протоколу торжества, в Триклиний входили следующие две группы архонтов. Прежде шли те, чьи головные уборы – скиадии были расшиты золотыми нитями (великий примикирий, великий коноставл, пинкерна, куропалат, паракимомен печати, паракимомен той жойтѡνος)⁶⁰. Из этой группы после соответствующей церемонии приветствий в зале оставался лишь пинкерна, чтобы

⁵³ *Ps.-Kod.* С. IV. Р. 197. 19–20.

⁵⁴ *Ibid.* Р. 203.

⁵⁵ *Ibid.* Р. 204.

⁵⁶ *Ibid.* Р. 207. 19.

⁵⁷ *Ibid.* Р. 207. 5–7. Скиадий – головной убор. См.: *Поляковская М. А., Чекалова А. А.* Византия: быт и нравы. С. 207–208.

⁵⁸ *Ps.-Kod.* С. II. Р. 141–151. 10.

⁵⁹ *Ibid.* Р. 151. 11–154. 27.

⁶⁰ *Ps.-Kod.* Р. 155. 1–156. 19.

прислуживать императору в качестве виночерпия⁶¹. Далее следовали те архонты, скиадии которых были украшены галунами, вышивкой двухцветного шелка или камнями: это группа из пятнадцати ступеней архонтов – от логофета геникона до великого друнгария⁶². После взаимных приветствий из этой группы оставались прислуживать императору за столом domestик стола и трапезит.

За этими тремя группами архонтов, по Псевдо-Кодину, следовал подеста Галаты, который при входе в Триклиний приветствовал императора по-латински, преклонял колено (προσυνήσαντος)⁶³, получив в качестве вознаграждения за приветствие τὸ χοίμιον⁶⁴.

Далее четвертая группа архонтов⁶⁵ – от примикирия двора до логофета τῶν ἀγέλων (всего 17 ступеней чиновников)⁶⁶ входила в Триклиний с пожеланиями многолетия императору. За ними следовал консул Пизы. После ритуала обмена пожеланиями и проскинесиса эта группа также покидала зал.

Затем консул Анконы (Италия) с сопровождающими лицами, а также посол Венеции проходили через церемонию приветствия императора. Когда они покидали зал, императора по-английски приветствовали варяги, при этом с шумом ударяя секирами⁶⁷.

Наконец, получали право приветствия все остальные. Среди них были вардариоты, которые, по Псевдо-Кодину, произносили слова приветствия «на языке своей родины – персидском»⁶⁸.

По завершении церемонии приветствий певчие исполняли многолетие и контакий «Святая Дева сегодня производит на свет того, кто будет стоять над миром»⁶⁹.

⁶¹ *Ps.-Kod.* C. IV. P. 207. 15–17.

⁶² *Ibid.* C. II. P. 156. 20–158. 24.

⁶³ *Ibid.* C. IV. P. 208. 19–209. 7.

⁶⁴ *Ibid.* P. 209. 6. Ж. Верпо переводит это как «венец из хлебных колосьев» – *Ibidem*.

⁶⁵ В «Трактате о должностях» Псевдо-Кодина отсутствует нумерация групп архонтов. Они лишь выделяются описательно: «те, кто носит...»

⁶⁶ *Ps.-Kod.* C. II. P. 158. 25–163. 4.

⁶⁷ *Ps.-Kod.* C. IV. P. 209. 26–210. 3.

⁶⁸ *Ibid.* P. 210. 6–8.

⁶⁹ *Ibid.* P. 210. 9–13.

Далее начиналась вторая часть приема накануне Рождества. Ее условно можно было бы назвать обедом, хотя по сути дела трапезы как таковой не было.

Доместик стола называл каждого из архонтов, начиная с протовестиария и тех, кто был ниже его по рангу. Все они последовательно получали из рук доместика стола с императорского стола блюдо (минс)⁷⁰ и затем шли к месту, которое им полагалось по рангу. Там императорские слуги забирали блюдо и передавали его людям архонтов. При раздаче блюд особо выделялись «те, кто носит красный скараник»⁷¹. Как видим, трапеза в сочельник была весьма условна и сводилась к поранговой раздаче блюд с императорского стола.

После этой трапезы, по Псевдо-Кодину, император шел в свою комнату, где принимал поздравления от лиц, составляющих дворцовую элиту, родственников императора – деспотов, севастократоров и кесарей. Затем императора поздравляли сыновья высших

⁷⁰ Минс (ὁ μίνσος) происходит от лат. *mensa* (стол) и означает либо сервировочное блюдо, либо поднос, либо смену блюд (первое, второе блюдо, блюдо с десертом). Для IX–X вв.: De cer. L.I. 86. P. 388. 9; L.II.I. P. 521. 7; L.II. 3. P. 525. 9; L. 27. P. 627. 1; L.II. 52. P. 748. 12; 751. 8 etc.; Les listes de préséance byzantines... P. 163. 17, n. 132; 165. 1; 177. 9; 181. 7; 189. 11; 203. 19. 35 (см. также: *Κου—κουλῆς Φ. Βυζαντινῶν βίος καὶ πολιτισμός*. Т. 5. Σ. 152, 174, 181 etc. В исследовательской литературе переводится как *le plat, le plateau, die Schüssel, der Gang, das Gericht, das Gedeck*. Заметим, что в церковной практике есть понятие «антиминс», означающее «вместопрестолie» (см.: *Беляев Д. Ф.* Ежедневные и воскресные приемы византийских царей... С. 173–175 (под император-ским антиминсом понимается здесь переносной престол). Поскольку мы лишены возможности апеллировать к памятникам материальной культуры, предположим, что для XIV в. минс выполнял функции блюда-подставки, которое, вынося из зала, можно было использовать при еде вместо стола. В трактате Псевдо-Кодина слово «минс» употреблено 18 раз, из них 17 – при описании рождественского обеда, один раз – при описании коронационного обряда императора (*Ps.-Kod.* P. 270. 23).

⁷¹ Понятие «скараник» спорно: его признают либо головным убором, либо платьем. См. об этом: *Поляковская М. А.* К спорам о скаранике // АДСВ. Симферополь. 1995. Вып. 27. С. 4–45 (перепечатано в настоящем издании). Кстати, К. Дитрих переводил слово «скараник» как «персидское платье» (*Dietrich K. Hofleben in Byzanz*. S. 61). По Псевдо-Кодину неизвестно, носили ли скараники в праздничные дни севастократоры и кесари (С. II. P. 147. 1–4).

архонтов (еще не носящие головного убора) и другие родственники императора⁷².

Торжественный императорский обед происходил в первый день Рождества, 25 декабря. После литургии протопапой или кем-либо из священников освящался императорский престол, что означало, что после 40-дневного поста можно снова есть скоромное (τὴν κρεωφάγον). Священник приносил хлеб и минс (ἄρτον καὶ μίνσον) и удалялся⁷³. Далее начинался ритуал самой трапезы: протовестиарий (который руководил церемонией приема в сочельник) приглашал к императорскому столу великого domestika. Далее в течение всего обеденного приема он будет держаться первым к императору; после него стояли domestik стола и трапезит. Они последовательно передавали блюда, с которых будет есть император.

Затем начиналась процедура представления архонтов и раздачи им минсов. Протовестиарий, великий этериарх и примикирий двора звали к представлению (παράστασιν)⁷⁴ и каждый направлялся к своему месту, согласно рангу.

Приближение непосредственно самой трапезы было украшено приходом певчих, исполнявших праздничный гимн «Μάγοι, Περσῶν βασιλεῖς». Их сопровождал лампадарий, державший в золотом подсвечнике свечу, украшенную киноварью с золочеными листьями и крестами в кругах. Император в это время оставался без еды, а великий domestik, domestik стола и трапезит отходили к стене.

Когда гимн заканчивался, император снова обращался к трапезе, а великий domestik, бывший главным распорядителем обеда, вставал у края императорского стола и последовательно звал по имени протопсалта, лампадария и руководителя хора. Он передавал им блюда, а они в свою очередь – всем певчим, и вся эта группа выходила из зала.

Далее великий domestik раздавал блюда чтецам (их брали возвратившиеся певцы: как слуги у архонтов, они прислуживали певчим и выходили).

⁷² *Ps.-Kod.* P. 212. 4–14.

⁷³ *Ibidem.*

⁷⁴ *Ibid.* P. 214. 4.

По завершении процедуры раздачи блюд всем, кто придал обеду рождественскую праздничность – певцам, лампадариию и чтецам, великий domestik снова обращался к элите двора, родственникам императора, начиная с паниперсеваста. Слуги этих знатных людей забирали блюда и несли к соответствующему рангу их господ месту.

Затем великий domestik начинал называть по именам последовательно всех архонтов – тех, «кто носит красный скараник»⁷⁵: каждый из них, пока остальные находились на своих местах, с поклоном в честь великого domestika выходил и получал блюдо.

Когда завершалась церемония раздачи архонтам сервировочных блюд из рук великого domestika, наступал черед примикирия варягов и далее – всех варягов. После них получали блюда из рук великого domestika от имени императора стратиоты, стража и все остальные (получая блюдо, они покидали зал).

После завершения процедуры раздачи минсов всем присутствовавшим великий domestik снова начинал обслуживать императора (пока он был занят, император во время трапезы, если ему что-либо было нужно, обращался к domestiku стола и трапезиту).

Минсы, выданные гостям в соответствии с их рангом, должны были быть возвращены в сокровищницу (εἰς τὸ βεστιάριον)⁷⁶. Посуда (ὁ σκεῦος), полученная великим domestиком из рук императора лично для него, будь она золотая или серебряная, могла быть взята им в качестве подарка⁷⁷.

После того как убирали скатерть, domestik domestикона приносил хлеб ἐν παναγίᾳ. Император, поднявшись из-за стола, ставил ступню на скамеечку, а один из молодых родственников императора (из тех, кто еще не носит головного убора), поддерживал скамеечку двумя руками, чтобы императору было удобно. Трапезит, взяв панагиарий, поднимал хлеб, называемый панагией⁷⁸, передавал его domestiku стола, тот – великому domestiku, а он подавал хлеб императору. В тот момент, когда император

⁷⁵ *Ps.-Kod.* P. 216. 5–8.

⁷⁶ *Ibid.* P. 217. 12–15.

⁷⁷ *Ibid.* P. 217. 17–20.

⁷⁸ *Ibid.* P. 218. 6–7.

подносил хлеб – панагию ко рту, все выкрикивали пожелания многолетия (τὸ πολυχρόνιον)⁷⁹. Пинкертн тотчас приносил императору на подносе кубок вина и полотенце (т. к. скатерть была уже снята).

После этого этапа трапезы император садился; великий domestik, domestik стола и трапезит убирали с императорского стола, который затем уносил domestik доместикона.

В завершение всей процедуры⁸⁰ рождественской трапезы, когда все застыли в проскинесисе, император громко (μεγάλη φωνῇ) произносил в адрес великого доместика: «εἰς πολλὰ ἔτη, μέγα δομέστιχε», благодаря его за исполнение всего протокола обеда в качестве ведущего. Затем император просил великого доместика удалиться (ἄλεθε), а вслед за ним удалялись все, кто принимал участие в трапезе.

Таким образом, пройдя вслед за Псевдо-Кодином всю церемонию рождественского пира, мы убеждаемся, что в ней преобладающими стали репрезентативность и явная сакрализация «сценария». Обед сам по себе оказался скрыт протокольными действиями. Все празднество напоминает хорошо отрепетированный спектакль. Рождественская тема стала очевидной, превратившись в ритуал и не оставив места светским развлечениям в духе календ. Пир, всегда бывший зрелищем, стал спектаклем без импровизаций.

Итак, византийский императорский обед, проводимый василевсом во дворце и являвшийся проявлением византийской парадной культуры, прошел с X по XIV в. заметную эволюцию:

1. Прежде всего, число парадных пиров существенно сократилось и было сведено к пяти официальным трапезам по случаю основных религиозных праздников (см. сн. 50).

2. Несомненным отличием парадных пиров времени Палеологов была их скромность по сравнению с предшествующими временами. Обрядник XIV в. не содержит описаний памятников искусства или каких-либо роскошных диковинок, которыми были полны торжественные залы императорского дворца в эпоху Кон-

⁷⁹ *Ps.-Kod.* P. 218. 9–11.

⁸⁰ *Ibid.* P. 218. 21–28.

стантина VII Багрянородного. Правда, Псевдо-Кодин упоминает о золотой и серебряной посуде⁸¹, но, по Никифору Григоре, она была в основном уже заложена и использовалась в редчайших случаях. Так, на пиру в честь коронации Иоанна VI Кантакузина в 1347 г. стол был сервирован оловянной и серебряной посудой⁸². Одаривание гостей, бывшее традиционным, богатым и разнообразным в X в., стало носить единичный характер и не отличалось особой щедростью. Бедность одежд архонтов по сравнению с прежними временами компенсировалась обилием золотого, красного и белого цвета⁸³. Яркие, сверкающие должностные костюмы сановников должны были придать пиру соответствующий блеск, хотя реалии жизни свидетельствовали о сомнительности соответствия этих атрибутов уровню материальных возможностей двора.

3. Разнообразие типов обедов, наблюдаемое в X в., сменилось официальным приемом-обедом, соответствующим строгому регламенту.

4. Изменилась сама терминология, связанная с парадным пиrom. Если понятия «τή τράπεζα» и «τὸ δεῖπνον», употребляемые во все века византийской истории, сохранились и в XIV в., то понятие «τὸ κλητήριον», так часто встречаемое в «Книге церемоний» Константина VII Багрянородного, не используется Псевдо-Кодином.

5. Отошли в прошлое традиции народных празднеств, вплетаемые в X в. в ткань императорских парадных обедов.

6. Исчезла политическая декоративность, которая была связана с ранневизантийской историей (например, хоры партий венетов и прасинов, часто упоминаемые Константином Багрянородным как в отношении приемов, так и обедов в императорском дворце).

7. Перемещение во Влахерны императорского двора – в связи с печальным состоянием к XIV в. Большого императорского дворца – во многом ограничило размах проведения торжеств, поскольку размеры площадей Влахернского дворца были гораздо скром-

⁸¹ *Ps.-Kod.* С. IV. P. 217. 18–19.

⁸² Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы. С. 204.

⁸³ Кондаков Н. П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. С. 229–230.

нее. Если в X в. проведение многодневных обедов предусматривало перенесение торжеств из одного зала в другой (Магнавра, Хрисотриклиний, палата Юстиниана, зал девятнадцати лож и др.), то в XIV в. обеды проводились в парадном влахернском Триклинии, который, по всей вероятности, не вмещал всех гостей и в силу этого представлял некую сцену, где из одного входа появлялась группа архонтов, совершала необходимые по регламенту приветствия, получала «блюда» с императорского стола и в зависимости от ритуала сразу или после предусмотренного времени выходила, уступая место следующей группе. Если, как отметил А. Грабар, Большой императорский дворец был внутренним (для Константинополя) городом, комплексом с площадями, улицами, резиденциями⁸⁴, то Влахерны представляли одно здание, соединенное с Влахернским монастырем, к тому же довольно далеко расположенное от центра столицы, от храма св. Софии.

8. Хотя репрезентативный характер присутствия архонтов на парадном обеде определился как один из его элементов еще в X в., то в палеологовское время представительство архонтов стало главным стержнем события и декоративно обрамляло процедуру обеда. Если в X в. представительство архонтов совмещалось с различными представлениями, «декором» в виде светских зрелищ и музыки, переходами из зала в зал, то в XIV в. оно стало уже жестким регламентом, канвой празднества, и даже сама трапеза соединилась с акцией представительства и составила с ним единое действие. Парадный обед все более стал напоминать спектакль, где архонтам отводилось место статистов, своим появлением в Триклинии и исчезновением декорировавших происходящее и способствовавших развитию сценария парадного обеда.

9. К XIV в. произошла заметная сакрализация парадного обеда. Исчезли светская музыка, развлечения и зрелища. Доминирующей стала религиозная атрибутика, соответствующая отмечаемому пиrom празднику.

10. В «драматургии» обеденного празднества главной фигурой все очевиднее становился император. Все действие развора-

⁸⁴ *Grabar A.* Pseudo-Codinos et les cérémonies... P. 207.

чивалось вокруг фигуры василевса, вокруг императорского стола. Если в X в. он мог на обеде (в отдельные его моменты) предстать в виде рачительного хозяина, могущего побеседовать с кем-либо из гостей (лично или через должностное лицо), не руководя одновременно ритуалом обеда, то в палеологовскую эпоху он время от времени своими церемониальными действиями (например, поднося к губам кубок вина) или репликами (см. сн. 80) регулировал то поле действия, которое было передано им великому domestiку как церемониймейстеру. Если в X в. император был безмолвен в ритуальном действии⁸⁵, то в XIV в., как в ходе пиршества, так и приема, некоторые ситуации инициировались ритуальными репликами императора (к примеру, слова василевса «Мой диканикий!» служили знаком начала евфимии)⁸⁶.

Хотя византийские реалии воспринимаются чаще всего традиционными, приведенный обзор, однако, позволяет говорить о значительной эволюции императорского парадного обеда, что в свою очередь отражает эволюцию византийского общества и его культуры. Парадная культура, аккумулируя репрезентативное ее содержание, становится все более замкнутой, представляя ирреальный мир, который своей показной несуществующей роскошью и доведенной до абсолюта ритуальностью демонстрировал то состояние нестабильности и бедности, в котором находилась Византия в палеологовский период.

Усложнение рисунка этикетных форм, некая искусственность эстетизации обраставшей «ритуальными неудобствами»⁸⁷ придворной культуры, с одной стороны, и усложнившийся «ландшафт» общественной жизни империи, с другой, не противоречили друг другу, но, напротив, первое было устремлено на уравнивание второго, создавая впечатление незыблемости и гармонии в разрушающемся мире «вечной» империи.

⁸⁵ *Grabar A.* Pseudo-Codinos et les cérémonies P. 199.

⁸⁶ *Ps.-Kod.* C. IV. P. 192. 10.

⁸⁷ *Лотман Ю. М., Погосян Е. А.* Великосветские обеды. С. 20.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЧИНОВНАЯ ЛЕСТНИЦА В ЭПОХУ ПАЛЕОЛОГОВ*

Византийская империя была страной, где бюрократия изначально имела доминирующее положение в обществе¹. В ранневизантийский период, начиная с Константина I, опорой императора в новой столице являлась не родовитая, а служилая знать, по характеру собственности являвшаяся урбанистической².

Империя, пережив коллизии эпохи «темных веков», новый подъем консолидирующего характера в македонскую эпоху, некоторые проявления так называемой вестернизации и аристократизации комниновского времени³, пройдя через латинское владычество и вновь восстав, из века в век сохраняла как стержень свое бюрократическое начало. Предельная степень централизации, концентрация управленческих структур вокруг императорского дворца принципиально отличали Византию от стран средневекового Запада вплоть до XV в.

Вполне понятно, что столь заметная черта общественного развития Византии не могла не стать одной из ведущих исследовательских тем в византинистике⁴.

* Статья опубликована в сб.: АДСВ. 2001. Вып. 32. С. 193–212.

¹ *Сюзюмов М. Я.* Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории // ВВ. 1968. Т. 29.

² *Чекалова А. А.* Сенаторская знать ранней Византии. М., 2000. С. 97 и след.

³ *Каждан А. П.* Об аристократизации византийского общества VIII–XII вв. // ЗРВИ. 1968. Т. 11. С. 47–54; *Kazhdan A., Cutler A.* Continuity and Discontinuity in Byzantine History // Byz. 1982. Vol. 52; *Kazhdan A., Epstein A.* Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries. Berkeley; Los-Angeles; London, 1990.

⁴ *Скабаланович Н.* Византийское государство и церковь в XI веке, от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. СПб., 1884; *Schlumberger G.* Sigillographie de l'empire byzantin. P., 1884; *Bury G.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century. L., 1911; *Glikatzi-Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IX–Xie siècles // Bulletin

Эта статья, написанная на основе трактата Псевдо-Кодина «О порядке титулов и должностей Двора и Церкви»⁵, имеет целью провести классификацию византийских придворных архонтов, основываясь преимущественно на их участии в церемониальном действии, избегая, по возможности, выделения классификационных ступеней, как это принято – не без влияния Псевдо-Кодина, на основании различий их парадного костюма.

Так, Э. Пильц, посвятившая свое исследование официальному костюму придворной знати эпохи Палеологов, делит всю иерархию архонтов на три класса: первый – от деспота до логофета войск (1–49), второй – от великого диерминева до протокомита (50–75) и, наконец, третий класс – от друнгария до папии (76–80)⁶. В другом фрагменте текста книги Э. Пильц опускает нижнюю границу второго класса до конца иерархической лестницы⁷. Наряду с этим исследовательница допускает мысль о возможности выделить два класса и один субкласс⁸. В ключе исследуемой темы Э. Пильц

de correspondance hellénique. 1960. Vol. 84. P. 36–52; *Hohlweg A.* Beiträge zur Verwaltungsgeschichte des Oströmischen Reiches unter den Komnenen. München, 1965; *Verpeaux J.* Hiérarchie et préséance sous les Paléologues // TM. 1965. Vol. 1. P. 426–430; *Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. Amsterdam, 1967. Vol. 1–2; *Raybaud L. P.* Le gouvernement et l'administration centrale de l'empire byzantin sous les premiers Paléologues. P., 1968; *Ферjanчuh Б.* Севастократоры у Византији // ЗРВИ. 1968. С. 141–191; *Ahrweiler H.* Etudes sur les structures administratives et sociales de Byzance. L., 1971; *Oikonomides N.* Les listes de préséance byzantins des IXe et Xe siècles. P., 1972; *Каждан А.* Севастократоры и деспоты в Византии XII в. // ЗРВИ. 1973. Т. 14–15. С. 41–44; *Weiss G.* Oströmische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos. München, 1973; *Beck H. G.* Theorie und Praxis im Aufbau der byzantinischen Zentralverwaltung // SWAB. Phil.-hist. Abt. 1974. H. 8; *Oikonomides N.* L'évolution de l'organisation administrative de l'empire byzantin au XIe siècle // TM. 1976. T. 6. P. 125–152; *Лумaeвun Г. Г.* Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977; *Seibt W.* Der byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Vienna, 1978. Bd. 1.

⁵ *Pseudo-Kodines.* Traité des offices / Introd., texte et trad. J. Verpeaux. P., 1966 (далее – в тексте: *Ps.-Kod.*).

⁶ *Piltz E.* Le costume officiel des dignitaires byzantins à l'époque Paléologue. Uppsala, 1994. P. 92–93.

⁷ Ibid. P. 59.

⁸ *Piltz E.* Le costume officiel des dignitaires byzantins... P. 60.

связывает свою классификацию с отличительными признаками костюма и инсигний каждой группы.

Однако описанная Псевдо-Кодином иерархия костюмов и инсигний не всегда согласуется с иерархией должностей. Так, паниперсеваст (5), входивший в элиту архонтов, не носил соответствующего этой группе головного убора – скиадия. Характерные для первой группы архонтов скараники с изображением императора не носили паниперсеваст (5), протасикрит (28), мистик (30), эпигон деисеон (44).

Если же ориентироваться при классификации на такую инсигнию, как диканикий, то и здесь можно видеть нарушение «границы» использования в оформлении жезла золотого и серебряного цветов, которые были характерны для диканикиев верхних чинов вплоть до великого этериарха (25). Так, позолоченным был диканикий эпигон анамнисеон (58); великий миртит (74) имел серебряный жезл с орнаментом из золота и серебра; у domestika схол (31) и великого аднумиаста (46) диканикий был серебряным⁹.

Псевдо-Кодином все титулы и должности представлены единым списком, без членения на разряды. Однако из описания церемониальных действий очевидно, что автор трактата выделяет в качестве элиты представленного им списка три первых титула, носители которых были членами императорской семьи (деспот, севастократор, кесарь). В день Рождества они отдельно поздравляют императора в его покоях, после приема первой группы архонтов (Ps.-Kod., р. 212. 4–14). Деспот, севастократор и кесарь особо выделены среди архонтов и на выборах патриарха (279. 11–13). При коронации императора деспоты, севастократоры и кесари держали щит, на котором поднимали василевса (256. 6–10). Это дает нам основание выделить эти три титула в высший разряд.

Грань между высшим и следующим разрядом архонтов очень нечетка, поскольку и великий domestik, и паниперсеваст, и протовестиарий тоже могли быть родственниками императора. Так, в главе IV трактата содержится такой фрагмент: великий domestik

⁹ Поляковская М. А. Диканикий как атрибут власти византийских архонтов // Византийское государство в IV–XV вв. Центр и периферия: Тез. докл. XV Всерос. науч. сес. византистов. Барнаул, 1998. С. 64 (перепечатано в настоящем издании).

«обращается к племяннику императора, паниперсевасту...» (215). Но не будем причислять великого доместика, паниперсеваста и протовестиария к высшему разряду, поскольку они могли, но не обязательно должны были быть родственниками императора. Сочтем их элитой первого класса.

Тот класс архонтов, которому была предоставлена честь первым поздравить императора и в свою очередь быть им поздравленными на церемонии репрезентации в честь Рождества Христова, назван Псевдо-Кодином «первым разрядом архонтов» (ἡ πρώτη τάξις τῶν ἀρχόντων – 210. 14–15). Автор трактата отмечает, что возглавляет его великий доместик (Ibidem). Архонты первого разряда входят на церемонию не одновременно, а четырьмя группами. Последуем за Псевдо-Кодином и разобьем первый разряд архонтов на четыре группы, соответственно последовательности их появления на церемонии. Итак, это следующие четыре группы: I – от великого доместика (4) до великого стратопедарха (10); II – от великого примикирия (11) до паракимомена покоев (17); III – от логофета геникона (18) до великого друнгария флота (32); IV – от примикирия двора (33) до логофета тон агелон (49).

Чиновники ниже 49-й ступеньки иерархической лестницы не разделены автором трактата на какие-либо группы. В этот разряд входили архонты от великого диерминевта (50) до конца списка. При описании Псевдо-Кодином их инсигний, участия в церемониальных действиях и их должностных функций (чаще – их отсутствия) чувствуется снижение «веса», а также большая «периферийность» последних представителей иерархической чиновной лестницы от ступени к ступени, особенно к концу списка.

Что касается деления архонтов, составлявших византийскую иерархию в XIV в., на титулы (ἄξιωματα) и должности (ὑφ' ἑκείναι), то Псевдо-Кодином подобная классификация не проведена. В X–XI в. эта грань хотя и была хрупкой, но все же более определенной: высшие 12 ступеней были представлены титулованной знатью¹⁰. Итак, ограничимся выделением в чиновной лестнице высшего, первого (с четырьмя группами) и второго разрядов.

¹⁰ Скабаланович Н. Византийское государство и церковь в XI веке... С. 149–163.

Несомненно, на первых трех ступенях иерархической лестницы находилась в XIV в. высшая титулованная знать. Вероятнее всего, все четыре группы первого разряда (по нашей классификации) также представляли сановников, хотя и меньшей значимости, чем высший разряд. Весомость чина определялась последовательностью групп внутри разряда.

Что же касается архонтов второго разряда, судя хотя бы по просопографическому материалу, они не были высокими сановниками. Об этом свидетельствует даже то, что они не были оставлены на рождественский обед, а лишь получили блюда с угощением и покинули приемный зал (Ps.-Kod, p. 211. 15–20). Внутри разряда значимость того или иного чина определялась уровнем занимаемой им ступени в иерархической лестнице.

Далее приводится список чинов соответственно представленной Псевдо-Кодином последовательности с учетом нашей классификации.

Лестница чинов по Псевдо-Кодину с указанием их должностных функций и справкой по просопографии

Высший разряд

1. Деспот (δεσπότης)

Командующий войском (как севастократор и кесарь). Самый высокий титул после императора, не наследовался. Сыновья императора – деспоты имели преимущества перед братьями и зятьями императора, тоже деспотами.

Ps.-Kod.: 133. 3, 5, 7; 141. 3; 147. 5; 149. 15–18; 150; 167. 3–6; 175. 32; 196. 30; 198. 3; 204. 10; 212. 7; 225. 20; 256. 6–7; 257. 20; 269. 24–25; 273. 4; 274–275; 276. 5, 20; 278. 21; 279. 11; 284. 12.

PLP: 10972, 10978, 10981, 21427, 21454, 21456, 21459, 21460, 21470, 21475, 21487, 21499, 21500, 21511, 21513, 21521, 21522, 21528, 91042, 91373, 91374, 91377, 92138.

2. Севастократор (σεβαστοκράτωρ)

Командующий войском (как деспот и кесарь).

Ps.-Kod.: 133; 147. 1, 9–17; 149. 18–150. 1–5; 167. 3–6; 212. 7; 274–275.

PLP: 195, 208, 212, 1487, 1499, 1506, 3435, 5691, 6464, 8277, 10961, 10986, 14888, 19884, 21184, 21487, 21498, 24018, 29126, 19129, 91369, 91373.

3. Кесарь (καίσαρ)

Командующий войском (как деспот и севастократор).

Ps.-Kod.: 147. 2; 148. 22–149. 14; 167. 3–6; 212. 8; 274–275.

PLP: 2942, 4396, 20691, 21479, 21498, 23720, 24386, 26894, 29199, 19750, 29771, 30989.

Первый разряд

I группа

4. Великий доместик (μέγας δομέστικός)

Глава сухопутной армии. Имеет резиденцию в Константинополе. В период военных действий по его знаку трубачи подают сигнал к выступлению войска, даже если император в это время находится на месте дислокации войска. Проводит смотр войска, руководит всеми маневрами. Имеет право поднять свое знамя (орифламм) раньше, чем будет поднято императорское знамя. Во время боя осуществляет верховное командование. Получает свою часть военной добычи сразу после императора.

Ps.-Kod.: 151. 11–152. 18; 167. 7–11; 168. 1–2; 175. 18; 178. 5–6, 14–15; 179. 39, 14–15; 184. 6–7.

PLP: 196, 1640, 4359, 10011, 10957, 10973, 12102, 17618, 17977, 21455, 21487, 24109, 24111, 25150, 26894, 27468, 27505, 27738, 29809, 30989.

5. Паниперсеваст (πανυπερσέβαστος)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 134. 18, 21, 25; 135. 18–19; 136. 1–2, 11, 17, 21, 24; 137. 1; 152. 22–153. 4; 167. 12–13; 215. 14–15, 19–20; 216. 3.

PLP: 222, 920, 1487, 1494, 6417, 8662, 10617, 10622, 13184, 21479, 27742, 29067, 91369.

6. Протовестиарий (πρωτοβεστιάριος)

Ответственный за императорский гардероб.

Ps.-Kod.: 134. 2, 8–9; 135. 2–3, 27; 136. 11–12, 16, 22; 152. 17–18; 153. 3–10; 167. 7–11; 190. 10–11; 198. 6, 9, 20; 202. 16; 203. 13, 18; 207. 24–25; 210. 23; 215. 23–24; 216. 2.

PLP: 784, 951, 1723, 5887, 5890, 10011, 15153, 19439, 19512, 19836, 20305, 21206, 21435, 24092, 24110, 24125, 27120, 27505, 30968.

7. *Великий дука* (μέγας δούξ)

Главнокомандующий флотом. На его галере находится императорское знамя.

Ps.-Kod.: 134. 10; 135. 3; 137. 3, 21; 153. 11–154. 7; 167. 14–27; 179. 13; 183. 21–22.

PLP: 1180, 1494, 8154, 8597, 10010, 14554, 16580, 16711, 20730, 21528, 21905, 24386, 27167, 27305, 27308, 27580, 27753, 27815, 27944, 29751, 30139.

8. *Протостратор* (πρωτοστράτωρ)

Глава императорской конюшни. Наряду с придворной службой в этом качестве принимает участие и в военных действиях.

Ps.-Kod.: 137; 154. 8–14; 168. 1–27; 173. 16–28; 176. 5.

PLP: 203, 949, 1207, 3269 (?), 6666, 7811, 8227, 10979, 19769, 21416, 21432, 21433, 21484, 24700, 24701, 24855, 25084, 26653, 26898, 27120, 27494, 27498, 27504, 27813, 27951, 29559, 29575, 29751, 29815, 30100, 30139, 31190.

9. *Великий логофет* (μέγας λογοθέτης)

Ответственный за императорскую документацию и внешнеполитическую переписку.

Ps.-Kod.: 137. 3, 18; 154. 15–19; 174. 1–9.

PLP: 518, 520, 784, 8599, 17982, 17986, 19439, 24126, 27278, 27303, 92286.

10. *Великий стратопедарх* (μέγας στρατοπεδάρχης)

Главный интендант армии, ответственный за снабжение войска провиантом.

Ps.-Kod.: 132. 7; 137. 5, 20, 26; 154. 20–27; 174. 10–13.

PLP: 608, 609, 1598, 2057, 2518, 5887, 7811, 13618, 14859, 17618, 17980, 17981, 21428, 21433, 21514, 24105, 24786, 25091, 25146, 27125, 27282, 27399, 27400, 27755, 29774, 30090, 30945, 91128.

II группа

11. *Великий примикирий* (μέγας πριμικήριος)

Комендант императорского эскорта в армии, имеет личное знамя (фламулу), распорядитель церемониала.

Ps.-Kod.: 132. 78; 137. 6, 27; 155. 1–15; 174. 14–175. 11; 177. 5; 182. 20–21; 191. 20–21; 192. 2–3, 17–18.

PLP: 179, 203, 609, 1187, 1488, 1506, 2470, 8283, 11346, 14337, 17981, 18077, 21484, 27505, 29129, 29576, 29815, 91128, 92111, 92154.

12. *Великий коноставл* (μέγας κονοσταῦλος)

Ответственный за императорскую конюшню, возглавляет наемных франков.

Ps.-Kod.: 137. 7; 155. 16–19; 175. 12–14.

PLP: 8154, 8283, 10044, 10073, 10984, 19306, 21528, 21580, 27126, 27475, 27504, 27775, 27777, 27818, 29008, 29132, 92111.

13. *Протосеваст* (πρωτοσέβαστος)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 134. 5; 135. 28; 137. 9; 155. 20–26; 175. 15–16.

PLP: 10617, 14550, 14551, 17977, 18135, 19439, 20726, 21435, 21494, 21651, 24126, 24127, 27470, 27505, 30989, 92154, 93286.

14. *Пинкери* (πινκέρνης)

Императорский виночерпий.

Ps.-Kod.: 137. 10; 155. 27–29; 175. 17–19; 207. 17; 211. 22; 218. 15.

PLP: 204, 5888, 14518, 14860, 20727, 23097, 23768, 24132, 25082, 25146, 25350, 27167, 27504, 27774, 29123, 29752, 91038, 92513, 92538.

15. *Куропалат* (κουροπαλάτης)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 137. 11; 156. 1–3; 175. 20–22.

PLP: 8584, 19056, 21163, 27504.

16. *Паракимомен печати* (παρακοιμώμενος τῆς σφενδόνης)

Ответственный за скрепление императорских документов печатью.

Ps.-Kod.: 132. 8; 137. 12; 156. 4–12; 158. 3–4, 175. 23–176. 5.

PLP: 20201, 25210, 27276, 30954.

17. *Паракимомен покоев* (παρακοιμώμενος τοῦ κοιτῶνος)

Возглавляет штат слуг императорских покоев, живет во дворце.

Ps.-Kod.: 137. 13, 22–23; 156. 13–19; 157. 3–4; 176. 6–14; 186. 11–12.

PLP: 2458, 30954.

III группа

18. *Логофет геникона* (λογοθέτης τοῦ γενικοῦ)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 137. 14–16; 156. 20–157. 4; 176. 15–16.

PLP: 518, 520, 17982, 19439, 31161.

19. *Протовестиарит* (πρωτοβεστιαρίτης)

Одна из главных фигур придворного церемониала. Сообщает императору все срочные известия.

Ps.-Kod.: 157. 5–11; 176. 17–178. 2.

PLP: 1206, 5509, 6417, 7811, 10956, 11264, 14859, 17981, 21461, 26458, 27278, 91819.

20. *Доместик трапезы* (δομέστικός τῆς τραπέζης)

Прислуживает императору за столом и ранжирует гостей по достоинству на парадных обедах.

Ps.-Kod.: 138. 1; 157. 12–14, 17, 24; 178. 3–6; 207. 13–14; 210. 14–15; 218. 21; 237. 18; 272.

PLP: 10034, 14331(?), 17157, 27120.

21. *Эпи тис трапезис* (ἐπὶ τῆς τραπέζης)

Помощник доместика на императорских обедах.

Ps.-Kod.: 138. 2; 157. 15–22; 178. 4–6; 207. 14; 210. 17; 237. 19; 272. 12.

PLP: 171, 3248, 4339(?), 6666, 14134, 14331(?), 14513, 20200, 20729, 21411, 29777, 30945.

22. *Великий папия* (μέγας παπίας)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 138. 3; 157. 23–158. 7; 178. 7–9.

PLP: 10084, 10973, 20198, 21163, 21493, 27504, 27507, 27748, 27752, 92224.

23. *Эпарх* (ἐπαρχος)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 134. 14; 138. 4; 158. 8–10; 170. 18; 178. 10–11.

PLP: 1312, 1493, 8283, 19306, 19445, 29129, 29501, 30346, 30410, 92111.

24. *Великий друнгарий стражи* (μέγας δρουγγάριος τῆς βίγλης)

В военное время – в службе великого доместика, в мирное, по всей вероятности, возглавляет дворцовую стражу. Во время военных действий

отвечает за несение дневного и ночного караула, расставляет посты, контролирует работу караула в целом.

Ps.-Kod.: 138. 5; 158. 11–24; 178. 12–15; 179. 13–14; 249. 11–250. 12.

PLP: 19437, 21463, 21537, 22404, 29124, 29131, 29813, 91685, 92398.

25. *Великий этериарх* (μέγας ἐταρειάρχης)

Возглавляет отряды иностранной гвардии.

Ps.-Kod.: 138. 6; 159. 3–8; 176. 21–22, 28; 178. 16–23; 186. 26–27; 190. 11–12; 191. 9–11; 207. 27; 214. 1.

PLP: 2452, 5510, 5537, 6081, 10026, 14526, 16850, 19443, 20725, 24901, 25060, 25282, 27469, 29759, 30959.

26. *Великий хартулярий* (μέγας χαρτουλλάριος)

Вероятно, имеет отношение к службе императорских конюшен.

Ps.-Kod.: 138. 7; 159. 9–11; 168. 12–24.

PLP: 2518, 8596, 10956, 14515, 14858, 17983, 21496, 25155, 29818, 92537.

27. *Логофет дрoма* (λογοθέτης τοῦ δρόμου)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 138. 8; 159. 12–16; 178. 24–27.

PLP: 4272, 17987.

28. *Протасикрит* (πρωτασηκρήτις)

Главный судья.

Ps.-Kod.: 139. 9; 159. 17–160. 6; 178. 28–33.

PLP: 2183, 3554, 7968, 20091, 20094, 20096, 25154, 26657, 29758, 29770.

29. *Эпи ту страту* (ἐπὶ τοῦ στρατοῦ)

Служит в ведомстве великого доместика. В его обязанности входит выбор лагеря во время военного похода.

Ps.-Kod.: 138. 10; 160. 6–10; 179. 1–4; 248. 29–249. 1–2.

PLP: 6589, 10068, 17141, 19428, 19513, 21097, 24101, 25138, 92644.

30. *Мистик* (μυστικός)

Глава императорского нотариата.

Ps.-Kod.: 138. 11; 160. 11–13; 179. 5–6.

PLP: 5872, 8643, 11724, 14174, 19295, 21524, 29718, 30153, 30961, 92220.

31. *Доместик схол* (δομέστικός τῶν σχολῶν)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 138. 12; 160. 14–20; 179. 7–10.

PLP: 10607, 29632.

32. *Великий друнгари́й флота* (μέγας δρουγγάριος τοῦ στόλου)

Имеет службу в ведомстве великого дуки.

Ps.-Kod.: 138. 13; 160. 21–24; 179. 11–15; 167. 24–25; 179. 11; 208. 27–209. 1.

PLP: 3293, 19440, 19447(?), 92111.

33. *Примикирий двора* (πριμικήριος τῆς αὐλῆς)

В службе великого примикирия.

Ps.-Kod.: 138. 14; 160. 25–161. 2; 161. 16; 178. 1–2; 179. 16–24; 181. 8; 190. 12–13; 207. 27–28; 214. 2.

PLP: 5692, 20725, 21483.

IV группа

34. *Протоспафарий* (πρωτοσπαθάριος)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 138. 5; 161. 3–7; 182. 11–14.

PLP: 7426, 8731, 14723, 14742, 26568.

35. *Великий архонт* (μέγας ἄρχων)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 138. 16; 161. 8–10; 182. 15–16.

PLP: 190, 10072, 10084, 16621, 17141, 19060, 21911, 24108, 27473, 92224, 92644.

36. *Татас двора* (τατᾱς τῆς αὐλῆς)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 138. 17; 161. 11–13; 182. 17.

PLP: 678, 6713, 19306, 27747.

37. *Великий заусий* (μέγας τζαούσιος)

Имеет службу под началом великого примикирия.

Ps.-Kod.: 138. 18; 161. 14–20; 162. 14; 182. 18–21.

PLP: 1313, 6018, 11184, 21164, 21828, 26501, 27748, 30985, 92427.

38. *Претор народа* (πραίτωρ τοῦ δήμου)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 138. 19; 161. 21–24; 182. 22–23.

PLP: 518(?), 19620, 24291, 25282, 31163, 91037.

39. *Логофет частных имуществ* (λογοθέτης τῶν οἰκειακῶν)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 138. 20; 161. 25–27; 182. 24–25.

PLP: 241, 7968, 17982, 29350, 91682.

40. *Великий логариаст* (μέγας λογαριαστής)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 138. 21; 162. 1–3; 182. 26–27.

PLP: 518, 2558, 10010, 14088, 16396, 30346.

41. *Протокиниг* (πρωτοκυνηγός)

Ответственный в службе императорской охоты, командует стрелками, называемыми скулломангами.

Ps.-Kod.: 138. 22; 162. 4–6; 182. 28–183. 10.

PLP: 709, 2518, 3016, 13130, 24107, 24265, 24908.

42. *Скутерий* (σκούτέριος)

Носит оружие императора, в том числе и в пределах расположения войск.

Ps.-Kod.: 138. 23; 162. 7; 183. 11–20.

PLP: 4217, 8208, 11005, 11006, 11009, 11010, 24906, 24145, 30939, 93348.

43. *Амиралий* (ἀμηνράλιος)

Находится под командованием великого дуки.

Ps.-Kod.: 138. 24; 162. 8; 183. 21–23; 167. 25; 183. 21–23.

PLP: 2735, 4635, 5186, 7813, 8216, 10836, 10887, 11448, 11578, 13495, 15043, 18112, 19408, 19494, 19516, 19580, 22332, 23232, 23644, 26116, 26304, 26365, 26366, 27308.

44. *Эпи тон деисеон* (ἐπὶ τῶν δεήσεων)

Принимает ходатайства в адрес императора.

Ps.-Kod.: 138. 25; 162. 9–11; 183. 24–27;

PLP: 3953, 4272, 6092, 13876(?), 17131, 17979, 20094(?), 22439, 26204, 29603, 30724, 93633, 93768.

45. *Квестор* (κοιαίστωρ)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 138. 26; 162. 12–14, 16; 184. 1–3.

PLP: 1633, 30961.

46. *Великий аднумиаст* (μέγας ἀδνουμιαστής)

Служит в ведомстве великого доместика.

Ps.-Kod.: 138. 27; 162. 15–20; 184. 4–7; 250. 13–20.

PLP: 202, 2529, 6462, 11490, 16829, 20095, 29467, 29470.

47. *Логофет стратиотику* (λογοθέτης τοῦ στρατιωτικοῦ)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 138. 28; 162. 21–24; 184. 8–9.

PLP: 10090, 29465, 94143.

48. *Протоиеракарий* (πρωτοῖερακάριος)

Глава лучников-сокольничих.

Ps.-Kod.: 138. 29; 162. 25–32; 163. 7; 184. 10–13.

PLP: 61, 2454, 3016, 14807, 23606, 24896, 26952, 27123, 30346, 92055, 92402, 94378, 30346.

49. *Логофет тон агелон* (λογοθέτης τῶν ἀγγέλων)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 138. 30; 163. 1–4; 184. 14–16; 209. 10–11; 211. 10–11.

PLP: 241, 16365, 17982, 22350, 29570.

Второй разряд

50. *Великий диерминевт* (μέγας διερμηνευτής)

Переводчик, толкователь текстов.

Ps.-Kod.: 138. 31; 163. 5–13; 184. 17–19.

PLP: 2673, 13371, 19620, 25282, 27179.

51. *Аколуф* (ἀκόλουθος)

Глава отрядов варягов.

Ps.-Kod.: 138. 32; 163. 14–17, 19; 184. 20–24.

PLP: данные отсутствуют.

52. *Великий диикит* (μέγας διοικητής)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 138. 36; 163. 18–21; 185. 15–16.

PLP: 4215, 5694, 10090, 91427, 91682.

53. *Судья ту фоссату* (κριτής τοῦ φωσσάτου)

Военный судья, рассматривает в армии ссоры, возникавшие по поводу оружия, лошадей, добычи и других причин.

Ps.-Kod.: 138. 33; 163. 22–24; 184. 25–31.

PLP: 3364, 5510, 17504, 25041, 25140, 30766.

54. *Архонт ту аллагиу* (ἄρχων τοῦ ἀλλαγίου)

Находится в службе великого примикирия.

Ps.-Kod.: 138. 34; 163. 25–28, 31–32; 185. 1–4.

PLP: данные отсутствуют.

55. *Проталлагатор* (πρωταλλαγάτωρ)

Находится в службе великого примикирия.

Ps.-Kod.: 138. 35; 163. 29–164. 6; 185. 5–14.

PLP: 1571, 23343, 25152, 91580.

56. *Орфанотроф* (ὀρφανοτρόφος)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 139. 1; 164. 7–8; 185. 16–17.

PLP: 616, 2183, 3637, 5960, 10487, 11604, 14177, 16718, 23162, 30344, 91847.

57. *Протонотарий* (πρωτονοτάριος)

Первый секретарь.

Ps.-Kod.: 139. 2; 164. 9–10; 185. 21–24.

PLP: 421, 926, 2118, 2120, 3309, 3549, 3631, 6128, 6188, 7469, 8573, 10056, 10059, 10092, 10255, 10650, 11374, 13188, 13247, 13875, 14431, 14519, 15153, 16121, 17103, 17764, 19525, 19615, 20290, 21108, 21651, 22353, 22354, 22436, 24844, 25034, 26973, 27124, 27341, 27521, 28205, 30015, 30681, 30869, 31108, 31189, 31239, 31241, 91429, 91686, 92240, 93183, 94423.

58. *Эпи тон анамнисеон* (ἐπὶ τῶν ἀναμνήσεων)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 139. 3; 164. 11–17; 185. 25–186. 2.

PLP: 14990, 23042, 26191, 26209, 26456, 26545.

59. *Доместик городских стен* (δομέστικός τῶν τειχέων)

Заботится о ремонте городских стен.

Ps.-Kod.: 139. 4; 164. 18–21; 186. 3–7.

PLP: данные отсутствуют.

60. *Прокафимен опочивальни* (προκαθήμενος τοῦ κοιτῶνος)

Глава вестиариев, находится под началом паракимомена опочивальни.

Ps.-Kod.: 139. 5; 164. 22–25; 165. 3–4; 176. 10, 11; 186. 8–12.

PLP: 10371, 24843, 30724.

61. *Прокафимен вестиария* (προκαθήμενος τοῦ βεστιαρίου)

Глава вестиария, ведаёт финансовыми вопросами (доходами и расходами).

Ps.-Kod.: 139. 6; 165. 1–4; 186. 13–17.

PLP: 10865, 21652.

62. *Вестириу* (βεστιαρίου)

Заведует императорским гардеробом во время морского похода (командует судном, на котором находится императорская одежда).

Ps.-Kod.: 139. 7; 165. 4–5; 186. 18–23.

PLP: 712, 5327, 6514, 16063, 16680, 19516.

63. *Этериарх* (ἐταρειάρχης)

Не имеет службы.

Ps.-Kod.: 139. 8; 165. 7–12; 177. 6, 19; 178. 2; 185. 24–27; 186. 21–27.

PLP: 870, 957, 1179, 2829, 3358, 4214, 10340, 14778, 17439, 20307, 21641, 26991, 27950, 93500, 93693.

64. *Логариаст двора* (λογαριαστής τῆς αὐλῆς)

Контролирует доходы тех воинов, которые находятся при дворе.

Ps.-Kod.: 139. 9; 165. 13–15; 186. 28–29; 187. 1–3.

PLP: 215, 11313.

65. *Стратопедарх тон монокабаллон* (στρατοπεδάρχης τῶν μονοκαβάλλων)

Отвечает за конников в фемах.

Ps.-Kod.: 139. 12–13; 165. 16–17; 187. 4–13.

PLP: 30953.

66. *Стратопедарх тон занграторон* (στρατοπεδάρχης τῶν τζαγγρατόρων)

Отвечает за воинов-стрелков.

Ps.-Kod.: 139. 12–13; 165. 18–20; 187. 14–16.

PLP: 25394.

67. *Стратопедарх тон муртатон* (στρατοπεδάρχης τῶν μуртάτων)

Глава воинов-муртатов.

Ps.-Kod.: 139. 14–15; 165. 21–23; 187. 17–18.

PLP: сведения отсутствуют.

68. *Стратопедарх тон законон* (στρατοπεδάρχης τῶν τζακῶνων)

Отвечает за воинов гарнизонов.

Ps.-Kod.: 139. 16; 165. 24–25; 187. 19–22.

PLP: сведения отсутствуют.

69. *Прокафимен больших дворцов* (προκαθήμενος τῶν μεγάλων παλατίων)

Забота о состоянии больших дворцов.

Ps.-Kod.: 139. 17–18; 165. 27–30; 187. 23–24.

PLP: сведения отсутствуют.

70. *Прокафимен Влахернского дворца* (προκαθήμενος τῶν Βλαχερνῶν παλατίων)

Представляет администрацию дворца.

Ps.-Kod.: 139. 19–20; 166. 1–3; 187. 25–26.

PLP: сведения отсутствуют.

71. *Доместик фем* (δομέστικός τῶν θεμάτων)

Службы не имеет.

Ps.-Kod.: 139. 21; 166. 4–5; 188. 1–3.

PLP: 16365, 24842.

72. *Доместик восточных фем* (δομέστικός τῶν ἀνατολικῶν θεμάτων)

Службы не имеет.

Ps.-Kod.: 139. 22–23; 166. 6–7; 188. 5–8.

PLP: 1627(?), 1633, 25029.

73. Доместик западных фем (δομέστικός τῶν δυσικῶν θεμάτων)

Службы не имеет.

Ps.-Kod.: 139. 24–25; 165. 8–11; 188. 5–8.

PLP: 1180, 6651, 11641, 26902, 27486, 92363.

74. Великий муртит (μέγας μурταΐτης)

Службы не имеет.

Ps.-Kod.: 139. 26; 166. 12–17; 188. 9–10.

PLP: 23823.

75. Протокомит (πρωτοκόμης)

Первый из комитов императорского флота.

Ps.-Kod.: 139. 27; 166. 18–20; 167. 26; 188. 11–14.

PLP: сведения отсутствуют.

76. Друнгарий (δρουγγάριος)

Командует небольшим количеством воинов на море.

Ps.-Kod.: 139. 29; 166. 21–22; 188. 15, 19.

PLP: 3233, 10867.

77. Севаст (σεβαστός)

Службы не имеет.

Ps.-Kod.: 133. 18; 135. 21–22; 139. 30; 166. 23.

PLP: 710, 713, 872, 1158, 1160, 1347, 1632, 3232, 5204, 5420, 5707, 5872, 8093, 10529, 10538, 10559, 10569, 10731, 10832, 11604, 11646, 11718, 11837, 12096, 13048, 14174, 14380, 15210, 15213, 15234, 90020, 90040, 90106, 90211, 90257, 17133, 17201, 17474, 17954, 19134, 19346, 19371, 19442, 19838, 19862, 21027, 21333, 21559, 21593, 21634, 21829, 22293, 22420, 23032, 23623, 23860, 24658, 24915, 24994, 25007, 25044, 25066, 25067, 91041, 91084, 91109, 91115, 91203, 91398, 91427, 91568, 92108, 92220, 92331, 92363, 92418, 93069, 93159.

78. Муртаит (муртаΐτης)

Службы не имеет.

Ps.-Kod.: 139. 31; 166. 24.

PLP: 960, 91817(?).

79. Прокафимен городов (προκαθήμενος πόλεως)

Службы не имеет.

Ps.-Kod.: 139. 32; 166. 25–27; 188. 20–22.

PLP: сведения отсутствуют.

80. Папия (παπίας)

Службы не имеет.

Ps.-Kod.: 139. 28; 166. 28–29.

PLP: сведения отсутствуют.

Общий список титулов и должностей палеологовской эпохи Псевдо-Кодин дополняет еще двумя почетными чинами – эпитанкиклеу¹¹ и великий баилу. Он называет эти чины отдельно, признаваясь, что не знает их места в общей лестнице. Обязанностей их он также не указывает.

В списке титулов и должностей XIV в., составленном Матфеем Властарем¹², число чинов увеличивается до девяноста, преимущественно за счет должностей церковной иерархии. Любопытно, что Матфей Властарь ввел в список и актуария¹³, императорского придворного врача. Не включенные Псевдо-Кодином в общий список эпитанкиклеу и баилу присутствуют в перечне Матфея Властаря (соответственно ступени 13 и 18). Из списка Псевдо-Кодина в перечень Матфея Властаря не попали протокомит (75), друнгарий (76), миртит (78), папия (80).

Порядок значимости титулов и должностей у Псевдо-Кодина и Матфея Властаря также не во всем тождественен, что свидетельствует, что составлялись эти списки по памяти. Первые три ступени, представленные титулами, принадлежавшими родственникам императора, совпадают, но с четвертой ступени начинаются небольшие передвижки¹⁴.

Совпадения значимости должностей в обоих списках, кроме первых трех ступеней, наблюдаются лишь несколько раз: это протостратор, великий логофет, великий стратопедарх, великий при-

¹¹ PLP. № 213, 721, 7854, 90019, 91040

¹² *Verpeaux J.* Op. cit. P. 318–325. См. также список чинов в «Шестикнижии»: Ibid. P. 300–302.

¹³ PLP. № 6489, 10067.

¹⁴ Кроме того, сам Псевдо-Кодин иногда путает последовательность ступеней. В силу этого введенная в статью нумерация ступеней не является жесткой и допускает небольшие передвижки.

микирий, великий коноставл (8–12), паракимомен печати (16), паракимомен покоя (17), эпи тон деисеон (44), стратопедарх тон монобаллон (65).

Неоднократно отмечалось исследователями, что ни в тот, ни в другой список титулов и должностей не включен месадзон¹⁵, игравший, по сути дела, роль премьер-министра. Вероятно, эта конкретная должность палеологовского времени сочеталась с другими почетными чинами (например, с чином великого логофета), которые имели давнюю традицию и были включены в церемониальное действо. Само же слово «μεσάζων» не означало титула или должности и, имея грамматическую форму причастия, оно может быть сравнимо с русскими словами «управляющий», «заведующий» и переведено как «выступающий посредником» (между императором и обществом – по всем вопросам).

Высокие чины в определенной Псевдо-Кодином лестнице возглавляли отдельные ведомства, иногда реально, иногда лишь символически, «для парада». По трактату Псевдо-Кодина можно выделить в рамках центрального управления некоторые службы.

Прежде всего следует назвать военное ведомство. Общее командование военными силами осуществлялось обладателями титулов высшего разряда – деспотом, севастократором и кесарем. Военное ведомство возглавлялось наиболее высокими чинами из элиты I разряда.

В службе главы сухопутных войск – великого доместика – названы Псевдо-Кодином эпи ту страту (29), великий друнгарий стражи (24), великий аднумиаст (46). В ведении великого дуки, возглавлявшего флот, находились великий друнгарий флота (32), амиралий (43), протокомит (75), друнгарий (76).

Среди чинов, имевших отношение к военному ведомству, можно назвать также протостратора (8), великого стратопедарха (10), стратопедарха тон монокабаллон (65), стратопедарха тон занграторон (66), стратопедарха тон муртатон (67), стратопедарха тон

¹⁵ PLP. № 1180, 4030, 4331, 4334, 6221, 10962, 13876, 17853, 17982, 20730, 21447, 25084, 25154, 25272, 91696.

законон (68), а также великого коноставла (12), великого этериарха (25), аколуфа (51), судью ту фоссату (53).

Придворное ведомство было представлено протовестиарием (4), великим коноставлом (12), пинкерном (14), паракимоменом покоев (17), domestikом трапезы (20), эпи тис трапезис (21), примикирием двора (33). Эта группа чинов играла значительную роль в придворном церемониале.

К финансовому ведомству, по трактату Псевдо-Кодина, следует отнести куропалата (15), логофета геникона (18).

Руководство ведомств путей сообщения и почты было представлено логофетисом дрома (27), протонотарием (57); канцелярия – протоасикритом (28), эпи ту каниклеу, эпи тон деисеон (44).

Однако предположительное отнесение того или иного чина к определенному ведомству весьма условно, так как нет какой-либо уверенности, что кто-то из них реально выполнял определенные должностные обязанности. Не случайно Псевдо-Кодин так часто пишет о том, что тот или иной чин, ранее имевший какие-то обязанности, в XIV в. их уже утратил.

Из 80 чинов у 27 обязанностей либо нет, либо они неизвестны (5, 13, 15, 18, 22, 23, 27, 31, 34–36, 38–40, 45, 47, 49, 52, 56, 71–74, 77–80). Если в высшем разряде и в первых двух группах первого разряда почти все чины определены Псевдо-Кодином как имеющие службу, то в третьей группе ее не имеют свыше 30 % чинов, а в четвертой – свыше 50 %. Чем ниже ступень в иерархической лестнице, тем чаще она оказывается не связанной с какой-либо службой.

О некоторых из этих чинов Псевдо-Кодин пишет, что ранее они имели службу, но уточняет ее только в отношении орфанотрофа (некогда занимался делом сирот), эпи тон анамнисиона (ранее переписывал тех, кто отличился в сражении, для получения знаков вознаграждения), domestikов фем (занимались некогда контролем за доходами населения).

Обращает на себя внимание, что все ранги севастов – паниперсеваст (5), протосеваст (13) и севаст (77) не были связаны с какой-либо службой. Число же их упоминаний, вошедшее в PLP,

велико (более ста). Надо полагать, что отзвук прежней престижности этого титула, вне зависимости от иерархической ступени, делал эти чины чисто репрезентативными.

Скорее всего, все 80 ступеней иерархической чиновной лестницы, представленной Псевдо-Кодином, невзирая на перечисленные автором трактата для некоторых из них определенных служб, были византийской придворной синекурой, в основном занятой в неперменных (часто длительных по времени и, надо полагать, утомительных) приемах, выходах и празднествах.

Кроме общих функций репрезентации власти, многие имели еще и персональные церемониальные обязанности. Самый низший чин из имевших индивидуальные функции в церемониале, был скутерий (42), носивший $\delta\iota\beta\epsilon\lambda\lambda\acute{\iota}\omicron\nu$ и щит императора во время церемонии приема. Особые же церемониальные функции, помимо представителей придворного ведомства, падали на представителей первой группы первого разряда, прежде всего на великого домашнего (4), бывшего главной фигурой после императора и представителей высшего разряда на приемах. Он был фактически ведущим дирижером церемониального спектакля.

Чиновная лестница XIV в. отражает традиции византийского центрального управления, когда наименования отдельных чинов сохранялись при утрате их реальной значимости. Менялись век от века иерархия отдельных титулов и деление чинов на разряды по их весомости. Но традиционный (в значительной степени) церемониал был тем соединительным стержнем, на котором держалась веками, претерпевая некоторые изменения, вся структура центрального (и частично – областного) управления.

Бросив взгляд на чиновную лестницу эпохи Палеологов, мы видим, что по крайней мере пять верхних ступеней были заняты родственниками и свояками императора – сыновьями, братьями, зятьями, а также очень близкими ему людьми. Всех тех, кто находился на верху иерархической лестницы, условно можно назвать семьей. Именно семья олицетворяла высшее управление страной.

В целом всю чиновную иерархию можно определить как замкнутую корпорацию. А Грабар остроумно назвал это сообщество

мужским братством (*une confrérie masculine*), правда, сильно иерархизованным¹⁶. В акорпорированном византийском обществе эта корпорация была самодостаточной структурой, жившей своей, оторванной от остального общества, наполненной жизнью. Ощущая себя членами сообщества, участники традиционного ритуала прославления императора и императорской власти¹⁷ полагали, что именно их деятельность несет стране стабильность и благополучие.

¹⁶ **Grabar A.** Pseudo-Codinos et les cérémonies de la cour byzantine au XIVe siècle // *Art et société a Byzance sous les Paléologues. Actes du Colloque organisé par l'Association Internationale des études byzantines à Venise en septembre 1968.* Venise, 1971. P. 207.

¹⁷ **Treitinger O.** Die oströmische Kaiser – und Reichsidee. Jena, 1938; **Kantorowicz E.** The King's two Bodies. Princeton, 1957.

ОБЩЕСТВО, ВЛАСТЬ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА: ПОЗДНЯЯ ВИЗАНТИЯ*

Поздневизантийское общество переживало пору экономического, политического и идейного кризиса. Власть же декларировала величие империи и ее первенство в ойкумене. Какова была позиция византийских интеллектуалов в подобной ситуации?

Представители византийской интеллигенции всегда оставляли за собой право на критику¹. Известный политический деятель, ученый и эпистолограф Димитрий Кидонис, будучи довольно высокомерным по отношению к низам общества (он не считал возможным для себя называть людьми тех, «кто так много болтает, так много пьет, так распушенно живет»)², усматривал зависимость общего экономического состояния общества от уровня жизни низших слоев населения империи. Он полагал, что тяжелую судьбу «несчастливых крестьян и других бедняков» необходимо облегчить через урегулирование налогового бремени, поскольку чиновники, помимо получаемого ими, «хотели бы сверх того употребить и мясо (бедняков. – М. П.) для приготовления обеда»³. Кидонис достаточно прозорливо заметил, что «...родина и общее существование в опасности, поскольку бедняки составляют значительную часть населения народа»⁴.

* Доклад на научных чтениях, посвященных 60-летию исторического факультета Уральского государственного университета: Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург, 2000. С. 87–93.

¹ *Tinnefeld F. H.* Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Procop bis Niketas Choniates. München, 1971.

² Димитрий Кидонис имел в виду тех, кто в морском плавании находился на нижней палубе и даже в трюме корабля (*Démétrius Cydonès. Correspondance / Publ. par R.-J. Loenertz. ST. 186, 208. Città del Vaticano, 1956. Ep. 109. 9–10).*

³ *Démétrius Cydonès. Correspondance. Ep. 114. 15–16.*

⁴ *Ibid. 20–21.*

Автор мистического учения Григорий Палама, характеризуя состояние второго по значимости города империи – Фессалоники, пережившей крупное восстание в 40-х гг. XIV в., создал в гомилии, обращенной к верующим, тот образ города, который адекватен общей нестабильности городов в империи: «Город сам с собой воюет, сам себя поражает, своими ногами пинает себя, своими руками толкает себя, своими криками оглушает себя...»⁵

Большинство интеллектуалов связывали причины обнищания страны не столько с чисто экономическими или социальными причинами, но и с политическими (прежде всего – с внешнеполитическими).

Алексей Макремволит⁶, констатируя, что «много теперь появилось бедняков», устами богачей замечает, что раньше «мы владели самыми дальними землями, нынче же у нас не осталось провинций... тогда нам были подчинены все те народы, от которых сейчас мы зависимы во всем... Тогда не было ни бедного, ни плененного, теперь же, пожалуй, все – илоты и трижды плененные»⁷.

Известный ученый XIV в. Никифор Григора написал в своей «Ромейской истории», что татары и турки одновременно вторглись на территорию империи, дрались между собой, подобно собакам, и «время от времени прыгали на труп»⁸, под которым автор недвусмысленно понимал саму империю.

Нашествие турок, воспринимавшееся современниками как трагедия, описано в жанре плача Алексеем Макремволитом: «Не они ли совершали набеги на всю нашу землю и опустошали ее? Не на-

⁵ Горянов Б. Т. Первая гомилия Григория Паламы как исторический источник // ВВ. 1947. Т. 1 (26). С. 265. 34–36.

⁶ Алексей Макремволит, будучи учителем, не принадлежал к интеллектуальной элите, однако его сочинения по уровню содержащихся в них характеристик поздневизантийского общества, по градусу полемичности причисляются ныне к числу значительных, без которых наши знания о состоянии империи палеологовской эпохи были бы гораздо беднее.

⁷ Алексей Макремволит. Разговор богатых и бедных // Поляковская М. А. Портреты византийских интеллектуалов. СПб., 1998. С. 265–266.

⁸ *Nicephori Gregorae Byzantina historia*. Bonnae, 1829–1855. Т. 1. Р. 535. 11–18.

селяли ли они наши прославленные и почитаемые города, с жителями которых, ранее пребывавшими в благополучии и не изведавшими зла, они обращались, как с рабами? Не были ли мы по всей земле подвергнуты пленению? Не были ли из-за этого наши деревни и города опустошены и покинуты жителями?»⁹

Наряду со злоупотреблениями чиновников, трагической внешнеполитической ситуацией, интеллектуалы усматривали в качестве одной из определяющих причин слабости империи в палеологовскую эпоху и внутренние междоусобия. Алексей Макремволит прямо ставил перед своими современниками вопрос: «Не были ли мы наголову уничтожены беспорядком и смутой, и взаимными истреблениями?»¹⁰.

По замечанию американского исследователя И. Шевченко, византийцы в лице таких интеллектуалов, как Феодор Метохит и Никифор Григора, отражали свое осознание как экономическое, так и политического упадка империи, видя в Византии лишь «осколки», «остатки», «отбросы» прежней империи¹¹. И. Шевченко предлагает читать исторические труды Никифора Григоры и Иоанна Кантакузина как последние главы книги «Тихий Дон» Михаила Шолохова¹².

Уверенно чувствуя себя на стезе критической оценки империи во всех ее проявлениях, византийский интеллектуал не забывал однако о таком своем предназначении, как быть лекарем общества и давать советы исцеления.

Самым простым, лежащим на поверхности мнением было стремление к старым, добрым временам. Идеал общества, опрокинутый в прошлое, не столь редко встречается и в другие эпохи (вплоть до нашего времени) на критической отметке социума. По Макрем-

⁹ *Kuruses St. J. Αἱ ἀντιλήψεις περὶ τῶν ἐσχάτων τοῦ κόσμου καὶ ἡ κατὰ τὸ ἔτος 1346 πῶς τὸ τρούλλου τῇ ἀγίᾳ Σοφίᾳ* // EHBS. Thess., 1969/70. T. 37. P. 30–37.

¹⁰ Ibid. P. 26. 37–38.

¹¹ *Ševčenko I. The Decline of Byzantium seen through the Eyes of this Intellectuals* // DOP. 1961. T. 15. P. 173. N. 24.

¹² Ibid. P. 174.

волиту, прежде нельзя было увидеть «жалкого зрелища, которое представляют собой люди, изнуренные различными болезнями, старостью, бедностью и горестно блуждающие по городу»¹³.

Димитрий Кидонис, строя каркас идеального социума, усматривал его в принципе гармоничной уравновешенности общества: «...Подчиненные оказывают правителям почести и (платят) налоги в ответ за их добродетель и попечение о низших; правители же проявляют о тех, кто им подчинен, постоянную заботу и попечение...»¹⁴

Схема идеального общества обычно была сориентирована византийскими интеллектуалами на монархию, которую они противопоставляли охлократии, анархии и междоусобьям. Димитрий Кидонис был уверен, что «всего необходимее иметь одного хорошего владыку, так как при многих всегда возникает много беспорядка и много больше забот и трудов, чтобы так или иначе привести к порядку и единству распадающееся множество»¹⁵.

Идеалом социума в глазах интеллектуалов была не просто монархия, но просвещенная монархия, монархия с просвещенным правителем во главе. Этот идеал был желанен для интеллектуальной элиты, но, разбиваясь о конфликты повседневности, он становился нереальным. И даже, если случалось, что василевс был достаточно высоко образован (Андроник II, Мануил II Палеологи), дискомфорт во всех сферах общества не мог принести предполагаемого результата.

Представитель интеллектуальных кругов Николай Кавасила предполагал другой вариант обновления общества – нравственное совершенствование человека, способное очистить мир от скверны. Идеи этого мыслителя, порожденные социальными и политическими неурядицами в стране, по своему конечному выражению соприкасаются с идейной ситуацией в византийском обществе XIV в.,

¹³ *Ševčenko I.* Alexios Makrembolites and his Dialogue between the Rich and the Poor // ЗРВИ. 1960. Т. 6. Р. 213. 3–11.

¹⁴ *Migne J. P.* Patrologiae cursus completus. Ser. graeca. Bonnae, 1829–1855. Т. 154. С. 10. Р. 1188 В.

¹⁵ *Merkati G.* Notizie di Procoro e Demetrio Cidone, Manuele Caleca e Teodoro Meliteniota ed altri appunti per la storia della teologia e della letteratura bizantina del secolo XIV. ST. 156. Città del Vaticano, 1931. Р. 373.78–81.

когда дискуссионный контакт с просвещенным Западом актуализировал давнюю концепцию самопогружения (исихии)¹⁶.

Наиболее удобной формой дать совет василевсу была высказанная в его адрес похвала за те качества, которыми тот не обладал. Этой цели служили похвальные речи (энкомии), произносимые их авторами при дворе по различным торжественным случаям – в связи с воцарением, победой или по праздничным дням. Энкомиаст, внося в перечень добродетелей правителя те проявления его личности и поведения, которые были бы необходимы для успешного управления страной, считал себя лекарем, рекомендуя подходящие случаю снадобья. Так, Николай Кавасила в «Слове против архонтов, дерзающих относительно святынь», прямо написал, что он дает правителям советы, как «врач составляет лекарство для пациента»¹⁷.

Подобным же способом критики-похвалы были и энкомии столице империи Константинополю, когда город назывался самым красивым и процветающим, когда стены второго Рима объявлялись энкомиастом более надежными, чем стены древнего Рима¹⁸.

Интеллектуальная элита поздневизантийского периода, критикуя общество и власть, давая не отличавшиеся глубиной или новизной советы, была далека от завышенной самооценки. Если в течение столетий аттическая просвещенность византийцев приносила им удовлетворенность и поощряла их чувство достоинства, то в XIV в., наряду с прежними, ставшими традиционными словами о великом вкладе греков-византийцев в философию и элоквенцию, появились – на фоне рушащегося мира – сомнения в собственной значимости. Так, Феодор Метохит, один из колоссов интеллектуального мира начала XIV в., сожалел, что ни он, ни его современ-

¹⁶ Поскольку эта статья написана в связи с 60-летием исторического факультета Уральского университета, следует упомянуть, что научная молодежь кафедры истории древнего мира и средних веков активно разрабатывает отдельные сюжеты этой темы. См. работы: С. В. Красикова, Л. Ю. Лобовой-Костогрызовой, Д. И. Макарова, К. И. Морозовой-Лобовиковой.

¹⁷ *Ševčenko I.* Nicolas Cabasilas «Anti-Zealot» Discourse. A reinteipretation // DOP. 1957. Vol. 11. P. 2. 6–7.

¹⁸ *Fenster E.* Laudes Constantinopolitanae. München, 1968.

ники уже не скажут ничего нового, ибо все уже получило толкование в трудах его предшественников¹⁹.

Димитрий Кидонис призывал своих соотечественников из круга ученых мужей «не довольствоваться похвалами своих близких»²⁰ и быть более критичным к себе. Дискуссия без аргументов напоминала ему военное сражение, где не стреляют, а танцуют, используя при этом не достойное в бою оружие, а лишь бумажное копье и щит из листьев²¹. Идеиные распри паламитов и антипаламитов, проникновение в арсеналы дискуссий методов западной схоластики и одновременно – активизация противников этих методов способствовали тому, что скепсис сомнения в дееспособности как общества, так и самих себя углублял ощущение нестабильности в кругах интеллектуальной элиты.

Одной из наиболее реальных сфер самоутверждения интеллектуалов была властная сфера. Степень участия интеллектуальной элиты в процессе функционирования власти была весьма велика. В этом отношении Византийская империя не знала аналогов в рамках европейского Средневековья.

Структура отношений интеллектуалов с носителями власти не была простой. Представители интеллектуальной среды были склонны скорее к критике правящих кругов, но желание обрести возможность более комфортной жизни толкало их в объятия власти.

Интеллектуальная деятельность в Византии в тот период, как и в другие времена (и в наши тоже!), не приносила ученым материального благополучия. Чтобы иметь постоянный источник доходов, нужно было получить должность (вернее, добиться ее). Интеллектуалы поздневизантийского времени были обладателями многих высших постов в управлении страной; в их числе были 5 премьер-министров (месадзонов), а также судьи, дипломаты, чиновники различных рангов и ведомств.

Социальная «встреча» бюрократии и интеллектуалов обращает нас к вопросу о корпорированности в отдельных сферах общества поздней Византии.

¹⁹ Ševčenko I. The Decline of Byzantium... P. 175.

²⁰ Merkatī G. Notizie... P. 395. 30–34.

²¹ Ibid. P. 393. 71–72; 400. 74.

Византийское средневековое общество было, в отличие от западноевропейского, акорпорированным в силу континуитетного развития сильной государственности, носившей публичный характер и опиравшейся на кодифицированное право, сформировавшуюся бюрократию и довольно цивилизованную по характеру организации армию. На средневековом же Западе в условиях распыленного политического суверенитета, — форме государственности, предшествовавшей началу процессов централизации, многие социальные общности — город, сословия, церковь — успели корпорироваться и получить некоторую долю прав и самостоятельности, сохраненных ими и впоследствии, когда государственность обрела силу. Власть в западноевропейских средневековых государствах вынуждена была приспособиться к уже возникшей корпоративности общества и в целях завершения процесса централизации и упрощения государства вступать с ними в союз.

В византийском обществе подобная расстановка сил была невозможна, ибо сформированная концепция власти и реалии функционирования государственности, благодаря многим своим механизмам, в том числе закону и системе налогообложения, обладали способностью адаптировать все структуры к существующей системе государственности. В силу этого для византийского общества, более атомизированного по сравнению с обществами западноевропейского Средневековья, был характерен индивидуализм («индивидуализм без свободы»²²), а не стремление найти защиту в общности.

Однако элементы неформальной корпоративности в византийском обществе можно обнаружить в среде интеллектуальной элиты. Парадоксально, что в корпорированном западноевропейском обществе как раз подобного рода общностей не существовало²³ (за ис-

²² *Kazhdan A., Constable G.* People and Power in Byzantium. An Introduction to Modern Byzantine Studies. Wash., 1982.

²³ Университеты на Западе были четко формальными корпорациями, построенными по цеховому принципу, и не отражали такого организующего принципа, как духовная общность. По мнению Ж. Ле Гоффа, в университетах средневекового Запады концентрировались интеллектуалы как социальная группа, связанная своим происхождением оживившейся городской жизни (*Le Goff J.* Les intellectuels au Moyen Age. P., 1962. P. 9 etc.). Однако их объединение в университет нельзя считать духовной общностью.

ключением редких случаев в виде «школы» Петра Абеляра в местечке около Труа) вплоть до эпохи Ренессанса с его академиями²⁴.

Формальных – юридических, социальных – атрибутов для выделения византийских интеллектуалов в некую корпорированную группу не существовало, но реально она выделялась довольно четко. Центром этой неформальной группы, ее лидером был обычно крупный ученый. Однако научные штудии не обеспечивали интеллектуалам того уровня жизни, который бы позволил быть независимым. Чтобы жить достойно, нужно было иметь «шапочку», т. е. должность. В связи с этим изолированный в своей элитарности интеллектуальный круг размыкался.

Интеллектуалы вступали в круг бюрократии, которая в лице придворного чиновничества представляла еще одну корпорированную группу в акорпорированном византийском обществе. Внутренняя общность группы также не носила формального, юридического характера. Здесь действовали принципиально иные нравственные принципы, нежели в интеллектуальном мире. Интеллектуал, принадлежа реально к обеим группам, должен был корректировать эти принципы. Это приводило в конечном итоге к столкновению двух различных моральных норм, их расщеплению и противостественной диффузии²⁵.

Димитрий Кидонис был, пожалуй, наиболее очевидным олицетворением этого раздвоения. Автор сочинения «Апология I» был одновременно ученым и чиновником высшего ранга. Ему была прекрасно известна закулисная жизнь императорского двора. Димитрий Кидонис писал в «Апологии», что придворные легко меняли свою позицию в зависимости от желания василевса. В одном из писем Димитрий Кидонис так охарактеризовал ситуацию при императорском дворе: «...императорский двор сейчас – это поистине рынок для болтовни и угодничества»²⁶.

Однако и для тех интеллектуалов, которые оказались в сфере власти, идеалом, зачастую тайным, оставалась свобода мысли.

²⁴ *Le Goff J.* Les intellectuels... P. 187.

²⁵ *Поляковская М. А.* Портреты византийских интеллектуалов: Три очерка. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1998.

²⁶ *Démétrius Cydonès.* Correspondance. Ep. 114. 10–11.

Димитрий Кидонис сравнивал государственную службу с петлей²⁷. Зимой 1371/72 г. Димитрий Кидонис написал одному из своих друзей: «Освободившись от службы во дворце, я имею то, чего страстно желал. Да, я ждал с нетерпением приватной жизни и желал освободиться от ответственности за то, что сейчас происходит, однако я, по правде, никогда не перестану порицать эти события»²⁸.

Итак, в поздневизантийском обществе, переживавшем трудные времена кризиса, власть и интеллигенция, не могущие существовать одна без другой, соединившись, взаимно отталкивали друг друга. Власти хотелось бы, чтобы интеллектуалы своим профессиональным красноречием и эрудицией упрочивали политическую идеологию, восхваляли василевса и империю, но не более того. Интеллектуалам же от власти нужны были щедроты, обеспечивавшие благополучие, могущее дать иллюзию независимости. Вступая в должность, интеллектуал становился одновременно и бюрократом. Приобретя материальные блага, он безвозвратно терял свободу интеллектуальной деятельности, столь желанную для каждого, причастного к аттической образованности.

Власть, казалось бы, приобретала авторитет, приближаясь к реализации идеи об императоре-философе, но одновременно она обретала и «внутреннего врага», готового, наряду с панегириком, написать и памфлет. Вечная проблема «власть – интеллектуал» получила в Византии наиболее яркое выражение, ибо ни одна страна ни в современном ей, ни в более позднем мире не знала такой концентрации интеллекта во властных структурах.

В ситуации экономического, политического и идейного кризиса в поздневизантийском обществе степень напряжения в отношениях «власть – интеллектуалы» была велика, но не продуктивна.

²⁷ *Démétrius Cydonès*. Correspondance. Ep. 115. 4–8.

²⁸ *Ibid.* Ep. 169. 16.

НОМО BYZANTINUS В УСЛОВИЯХ ВИЗАНТИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО- ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ: НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ*

Tempora mutantur, et nos mutamur in illis – эта с юности знакомая фраза воспринимается мной сегодня по-новому. Раньше ее смысл виделся в наблюдении за старением человека и его изменившимся в связи с этим взглядом на мир. Но нынешние непростые времена открыли для меня новый смысл этой сентенции. Наше поколение историков-исследователей смотрит в прошлое новыми глазами. Круто изменились времена, в которых нам дано жить, и в нашем видении византийского мира появились новые краски.

Прав был А. П. Каждан, заметив, что все исследователи – и те, кто сидит в «башне из слоновой кости», уточняет даты, сравнивает рукописи, и те, кто бросает широкий взгляд на прошлое человечества, сознательно или бессознательно, но все же отталкиваются от современности. Так что наши чтения не случайно посвящены проблеме личности, ибо через прошлое мы в какой-то степени стремимся познать и свое время, и себя.

А. П. Каждан открыл новые подходы к исследованию византийской цивилизации через реконструкцию структуры личности. Поднятая им в ряде монографических исследований проблема *homo byzantinus* оказалась привлекательной не только ее конструктивностью, но и гуманностью цели – познать эпоху, познав человека. Позволю себе продолжить одну из поднятых им тем: человек в условиях общественно-государственной структуры.

* Доклад на V сюзюмовских чтениях в Севастополе в 1990 г. (не публиковался).

Византийское государство имело совершенно иной генетический набор, нежели западноевропейские государства. Если Англия и Франция выросли из варварских королевств англо-саксов и франков, то Византия унаследовала наряду с древнегреческой книжностью и эллинистической идеологией развитую римско-эллинистическую государственность. В Средневековье она вошла с готовыми административно-управленческими формами (переживавшими далее эволюцию) и сложившимся правом. В то время как Западная Европа шла от правовой фиксации обычая к феодальным кутюмам, византийское право строилось на кодифицированных нормах. Средневековая византийская государственность сформировалась ко времени Константина VII Багрянородного, упрочилась во времена Комнинов. В XIV в., когда Франция и Англия стали сословно-представительными монархиями, Византийская империя оставалась государством авторитарного типа с централизованным типом управления.

Накладывало ли существование человека в условиях подобного типа государства какой-либо отпечаток на структуру личности? Можем ли мы говорить, что в области отношений «человек – государство» складывался тип *homo byzantinus*, отличавшийся чем-либо от *homo francus*, например? Являются ли эти отличия столь же заметными, как, предположим, костюмы и весь вид византийской делегации, вызывавшие удивление англичан во время поездки Мануила II Палеолога в Западную Европу в 1399–1401 гг.?

Да, но отличия в типе личности становятся более четко выраженными при наличии некоторой временной дистанции. Конечно, и современники могут их видеть, но при особой способности немного «выскочить» из своего времени, подняться над ним.

В сфере отношений «человек – государство» продуцировались некоторые из черт, которые мы и относим к психологическому типу, называемому нами вслед за А. П. Кажданом *homo byzantinus*.

Первое отличие в характере византийской государственности, которое накладывает свой отпечаток на структуру личности, – это более прямая связь соотношения «человек – государство» в условиях высокой централизации. Гегель писал о подобных государствах: «Все вращается вокруг центра, а именно вокруг властителя, который стоит во главе государства как патриарх» (Соч. Т. 8, с. 99).

Византийский крестьянин, к примеру, был связан с государством более прочными нитями, чем житель западноевропейской деревни того же социального уровня. На Западе прекарист (получивший землю преимущественно по типу *precaria remuneratoria*), а также мансуарий или серв были людьми такого-то сеньора. Во Франции шеваж, формарьяж и менморт в сочетании с судебной и административной властью сеньора и баналитетами, представлявшими собой монопольное право феодала, укрепляли связь «крестьянин – сеньор», закрывая почти полностью связь «крестьянин – государство». Византийский же парик не был изолирован от государства фигурой дината. Основной налог с крестьянского хозяйства – телос – платился непосредственно государству. Мало того, подати в пользу дината напрямую зависели от верховной власти и могли быть ею ликвидированы в любой момент. Величина платежа с земли крестьянина не была связана с размером земельного участка, что в какой-то степени перемещало этот вид денежной обязанности крестьянина из сферы экономической в сферу личной связи, что усиливало эту связь.

Византийские ремесленники через корпорацию были непосредственно связаны с государственными чиновниками, олицетворявшими центральную власть, в то время как западноевропейский ремесленник, напротив, являясь членом цеха, противостоял всем структурам, в том числе и государству.

Отсутствие системы вассалитета также оставляло византийца более высокого социального ранга, не «прикрытого» фигурой вышестоящего на иерархической лестнице, один на один с василевсом, а через него – с государством, властью. Институт этерий, как показали Г. Вайс и А. П. Каждан, не был адекватен системе личных связей западноевропейского образца.

Наряду с первой отмеченной чертой византийской государственности, оказывавшей воздействие на формирование типа личности, – прямой связью с подданными, отметим и вторую черту, также важную для понимания психологического типа *homo byzantinus*, – отдаленность объекта власти от ее субъекта. Поскольку издали все изъяны реализации власти не видны, отдаленность подданного от василевса (ритуалом, церемониями, законами и всем

прочим) вызывала у тех, кто был далек от носителя власти, ощущение большей психологической уверенности в себе и в завтрашнем дне. Идеи милосердия, благотворительности, справедливости, размноженные прооимиями новелл и хрисовулов, проникали в человеческое сознание и порождали веру в собственную защищенность под сенью великой державы. Для объяснения же несоответствия реалий этим идеям люди сами находили объяснения: война, неурожай, эпидемия, землетрясение. А если лицо, персонафицировавшее государство, порой и подвергалось критике, то сама идея императорской власти оставалась святыней.

Осознание василевса в акорпорированном византийском обществе как вечности, живого закона, солнца (Г. Хунгер) приводило к концентрированному проявлению экстравертности личности. Разумеется, экстравертность как ориентированность личности на мир внешних объектов вообще характерна для Средневековья, но в византийском обществе в силу двух уже названных особенностей связи «человек – государство» это приобретало более концентрированный характер.

Здесь начинается отличие в моем понимании структуры личности *homo byzantinus* от оценки ее А. П. Кажданом, выделявшим, в соответствии со своей концепцией «индивидуализма без свободы», присущее византийцу чувство одиночества, беззащитности и ненадежности. Византийские источники свидетельствуют, к примеру, что византиец чувствовал себя ответственным перед сообществом людей. Трактат «Слово против ростовщиков» Николая Кавасилы начинается и кончается фразой, обращенной к ростовщику: «Ты ответственен перед Богом и обществом всех людей». И эта ответственность перед людьми свидетельствует о том, что человек не чувствовал себя одиноким странником в земной пустыне, причисляя себя к сообществу людей и чувствуя свою моральную ответственность за свои поступки перед ним. Признание экстравертности личности в условиях отдаленности субъекта власти приводит к противоположной, по сравнению с точкой зрения А. П. Каждана, оценке внутреннего состояния личности: большей уверенности и защищенности. Правда, веру в надежность власти могла снижать неуверенность в самом себе, но это уже несколько иная тема.

Третьей особенностью византийской общественно-государственной структуры, оказывавшей существенное влияние на *homo byzantinus*, была высокая идеологизированность государственной политики и всего общества. Империя издавна держалась на «двух китах» – идее «второго Рима» и идее христианской ойкумены. Столь концентрируемой идеологизации государственной политики мы не встречаем ни в одной средневековой европейской стране. Империя Карла Великого, претендовавшая в свое время на роль центра *orbis terrarum*, просуществовала лишь полстолетия, а империя Оттонов и Штауфенов не имела такого сильного центра, как Константинополь.

Названная особенность византийской общественно-государственной структуры способствовала упрочению тех психологических черт *homo byzantinus*, которые были названы как результат первых двух особенностей, т. е. прежде всего его экстравертности и надежды на сильное государство. Упрочению чувства надежности существования способствовало и государственное воздействие на общественное мнение в форме политической идеологии, пропагандировавшей, с одной стороны, силу и величие государства, и с другой, – равенство всех перед властью и законом. Императорские законы и различного рода акты, как заметил Г. Хунгер, заменяли роль современных средств массовой информации.

Идеологизированность государственной политики порождала высокомерное отношение византийцев к другим народам, языкам и культурам и порождала патриотизм, в основе которого лежала не столько естественная любовь к земле, где родился, а гордость за великую державу. Даже Никифор Григора, порой независимый в своей позиции, написал: «Разве не мудрец был тот, кто родился эллином, а не варваром?» (I, 383. 9–10). Депортации народов закрепляли для основного населения империи, наряду с экстравертностью их поведения и мышления, высокомерное отношение по отношению к другим народам.

Если в X–XI вв. человек мог ощущать себя византийцем, будучи христианином, то постепенно вопрос этнической принадлежности стал иметь все большее значение, негречи, попадая в чисто греческую среду, меняли свое прежнее имя на греческое. Эллини-

зация контактных приграничных зон имела характер государственной политики, что порождало большую психологическую уверенность греческого населения (Г. Г. Литаврин).

Высокая идеологизация общества особенно проявлялась в сфере культуры. Прославление империи и василевса предусматривалось всеми канонами воспитания и образования, начиная с первых энкомиев, выходивших из-под еще не очень бойкого пера молодого человека, лишь вступавшего в жизнь.

Homo byzantinus был, если использовать формулу Фазиля Искандера, «человеком идеологизированным». Вся сфера культуры, и прежде всего литературы, в силу общего подчинения идее государственной доктрины испытывала склонность к клишированию. Человек творческой среды почитал для себя за честь и даже относил к проявлению великого мастерства умение растворить свое «я» в каноне. Но поскольку подлинное творчество не существует без творческой личности, ей приходилось овладевать языком аллюзий, когда за мастерски выполненным каноном лишь для равного по таланту и образованности человека полуоткрывалось это «я» автора. Высокая византийская литература – это литература подтекста. Для византийца этот метод эзотеризма, метод скрытого текста не казался вынужденным, оскорбительным или унижающим его. Психология человека, саморегулирующегося в зависимости от условий существования, приводила его к мысли о том, что именно эта скрытность индивидуального и есть подлинный путь таланта.

За стереотипами литературными следовали стереотипы осознания себя в мире, причем под миром понималась чаще всего ойкумена с Константинополем в центре. Стереотипизация мышления, распространенная на все слои общества, порождала деонтологическое отношение к действительности, отраженное, к примеру, Алексеем Макремволитом, комментировавшим многое в сфере социальных отношений формулами «так принято», «так было всегда».

Реалии жизни в условиях господствующего канона упрочивались от поколения к поколению как нечто неизменное и раз навсегда данное. Стандарт, отраженный в церемониале, литературном про-

изведении, законе, поведении и мышлении, передавался потомкам. В психологии *homo byzantinus* это закреплялось как стабильность, что в свою очередь также порождало внутреннее ощущение надежности и защищенности.

Сломать стереотип мышления и поведения было практически невозможно. До критики государственной идеологии и признания авторитета других народов поднимались лишь единицы. Нонконформность не присуща византийскому типу социального поведения. Отваживавшийся думать и вести себя иначе, чем предусматривалось традицией и государственной идеологией, обрекал себя на непонимание и духовное одиночество. Подобное рассматривалось в глазах *homo byzantinus* не меньшим проступком, нежели предательство. Когда Димитрий Кидонис писал, что международный авторитет империи безнадежно упал и что к ней тянутся лишь те, «кто пригоден лишь коз пасти», он шел на определенный риск быть изгнанным из своего круга (что, собственно, и произошло). Написав много гневных слов критики в адрес своей страны, Кидонис пережил по сути дела некую метаморфозу, утрачивая часть черт, характерных для *homo byzantinus*. Он «перешагивает» через черту – от стандартизованного мышления к независимому и даже противостоящему официальной идеологии. Неудивительно, что Димитрий Кидонис постоянно хотел уехать из страны.

И, наконец, последней, четвертой чертой, характеризующей особенности византийской государственной структуры, оказавшей воздействие на психологический склад *homo byzantinus*, была ее крайняя бюрократизация. Разумеется, бюрократическая система в той или иной степени присуща всем централизованным государствам. Но никем не оспаривается, что Византия была самой бюрократической страной средневековой Европы. Это была своеобразная корпорация, охватывающая большое количество людей и имевшая свои горизонтальные и вертикальные связи. В этой бюрократической структуре вышестоящие смотрят на нижестоящих глазами повелителей и представляют свой интерес в качестве всеобщего. Что же касается нижестоящих, то они сознательно или неосознанно растят в себе такие качества, как чинопочитание и подoboстрaстие. Отражая психологию низов в этой лестнице, Алек-

сей Макремволит писал: «...мы принимаем ваши благодеяния не безвозмездно, но сразу же воздаем вам благодарность, благоговения, похвалы, чтим вас и превозносим, уступаем вам место и обращаемся к вам, почти как к богам» (с. 214. 3–5).

Бюрократическая корпорация имеет законы ее «этажей». Позволю себе процитировать немодного ныне К. Маркса: «верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается частных; низшие же круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение» (Соч. Т. 3, с. 271–272).

На фоне фетишизации власти василевса психология поклонения ведет к статичности общественных отношений. А это, в свою очередь, ведет снова к статичности сознания и осознанию порядков извечными.

В условиях подобного восприятия власти нередко происходило выделение каких-либо черт характера или увлечений, склонностей, вкусов человека, олицетворяющего власть, и восприятие их теми, кто находился в ареале его социального воздействия. Так, увлечение Андроника II Палеолога астрономией стало повальным увлечением при его дворе. По ироническому замечанию персонажа сатирического диалога XIV в., один из тех, кто вращался при дворе, «и в нужник-то не ходил без обследования неба астролябией» (Мазарис, 2, с. 95).

Употребляемое в исследованиях понятие «византизм» прежде всего связывается с набором нравственных качеств, которые являются атрибутом любой бюрократической системы, отягощенной авторитаризмом. Униженный проситель, терпящий крючкотворство и вымогательства в канцеляриях и судах, – довольно часто встречающаяся фигура в византийской литературе, начиная со времен Юстиниана. Описанные Михаилом Пселлом бессловесные, исполнительные чиновники жили с надеждой о повышении в должности. Угодничество и лесть по отношению к тем, кто достиг социальных вершин, можно выделить как черты, определяющие характер морали высших кругов, поскольку должность была в значительной степени мерилom значимости человека в обществе. По Георгию Пахимеру, льстецы «могут слышать гармонию даже

в кашле больного царственного дитяти» (I, 91. 5–6). Выжидание чинов, должностей и подачек, стремление выдвинуться, быть замеченным – вот нравственная сторона жизни *homo byzantinus* на всех ступенях управления. Известная фраза из «Мазариса» характеризует нравственную черту управленцев, находившихся на одной горизонтали: «архитит завидует архититу, архонт архонту, наварх наварху, судья судье, секретарь секретарю, писец писцу, ритор ритору, врач врачу...» (18, с. 107).

«Кекавменовы страхи», о которых пишет А. П. Каждан как об одной из определяющих черт психологического склада *homo byzantinus*, на мой взгляд, относились не к византийцам вообще, а именно к тем из них, кто входил в структуру аппарата управления. Страх не угодить начальнику, страх утраты должности (а иногда и состояния, жизни) был присущ прежде всего этой структуре. Но все же я полагаю, что это был частного характера страх на фоне общего, пусть и обманчивого, но ощущения стабильности.

Итак, в докладе рассмотрены четыре черты, характеризующие византийскую государственность (прямая связь «человек – государство», отдаленность субъекта власти от его объекта, высокая идеологизация византийского государства и его политики, крайняя бюрократизация системы государственного управления) и на их основе – те нравственно-психологические черты, которые были присущи *homo byzantinus* и среди них прежде всего экстравертность и чувство уверенности в условиях великой державы, являвшейся центром большой структуры – христианской ойкумены. На средневековом Западе малые структуры не превалировали над большими (оформившимися позднее); в византийском же обществе включение в макроструктуру и порождало определенный, отличный от западноевропейского тип личности.

МЕСТО ГОРОДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ВИЗАНТИИ*

М. Я. Сюзюмов, памяти которого посвящены чтения, считал город основой византийской истории. В одном из писем он написал, что византийский город был «центром... сохранения цивилизации» (ГАСО, ф. 802, оп. 1, д. 154, л. 4).

В связи с этим обратим внимание на то, что французский исследователь Жак Ле Гофф и М. Я. Сюзюмов, рассматривая вопрос о своеобразии развития ряда территорий в рамках Средневековья, называют примерно один и тот же набор: Ле Гофф – Венецианскую республику, Великое герцогство Тосканское, вольные ганзейские города (пер. 1992, с. 276), а Сюзюмов – Венецию, далматинские и ганзейские города (ВО, 1961, с. 36). Первый из исследователей выделил эти группы территорий, чтобы противопоставить их средневековому Западу, а второй – чтобы сблизить о ними Византию. Заметим также, что в том же исследовании «Цивилизация средневекового Запада» Ле Гофф проводит другую параллель – Запад и Византия, написав, что Византия до XI в. явно превосходила Запад «по степени развития денежного хозяйства, городской цивилизации» (с. 184). Действительно, отличие названных территорий, равно как и Византии, от раннесредневекового Запада заключалось в их городском цивилизационном стиле, в то время как, по Ле Гоффу, на Западе «средневековая экономика носит главным образом аграрный характер» (с. 209); «земля и аграрная экономика являются основой и сущностью материальной жизни» (с. 196). На выделенных же территориях города в течение долгого времени составляли костяк всей жизни (с. 276).

Разумеется, нельзя ставить знак равенства между итальянскими или тем более ганзейскими городскими территориями, назван-

* Доклад на VII сюзюмовских чтениях в Севастополе, 25 августа – 4 сентября 1994 г.: Античный и средневековый город: Тез. докл. Екатеринбург; Севастополь, 1994. С. 3–7.

ными Ле Гоффом «городскими островками», и Византией, представлявшей только по размеру ее территории по крайней мере огромный остров, если не отдельный континент. Однако подобное сравнение имеет смысл.

Действительно, роль города, прежде всего Константинополя, который византийцы называли просто «полис» или «мегалополис», велика. Неслучайно, некоторые исследователи именуют Византию Константинополитанией.

Проблема византийского города, особенно крупного, является одной из наиболее изученных; значителен вклад в разработку этой проблемы ученых различных профилей – историков, археологов, нумизматов, филологов.

Византийский город, как и империя, имел тысячелетнюю историю. Как известно, ранневизантийский город представлял собой античный полис. В V–VI вв. при непродолжительных стагнационных периодах он переживал состояние кризиса, когда сословие куриалов теряло свои позиции, а земли полиса переходили в руки фиска и частных лиц. Куриалы, становясь государственными чиновниками, обладали приоритетом в покупке полисных земель. Городское население в ранний период византийской истории превосходило сельское, составляя четверть всего населения империи. Город имел довольно значительный субурбий – пригородный район, обслуживающий интересы города. Город доминировал над деревней и эксплуатировал ее.

С середины VII в. империя переживала глубочайший упадок, на фоне которого провинциальные и малые города находились в состоянии кризиса, а экономическая активность Константинополя была ограничена. Мелкие и средние города аграризировались. Лишь крупные города, прежде всего Константинополь, Фессалоника и немногие малоазийские города, сохранили значение не только административных, но и ремесленно-торговых центров. Крупные города собирали население пригородов и мелких городов. Они пережили «темные» страницы своей биографии. В IX в. они входят одновременно прежними и другими. Здесь лежит корень спорной проблемы – крупный византийский город развивался по континуитетной или дисконтинуитетной модели? Заняв в этом вопросе позицию «золотой середины», стоит видеть при этом то общее,

что объединяет город, условно говоря, доцезурный и постцезурный: это генезис городской знати и то место, которое занял город в системе государственного управления.

Превращение верхушки куриальной знати в столичную служилую знать было следствием кризиса власти, создающей себе социальную опору во времена поиска путей выхода из кризисной ситуации. В Константинополе формировалась бюрократия, олицетворявшая центральную власть. В VII–VIII вв. старые органы власти сосуществовали с новыми. Исавры пытались поднять авторитет столицы и упрочить этим свой авторитет. Как известно, Константин V обязал крестьян продавать горожанам зерно по принудительно низким ценам, установив в Константинополе стабильные цены на хлеб. Константинопольский продуктовый рынок был дешевым, а налоги на крестьян в угоду городу возрастали (Литаврин, 1985, с. 115). Таким образом, и в отношении «темных веков» нельзя сказать о превалировании деревни над городом, поскольку экономические процессы корректировались государством. Столичная бюрократия играла определенную роль в управлении государством. Эта городская знать генетически была связана с той, которая раньше возглавляла городское самоуправление полиса и владела прилегающими к городу землями.

Географические особенности Византии давали преимущества в развитии крупным приморским городам-эмпориям, прежде всего Константинополю. Это, в свою очередь, благоприятствовало возможности пойти по пути развития, условно называемом «венецианским». В конечном итоге этого не случилось в силу ряда причин и прежде всего вследствие постоянного соперничества рано начавшей феодализироваться провинциальной знати, но возможность так называемого венецианского пути долго сохранялась.

Существование крупного византийского города в системе централизованного государства корректировало отношения города и деревни. Пригород эмпория – проастиий – служил потребностям города. И в X–XI вв. крупный город продолжал господствовать над деревней. Государственное налогообложение способствовало этому. Исследователи признают превалирующее значение крупного города над деревней вплоть до XI в. включительно.

При Комнинах имели место попытки изменить характер государственной власти. Этот период, определяемый как «вестернизация» (Каждан), отмечен развитием провинциальных городов и преобладанием провинциальной знати. Наметились попытки изменения характера государственной власти и общества, однако в конечном итоге она была безуспешной, а действия Андроника I способствовали упрочению при Ангелах традиционных форм власти. Крупный византийский город не был в XII в. тем институтом, который, по Ф. Броделю, являлся бы своеобразным трансформатором, повышающим напряжение и ускоряющим движение общества: он носил уже черты «утомленности», а льготы итальянским купцам, данные Комнинами, усугубили их. Город как каркас общества утрачивал свою прочность. IV крестовый поход сделал то, что не смогли сделать столетия византийского Средневековья: была разрушена централизованная государственность. После шести десятилетий латинского владычества Византия восстала, но уже в другом качестве, несмотря на мимикрирующую идеологию. Государственная власть теряла прежнее значение, и лишь иностранные «вливания» имитировали облик активной городской жизни. Деревня же, напротив, развивалась в сторону упрочения феодальных институтов. Впервые в истории Византии город не довлел над деревней.

Возвратимся к вопросу о судьбах городских «островков» Средневековья. Итальянские города Северной и Средней Италии с конца XV в. постепенно входят в состояние упадка. В этот период происходит феодализация городской верхушки, что было названо В. И. Рутенбургом «своеобразным вторым изданием итальянского феодализма» (Италия и Европа, с. 121). Зачастую утрата значимости итальянских городов к концу XV в. связывается с изменением морских путей торговли в условиях географических открытий, а также с переходом основных стран Западной Европы к политике протекционизма, что приводило к сокращению для Италии рынков сбыта источников сырья. Однако прежде всего следует учитывать природу итальянского города. Он имел античное происхождение, посредническое положение между Востоком и Западом, раннее развитие, основанное на торговле и, что необычайно важно, город политически господствовал над деревней (Баткин, 1970, с. 246).

И контадо, сельская округа, и дистретто, вся территория государства, зависели от города. Сельская территория эксплуатировалась городом и экономически (поставка продовольствия, закуп селянами соли в фиксированных размерах по завышенной цене и многое другое).

Что же общего у крупных византийских и итальянских городов? Прежде всего, характер их рождения – не на основе деревенских институтов. Это обеспечивало их раннее развитие и постепенное затухание в силу некоторого несоответствия аграрной основе средневековой цивилизации. Западноевропейские же города имели деревенское происхождение (пусть даже на месте старых городов) и постепенно преодолевали это качество естественным путем. Обратимся в связи с этим к наблюдениям Гоффа: «Но в итоге оказалось, что города, сумевшие в средние века стать государствами – Венецианская республика, Великое герцогство Тосканское, вольные ганзейские города, – двигались против течения истории, их существование мало-помалу становилось все более анахроничным. Италия и Германия – страны, где города долгое время составляли политический, экономический и культурный каркас, отстали от других стран, добившись объединения лишь в XIX в. Городское средневековое общество не имело перед собой исторического будущего» (с. 276).

Наблюдения Ле Гоффа в некоторой степени приложимы и к истории византийского города. Крупный город-эмпорий, и прежде всего Константинополь, возникнув на античной основе, рано достиг процветания и через систему государственного налогообложения господствовал над деревней. По мере вступления Византии на феодальный путь он начал медленно утрачивать свои позиции, не вписываясь в новую систему. Поскольку государство было защищено нормами централизованного управления и права, этот процесс (равно как и процесс феодализации страны) был медленным. Лишь в палеологовский период на фоне неблагоприятных внешнеполитических обстоятельств система «город – государство» окончательно разладилась.

Можно предположить, что если бы не турецкая агрессия, империя ромеев, переболев феодальной раздробленностью в византийском варианте, постепенно, может быть, к XVII–XVIII вв. стала бы новым государством – Грецией.

ПРОБЛЕМА ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

Определение «городская культура» относится преимущественно к понятийному ряду медиевистики и соответствует культурным реалиям западноевропейского Средневековья.

Городская культура в работах медиевистов предстает как некая альтернатива культуре монастырей и дворянских замков, олицетворяя народный пласт культуры в ее бюргерском варианте. Понятие «городская культура», как следует из медиевистских исследований, соотносимо со светской культурой среднего класса.

Реалии Западной и Центральной Европы, начиная с X в. подтверждают постепенное становление нового по сравнению с культурой раннего Средневековья типа культуры, сориентированной на психологию и мироощущение горожан.

Городская культура Франции, Англии, а позднее и Германии была отмечена возникновением нецерковных школ и университетов. Изготовление книги постепенно – в отличие от монастырских скрипториев, державших монополию на этот вид деятельности в раннесредневековый период, – становилось ремеслом, рождая к жизни корпорации пергаментариев, художников, переписчиков, изготовителей металлических застежек. Литература этой эпохи, в отличие от раннесредневековой, в отдельных ее жанрах отражала некий рационализм, житейскую трезвость и расчетливость, большую приземленность, практичность, некоторую долю лукавства и общей мажорности. Чувство любви к женщине обрело более земную окраску. Городской театр, выйдя из стен храмов и церковной ограды, стал символом городского братства. Все эти проявления

* Доклад на научных съездовских чтениях 25 августа – 3 сентября 1995 г. в Севастополе: Византия и Крым: Проблемы городской культуры. Екатеринбург, 1995. С. 42–45.

городской культуры характерны прежде всего для Франции и Англии, а позднее – в силу культурной радиации и локальной модели социального развития – и соседних стран.

Однако для регионов городской цивилизации (прежде всего Византии) подобный стереотип развития культуры не характерен в качестве тенденции. Явления, связываемые с понятием «городская культура», здесь не были альтернативой остальной культуре, ибо Византия, как и Италия, изначально была очагом культуры, рожденной в городе. Но в силу того, что позднеантичный город, лежавший у истоков византийской цивилизации, явно неадекватен средневековому городу Западной Европы XI–XIII вв., понятие «городская культура», применяемое к средневековой Западной Европе, «не накладывается» на Византию. Не случайно в трехтомном коллективном исследовании по культуре Византии (М., 1984–1991) это понятие не входило в научный инструментарий его авторов. Правда, в заключении ко второму тому содержится замечание о присущих византийской культуре XI–XII вв. предпренесансных явлениях, в которых видно проявление «ростков свободы мысли, рационализма, идей социального протеста, сомнения в незыблемости ряда религиозных догматов, критика монашеских идеалов аскетизма и смирения» (с. 634). Будучи изолированной от контекста книги, эта фраза могла бы подтвердить наличие в Византии пласта культуры, созвучного западноевропейской городской культуре. Однако известно, что эти идеи не составляли какого-то альтернативного слоя культуры, а были имманентно присущи «высокой» византийской литературе и тем более не были бюргерскими (в западноевропейском смысле того слова) по происхождению.

Исследователи византийской культуры пользуются обычно такими ее определениями, как классическая, элитарная, аристократическая, столичная, народная. Может быть, стоит искать проявления так называемой городской культуры в народном ее пласте? Однако имеющиеся исследования по народной литературе, начиная с монографии Г.-Г. Бека (1971), выделяют лишь ее языковое, а не мировоззренческое отличие. Конечно, если среди сочинений «среднегреческой литературы на народном языке» (Я. Н. Любар-

ский) выделить жанр сатиры, то можно отметить присущую ему атмосферу насмешек и лукавства, которая в сочетании с некоторой карнавальностью могла бы напомнить западноевропейские фаблио, но, с другой стороны, в нем не меньше язвительности и древних греческих басен. Византийская сатира, вероятнее всего, окажет некоторое воздействие на западный плутовский роман и фацеции Нового времени (Т. В. Попова), сама не являясь «бюргерским» явлением.

Пожалуй, из византинистов только И. Л. Медведев пользуется понятием «городская культура». Обратимся, однако, к его определению этого понятия: «Византийская городская культура – это культура по преимуществу письменная и книжная, для которой характерны относительно широкое распространение грамотности среди горожан, достаточно обширный круг читателей, который отнюдь не ограничивался аристократической элитой, сосредоточение книг в городах, складывание публичных городских библиотек... распространение частных библиотек... и как результат – образование у горожан специфического “книжного мышления”» (сб. «Городская культура». М., 1986, с. 9). Существенным компонентом византийской городской культуры И. П. Медведев считает правовое образование. Т. е., по сути дела, мы видим иное, нежели у медиевистов, наполнение понятия, связываемого исследователем прежде всего с более высоким, чем на Западе, общим уровнем грамотности городского населения, уровнем, прослеживаемым, начиная с ранних веков византийской истории. Хотя для культуры западноевропейского средневекового города тоже присущ интерес к книге и повышение уровня грамотности, начиная с XIII в., но там это было связано со взрывом урбанизации, принесшим и новое мироощущение. Для Византии же эти процессы нехарактерны.

Понятие «городская культура» применительно к Византии можно было бы сравнить по генетическому набору с культурой итальянских городов, если бы последняя не существовала – в отличие от авторитарной Византии – в условиях политического полицентризма (порой республиканского толка), что определило большой демократизм этой культуры.

Итак, византийская культура, будучи изначально городской, подвергшись в отдельных жанрах последующей медиевации с чертами огрубления, не была однако пронизана особым бюргерским мировосприятием, поскольку византийское общество в силу особенностей исторического развития не испытало присущей для Западной Европы X–XI вв. урбанистической «революции». Городская византийская культура не была ориентирована на средние городские слои, не была образцом некоей «массовой культуры»; нормой ее был «высокий стиль» (И. Шевченко). Что же касается византийского фольклора, то он не был проявлением «новой культуры», несущей обществу принципиально новое мировоззрение.

К СОЦИАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: КАВАСИЛЫ*

Реконструкция отдельных византийских кланов и их роли в жизни общества определенного времени позволяет в некоторой степени выявить тенденции функционального развития общества и – применительно к рассматриваемой фамилии – увидеть место в обществе отдельного клана.

История фамилии Кавасил не обойдена вниманием историографии, исследована в специальной статье А. Ангелопулоса¹, а также в работах Г. И. Феохаридиса, А. П. Каждана². Отдельным членам клана посвящены труды С. П. Лампроса, С. Салавиля, Х.-Ф. Байера, С. Капланериса³ и др. Огромен цикл исследовательских работ, героями которых являются два представителя фамилии Кавасил – Нил и Николай Кавасилы.

Поздневизантийские Кавасилы восходят к более раннему времени – конца Македонской династии. Всего в XI–XII вв. в источниках различного рода упомянуто по крайней мере десять лиц, имевших имя Кавасила⁴.

Следуя изысканиям А. П. Каждана в области социального состава византийской знати XI–XII вв., можно причислить Кавасил

* Статья опубликована: ВВ. 1999. Т. 58. С. 37–46.

¹ *Angelopoulos A.* Τὸ γενεαλογικὸν δένδρον τῆς οἰκογενείας τῶν Καβασιλῶν // *Makedonika*. 1977. Vol. 17. P. 367–396.

² *Theocharides G. J.* Δημήτριος Δούκας Καβάσιλας καὶ ἄλλα προσωπογραφίκα ἐξ ἀνέκδοτου χρυσοβούλλου τοῦ Καντακουζηνοῦ // *Hellenika*. 1962. Vol. 17. P. 1–23; *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии в XI–XII вв. М., 1974.

³ См. ссылки на работы указанных авторов далее.

⁴ *Каждан А. П.* Социальный состав... С. 93. По А. Ангелопулосу, к XI–XII вв. относятся пять Кавасил (Никифор, Константин, Александр, Александр, Иоани). *Angelopoulos A.* Τὸ γενεαλογικὸν δένδρον... P. 394.

к военно-аристократическим семьям, хотя первый Кавасила выдвинулся в стратеги из императорских слуг⁵. В XI в. Кавасилы были, видимо, иностранцами, однако этническая принадлежность, равно как и этимология имени, неясна. Многие из Кавасил названного времени были дуками. Среди них известны дука и патрикий Константин Кавасила (первая половина XI в.)⁶. Анна Комнина неоднократно (IV. 4, VII. 8, XIII. 5) упоминает фессалоникийского полководца Александра Кавасилу⁷. Ему принадлежит известная печать новеллиссима⁸. Наряду с военными, в названное время среди Кавасил были и церковные деятели⁹.

С 1200 г. мы видим Кавасил в качестве видных церковных руководителей, чаще митрополитов. Среди них следует вспомнить охридского архиепископа Константина Кавасилу, единственного из рода Кавасил, запечатленного в изображениях¹⁰, – фресках церкви Богородицы Перивлепты в Охриде (1295), рождественской стихиры этой же церкви¹¹ и фреске часовни Предтечи храма Протата св. Горы¹².

В поздневизантийское время жило примерно 45 человек, носивших имя Кавасила¹³. Разумеется, письменные источники, на которые мы опираемся, сохранили известия далеко не обо всех

⁵ *Каждан А. П.* Социальный состав... С. 169.

⁶ *Angelopoulos A.* Τὸ γένεαλογικὸν δένδρον... Р. 369, 394.

⁷ *Lambros S. P.* Alexander Kabasilas // BZ. 1903.

⁸ *Seibt W.* Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. Wien, 1978. T. 1. Kaiserhof. 125. S. 257–258.

⁹ *Каждан А. П.* Социальный состав... С. 152.

¹⁰ *Джурич В. И.* Портреты в изображениях рождественских стихир // Византия, южные славяне и Древняя Русь, Западная Европа: Искусство и культура // Сб. статей в честь В. Н. Лазарева. М., 1973. С. 249–251.

¹¹ *Вурић В. Ј.* Византијске фреске у Југославији. Београд, 1975. С. 47.

¹² Это изображение вслед за Г. Милле ошибочно приписывалось Николаю Кавасиле. См. об этом: *Angelopoulos A.* Νικόλαος Καβάσιλας Χαμαετός. 'Η ζωή καὶ τὸ ἔργον αὐτοῦ. Thess., 1970. Πιν. 2–4. Р. 106.

¹³ *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit* / Hrsg. B. Trapp. Wien, 1976–1996. № 10060–10102, 30539 (далее: PLP). К перечню добавлен один из братьев Нила Кавасилы, не имеющий специального номера, и мать Николая Кавасилы. А. Ангелопулос называет 22 лица, носивших имя Кавасила в поздневизантийское время (XIII в. – 3, XIV в. – 17, XV в. – 2). *Angelopoulos A.* Νικόλαος Καβάσιλας Χαμαετός... Р. 394.

членах этого клана. Кроме того, не все из тех, кто попал в тексты актов или других письменных памятников, четко отождествляются. Это в значительной степени затрудняет возможности более точного подсчета. Так, по крайней мере для двенадцати из Кавасил, живших в разное время палеологовской эпохи, не сохранился *pronomēn*¹⁴. В отношении четверых из них отсутствуют какие-либо сведения, кроме упомянутого имени¹⁵. Столь же безвестен и Константин(?) Кавасила, живший – без упоминания более точного времени – в Фессалонике¹⁶.

Трудности какого-либо анализа – просопографического или количественного – затрудняются еще и тем, что состояние источников по рассматриваемому вопросу дает почву для неточностей в идентификации отдельных из Кавасил. Георгий Кавасила, живший в XIV в., был отождествлен с Георгием Кавасилой, бывшим в 1341 г. *οἰχεῖος* императора¹⁷. Димитрий Кавасила, земельный собственник, ошибочно идентифицировался с другим Кавасилой, *οἰχεῖος* императора¹⁸.

В исследовательской литературе можно встретить подмену одних представителей этого имени другими. Так, Николая Кавасилу Хамаета вследствие неясностей в тексте «Истории» Иоанна Кантакузина и хроники Сфрандзи, начиная с А. Фабрициуса и К. Крумбахера, считали митрополитом Фессалоники, путая с его дядей Нилом Кавасилой¹⁹. Эта путаница была тем более возможна, что в миру Нила Кавасилу звали Николаем. Николая Кавасилу также путали по изображению на фреске часовни Предтечи на Афоне с Константином Кавасилой, архиепископом Охрида²⁰.

¹⁴ PLP. № 10061–10072.

¹⁵ Ibid. № 10062, 10063, 10065, 10066.

¹⁶ Ibid. № 10096.

¹⁷ Ibid. № 10076. 10078.

¹⁸ Ibid. № 10081, 10083.

¹⁹ *Angelopoulos A.* Νικόλαος Καβάσιλας Χαμαετός... Р. 68; Прямым отражением этой устаревшей точки зрения являются редакционные комментарии к публикации сочинения Николая Кавасилы «Изъяснения божественной литургии архиепископа Фессалоникийского Николая Кавасилы» (ЖМП. 1875. № 1, 3.5).

²⁰ *Angelopoulos A.* Νικόλαος Καβάσιλας Χαμαετός... Р. 68.

Одного из адресатов Никифора Григоры – Димитрия Кавасилу – в связи с тем, что в адресации его имя упоминалось то полностью, с *pronomen*, то в редуцированном или отчужденном виде («господину Кавасиле»), путали с Димитрием Кавасилой Каниским, но, благодаря исследованиям С. Капланериса (в рукописи) и Х.-Ф. Байера²¹, эта ошибка может считаться исправленной. Она осложнялась еще и тем, что в «Просопографическом лексиконе времени Палеологов» под одним лицом считали адресатов Никифора Григоры, Никифора Хумна и Димитрия Кавасилу Каниския²². Можно упомянуть о путанице, начиная также с Г. Феохаридиса, Димитрия Кавасилы с Михаилом Кавасилой. Однако Х.-Ф. Байер привел убедительные аргументы, апеллирующие к соответствующим жизненным ситуациям каждого из этих лиц, и это позволило утверждать, что партнером Никифора Григоры по паламитским спорам был не Михаил, а Димитрий Кавасила²³. Но состояние источников может создать основу для новых *qui pro quo*.

Внутри клана Кавасил палеологовской эпохи не очень четко, но все же прослеживаются родственные связи²⁴. Прежде всего можно вспомнить две уже упомянутые семьи: Константин Кавасила, архиепископ охридский, и его братья Феодор и Иоанн; Нил Кавасила, архиепископ фессалоникийский, два его брата, сестра и племянник Николай Кавасила. Димитрий Кавасила²⁵ был отцом Мануила, позднее известного как обладателя наследственных владений. Другой Димитрий Кавасила²⁶ был отцом Кавасилы, вели-

²¹ *Kaplaneris S.* Drei große byzantinische Familien im Dienst der Megale Ekklesia. Wien, 1985. S. 115 (maschinenschrift). См. выводы этого автора, равно как и собственные наблюдения: *Beyer H.-V.* Demetrios Kabasilas, Freund und später Gegner des Gregoras // JÖB. Wien, 1989. Bd. 39. S. 140 f. До названных авторов эта точка зрения высказывалась и ранее. См.: *Turyñ A.* Codices graeci Vaticani saeculis XIII et XIV annorumque notis instructi. Vaticano, 1964. P. 145.

²² PLP. № 10085. См. о Димитрии Каниския Кавасиле, Григории Кавасиле и Димитрии Кавасиле: *Theocharides G. I.* Op. cit. P. 8–22; *Angelopoulos A.* Τὸ γενηαλογικὸν δένδρον... P. 377–378.

²³ *Beyer H.-V.* Demetrios Kabasilas... P. 176–177.

²⁴ PLP. № 10099.

²⁵ Ibid. № 10080.

²⁶ Ibid. № 10084.

кого архонта. Димитрий Кавасила, οἰχεῖος императора²⁷, имел сына Георгия. У некоего Кавасилы²⁸ был сын Димитрий Дука Кавасила. А. Ангелопулос называет Иоанна, сына Алексея Кавасилы, жившего в XIV в. в Эпире²⁹. В некоторых случаях упоминания о Кавасилах сопровождаются неопределенной информацией: имел сыновей³⁰. О наличии более точных родственных связей внутри клана Кавасил можно лишь догадываться. Так, в одном из актов Лавры в связи с финансовой договоренностью упомянуты Георгий Кавасила, его сын Димитрий, а также Иоанн Кавасила, который, можно думать, был с ними в родстве³¹.

Кавасилы роднились с известными фамилиями. Великий папиа Димитрий Кавасила был женат на Анне Ласкарине, дочери Константина Ласкариса³². Сестра Нила Кавасилы вышла замуж за представителя фессалоникийской семьи Хамаетов. Имя одного из них, кастрофилакса Иоанна Хамаета, упоминается в надписи 1355 г. у ворот Анны Палеологини северной стены акрополя Фессалоники³³. Владелец земли близ Фессалоники (1327) был зятем дулоса императора в Фессалонике, владельца домов в этом городе Димитрия Каламана³⁴. Обратившись к вопросу, какое место занимали Кавасилы в византийском обществе эпохи Палеологов, можно прийти к выводу, что среди тех, предки которых в XI в. представляли военно-аристократический клан, в рассматриваемое время не было ни одного военного, если только таковым не был некий Иоанн Кавасила, domestikos в Серрах в XV в. Может быть, это в какой-то степени объясняется тем, что Кавасилы, в отличие от своих предшественников XI в., перестали ощущать себя иностранцами:

²⁷ PLP. № 10083.

²⁸ Ibid. № 10072.

²⁹ *Angelopoulos A.* Τὸ γενεαλογικὸν δένδρον... P. 380–381.

³⁰ PLP. № 10084.

³¹ *Actes de Lavra* / Ed. par. P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, D. Papachryssanthou. P., 1979. V. III. Append. XII. P. 209. 17–20.

³² Ibid. P. 208.

³³ *Loenertz R.-J.* Chronologie de Nicolas Cabasilas. 1345–1354 // OCP. Miscellanea Georg Hofmann. 1955. Vol. 21. P. 217; *Angelopoulos A.* Τὸ γενεαλογικὸν δένδρον... P. 387–391.

³⁴ PLP. № 10221.

обычно быстрое возвышение для лиц иностранного происхождения возможно было прежде всего на военном поприще.

В XIV в. некоторые из Кавасил занимали определенные позиции при императорском дворе и в системе управления, как столичного, так и провинциального. Димитрий Дука Кавасила в 1347–1369 гг. был великим папием, с 1369 г. – великим архонтом, что нашло отражение в хрисовуле Иоанна VI Кантакузина, а также в императорской простагме³⁵.

Феодор Кавасила в 1327 г. был логофетом τοῦ στρατιωτικοῦ и позднее – пансевастом севастом³⁶. Во время разногласий между Андроником II и Андроником III он выступал посредником между ними³⁷. Некий Кавасила с несохранившимся до нашего времени *pronomen* был императорским врачом (актуарием) в 1282–1296 гг., затем пансевастом севастом. Известно, что в 1282 г. он находился у постели умирающего императора Михаила VIII Палеолога во Фракии³⁸.

Алексей Кавасила, живший в Акарнании, подвергся репрессиям со стороны Адроника III, но в 1339 г. с помощью Иоанна Кантакузина получил должность великого коноставла³⁹. Георгий, Димитрий и Иоанн Кавасилы известны как οἰκῆτορ императора в Фессалонике⁴⁰. Некий Кавасила (без *pronomen*) был великим архонтом в Серрах в 1377 г.⁴¹, Иоанн Кавасила – министром Михаила II Ангела Дуки Комнина в Эпире в 1258 г.⁴² Многие из Кавасил

³⁵ Actes de Dionysiou / Ed. par. N. Oikonomides. P., 1968. № 2. P. 43–44.46, 46.42; Actes de Xéropotamou / Ed. par. J. Bompaire. P., 1964. № 27. 1.11.

³⁶ Raybaud L. P. Le gouvernement et l'administration centrale de l'empire byzantin sous les premiers Paléologues. P., 1968. P. 129.

³⁷ Joannis Cantacuzene eximperatoris historiarum libri quattuor / Ed. L. Schopen. Bonn, 1848. L. 240 (далее: *Cant.*); PLP. № 10090.

³⁸ Georgii Pachymeris de Michaele et Andronico Palaeologis libri tredecem / Ed. J. Bekker. Bonn, 1835. Vol. 1. P. 530.

³⁹ *Cant.* 1. 512–517, 522. По наблюдениям А. Ангелопулоса, сын Алексея Кавасилы, Иоанн, живший на острове Корфу, имел титул графа, фамильный герб которого, хранящийся поныне в музее Корфу, представляет изображение скипетра, стеммы и взлетающего орла (см. рисунок на с. 382). Angelopoulos A. Τὸ γενεαλογικὸν δένδρον... P. 381–382.

⁴⁰ Actes de Lavra. III. P. 209.

⁴¹ Ibid. III. P. 109.

⁴² Georgii Akropolitae Opera / Ed. A. Heisenberg. Leipzig, 1903. Vol. 1. P. 166.

сил, не имея видных должностей и титулов, довольно часто появлялись при правящих дворах, например, Феодор Кавасила⁴³ и др.

Авторитетную группу представляли те из Кавасил, кто подвизался в сфере церкви. Прежде всего назовем еще раз архиепископа охридского Константина. Георгий Сфрандзи сообщает о семействе Кавасил, состоящем из трех братьев-архиереев и сестры, ставшей после смерти мужа монахиней⁴⁴. Одним из этих братьев и был знаменитый Нил Кавасила, а сестра архиереев была матерью Николая Кавасилы. Известно, что она между 1361 и 1363 гг. уехала из Константинополя в Фессалонику, где митрополитом был ее брат, и поселилась после смерти мужа в монастыре св. Феодоры вместе с Палеологиней, весьма образованной представительницей правящего дома⁴⁵, что дает основание предполагать соответствующую образованность представительницы семьи Кавасил, тем более, как добавляет Георгий Сфрандзи, что ее воспитанница Фомаида жила при ней «в добродетели и в знании»⁴⁶.

Сакеллиу Великой церкви в Константинополе в 1344–1355 гг., затем архидиаконом этой же церкви в 1351–1355 гг. был Михаил Кавасила. Он являлся воспитанником и слугой митрополита Апри Иосифа до 1377 г. Михаил Кавасила был посредником в делах между патриархом Иоанном XIV Калеккой, Иоанном Кантакузином, находившимся в Дидимотике, а затем Анной Савойской и, наконец, патриархом Каллистом I⁴⁷.

Константин Кавасила, диакон в 1360 г., был протопапой Влахернского монастыря в Константинополе в 1380–1383 гг. После отставки синодом в 1383 г. ему удалось доказать ее необоснованность и добиться официального восстановления⁴⁸.

⁴³ PLP. № 10087.

⁴⁴ *Георгий Сфрандзи*. Малая хроника, XVIII / Пер. и коммент. Е. Джагацпанян // Кавказ и Византия. Ереван, 1987. Вып. 5. С. 198.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ *Георгий Сфрандзи*. Малая хроника...

⁴⁷ *Cant.* II. 445, 609; *Beyer H.-V.* Demetrios Kabasilas... S. 177; *Angelopoulos A.* Τὸ γενεαλογικὸν δένδρον... P. 371–372.

⁴⁸ *Miklosich F., Muller J.* Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vienna, 1860–1890. T. 5. P. 2. 20.52.54. 56–61 (далее: MM). См. также: *Hunger H.* Byzantinisches Eherecht im 14. Jahrhundert // ЗРВИ. 1973. Bd. 14–15. P. 77–79.

Можно вспомнить также Михаила Кавасилу, время пребывания которого в Фессалонике в качестве клирика не установлено (XIII–XV вв.)⁴⁹.

Николай Кавасила, будучи светским человеком, участвовал в сфере деятельности церкви. Как воспитанник двух фессалоникийских митрополитов – Нила Кавасилы и Дорофея Влата – позднее он нередко подвизался в церковных кругах. Так, в конце 40-х гг. XIV в. ему вместе с Георгием Исарисом и Марком Ангелом Вардалисом пришлось принять участие в осуждении прота Афона Нифона, обвиненного в мессалианстве⁵⁰. В 1350 г. Николай вместе с названными лицами участвовал в осуждении иеромонаха Нифона на церковном соборе⁵¹. В 1353 г. Николай Кавасила, наряду с Макарием и Филофеем Коккином, был кандидатом на патриарший престол⁵² (избран был Филофей). Последние годы жизни Николай Кавасила был полностью увлечен делами церкви. Известно, что он приветствовал в 1364 г. избрание Филофея Коккина патриархом на второй срок⁵³. В конце 80-х гг. Николай Кавасила жил в Манганском монастыре близ Константинополя, хотя принадлежность его к монашеству в эти годы спорна⁵⁴. Неизвестно, являлся ли клириком некий Кавасила, который был знаком с патриархом Константинополя Григорием II Кипрским и хартофилаксом из Фессалоники Иоанном Ставракиосом⁵⁵, или он, как и Николай Кавасила, оставаясь светским человеком, был тесно связан с церковной средой.

В палеологовское время Кавасилы были известны своей принадлежностью к интеллектуальным кругам. Прежде всего это самые известные из Кавасил Николай Хамает и его дядя и учитель Нил, названный выше в связи с характеристикой положения Кавасил в церковной среде.

⁴⁹ PLP. № 10100.

⁵⁰ PG. T. 152. Col. 1310 B.

⁵¹ Поляковская М. А. Портреты византийских интеллектуалов. Екатеринбург, 1992; Angelopoulos A. Νικόλαος Καβάσιλας Χαμαετός... P. 51.

⁵² Поляковская М. А. Портреты... С. 121.

⁵³ Там же. С. 149.

⁵⁴ Там же. С. 150–151.

⁵⁵ PLP. № 10061.

Перу Николая Кавасилы (приблизительно 1320–1391) принадлежат сочинения «Жизнь во Христе», «Изъяснение божественной литургии», энкомии, адресованные Анне Савойской и Матфею Кантакузину, «Слово против ростовщиков», «Слово об архонтах, беззаконно дерзающих в отношении святынь», «Благочестивой Августе о проценте», «Слово против нелепостей Григоры», «Афинянам об алтаре сострадания в них» и др.⁵⁶

Нил Кавасила (умер в 1363 г.) известен как автор сочинений «Об исхождении святого Духа», «Антиграмма против Григоры», «О причинах схизмы», «О синоде 878–880 гг.» и др. Сочинения племянника и дяди оставили заметный след в научной литературе.

Кроме названных выше, из Кавасил были склонны к писательской деятельности архиепископ Константин, автор «Канонов» и, как предполагается, «Жития св. Наума»⁵⁷. Короткие эпиграммы принадлежат перу Георгия Кавасилы (XIV в.)⁵⁸.

Из Кавасил, не оставивших потомкам своих творений, можно причислить к интеллектуальной среде тех, кто имел соответствующее окружение и связи. Назовем грамматика Кавасилу (около 1300), на которого Мануил Фил написал четырехстрочную эпигramму⁵⁹.

Андроник и Василий Кавасилы, а также Кавасила, *pronomen* которого не сохранился до нас, входили в круг знакомых писателя Михаила Гавры. Андронику и Василию Кавасилам Михаил Гавра посылал сочинения своего брата писателя Иоанна Гавры⁶⁰.

Димитрий Кавасила (80-е гг. XIV в.) был, несомненно, человеком весьма образованным и заметным в интеллектуальных кругах при императорском дворе. Димитрий Кидонис считал его «близким другом», «наилучшим из друзей»⁶¹. Однако, как предполагает Х.-Ф. Байер, Димитрий Кавасила предпочитал «гладкий политический паркет императорского дворца и не имел склонности

⁵⁶ *Angelopoulos A.* Νικόλαος Καβάσιλας Χαμαετός... Р. 75–83; *Поляковская М. А.* Портреты... С. 121–149.

⁵⁷ *Trapp E.* Die Vita des hl. Naum von Ochrid // BS. 1974. Vol. 35. P. 164.

⁵⁸ PLP. № 10076.

⁵⁹ *Manuelis Philae* Carmina / Ed. E. Miller. P., 1855. Т. 1. Р. 340; PLP. № 10069.

⁶⁰ PLP. № 10064, 10069, 10074, 10075.

⁶¹ См. об этом: *Beyer H.-V.* Demetrios Kabasilas... S. 136, 146, 176.

в интересах науки отступать от ходовых мнений, имевших место при дворе»⁶².

Особую группу среди клана Кавасил могут составить владельцы и переписчики рукописей. Это Иоанн Кавасила (последняя четверть XIII в.), анагност Димитрий Кавасила (около 1360), Евфимопул Константин Кавасила (XIV в.), Феодор Кавасила (XIV в.) и Иоанн Кавасила (XIV в.).

К переписчикам и владельцам рукописей 20–30-х гг. XIV в. относится фессалоникийский диакон, гимнограф, дикайофилакс, а затем великий сакелларий и эконо́м Димитрий Кавасила Каниский. Известно, что между июлем 1337 г. и февралем 1338 г. он получил в свой адрес упрек в склонности к иудаизму. Находясь в преклонном возрасте, он не покинул Фессалонику, тем более что последующий арест (примерно в 1343) в связи с городским восстанием не позволил ему поехать в Константинополь. Вероятнее всего, Димитрий Кавасила Каниский скончался в фессалоникийской тюрьме⁶³.

Кавасилы интеллектуальной среды довольно часто были либо авторами, либо получателями писем. Наиболее плодovit как корреспондент из представителей этой группы Николай Кавасила. Среди его адресатов, кроме отца, были его друг Димитрий Кидонис, Дукопулос Маникайтес, император Иоанн VI Кантакузин, а также фессалоникийцы остиарий Синадин, великий сакелларий Досифей Карантин, Тарханиот и др.⁶⁴ Среди тех, кто писал Николаю Кавасиле, были император Мануил II Палеолог, Димитрий Кидонис, Никифор Хумн, Никифор Григора, Феодор Иртакин, Михаил Гавра, Мануил Гавала, Иосиф Вриенний, Феодор Педиасим⁶⁵.

Если обратиться к идейной общественной позиции Кавасил, то она определенно известна в отношении по крайней мере пяти-

⁶² *Beyer H.-V.* Demetrios Kabasilas... S. 137, 176.

⁶³ *Ibid.* S. 140–144. Переписчики и владельцы рукописей: PLP. № 10082, 10085, 10086, 10089, 10091, 10093.

⁶⁴ *Enepekides P.* Der Briefwechsel des Mystikers Nikolaos Kabasilas / Kommentierte Textausgabe // BZ. 1953. Bd. 46. S. 18–43.

⁶⁵ См., напр., письма Димитрия Кидониса Кавасилам: *Démétrios Cydonès. Correspondance* / Publ. par. R.-J. Loenertz // ST. 186, 206. Città del Vaticano, 1956. Vol. 1. № 87, 124–126; 1960. Vol. 2. Nr 213, 329, 378.

рых из них – и все пятеро были сторонниками учения Григория Паламы.

Нил и Николай Кавасилы снискали себе известность и привлекают научный интерес прежде всего как апологеты паламизма⁶⁶. Оба писали в своих сочинениях об основных идеях учения Григория Паламы. Николай Кавасила придал этому учению в некоторой степени светский характер, уведя его со стези аскизы и анахоретства. Он был не только интерпретатором Паламы, но и полемистом. Итогом его разногласий в названной сфере с Никифором Григорой явился излишне субъективный и не делающий чести его автору псогос «Против нелепостей Григоры»⁶⁷. Современники считали Николая Кавасилу авторитетом в делах исихии и в спорах вокруг нее. Византийский писатель и церковный деятель Давид Дисипат, бывший активным участником паламитских споров, адресовал свое «Слово против Варлаама и Акиндина» Николаю Кавасиле⁶⁸.

Что же касается Димитрия Кавасилы, Димитрия Кавасилы Каниския и Михаила Кавасилы⁶⁹, то они, видимо, в связи со смелой официальной мнением императорского двора и патриархата примкнули к лагерю Паламы, хотя и не проявили на этом поприще особой активности.

Некоторые из Кавасил запечатлены в документах поздневизантийской эпохи как владельцы пахотных угодий, виноградников, хозяйственных комплексов, деревень. В большинстве случаев обладание хозяйством, землями дополняло их положение как государственного лица или их определенное место в церковной иерархии.

⁶⁶ *Алексий*, еп. Византийские церковные мистики XIV века (препод. Григорий Палама, Николай Кавасила, препод. Григорий Синаит). Казань, 1906; *Lot-Borodine M.* Un maître de la spiritualité byzantine au XIVe siècle: Nikolas Cabasilas. P., 1958; *Clement O.* Byzance et le christianisme. P., 1964; *Podskalsky G.* Theologie und Philosophie in Byzanz. München, 1977. P. 180–195.

⁶⁷ *Garzya A.* Un opuscule inédit de Nicolas Cabasilas // Byz. 1954–1956. T. 180–195.

⁶⁸ *Tsames D. G.* Δαβίδ Δισυπάτου λόγος κατὰ Варлаάμ καὶ Ἀκινδύνου πρὸς Νικόλαον Καβάσιλαν. Thess., 1973.

⁶⁹ Михаил Кавасила подписал томос против Варлаама и Акиндина. *Sala-ville S.* Cabasilas le sacellaire et Nicolas Cabasilas // EO. 1936. Vol. 35. N. 424–425.

Из Кавасил-землевладельцев в научной литературе чаще всего называется Димитрий Кавасила, которого мы упомянули ранее как великого папия и великого архонта⁷⁰. В ноябре 1347 г. хрисовульным логосом Иоанна VI Кантакузина ему были переданы в наследственное владение за службу посотис ценностью в 250 иперпиров с возможностью различных последующих усовершенствований⁷¹. В посотис входила деревня Катакалис, ранее представлявшая хозяйство умершего Гавры, пахотные земли в деревнях Палагина и Ферма, а также сдаваемый в аренду виноградник⁷². Эти владения, передаваемые императором Димитрию Кавасиле, ранее находились в распоряжении государственной казны. Согласно хрисовулу, они становились родовой вотчиной Димитрия Кавасилы; оговаривалась возможность передачи ее по наследству. Таким образом, прония, данная за службу, превращала переданные владения в родовые (γονιμότητος)⁷³.

Действительно, Кавасилы владели этой землей в течение долгого времени. После смерти Димитрия Кавасилы в 1409 г. его владения перешли к сыну Мануилу, что подтверждает *παράδοτιχὸν ὑράμμα*, данный *δοῦλοι* императора Павлом Газой и Георгием Принкипсом в июле 1409 г. Согласно документу, Мануил Кавасила вступал во владение деревней Катакалис с ее рыбным промыслом, а также не называвшейся в ранее приведенном хрисовуле Иоанна VI Кантакузина половиной деревни Алупохорион⁷⁴ на полуострове Кассандра.

Среди владельцев земель упоминаются: около 1321 г. – некий Кавасила с его владениями около Дримнуполиса в Эпире⁷⁵;

⁷⁰ PLP. № 10084.

⁷¹ Actes de Dionysiou. Nr 2. Эти владения ранее подтверждались простагмой Иоанна VI Кантакузина и горисмосом, упоминавшим наследственную собственность – посотис 250 иперпир. См. об этом: Ibid. 2. 46; 32. 34. Оба документа утеряны и не названы ни Г. И. Феохаридисом, ни Ф. Дэльгером и П. Виртом (Reg. № 2932, 2933). См.: Actes de Dionysiou. P. 45.

⁷² Actes de Dionysiou. S. 46. 33–37.

⁷³ Ibid. S. 46–50. См.: *Хвостова К. В.* О некоторых особенностях византийской пронии // ВВ. 1964. Т. 25. С. 212–30.

⁷⁴ Actes de Dionysiou. № 11. P. 85. 2–3.

⁷⁵ Reg. № 2460.

в 1322 г. – другой Кавасила с хозяйственными постройками близ Фессалоники⁷⁶, в 1327 г. – Дмитрий Кавасила с принадлежащими ему землями вблизи Фессалоники⁷⁷, в 1348 г. – некий Кавасила как помещик в Сидерокавсии Халкидской⁷⁸, в 1374 г. – Феодор Кавасила, собственник земель на Корфу⁷⁹.

Фамилия Кавасил, заняв определенно заметное место среди собственников земель, отражала очевидную тенденцию общественного развития Византии: в связи с общим кризисом в сфере экономического развития в XIV в. византийская знать осознала значимость владения землей и доходами с нее⁸⁰.

Продолжая тему положения клана Кавасил в поздневизантийском обществе, отметим не совсем обычную фигуру Мануила Кавасилы, занимавшегося предпринимательской деятельностью⁸¹. М. Боллар и А. Лайу⁸² на основании генуэзских архивных документов⁸³, в частности, регистрационной книги нотариуса Антониоди Понзо⁸⁴, выявили много греческих имен тех, кто был причастен к средиземноморской торговле. Среди них мы и встречаем Мануила Кавасилу.

В 80-х гг. XIV в. (1384, 1389) Мануил, используя помощь моряков, перевозил в Геную значительное количество зерна⁸⁵.

⁷⁶ Actes de Xenophon / Ed. par D. Papachryssanthou. P., 1986. № 17. 58–59. Кавасила упоминается в хрисовульном логосе как прежний владелец.

⁷⁷ PLP. № 10081.

⁷⁸ Ibid. № 10070.

⁷⁹ MM. III. 246.

⁸⁰ *Ostrogorsky G.* Observations on the Aristocracy in Byzantium // DOP. 1971. Vol. 25. P. 1–32.

⁸¹ Новые исследования по предпринимательской деятельности в поздней Византии см.: *Matschke K.-P., Tinnefeld F.* Die Gesellschaft im späten Byzanz: Gruppen, Strukturen und Lebensformen. Köln; Weimar; Wien, 2001.

⁸² *Bolard M.* Romanie genoise (XIIIe – debut XVe siècle). Rome; Genove, 1978. T. 1–2. P. 758; *Laiou-Thomadakis A. E.* The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System: Thirteenth – Fifteenth Centuries // DOP. 1980–1981. Vol. 34/35. P. 219–222.

⁸³ Gabella grani, 1384, 8r, 41v, 58v, 83r; Antico Comune, Magistrorum rationalium, 100r, vols. 61r–v; Notai Ignoti C (1389–91); Actum de 14.10.1390.

⁸⁴ *Laiou-Thomaidakis A. E.* The Byzantine Economy... P. 217.

⁸⁵ Об организации хлебной торговли из Константинополя, Месемврии, Фракии см.: *Laiou-Thomadakis A. E.* The Byzantine Economy... P. 198–221; *Matschke K.-P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Weimar, 1981. S. 125–139.

В 1384 г. на корабле (кокке) Мануила Кавасилы было перевезено 3 667 мин зерна⁸⁶. Среди сподвижников Мануила был некий Софианос⁸⁷. В 1389 г. Мануил Кавасила доставил в Геную 5 421,5 мин императорского зерна. В связи с этим подеста Перы составил соглашение, в котором указывалось, что Мануил Кавасила, равно как и представитель причастного к торговле зерном греческого знатного рода Лучино Де Драперис, осуществляли сделку от имени императора⁸⁸. В 1390 г. Мануилом Кавасилой на имя императора в качестве компенсации за проданное зерно было получено 34 генуэзских ливра.

Мануил Кавасила в описанной ситуации выполнял именно предпринимательские функции, а не какую-либо дипломатическую миссию⁸⁹. В данном случае мы имеем дело с не совсем четкой, но все же тенденцией проникновения аристократов в экономическую и даже предпринимательскую сферу. Представители высшего класса в условиях кризиса в стране и слабой социальной дееспособности городского «сословия» находили возможность поддерживать свое благосостояние, потеснив в сфере внешней торговли (пожалуй, единственной сфере, могущей еще приносить доходы) тех, кто, казалось бы, должен был нести эту общественную функцию – византийских купцов. А. Лайу на основании материалов генуэзских архивов заметила: «Один из наиболее удивительных фактов о византийских торговцах и вкладчиках, встреченных в документах, тот, что многие из них принадлежали к византийской аристократии»⁹⁰. Условия, способствовавшие гибели государства, одновременно создавали благоприятную ситуацию для предпринимчивых людей. Среди них был и Мануил Кавасила.

Подобная тенденция характерна, пожалуй, в более определенном варианте для стран, по своему происхождению принадлежав-

⁸⁶ *Bolard M.* La Romanie Genoise... Т. 2. Р. 758.

⁸⁷ PLP. Bd. 11. S. 46.

⁸⁸ Считается доказанным, что Мануил Кавасила действовал от имени союзника Генуи Иоанна VII. См.: *Laiou-Thomadakis A. E.* The Byzantine Economy... Р. 220.

⁸⁹ О мнении Дж. Баркера по этому вопросу см.: *Laiou-Thomadakis A. E.* The Byzantine Economy... Р. 220.

⁹⁰ Ibid. S. 201.

ших к «городским цивилизациям» и испытывавших в конце Средневековья в некоторой степени действие обратного вектора развития⁹¹.

Мануил Кавасила, занимавшийся предпринимательской деятельностью, не зафиксирован в «Палеографическом лексиконе времени Палеологов». Может быть, это тот Мануил, который в 1409 г. унаследовал от своего отца деревню Катакалис⁹²? Но в таком случае имело смысл указать на его деятельность в 80–90-х гг. XIV в. Исследователи же, обратившие внимание на Мануила как участника предпринимательских акций, напротив, не заметили его возможной родственной связи с Димитрием Кавасилой и в связи с теми земельными владениями, которые он унаследовал от отца. Проблема идентификации личности Мануила Кавасилы еще сохраняется.

Кавасилы, занимавшие крупные должности, тяготели, видимо, к Константинополю. Но упоминания о представителях этих семейств связаны преимущественно с Фессалоникой. Хотя Кавасилы имели земли в Халкидии и Эпире, но основная часть их земельных владений относилась к району Фессалоники. Семья Николая Кавасилы также владела собственностью в Фессалонике, которую писателю пришлось защищать от всевозможных посягательств после смерти отца⁹³. Неслучайно один из хозяйственных комплексов внутри Фессалоники при его продаже, что зафиксировано в актах Ксенофонта монастыря, был назван по имени его прежнего владельца «двором Кавасилы» (ἀυλή τοῦ Καβάσιλα)⁹⁴. Отдельные владения Кавасил были расположены в небольшом отдалении от Фессалоники. Так, в 16 км от Веррии находится, судя по современному омониму, деревня Кавасила⁹⁵. Многие из македонских владений Кавасил были захвачены во время завоевания территории сербами.

⁹¹ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 276.

⁹² PLP. № 10099.

⁹³ *Démétrios Cydonès.* Correspondance. Vol. 1. № 124, 125.

⁹⁴ Actes de Xenophon. № 17. 55–58.

⁹⁵ *Angelopoulos A.* Νικόλαος Καβάσιλας Χαμαετός... Р. 39; Actes de Dionysiou. № 2. 14–28. А. Ангелопулос обратил внимание на сохранившиеся топонимы в других землях: Верхняя и Нижняя Кавасила в Элиде, Кавасила в Аттике. На Корфу до новейших времен сохранялся небольшой храм в честь Панагии Кавасил. *Angelopoulos A.* Τὸ γενεαλογικὸν δένδρον... Р. 386–387.

Поскольку основные владения Кавасил были сосредоточены в самой Фессалонике, в ее окрестностях или в пределах македонских земель, то во время восстания зилотов 1342–1349 гг. это семейство, как и другие знатные фессалоникийские фамилии, пострадало от восставших. Так, по акту монастыря Дионисия мы знаем, что семья Димитрия Кавасилы была изгнана из Фессалоники, а имущество его конфисковано⁹⁶, поскольку Кавасилы были сторонниками Иоанна Кантакузина (сам Димитрий попал в тюрьму), что и послужило поводом для проявления милости Иоанна Кантакузина в хрисовуле от 1347 г.

Во время зилотского восстания Николай Кавасила по решению совета архонтов Фессалоники был послан в составе посольства к сыну императора Иоанна VI Кантакузина Мануилу, находившемуся в Веррии. Как известно, ему, как и всей его семье, после возвращения посольства в Фессалонику, пришлось испытать преследования со стороны зилотов. Во время резни 1345 г. Николаю удалось спастись, укрывшись в колодце акрополя. Некоторые из македонских владений Кавасил были захвачены в это беспокойное время сербами⁹⁷. Однако, как показывает судьба владений Димитрия Кавасилы, с завершением восстания зилотов и сербского завоевания собственность Кавасил в этом районе, видимо, была возвращена ее владельцам.

Представленная здесь попытка реконструкции клана Кавасил в поздневизантийское время продолжает уже имеющиеся. Комбинируя обрывки информации, исследователи, несмотря на лаконичность и преимущественную статичность имеющихся сведений (к примеру, большинство фактов, упоминающих о семействе Кавасил, относится к XIV в.), имеют возможность описать византийское общество через такую его грань, как история родственных кланов. Это может представлять интерес еще и в связи с тем, что для Византии более характерна разорванность связей, акорпоративность.

Анализ статуса отдельных представителей фамилии Кавасил свидетельствует о том, что в поздневизантийское время они уже

⁹⁶ *Angelopoulos A.* Νικόλαος Καβάσιλας Χαμαετός... Р. 41.

⁹⁷ *Ibid.* Р. 39.

не составляли, как в комниновскую эпоху, военно-аристократического клана, но сохранили и упрочили свое положение в церковной сфере. Заметным стало участие Кавасил в области государственного управления и особенно – в интеллектуальной среде. Новым для этой семьи стало их превращение в земельных собственников и тем более – в предпринимателей. Количество упоминаний Кавасил в источниках возросло, что может быть оценено как повышение их значимости в обществе.

Реконструкция отдельных семей и их истории расширяет возможности исследования византийской элиты, а изменение их места в обществе (как случилось с Кавасилами с XI по XIV в.) или новые социальные амплуа (как в случае с Мануилом Кавасилой) позволят выявить изменения структуры общества и его функций. Историографическая тенденция к написанию истории поздневизантийских семей очевидна⁹⁸.

⁹⁸ *Papadopoulos A. Th.* Versuch einer Genealogie der Palaiologen, 1259–1453. Amsterdam, 1962; *Nicol D. M.* The Byzantine Family of Kantakouzenos (Cantacuzene). Ca. 1100–1460. Wash., 1969. См. также исследования К.-П. Мачке по семейству Нотара и др.

МЕСТО СЕМЕЙНОГО КЛАНА В СТРУКТУРЕ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ТАРХАНИОТЫ*

Для изучения состояния и развития общества как структуры существуют многочисленные подходы. Среди них можно использовать и метод видения общества через эволюцию отдельных семейных кланов и места их в этой структуре. Обратимся с этой целью к фамилии Тарханиотов.

История клана Тарханиотов изучена довольно глубоко в плане просопографии и сигиллографии. Прежде всего следует назвать обобщающего характера магистерскую диссертацию И. Г. Леонтиадиса¹, хранящуюся в Вене в машинописном варианте. Основное содержание этого исследования вошло в виде отдельных статей в «Просопографический лексикон времени Палеологов»², и в таком варианте результаты этой работы использованы в нашей статье. Кроме того, следует назвать исследования, посвященные отдельным представителям клана Тарханиотов (работы Г. И. Феохаридиса, Ф. Тиннефельда и др.)³.

* Статья опубликована в сборнике, посвященном 40-летию Крымской археологической экспедиции и 105-летию со дня рождения М. Я. Сюзюмова: АДСВ. 1998. Вып. 29. С. 153–164.

¹ *Leontiades I. G.* Die Tarchaneiotai (die maschinenschriftliche Magisterarbeit). Wien, 1988; *Idem.* Die Siegel der Familie Tarchaneiotas // XVIII Международный конгресс византистов: Рез. сообщ. М., 1991. Т. 2.

² Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit / Erst. von E. Trapp. Wien, 1991. F. 11. S. 173–181 (далее указание номеров по PLP в тексте).

³ *Theocharides G. I.* Μιχαὴλ Δούκας Γλαβᾶς Ταρχανειώτης // Epistemonike Epeteris tes Philosophikes Scholes tou Panepistemiou. Thess., 1957. Т. 7. Р. 183–206; *Schreiner P.* Eine unbekannte Beschreibung der Pammakaristoskirche // DOP. 1971. Т. 25; *Zakythenos D. A.* Μιχαὴλ Μάρουλλος Ταρχανιώτης, “Ἑλλήν ποιητὴς τῶν χρόνων τῆς Ἀναγεννήσεως // Metabyzantina kai Nea Hellenika. Athen, 1978. Р. 245–249; *Tinnefeld F.* Manuel(?) Tarchaneiotas, Freund des Kydones: (Biographischer Abriss) // Demetrios Kydones. Briefe / Übers. und erläut. von F. Tinnefeld. Stuttgart,

Впервые мы встречаем Тарханиота как представителя военной аристократии в конце правления Македонской династии, при Василии II. И. Г. Леонтиадис отметил, что всего от византийского времени известно не менее 80 Тарханиотов; в поздневизантийскую эпоху это имя встречается в Италии и России⁴. Ученые высказывают различные мнения об этимологии и происхождении имени Тарханиотов – монгольском, тюрко-болгарском, болгарском, грузинском⁵.

В конце X–XII в., согласно наблюдениям А. П. Каждана в области социального состава господствующего класса Византии⁶, Тарханиоты занимали важные военные посты. Григорий Тарханиот был в конце X в. катепаном Италии, Иосиф Тарханиот в 70-х гг. XI в. являлся дукой Антиохии (правителем этой территории был позднее и его сын). В названное время Тарханиоты, относясь, по классификации А. П. Каждана, к II–IV разрядам, были представлены проэдрами как наиболее высоким для них титулом. Высшие титулы с конца X в. по 1204 г. имели 12 Тарханиотов⁷.

Как отмечают многие исследователи, основываясь на сообщениях византийских историков, Тарханиоты имели значительное влияние в Никейской империи. Среди них были великий доместик Никифор Тарханиот, протовестиарий Михаил Тарханиот, великий коноставл Андроник Тарханиот. По наблюдениям П. И. Жаворонкова, Тарханиоты входили в 12 элитарных родов Никейской империи⁸.

1981. T. 1. Hbd. 1. S. 218–221; *Idem.* Stammte Kaiser Johannes VI. Kantakuzenos von einer Tarchaneioten-Linie ab? // BS. 1995. T. 56. S. 201–208. См. также справочные статьи: The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. P. 852, 2011–2012 (далее – ODB).

⁴ *Leontiadis I. G.* Die Siegel der Familie Tarchaneioten... S. 655–656.

⁵ *Omantos K.* Πόθεν το ὄνομα Ταρχανιώτης // Hellenika. 1929. T. 2; *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. B., 1958. T. 2. P. 300; *Seibt W.* Die byzantinische Bleisiegel in Österreich. Wien, 1978. T. 1. S. 300. См. также: ODB. P. 2011.

⁶ *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1977.

⁷ Там же. С. 105, 107, 110, 116.

⁸ *Жаворонков П. И.* Состав и эволюция высшей знати Никейской империи: Элита // ВО. М., 1991. С. 90.

Во времена Палеологов число известных нам Тарханиотов исчисляется пятью десятками лиц (PLP. № 27463–27512). Многие из них с давних пор были родственны со знатными фамилиями. Со второй трети XII в. они вошли в комниновский клан. С женьитьбой Никифора Тарханиота на старшей сестре Михаила VIII Палеолога Марии Марфе (примерно в 1237 г.) Тарханиоты породнились с Палеологами. Были они в родстве и с Кантакузинами. По наблюдению Ф. Тиннефельда, шестая монограмма в дарственной надписи Иоанна Кантакузина рукописи 128 монастырю Ватопеда должна интерпретироваться как «Тарханиот», так как Иоанн Кантакузин по материнской линии был правнуком Никифора Тарханиота⁹. Поздневизантийские Тарханиоты были родственны также с Ангелами, Дуками, Главами, Вранами, Филантропинами.

Какое место занимал этот семейный клан в структуре поздневизантийского общества? При обращении к истории семьи Тарханиотов необходимо определить отдельные временные вехи в рамках палеологовской эпохи.

Выделим условно три этапа в истории этого клана в соответствии с уровнем плотности осевшей в различного типа источниках – нарративных и документальных – информации о его представителях. Под плотностью информации понимается большая или меньшая степень концентрации сведений о Тарханиотах, а также некоторая их внутренняя событийная связанность. Первый этап можно отнести ко времени первых двух Палеологов – от восстановления Византийской империи до конца 20-х гг. XIV в.; в качестве второго этапа выделим время от этой вехи до конца столетия и, наконец, третьим этапом будем считать первую половину XV в.

Наряду с ориентацией при выделении этапов на информационную плотность и «блоковую» смысловую связанность относительно истории клана Тарханиотов отметим, что эти временные отрезки одновременно можно счесть и этапами поздневизантийской истории: первый этап (время первых двух Палеологов) – реставрация империи и попытки организовать ее по прежнему образу и подобию; второй этап (с 30-х гг. до конца XIV столетия) –

⁹ *Tinnefeld F.* Stammte Kaiser Johannes VII... S. 201.

междоусобия и их последствия; третий этап (первая половина XV в.) – перенесение решения проблем общества во внешнюю сферу, дипломатия уступок и крах империи.

В соответствии с выделенными этапами перелистаем еще раз страницы истории семьи Тарханиотов в поздневизантийское время.

На первом этапе свою принадлежность к элите общества проявили прежде всего потомки великого доместика никейского времени Никифора Тарханиота, женатого на сестре первого императора восстановленной империи. Дети Никифора как племянники Михаила VIII, всегда помнившего о материнской опеке старшей сестры, жили при императорском дворце. Сыновья Никифора встали на путь традиционной для семьи военной карьеры¹⁰. Старший из сыновей, Андроник (№ 27475), был великим коноставлом в Константинополе между 1267/68 и 1272/73 гг. Михаил (№ 27505) прошел путь великого примикирия, руководившего службой внутри двора (между 1267/68 и 1272 г.), великого доместика, стоявшего во главе сухопутной армии (1272–1284) и одновременно протовестиария (1281 или 1284 г.). Иоанн был в 1298–1299 гг. известным полководцем (№ 27487). Все трое вступили в брак, подтвердив своим выбором принадлежность к элите: Андроник был женат на дочери Иоанна I Дуки Комнина Ангела, правителя Фессалоники; Михаил взял в жены дочь Алексея Дуки Филантропина, великого доместика. Дочь Никифора Тарханиота Феодора (№ 27510) до того, как стать монахиней, во втором браке была замужем за великим стратопедархом Баланидиотисом.

В военных действиях второй половины XIII в. принимал участие представитель другой ветви этого клана – Михаил Дука Глава Тарханиот (№ 27504)¹¹, известный с 60-х гг. XIII в. Он прошел должностную лестницу от великого папия до куропалата, пинкер-на, великого коноставла и после 1302–1304 гг. – протостратора.

¹⁰ *Geanakoplos D.* Emperor Michael Palaeologus and the West. Cambridge, 1959. P. 231.

¹¹ *Theocharides G. I.* Μιχαὴλ Δούκας Γλαβᾶς Ταρχανειώτης. P. 187; *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. München, 1977. T. 4. № 1916a (далее – Reg.); *Guilland R.* Le Curopalate // Byzantina. 1970. Vol. 2. P. 211–212.

Тарханиоты второй половины XIII в. неоднократно принимали участие в военных и политических делах империи. Все три сына Никифора Тарханиота – Андроник, Михаил и Иоанн – начали свою военную карьеру с участия в 1262 г. в походе под командованием их дяди деспота Иоанна Комнина Ангела Палеолога против Михаила II Комнина Ангела, правителя Фессалии. Позднее, после заключения мирного договора в 1267/68 г., Андроник Тарханиот получил в управление вместе с титулом коноставла ряд территорий, а в 1272/73 г. – место правителя Адрианополя¹². Правда, стычка с татарами не позволила ему удержаться в Адрианополе.

Михаил Тарханиот принял участие в 1280 г. в походе Андроника II Палеолога против турок. В 1281 г. после победоносной кампании в Албании он вернулся в Константинополь как триумфатор, отказавшись, правда, от предложенного ему титула кесаря. Скончался Михаил от чумы в 1284 г. во время осады одного из городов Фессалии. Иоанн Тарханиот в 1299 г. руководил походом против турок-османов в Малой Азии¹³.

Для Тарханиотов, начиная с комниновских времен, была характерна склонность к оппозиции¹⁴, впрочем, она присуща социальному поведению элиты во все времена (и не только в Византии). Андроник Тарханиот в 1272–1273 гг. оказался в кругах, оппозиционных его недавнему покровителю и дяде Михаилу VIII Палеологу¹⁵. Граф Прованса Карл Анжуйский, в результате военных действий ставший королем Албании, способствовал развитию конфликта между византийским императором и фессалийским правителем Иоанном Комнином Ангелом. Последний, не порывая полностью с императором и Константинополем, в то же время был союзником Карла Анжуйского, и не исключается возможность, что в случае обострения отношений латинян и Византийской империи, он мог стать союзником Карла. Измена Андроника Тарханиота, покинувшего Михаила VIII и перешедшего в лагерь Иоанна

¹² Все свидетельства византийских историков о деятельности Тарханиотов тщательно собраны И. Г. Леонтиадисом (см. сн. 1).

¹³ *Tinnefeld F.* Pachymeres und Philes als Zeugen für ein frühes Unternehmen gegen die Osmanen // BZ. 1971. Т. 64. С. 47–50.

¹⁴ *Каждан А. П.* Социальный состав... С. 206.

¹⁵ История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 79.

Комнина, поспособствовала началу военного конфликта. Фессалийские оппозиционеры вынуждены были после нанесения поражения укрыться в Новых Патрах, но затем, заручившись поддержкой конников из Фив, обратиться в бегство отряды императора.

Иоанн Тарханиот был в религиозно-политической оппозиции по отношению к патриарху Константинополя Иоанну XII, поддерживая противостоявшего ему Арсения¹⁶. Будучи в 1266 г. лидером арсенистов, он затем примкнул к группировке иеромонаха Иоакинфа, расставшись с умеренными окончательно после синода 1289 г. Он был сослан, а затем заточен в Константинополе. Его сестра стратопедархисса Феодора также являлась сторонницей Арсения, принимала участие в спорах иеромонаха Иоакинфа. Ей следовала и ее двоюродная сестра Ностонгонисса Тарханиотисса (№ 27512), которая при расколе арсенистов в 1283 г. была послана к арсенистам как посредница от имени Андроника II Палеолога.

Если обратиться к следующей ступеньке рода Тарханиотов, то все известные представители этой фамилии в конце XIII в. так или иначе были причастны к военной сфере. Сын протовестиария Михаила Тарханиота (без *pronomen*), известный как протосеваст в Константинополе в середине 90-х гг. XIII в., выполнял военную службу (№ 27470). Племянник Михаила, тоже с несохранившимся *pronomen* (№ 27463), использовал не только свое имущество, но и состояние жены, племянницы Никифора Хумна, на военные цели¹⁷. Великий архонт Ангел Дука Тарханиот (№ 27473), известный обращенными к нему посмертно двумя стихотворениями Мануила Фила¹⁸, был полководцем.

Из Тарханиотов первой четверти XIV в. в военной сфере упомянуты источниками domestik Фракии и Македонии, ойкейос Андроника II Палеолога Иоанн Тарханиот (№ 27486)¹⁹ и племянник Иоанна Кантакузина войсковой командир Мануил Тарханиот (№ 27500), сражавшийся в 1329 г. против хана Урхана в Вифинии.

¹⁶ Sykoutres I. Peri to schisma ton Arseniaton // Hellenika. 1929. Vol. 2–3.

¹⁷ Verpeaux J. Notes prosopographiques sur la famille Choumnos // BS. 1959. Vol. 20. P. 252–266.

¹⁸ Polemis D. The Doukai. L., 1968. P. 183.

¹⁹ Reg. T. 4. № 2539; Les archives de Saint-Jean-Prodrome sur le mont Ménécée / Par A. Guillou. P., 1955. № 17. P. 71–72; № 19.23. P. 76.

Иоанн Тарханиот подтверждает своей деятельностью в южной Болгарии и Родобах в 1322 г. на стороне Андроника Младшего тезис о проявлявшейся время от времени членами этой фамилии оппозиционности по отношению к носителям власти.

Где можно обнаружить, помимо военных дел, представителей клана Тарханиотов на выделенном нами первом этапе их истории в палеологовское время?

Второй группой социальной сферы жизни византийского общества, к которой можно отнести Тарханиотов, является монашество, а также сфера строительства монастырей.

Монахом одного из константинопольских монастырей был в 1324 г. Макарий Тарханиот (№ 27496), известный как знакомый Константина Акрополита. Тремя годами ранее он, будучи епископом монастыря Афанасия в Константинополе, передал значительную часть монастыря иеромонаху Никандру для строительства церкви²⁰.

Великого папию Николая Комнина Дуку Главу Тарханиота (№ 27507) предположительно причисляют к основателям (реставраторам) монастыря Паммакаристы в Константинополе в первой четверти XIV в.²¹ Его сын Кирилл Комнин Дука Тарханиот (№ 27493) был монахом в Константинополе предположительно в первой половине XIV в.

Как и многие византийцы, Тарханиоты к концу жизни уходили в монастырь. Так, великий архонт и полководец Ангел Дука Комнин Тарханиот (№ 27504) стал монахом. Перед смертью принял монашество протостратор Михаил Дука Глава Тарханиот (№ 27504).

Монахиней в Константинополе в 1266–1303 гг. была Ностогонисса Тарханиотисса, внучка протостратора Андроника Дуки Априна. Феодора (Феодосия) Тарханиотисса, дочь великого доместика Никифора Тарханиота, после смерти мужа ушла в монастырь.

Неоднократно привлекала интерес исследователей деятельность Михаила Дуки Главы Тарханиота²² и его супруги по рестав-

²⁰ Das Register des Patriarchate von Konstantinopel. Wien, 1981. T. 1. № 73. P. 430–431.

²¹ *Schreiner R.* Eine unbekannte Beschreibung der Pammakaristoskirche. P. 232.

²² *Theocharides G.* Michael Doukas... // ODB. P. 852.

рации константинопольского монастыря Паммакаристы, а также часовни св. Евфимия Великого, принадлежащей церкви св. Димитрия в Фессалонике. Эпиграмма Мануила Фила на стенах церкви монастыря Паммакаристы называет Михаила Дуку Главу Тарханиота основателем монастыря²³. После смерти Михаила его вдова монахиня Марфа пристроила к южной стороне здания пареклисий, в котором была расположена гробница ее мужа. Пареклисий стал значительным памятником палеологовской монументальной живописи. В апсиде пареклисия находятся фигура Деисуса, восседающего на троне, а также изображение Христа в конхе и фигуры Богоматери и Крестителя в люнетах вимы. Сохранились в пареклисий мозаики (Крещение, частично – Вознесение, четыре архангела, 18 фигур – полностью или во фрагментах – святых)²⁴.

Помимо двух названных областей жизни поздневизантийского общества – военной и монашеской, можно назвать Тарханиотов и как владельцев земель. Михаил Палеолог Тарханиот (№ 27505), протовестиарий, имел крупные земельные владения у Смирны в 1283 г.²⁵ Иоанн Тарханиот (№ 27492) владел пронией в Халкидике в 1321 г.²⁶

Другие Тарханиоты выделенного нами первого этапа их истории в палеологовскую эпоху не могут быть четко определены с точки зрения их социального статуса. Два Иоанна Тарханиота (№ 27484, 27485), жившие приблизительно во второй половине XIII в., имели печати. Кстати, это последние по времени печати рода Тарханиотов²⁷. Иоанн Тарханиот (№ 27488) известен как переписчик рукописей начала XIV в., а Димитрий Тарханиот (№ 27478) этого же времени – предположительно как владелец рукописей.

²³ *Janin R.* La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin. T. 3: Les églises et les monastères Constantinople byzantine. P., 1953. P. 217–218.

²⁴ *Кондаков Н. П.* Византийские церкви и памятники Константинополя. Одесса, 1886. С. 162; *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. М., 1986. С. 162.

²⁵ *Фержанчиг Б.* Поседи припадника рода Палеолога // ЗРВИ. 1976. Vol. 17. С. 129. Примеч. 7; *Guillou R.* Recherches... P. 224.

²⁶ *Actes de Lavra / Ed. dipl. par P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, D. Papachryssanthou.* P., 1977. T. 2. № 108. 371; 197. 205. 462

²⁷ *Leontiades I. G.* Die Siegel... S. 655–656.

К интеллектуальной сфере общественной жизни может быть отнесен лишь Михаил Дука Глава Тарханиот, написавший военные сочинения, остающиеся неизданными.

Таким образом, подводя итоги первого этапа, отметим, что наиболее активно проявили себя Тарханиоты как военные и, благодаря деятельности Михаила Дуки Главы Тарханиота и его супруги, в области реставрации и строительства как монастырей, так и крепостей.

Что касается второго этапа в истории клана Тарханиотов, то 30-е гг. не нашли, по сути дела, отражения в источниках. Имеется лишь упоминание о Димитрии Тарханиоте (Траханиоте), который в 1333 г. или позднее являлся, вероятно, владельцем рукописей (№ 27479). Не сохранили имени Тарханиотов и источники, освещающие византийскую историю 90-х гг. В силу этого фактически второй этап сводится к 40–80-м гг. XIV в. Наиболее крупными фигурами рассматриваемого этапа являлись Мануил Куртика Тарханиот и Константин Тарханиот.

Мануил Куртика Тарханиот (№ 27503) принимал участие в гражданской войне 40-х гг. на стороне своего родственника Иоанна Кантакузина. Он возглавлял войско во Фракии в 1341–1344 гг., командовал кавалерией в Дидимотике в 1242–1243 гг. Войска под командованием Мануила Куртики осаждали в 1341 г. при Селимврии великого дуку Алексея Апокавка. В 1344 г. он участвовал в битве при Мосинополе против Момчила²⁸.

Константин Тарханиот (№ 27494) был правителем Дидимотики, в 1351–1352 гг. известен как протостратор в Константинополе. По поручению Иоанна Кантакузина он собирал деньги на строительство флота, командовал флотом в период войны Венеции с Генуей в 1351–1352 гг., был тяжело ранен. Возможно, в 1352 г. он сменил свои политические симпатии, перебежав к Иранну V Палеологу²⁹.

Сведения об остальных Тарханиотах, оставивших след в сфере государственного управления, можно свести к следующему

²⁸ *Asdracha C.* Les Rhodopes au XIVe siècle // REB. 1976. Vol. 34. P. 206.

²⁹ *Guillou R.* Recherches... P. 457.

перечню: Иоанн Тарханиот (№ 27491) в 1343 г. – ойкейос императора в Филадельфии; некий Тарханиот (без *pronomen*) приблизительно в 1344 г. – стратопедарх и ойкейос императора (№ 27472); другой Тарханиот, имени которого мы также не знаем, в 1355 г. – великий этериарх (№ 27469); Тарханиот (Траханиот) с несохранившимся именем в 1355 г. – великий domestik в Константинополе (№ 27468); Манассис Тарханиот в 1364 г. – протостратор в Фессалонике (№ 27498); Мануил Тарханиот в 1366–1369 гг. – архонт в Фессалонике и ойкейос императора Иоанна V Палеолога (№ 27499); Мануил Дука Тарханиот – ойкейос Иоанна V, в 1375 г. – кефалий в Серрах (№ 27505); Андроник Тарханиот – дулос Андроника IV Палеолога, в 1376 г. – архонт (№ 27476); Иоанн Тарханиот (№ 27490) в 1378 г. – ойкейос Андроника IV Палеолога; Мануил Тарханиот, прониар в Халкидике, – ойкейос Андроника IV (№ 27501). После 1378 г. до конца столетия мы не встречаем Тарханиотов в сфере государственного управления и войска.

Свою причастность к слою монашества на рассматриваемом этапе засвидетельствовали двое из Тарханиотов. Монахом в Константинополе в 1367 г. был Макарий Глава Тарханиот (№ 27497)³⁰. Манассис Тарханиот (№ 27498) известен как эфор монастыря Спасителя, монах и протостратор. Он получил в 1364 г. от Иоанна V Палеолога подтверждение на свои права в отношении монастыря Спасителя, который после его смерти должен был перейти афонскому монастырю Ватопед³¹.

Может быть, какое-то отношение к структуре управления церкви имел Дука Тарханиот, замеченный источником в 1375 г. в Фессалонике (№ 27480): мы знаем лишь, что он был сыном великого хартофилакса митрополии Фессалоники³².

Как владелец земель засвидетельствован источником Яков Тарханиот, известный тяжбой по поводу цены проданных им земель монастырю Музелейон в Константинополе (№ 27481).

³⁰ Actes de Lavra. P., 1979. T. 3: Appendice XIV. P. 213; *Teoteoi T.* Remarques sur le travail manuel à Byzance au XIVe siècle // Etudes byzantines et post-byzantines. Bukarest, 1979. P. 67.

³¹ Reg. T. 5. № 3099; *Guillou R.* Recherches... P. 488.

³² *Demetrios Kydones.* Briefe. T. 1. Hbd. 1. P. 220. Anm. 14.

Особое место среди представителей семейного клана занимает некий Тарханиот, имя которого установлено Ф. Тиннефельдом предположительно как Мануил (№ 27471). Это единственный интеллектual среди Тарханиотов. Он известен по письмам писателя и государственного деятеля Димитрия Кидониса как его земляк и друг с детских лет. Дружеские отношения, пронесенные через годы, отражены в письмах Кидониса: первое из его писем датировано 1365 г.³³, последнее – 1389/90 г. В письмах обсуждаются по преимуществу вопросы стилистики писем с проявлением восхищения их автора относительно риторического мастерства Тарханиота. Возможно, адресат Кидониса с середины 70-х гг. занимал в родной Фессалонике значительную должность: Ф. Тиннефельд предполагает его идентификацию с прониаром Мануилом Тарханиотом (№ 27501) или с архонтом Мануилом Тарханиотом (№ 27499), допуская, что все трое представляют одно лицо. По письмам Кидониса, Тарханиот был хорошо знаком с учеником Кидониса Раденом, а Георгий Синадин Астра был их общим другом³⁴. После завоевания Фессалоники турками в 1387 г. Тарханиот переселился из родного города в Константинополь. Димитрий Кидонис в последнем письме к нему просил его принять в своем константинопольском доме итальянца Павла³⁵.

В целом и на втором этапе Тарханиоты остаются преимущественно в военно-государственной сфере, однако выше протостратора, в отличие от первого этапа, они, по всей вероятности, не поднимались. Многие представители семьи Тарханиотов были архонтами и ойкейос императора, что для первого этапа нехарактерно. После 70-х гг. имя Тарханиотов исчезает из сферы государственного и военного руководства. В 70–90-х гг. этот клан в лице

³³ Фр. Тиннефельд предполагает, что несколько более ранних писем Кидониса (первое из которых относится ко времени до осени 1350 г.), возможно, были адресованы Тарханиоту: *Demetrios Kydones*. Briefe S. 80–81; *Démétrius Cydonès*. Correspondance / Publ. par R.-J. Loenertz. Città del Vaticano, 1956. T. 1. № 65; 1960. T. 2. № 435.

³⁴ *Tinnefeld F.* Manuel(?) Tarchaneiotes... S. 218.

³⁵ *Démétrius Cydonès*. Correspondance. T. 2. P. 393. 45. См.: *Tinnefeld F.* Das Niveau der abendländischen Wissenschaft aus der Sicht gebildeter Byzantiner im 13. und 14. Jh. // *BF.* 1979. T. 6. S. 247–279.

Мануила Тарханиота проявил себя в необычной для семьи интеллектуальной сфере деятельности, однако о письмах или трудах самого Тарханиота мы ничего не знаем.

Из Тарханиотов, которые упомянуты источниками в первой половине XV в., выделенной нами как третий этап истории этого клана в палеологовскую эпоху, наиболее известен тот носитель этого имени (без *pronomen*), который в 1403/04 г. находился в составе свиты Иоанна VII Палеолога и был до 1414 г. богатым и влиятельным человеком (№ 27466). Однако известен он, скорее, как лицо, которое идентифицируется с соответствующим персонажем сатирического диалога «Мазарис» («...ты бы имел все – богатство, славу, почести, как... черный, словно печная сажа, Тарханиот...»)³⁶.

Падиатис Тарханиот назван в акте монастыря Пантелеймона как ойкейос Мануила II Палеолога на Лемносе (№ 27508) и, вероятно, его сын, упомянутый в 1415 г. без *pronomen*, назван актом Лавры помещиком на Лемносе (№ 27467)³⁷; Яков Кунтахис Филантропин Тарханиот, в 1405 г. известный как помещик, ойкейос Андроника Палеолога, а в 1420 г. – как деспот, подарил афонскому монастырю Ватопед в 1405 г. владение, приобретая таким образом адельфат (№ 27482). Некий Тарханиот без *pronomen* был архонтом в Константинополе в 1425 г. (№ 27465). Из профессиональных военных может быть назван кавалларий Андроник Тарханиот (1439 г. или позже), но он умер молодым (№ 27474).

Несколько Тарханиотов отмечены источниками как связанные со службой в церкви или в связи с упоминанием монашества. Иоанн Тарханиот, анагност Великой Церкви в Константинополе (№ 27489), был переписчиком рукописей (им писалась рукопись, имеющая сейчас шифр Vat. gr. 43), Игнатий Тарханиот (№ 27483) был иеромонахом в Константинополе в 1429 г. и известен как автор надгробной речи, посвященной деспоту Андронику Палеологу³⁸. Тарханиот без *pronomen* (№ 27464) присутствовал на Афоне

³⁶ Византийский сатирический диалог / Изд. подгот. С. В. Поляковой и И. В. Феленковской. Л., 1986. С. 94–95.

³⁷ Actes de Lavra. T. 3: Appendice XVIII. P. 219.

³⁸ *Sideras A.* Neue Quellen zum Leben des Despoten Andronikos Palaiologos // BZ. 1987. T. 80. S. 4. Anm. 12.

в 1404 г., но, скорее, как представитель налогового ведомства³⁹. Элеодора Тарханиотисса была монахиней в Константинополе в 1401 г. (№ 27509). И наконец, Нил Тарханиот (№ 27506), бывший в 1437 г. иеромонахом в Константинополе, известен своими антилатинскими позициями. Ему было запрещено принимать участие в Ферраро-Флорентийском соборе. Нил составил ортодоксальное исповедание веры.

Таким образом, в первой половине XV в. среди Тарханиотов были носители титулов и должностей деспота, ойкейоса, архонта⁴⁰. Некоторые из Тарханиотов избрали путь монашества. Имена Тарханиотов на этом этапе были связаны с Константинополем, Фессалоникой, Лемносом, Афоном.

Подведем некоторые итоги. Из 50 Тарханиотов, упомянутых источниками палеологовской эпохи, 22 относятся к выделенному нами первому этапу, 17 – ко второму и 11 – к третьему. Таким образом, большая «заселенность» исторического пространства представителями клана приходится на время первых двух Палеологов. Приведенные цифры не носят абсолютного характера, поскольку следует учитывать сокращение объема нарративных источников в конце XIV – начале XV в. Но в целом, признавая сумму фактов о Тарханиотах палеологовского периода в достаточной степени репрезентативной, за этими цифрами можно усмотреть определенную тенденцию.

Обратившись к соизмерению значимости представителей фамилии Тарханиотов в управлении государством и армией и отобрав, в соответствии со списком титулов и должностей, данным Псевдо-Кодином, наиболее значительные из них, отметим, что на первом этапе было 2 протосеваста, 1 протовестиарий, 1 великий доместик, 1 доместик, 1 протостратор, 1 великий примикирий, 1 великий коноставл. Один из Тарханиотов назван как ойкейос. На втором этапе источниками засвидетельствованы среди Тарханиотов: великий доместик – 1, протостратор – 2, архонт – 2, ойкейос – 6, дулос – 3. И наконец, на третьем этапе указаны 1 деспот,

³⁹ Reg. Т. 5. № 3301.

⁴⁰ Кучина И. Л. Византийские архонты XIV–XV вв. как властвующая элита // АДСВ. 1997. Вып. 28. С. 72–78.

1 архонт, 2 ойкейоса. Таким образом, в целом заметно снижение ранга Тарханиотов в центральном управлении. Исключение составляет высокий пост деспота Якова Филантропина в 1420 г., который воспринимается как некое отступление от явной тенденции. С другой стороны, среди носителей имени появляется больше представителей императора в управлении отдельных территорий.

Как видно из представленного материала, в иных областях общественной жизни империи периода Палеологов, помимо военной и государственной, Тарханиоты не проявили себя достаточно заметно. Наиболее крупными фигурами здесь были Мария Дукина Комнина Вранина Палеологиня Тарханиотисса, реставрировавшая и украсившая монастырь Паммакаристы в начале XIV в., и Нил Тарханиот, составивший исповедание веры в 1437 г.

С постепенной утратой общественного веса Тарханиоты со второй половины XIV в. не оставили следов и в истории политической оппозиции, чем они в значительной степени отличались в первое столетие палеологовской эпохи. Имя Тарханиотов ничем не связано с крупнейшим феноменом общественной жизни XIV в. — исихазмом и исихастскими спорами. Лишь Нил Тарханиот с его антилатинскими взглядами в 30-е гг. XV в. может быть отнесен к истории идейной оппозиции палеологовской эпохи.

Род Тарханиотов постепенно утрачивает и свою родственную близость с другими аристократическими фамилиями Византии. На втором этапе своей истории в рамках палеологовской эпохи только Макарий Тарханиот (1367) имел вторым имя Глава; некий Тарханиот (без *pronomen*) и Мануил Тарханиот (оба замечены в 1375 г.) принадлежали к Дукам. На третьем же этапе только Яков Тарханиот (1420) вторым именем был связан с родом Филантропинов. Однако ни Палеологов, ни Комнинов, ни Вран среди Тарханиотов уже не было.

Тот военно-аристократический клан, который сформировался в XI–XII вв. и поднялся до уровня элиты в никейскую эпоху, сохранил свою значимость в обществе как военная аристократия при восстановлении Византийской империи в период правления Михаила VIII и Андроника II Палеологов. Никейский дух патриотизма и общественной идеи государственного самоутверждения был

той пружинной, которая придавала особый потенциал реставрированному византийскому государству в первые десятилетия его истории. И эта общественная атмосфера, перманентно связанная с подъемом духа в Никее, способствовала сохранению социального статуса Тарханиотов как элитарного клана. В 60–90-х гг. XIII в. Тарханиоты проявили высокую активность как в военной сфере, так и в политической и идейной жизни империи.

Вторая волна активности Тарханиотов относится к 40–50-м гг. XIV в. Она была связана прежде всего с гражданскими войнами этого периода. Однако это, скорее, отголосок той военной славы, которая ранее отличала семейство. Можно даже сказать, что это был последний всплеск в той сфере общественной деятельности, которая позволяла относить их к военной аристократии. С 80-х гг. XIV в. их принадлежность к военной касте постепенно утрачивается. Хотя исполнение ряда должностей формально было связано с военными функциями, но реально в крупных военных событиях (а ими полны конец XIV – первая половина XV в.) участие Тарханиотов не отмечено источниками.

Каждый семейный клан имел свою судьбу. Многие из тех, которые сформировались в конце македонской – начале комниновской эпохи, не пережили своего времени⁴¹. Наиболее стабильным оказался комниновский клан, в который входили и Тарханиоты. Представители этой фамилии преуспевали в никейское время и на волне военной славы вошли в палеологовскую эпоху. Тарханиоты представляли преимущественно военную знать, занимая верхние (и близкие к ним) этажи системы управления империи.

С середины XIV в. Тарханиоты начали утрачивать свою влияние. Однако в отличие от других семейств (например, Кавасил) не произошло их перемещения в другие социальные сферы. Если среди клана Кавасил, также уходящих корнями в военно-аристократические слои общества XI в., появились ко времени Палеологов представители монашеской верхушки, интеллектуалы, землевладельцы и даже предприниматель⁴², то Тарханиоты про-

⁴¹ Каждан А. П. Социальный состав... С. 126–127.

⁴² Поляковская М. А. К социальной характеристике поздневизантийского общества: Кавасилы // ВВ. 1999. Т. 58. С. 37–46.

должали оставаться в сфере власти. Нарастающий кризис империи в XV в. не мог не затронуть и ее цементирующей основы – бюрократической государственности. На этом фоне происходит постепенное угасание семейства Тарханиотов.

Нет оснований на примере эволюции отдельного клана говорить о судьбах поздневизантийской знати и общества в целом⁴³. Необходима реконструкция истории всех семейств, составлявших знать в палеологовскую эпоху. Тенденция к решению этой задачи заметна в историографии.

⁴³ *Ostrogorsky G.* Observations on the Aristocracy in Byzantium // DOP. 1971. T. 25. P. 21–32; *Laiou A.* The Byzantine Aristocracy in the Palaeologan Period: A Story of Arrested Development // Viator: Medieval and Renaissance Studies. 1973. Vol. 4. P. 131–151.

ГОРОДСКИЕ ВЛАДЕНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ МОНАСТЫРЕЙ В ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ*

XIII–XIV вв. в истории Византии – это время расцвета крупного светского и церковно-монастырского землевладения¹.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники, в первую очередь императорские жалованные грамоты и описи владений – практики, дают возможность судить о больших размерах монастырской собственности в поздней Византии. Одним из проявлений экономического и политического могущества монастырей является рост их городских владений в последние века жизни империи.

Провинциальные монастыри, главным образом афонские, стремились к приобретению владений в крупных городах, прежде всего в Константинополе и Фессалонике. Желание афонских монастырей проникнуть в столицу объясняется как экономическими, так и политическими мотивами. В Константинополе монастыри полу-

* Издано: ВВ. 1964. Т. 24. С. 202–208. В этой и последующей статьях сохранены ссылки на старые издания актов, т. к. перевод их на издания серии «Archives de l'Athos» не меняет в целом наблюдений автора в отношении вектора тенденций.

¹ *Васильевский В. Г.* Материалы для внутренней истории Византийского государства // ЖМНП. 1880. Ч. 210; *Соколов И.* Крупные и мелкие власти в Фессалии в эпоху Палеологов // ВВ. 1923–1926. Т. 24; *Charanis P.* The Monastic Properties and the State in the Byzantine Empire // DOP. 1948. Т. 4; *Idem.* The Aristocracy of Byzantium in the Thirteenth Century // Studies in Roman Economic and Social History in Honor of A. Ch. Johnson. Princeton, 1951; *Idem.* On the Social Structure and Economic Organization of the Byzantine Empire in the 13th Century and Later // BS. 1951. Vol. 10; *Каждан А. П.* Аграрные отношения в Византии XIII–XIV вв. М., 1952; *Dölger F.* Die Frage der Grundeigentums in Byzanz // Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953; *Горянов Б. Т.* Крупное феодальное землевладение в Византии XIII–XV вв. // ВВ. 1956. Т. 10; *Он же.* Поздневизантийский феодализм. М., 1962.

чали возможность находиться в непосредственной близости к патриаршему и императорскому дворам. Кроме того, монастырские странноприимные дома в столице были местом, где останавливались иностранные купцы. Столичные рынки становились доступными для продукции монастырских владений².

Выгодным в экономическом отношении было проникновение и в другие крупные города. Это также давало возможность сбывать продукцию на городских и пригородных рынках, не затрачивая значительных средств на транспортировку. Заинтересованность афонских и других крупных провинциальных монастырей в приобретении различного рода владений в городах и пригородах заставляла их домогаться императорских и патриарших пожалований такого рода, а также покупать городские земли.

Императоры и патриархи, часто заинтересованные в политической поддержке Афона, способствовали экономическому проникновению афонских монастырей в крупные города. В период гражданской войны 40-х гг. XIV в. обе борющиеся стороны, стремясь заручиться поддержкой влиятельного афонского монашества, щедро одаривали монастыри различного рода пожалованиями, в том числе и городскими владениями.

Интересной в этом отношении является простагма императора Иоанна VI Кантакузина монастырю Ватопеда³.

Происхождение простагмы таково. Во время междоусобной борьбы Иоанна V Палеолога и Иоанна VI Кантакузина монастырь Ватопеда, как и ряд других афонских монастырей, стоял на стороне Кантакузина. Афонские монахи отправили посольство к императрице Анне Савойской, которая была крайне враждебно настроена по отношению к Кантакузину, с целью примирить их, т. е. заставить Анну пойти на уступки мятежной феодальной знати. Миссия афонских монахов оказалась неудачной, а представитель Ватопедского монастыря Савва был задержан и заключен в монастыре Хора в Константинополе. Но после победы Иоанна Канта-

² *Каждан А. П.* Деревня и город в Византии IX–X вв. М., 1960. С. 75; *Успенский П.* История Афона. Киев, 1871. С. 17–23.

³ *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948. № 43–44. S. 120–125.

кузина Савва стал первым кандидатом на патриарший престол⁴. Сразу же после своего победоносного вступления в Константинополь в феврале 1347 г. Кантакузин издал по просьбе ватопедских монахов, прибывших приветствовать победившего императора, простагму.

Согласно этой простагме, впоследствии подтвержденной сигиллием патриарха Исидора (октябрь, 1347)⁵ и хрисовулом императора Кантакузина (декабрь, 1349)⁶, афонский монастырь Ватопеда получил в управление константинопольский монастырь (τῆς Θεοτόκου τῆς Ψυχωσωτρίας) со всеми его владениями как в столице, так и в провинции⁷. Это пожалование было сделано в ответ на просьбу монахов Ватопеда предоставить им владение в столице⁸. Ватопедский монастырь получил право назначать в монастырь τῆς Ψυχωσωτρίας игумена, который должен был навести порядок в монастыре⁹ (возможно, он должен был повлиять на изменение политических симпатий монахов, которые до этого были на стороне низложенного Калеки). Необходимо было также улучшить хозяйство монастыря, которое, как утверждается в хрисовуле от 1349 г., находилось в полном запустении¹⁰, тогда как хозяйство Ватопедского монастыря находилось в цветущем состоянии.

Владения монастыря Ψυχωσωτρίας состояли из нескольких домов, построенных монахами около монастыря; церкви св. Николая с подворьем и шестью домами подле странноприимного дома Пантелеймона¹¹; нескольких владений в пригородах Константинополя; участка земли и мельницы в Гераклее; владений в городке

⁴ *Cantacuzenus* Historiarum libri IV. Bonnae, 1828–1832. III. 35. P. 213; *Παναδοπουλο-Κεραμεως Α.* Жития двух патриархов XIV века – св. Афанасия и Исидора I. СПб., 1905. С. 116, 25–30.

⁵ *Dölger F.* Aus den Schatzkammern... № 43–44. S. 121–123.

⁶ *Ibid.* S. 123–125.

⁷ *Ibid.* S. 122.

⁸ *Ibidem.*

⁹ *Ibidem.*

¹⁰ *Ibid.* S. 123.

¹¹ Церковь св. Николая у Влахерн, недалеко от перевоза через Золотой Рог (см.: *Janin R.* Constantinople byzantine. P., 1951. P. 232). Эта церковь упоминается в «Хождении Стефана Новгородца» (*Сперанский М. Н.* Из старинной новгородской литературы XIV в. Л., 1934. С. 76).

Хариуполе, двух монастырьков в Памфиле; монастыря Кенхри, которому в свою очередь принадлежал ряд мелких монастырей; нескольких мельниц и виноградников. Кроме этих владений, принадлежащих монастырю Душеспасительницы, ватопедские монахи стали также обладателями ряда привилегий: получили право иметь корабль в 100 модиев вместимости, причем те из перевозимых продуктов и прочих предметов, которые были необходимы для их собственного потребления, освобождались полностью от пошлин, а те предметы, которые предназначались для продажи на рынках Константинополя, вместо 10 % пошлины облагались только 2 %; особые же товары, за которые обычно уплачивали пошлину в размере 25 %, освобождались от этой экстраординарной пошлины. Кроме того, так как с передачей ватопедским монахам константинопольского монастыря предполагалось значительное увеличение объема торговли, им разрешалось в дальнейшем вместо корабля вместимостью в 100 модиев завести корабль вместимостью в 300 модиев. Таким образом, экономические выгоды, полученные Ватопедским монастырем в результате пожалования ему константинопольского монастыря Душеспасительницы, оказались весьма значительными, но не менее значительными были, по-видимому, и политические последствия этого пожалования.

До 1347 г. большое количество мелких монастырей и имений в провинциях находилось во владении монастыря Душеспасительницы, стоявшего на стороне Калеки и враждебно настроенного по отношению к Кантакузину. После победы Кантакузина все эти владения и сам монастырь Душеспасительницы попали под власть Ватопеда, и это не могло не повлиять на политическую ориентацию монахов монастыря Душеспасительницы, тем более что Ватопедский монастырь назначал отныне игумена Душеспасительницы.

Если Ватопед во время гражданской войны был на стороне Кантакузина, то Лавра была на стороне Анны Савойской. Прибывший в Константинополь игумен Лавры Макарий показал себя непримиримым противником Кантакузина. Императрица и патриарх Иоанн Калека назначили его в бурное время восстания зило-тов, поддерживавших правительство Анны Савойской, Апоаква и патриарха Калеки, митрополитом Фессалоники.

Монахи Лавры сумели получить от Анны Савойской ряд привилегий в Константинополе. Они просили патриарха передать Лавре ряд торговых домов, принадлежавших церкви, и странноприимный дом. Патриарх удовлетворил эту просьбу своих сторонников, а в дальнейшем – в 1343 г. – императорский хрисовул Иоанна V Палеолога подтвердил этот дар и закрепил за Лаврой дома, эргастии и подворье¹². В апреле 1355 г. Иоанн V подтвердил права афонской Лавры на монастырь Богоматери Живоносного Источника¹³. Это был старинный богатый монастырь, расположенный у западной стены Константинополя, вне города, у ворот Источника (Πηγή), ведущих к главной улице столицы¹⁴.

Таким образом, в период гражданской войны афонские монастыри усилили свои позиции в столице и в других городах.

Патриарх Филофей сигиллием от февраля 1367 г. передал Лавре, кроме монастыря св. Димитрия у Широких ворот¹⁵, и монастырь, расположенный у пристани (πρὸς τὸν λιμένα), напротив Галаты. Филофей передал лавриотам этот метох, чтобы они имели подворье у морской пристани, – «устроивали и улучшали местное хозяйство»¹⁶.

Приобретение Лаврой владения в Галате, наиболее богатом торговом районе, где была сконцентрирована торговля итальянских купцов, весьма знаменательно. Оно свидетельствует о несомненных экономических выгодах, полученных лавриотами.

Все крупные афонские и другие провинциальные монастыри имели в столице, в других городах и в пригородах ряд владений, приобретенных или в результате пожалования, или путем покупки. Некоторые из этих владений были довольно значительными. Константинопольский монастырь Пантократор в 1313 г. получил землю в 1050 модиев около Серр и четыре стреммы под виноградником¹⁷.

¹² *Успенский П.* Восток Христианский. Афон. СПб., 1892. Ч. 3. С. 155.

¹³ *Dölger F.* Aus den Schatzkainnern... № 55.

¹⁴ *Janin R.* Constantinople byzantine... P. 413; *Idem.* La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin. P., 1953. Pt. 1. T. 3. P. 232–237; Там же см. библиографию о монастыре Богоматери Живоносного Источника.

¹⁵ *Dölger F.* Aus den Schatzkammern... № 83, S. 223–225; *Janin R.* La géographie... Pt. 1. T. 3. P. 95.

¹⁶ *Успенский П.* Восток Христианский. Ч. 3. С. 164.

¹⁷ *Lemerle P.* Actes de Kutlumus. P., 1946. № 8.

Хрисовул Стефана Душана от апреля 1348 г. называет среди владений Ватопедского монастыря хорафии и виноградники возле города Серр общей площадью в 500 модиев¹⁸.

Один из запродажных актов свидетельствует о продаже Хиландарскому монастырю земли группой серрских крестьян, составившей в общей сложности около 70 стремм¹⁹.

Количество примеров подобного рода можно было бы значительно умножить. Источники недвусмысленно свидетельствуют, что все крупные монастыри – Ватопедский, Ивирский, Эсфигменский, Ксенофоновский, Лемвиотиссы, Кутлумушский – имели многочисленные владения (метохи, хорафии, виноградники, дома) в городах и пригородах.

Городские и пригородные земли, виноградники, оливковые рощи приносили монастырям большой доход, ибо транспортировка продуктов на городские рынки не представляла трудностей. Эти монастырские владения должны были играть немалую роль в снабжении городского населения продуктами питания. Документ 1421 г., представляющий собой арендный договор Ивирского монастыря с семейством Аргиропулов²⁰, проливает некоторый свет на способ эксплуатации монастырем городских земель, которые в силу своей близости к рынку имели особую ценность. Ивирский монастырь сдал в аренду семейству Аргиропулов на условиях улучшения хозяйства очень выгодный в торговом отношении участок сада (κηποτεριβόλια) около Золотых ворот Фессалоники (κατὰ τὴν χρυσοῖαν τῆς Χρυσῆς)²¹. Мы знаем, что невдалеке от Золотых ворот происходила знаменитая фессалоникийская ярмарка.

Аргиропулы, улучшив оросительную систему, сдавали в субаренду участки монастырской земли, заключая краткосрочные соглашения, притом прогрессивно с каждым годом увеличивали плату: в первый год они получали в качестве арендной платы 59,5 иперпиров, во второй год – 81 иперпир, а на семнадцатый

¹⁸ Соловьев А., Мошин В. Грчке повеље српских владара. Београд, 1936. С. 142; см. Горянов Б. Т. Крупное феодальное землевладение... // ВВ. 1956. Т. 10. С. 125.

¹⁹ Actes de Chilandar // ВВ. 1911. Т. 17. Прил. № 1, 109.

²⁰ Dölger F. Aus den Schatzkammern... № 102, 24.

²¹ Ibid. № 102.

год – уже 115 иперпиров. Кроме денежной платы, арендаторы должны были каждую субботу подносить так называемые субботние подарки (τά συνήθη σαββατιατικά), т. е. приносить собственнику определенное количество овощей и фруктов натурой (λάχανα, σκόροδα, κρόμνυα, κολοκύνθια)²². Договор стал со временем более выгоден Аргиропулам благодаря их предприимчивости, чем монахам. Последние начали добиваться его расторжения, что им и удалось в конце концов.

В какой-то степени предпринимательский характер аренды Аргиропулов свидетельствует о проникновении в экономическую жизнь Византии новых форм земельных отношений. К сожалению, нет материалов, которые бы дали возможность судить, насколько жизнеспособными были эти отношения.

Монастыри приобретают в городах и пригородах не только земельную собственность и метохи, но и дома, ремесленные мастерские – эргастии.

Принадлежавшие им в городах дома монахи сдавали внаем. Так, хрисовул Андроника III от 1330 г. закрепляет за Ксенофонтом в Фессалонике дома, имеющие двор (ἡ αὐλή) и помещения, сдаваемые внаем (ἐνοικιαζῶν ὀσπητίων)²³.

Запродажный акт от апреля 1320 г. свидетельствует о покупке Ивирским монастырем в Фессалонике трех домов с двором и колодцем за сумму 60 иперпиров в венецианских дукатах (по курсу 12 дукатов на иперпир)²⁴. В марте 1326 г. Георгий Визин продал Ивирскому монастырю четыре дома в Фессалонике, поблизости от ипподрома: двухэтажный дом с двускатной крышей и балконом, два двухэтажных дома, нуждавшихся в ремонте, и дом без крыши. При домах имелся сад с фиговыми деревьями, κηπήδιον, ἐν ᾧ καὶ συκάμηνον δένδρον, и виноградный пресс²⁵.

В 1325 г. Михаил Комнин продал монастырю Хиландарь внутри Серр дома, крытые черепицей, навесы с двором и воротами

²² Dölger F. Aus den Schatzkammern... № 102.

²³ Actes de Xénophon // BB. 1903. T. 10. № VIII. 98–100. P. 64.

²⁴ Dölger F. Aus den Schatzkammern... № 111. S. 303.

²⁵ Ibid. № 112. S. 306.

(οἰκήματα ἐντὸς τοῦ κάστρου Σερρῶν χαμαίγαγα κτιστοκεραμόσχελα, ἰδιοπεριόριστα, μετ' αὐλῆς καὶ πόρτης)²⁶.

Дарственная от апреля 1326 г. свидетельствует о дарении некой Стаматики Хиландарскому монастырю домов в Серрах²⁷. Император Андроник II Палеолог подтвердил хрисовулом владения монастыря Филофея пятью домами с дворами (οἰκήματα πέντε) в Серрах²⁸. Ивирский монастырь владел в Фессалонике метохом св. Афанасия с его домами²⁹.

В 1347 г. хрисовулом Стефана Душана за Эсфигменским монастырем утверждается собственность на дома внутри Фессалоники³⁰. В Смирне монастырь Лемвиотиссы владел несколькими домами³¹. Ватопедский монастырь владел в Фессалонике метохом во имя пресвятой Богородицы с находящимися около нее домами³² и домами в Веррое³³.

В Серрах монастырь Ватопеда имел подворья, особо назван среди владений монастыря дом в торговом центре (εἰς τὸ ἐμπόριον) Серр³⁴.

Часто покупаются и дарятся дворы³⁵, строения (ὀσπήτια)³⁶, кладовые (ἀνώγαιον)³⁷.

²⁶ Actes de Chilandar. № 105. 11–13. P. 216.

²⁷ Ibid. № 108. P. 222.

²⁸ Actes de Philothée // BB. 1913. T. 20. № VI. 22–24. P. 19. Также владение Филофеева монастыря домами в Серрах подтверждается документом IX. 17. P. 24.

²⁹ Dölger F. Aus den Schatzkammern... № 89.

³⁰ Actes d'Esphigménou // BB. 1906. T. 12. № XIV. 28. P. 31.

³¹ MM. Vol. 4. № XIV. P. 55; см также: *Васильевский В. Г.* Материалы для внутренней истории Византийского государства // ЖМНП. 1880. Ч. 210. С. 157.

³² *Regel W.* Χρυσόβουλλα καὶ γράμματα τῆς ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει ᾿Αθω μονῆς τοῦ Βατοπεδίου. СПб., 1896. P. 3. *Goudas M.* Βυζαντινὰ ἐγγράφα τῆς ἐν ᾿Αθῶ μονῆς τοῦ Βατοπεδίου // ΕΕΒΣ. 1927. Vol. 4. Σ. 223.

³³ *Regel W.* Op. cit. P. 18.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Фессалоника: Actes de Lavra. P., 1937. T. 1. P. 2; Actes de Xénophon. № 223–224. P. 25; Серры: *Lemerle P.* Actes de Kutlumis. № 18.

³⁶ В Серрах: *Флоринский В.* Афонские акты и фотографии с них в собраниях П. И. Севастьянова. СПб., 1880. С. 92; *Lemerle P.* Actes de Kutlumis. № 8. 18; Actes de Chilandar. № 62. 55–57. P. 147; *Dölger F.* Aus den Schatzkammern... № 9. 19–21. S. 441. В Веррое: *Regel W.* Op. cit. P. 18.

³⁷ *Lemerle P.* Actes de Kutlumis. № 8, 18.

Монастыри начинают играть определенную роль и в ремесленном производстве византийских городов и пригородов, приобретая в собственность мастерские (ἐργαστήρια), лавки, пекарни, мельницы и т. д.

В 1313 г. монастырь Пантократор получает в дар от монаха Космоса Панкалоса три эргастерия в Серрах³⁸.

Ивирские монахи владели в Фессалонике лавкой, трактиром³⁹. Часто владениями монастырей в городах были пекарни (φοῦρνος, μαγειρεῖα)⁴⁰, мельницы⁴¹.

В 1338 г. Феодора Кантакузина передает Кутлумушскому монастырю три эргастерия недалеко от торгового центра Серр⁴². Ивирские монахи владели в Фессалонике двумя эргастериями и скорняжной мастерской (γουναράδικον)⁴³.

В хрисовуле Андроника III от 1330 г. среди владений монастыря Ксенофонта названы три эргастерия близ Фессалоники⁴⁴. Монастырь Лемвиотиссы владел в окрестностях Смирны мастерской с водяной мельницей⁴⁵. Итак, в XIII–XIV вв. провинциальные, главным образом афонские, монастыри усиливают свои экономические позиции в городах, постепенно приобретая городские земли, виноградники, мастерские, лавки, пекарни, дома, хозяйственные постройки.

³⁸ *Lemerle P.* Actes de Kutlumuş. № 18. Д. Ангелов переводит ἐργαστήριον как магазин (см.: *Ангелов Д.* Към въпроса за средновековия български град // Археология. 1960. Кн. 3. С. 20).

³⁹ *Dölger F.* Aus den Schatzkammern... № 89; С. Лишев отмечает, что Зографский монастырь владел в Серрах 18 лавками, в Солуни – 30 (см.: *Лишев С.* За стоковото производство във феодална България. София, 1958. С. 93).

⁴⁰ *Lemerle P.* Actes de Kutlumuş. № 8. 18; *Dölger F.* Aus den Schatzkammern... № 89.

⁴¹ В Серрах: *Lemerle P.* Actes de Kutlumuş. № 8; *Флоринский Г.* Указ. соч. С. 92; *Dölger F.* Aus den Schatzkammern... № 9. 19–21. В Бергее: *Regel W.* Op. cit. P. 18.

⁴² *Lemerle P.* Actes de Kutlumuş. № 18.

⁴³ *Dölger F.* Aus den Schatzkammern... № 89.

⁴⁴ Actes den Xénophon... № VIII. P. 64.

⁴⁵ MM. Vol. 4. № III. P. 19.

В XIII–XIV вв. влияние монастырей проникает не только в города, но и в *χάσρα*⁴⁶ – местечки полугородского типа, утратившие свое чисто военное, оборонительное значение⁴⁷.

Являясь владельцами земли, виноградников, эргастрий в городе и близ него, монастыри, естественно, занимались торговлей⁴⁸.

Еще в XI в. ежегодно в великое воскресенье Пасхи (*κατὰ τὴν μεγάλην κυριακὴν τοῦ πάσχα*) происходила ярмарка (*πανήγυρις*) при Бачковском монастыре, и там можно было найти все необходимое (*πάντα γὰρ τὰ χρειώδη ἐν τῇ πανηγύρει ταύτῃ εὐχερῶς εὐρεθήσονται*)⁴⁹. Монастырь Богоматери в Стеларии был еще в XII в. владельцем *πανήγυριν τῶν Ἀσωμάτων τὴν ἐτησίως γινομένην*⁵⁰. Монастырь Спасительницы имел торжище близ города Эноса⁵¹, ярмарку в Неокастроне⁵². Монахи этого монастыря торговали оливковым маслом (*ἐλαίος*) в Эносе⁵³. Зографский монастырь имел свой базар в Сардакии⁵⁴. Филофеев монастырь ежегодно 8 ноября проводил торг внутри обители⁵⁵.

⁴⁶ Ср.: *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960. С. 98; *Камедан А. П.* Город и деревня в Византии XI–XII вв. // XII Международный конгресс византинистов. Белград; Охрид, 1961. С. 31. Кирстен считает, что ко времени Комнинов *χάσρα* стали городами в «западноевропейском смысле слова (см.: *Kirsten E.* Die byzantinische Stadt // *Berichte zum XI. Internat. Byz. Kongr. München*, 1958. S. 25).

⁴⁷ Филофейский монастырь имел, например, недалеко от крепости Стеларий гостиницы, эргастрий, мельницу, сады, хорафии (*Actes de Philothée* // ВВ. Т. 20. № III. 20–30).

⁴⁸ См.: *Ангелов Д.* По въпроса за стопанския облик на българските земи през XI–XIV вв. // ИП. 1951. Кн. 4–5; *Цонев С.* Стоковото производство във феодална България // ИП. 1954. Кн. 5. С. 70.

⁴⁹ *Petit L.* Typikon de Grégoire Pacourianos pour le monastère de Petritzos (Bačkovо) // ВВ. 1904. Т. 11. Р. 27. 4–6.

⁵⁰ *Actes de Philothée* // ВВ. Т. 20. № III. 70–71. Р. 12.

⁵¹ *Petit L.* Typikon du monastère de la Kosmosotira près d'Aenos // ИРАИК. 1908. Т. 13. Р. 52. 32–33.

⁵² *Ibid.* Р. 52. 14.

⁵³ *Ibid.* Р. 50. 1–4

⁵⁴ *Успенский П.* Восток Христианский. Ч. 3. С. 620–621.

⁵⁵ Там же. С. 132.

Метох св. Георгия, принадлежавший монастырю Филофея, имел в Фессалонике местечко, где ежегодно проходила ярмарка (τόπιον ἐν ᾧ τελεῖται κατ' ἔτος ἡ πανήγυρις)⁵⁶.

По хрисовулу Иоанна Палеолога от сентября 1356 г. монастырю Ватопеда было дано разрешение иметь корабль вместимостью приблизительно в 700 модиев и беспрепятственно торговать в Константинополе и других городах⁵⁷. Корабль монастыря Иоанна Богослова на острове Патмосе получил свободу торговли. Также право беспошлинной торговли получили два корабля (πλατύδια)⁵⁸ этого монастыря и два небольших корабля (σανδάλια)⁵⁹.

Итак, XIII–XIV вв. – это время усиленного проникновения крупных провинциальных, главным образом афонских, монастырей в города, в том числе и в столицу. Результатом такого проникновения был дальнейший рост экономического могущества монастырей, а также их политического влияния. Позиции каждого отдельного монастыря определялись множеством частных факторов (ктиторское влияние, импульсы богословской борьбы и т. д.). Сильное в экономическом и политическом отношении провинциальное монашество определяло политическую ориентацию части столичных монастырей. В целом же монашество в последние века существования Византийской империи представляло слой общества, в значительной степени выразивший центробежные тенденции. Проникновение провинциальных монастырей в городскую экономику XIV в. не способствовало ни экономическому, ни политическому упрочению города.

⁵⁶ Actes de Philothée. № VI. 58. P. 20.

⁵⁷ *Regel W.* Op. cit. P. 25–26.

⁵⁸ MM. Vol. 6. № LXI. P. 183.

⁵⁹ Ibid. № LXXXIX. P. 219.

МОНАСТЫРСКИЕ ВЛАДЕНИЯ В ФЕССАЛОНИКЕ И ЕЕ ПРИГОРОДНОМ РАЙОНЕ В XIV—XV вв.*

Вопрос о городских и пригородных монастырских владениях в Фессалонике является частью большой проблемы своеобразия экономического развития поздневизантийского города. Тенденция роста феодальных монастырских владений в Фессалонике и округе, явно прослеживаемая в эпоху Палеологов, свидетельствует о том, что в византийском городе не было создано условий для проявления новых тенденций его развития.

К истории Фессалоники не раз обращались византинисты различных эпох и стран¹, но вопросы экономического развития этого города в поздневизантийское время не являлись предметом специального исследования.

Огромные владения в Фессалонике принадлежали многочисленным монастырям и метохам. Л. Брейе считает, что в XIV в. не менее 17 монастырей имели движимое и недвижимое имущество в этом городе². Поскольку сохранились документы только

* Опубликовано в сб.: АДСВ. 1963. Вып. 3. С. 17–46.

¹ *Belley*. Observations sur l'histoire et sur les monuments de la ville de Thessalonique // Histoire de l'Academie Royale des Inscriptions et Belles-Lettres. P., 1777. Т. 28. Sect. hist; *Tafel Th. L. Fr.* Histoir Thessalonicae. Tubingae, 1835; *Idem*. De Thessalonica eiusque agro dissertatio geographica. Berolini, 1839; *Фулапем*, епископ. Св. великомученник Димитрий и солунские славяне // Чтения. М., 1848; *Tafrafi O.* Topographie de Thessalonique. P., 1913; *Idem*. Thessalonique au quatorzième siècle. P., 1913; *Brehier L.* Salonique et la civilisation byzantine // Journal des Savants. 1919. Т. 17; *Delvoye Ch.* Salonique, seconde capitale de l'Empire byzantin, et ses monuments // Revue de l'Universite de Bruxelles, juil.-août. 1950. № 5; *Наследова Р. А.* Ремесло и торговля Фессалоники конца IX – начала X в.: По данным Иоанна Камениаты // ВВ. 1956. Т. 8; *Vacalopoulos A.* History of Thessaloniki. Thess., 1963. Новая литература: *Spieser J.-M.* Thessalonique et ses monuments du IVe au Ve siècle. P., 1984.

² *Brehier L.* Les institutions de l'Empire byzantin: Le monde byzantin. P., 1948. P. 574.

афонских монастырей, мы не можем судить о собственности многих других монастырей и церквей, находившихся в самой Фессалонике³, в том числе о владениях церкви покровителя города св. Дмитрия, духовенство которого имело особые привилегии.

В монастырских документах XIII–XIV вв. часто называются как собственность отдельных монастырей метохы, расположенные в Фессалонике. Метохы представляли собой обычно небольшие монастырьки, находящиеся в зависимости от более крупных, — вместе со своими садами, землями, виноградниками⁴. К сожалению, императорские хрисовулы, называя метох, не раскрывают полностью его собственности (иногда документ лишь перечисляет состав владений — дома, мельницы и т. п., но без указания размеров и точного местонахождения их). Почти всегда перечисление метох сопровождается формулой: метох принадлежит монастырю «со всеми правами, привилегиями и владениями».

С конца XIII в. количество фессалоникийских метохов начинает увеличиваться. Не менее 27 метохов с их хозяйствами, расположенными в Фессалонике, находилось во владении афонских монастырей в эпоху Палеологов⁵.

³ Тафрали указывает, что в Фессалонике было расположено 19 монастырей (из них 14, несомненно, существовали в эпоху Палеологов) и около 20 церквей (см.: *Tafrafi O.* Topographie de Thessalonique. P. 155–201). См. также карту Фессалоники в издании Тафрали. Семь монастырей и метохов, названных Тафрали, видел Игнатий Смоленский в 1405 г. при своем посещении Фессалоники (*Le pèlerinage d'Ignace de Smolensk 1389–1405 // Itinéraires russe en Orient. Geneve, 1889. P. 147*).

⁴ *Ангелов Д.* Аграрные отношения в Северна и Средна Македония през XIII–XIV вв. София, 1958. С. 41; *Хвостова К. В.* Взаимоотношения Хиландарского монастыря и некоторых его метохов в XIV в. // ВВ. 1961. Т. 18. С. 30.

⁵ Сигиллий патриарха Кирилла II говорит о том, что от Ивира зависел монастырь тоῦ Βλατέως с его владениями (монастыри св. Николая τῶν Ὁρφανῶν, св. Афанасия и других с их домами, подворьем, пекарней, двумя эргасториями, скорняжной мастерской, лавкой в районе Фессалоники, называемом Ταχταχαζάν, мельницей, оливковыми деревьями). Сигиллий датирован июлем 1635 г. Однако мы считаем возможным говорить здесь о нем, ибо сигиллием восстанавливается прежнее положение (протέραν κατὰστασις) монастыря по отношению к Ивиру. Кроме того, в хрисовуле императора Никифора Вотаниата (июль, 1079) среди владений Ивира назван монастырь св. Николая, который затем указывается как владение тоῦ Βλατέως. Это говорит о давних связях двух

Земельные участки часто называются в актовом материале как составная часть городской собственности афонских монастырей, городские земли, хорафии названы в хозяйстве метохов трех монастырей – Ивирского, Филофилейского и Лавра (см. прил., табл. 1). Принадлежали фессалоникийские земельные участки и непосредственно самим монастырям Афона⁶.

Иногда эти городские земли представляли сады и виноградники. Виноградниками владели два метоха Иверского монастыря, метохи Лавры; восемь модиев виноградников принадлежали Филофаеву монастырю, в 1321 г. среди владений Хиландаря назван виноградник в Фессалонике, подаренный вдовой женщиной Анной⁷.

Фессалоникийские земли, сады и виноградники могли приносить монастырям значительные доходы в силу своей близости к городским рынкам, вследствие этого они высоко ценились, например, ивирские монахи в начале XV в. сдавали на очень выгодных условиях сад около Золотых ворот города (в этом районе проходила большая фессалоникийская ярмарка)⁸. Сад сдавался в аренду небольшими участками. Арендаторы должны были, кроме субботних приношений, платить монастырю деньгами (59,5 ипериров в год)⁹ и продуктами (см. прил., табл. 2).

Затем Ивирский монастырь сдал все эту землю семейству Аргиропулов – на условиях улучшения хозяйства. Аргиропулы сдавали землю в субаренду более мелкими участками, чем монастырь, и, сохраняя прежние натуральные приношения, увеличили постепенно арендную плату до 115 иперпиров в год (см. прил., табл. 3). Эта семья сумела извлечь доход из исключительно выгодного по-

монастырей. Мы не сочли нужным включить данные сигиллия в таблицу метохов Фессалоники, зависевших от афонских обитателей, ибо не уверены, что все эти владения принадлежали в XIV–XV вв. монастырям (см.: *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1952. № 35, 89).

⁶ Actes de Chilandar // BB. 1911. Т. 17. № 31. 23–25. P. 72.

⁷ Ibid. № 62. 24. P. 146.

⁸ *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. № 102. S. 266–269.

⁹ Вероятно, в документе допущена ошибка в указании денежной платы монастырю отдельными арендаторами, ибо грамота называет общую сумму арендной платы 59,5 иперпиров, в то время как подсчет дает цифру 60,5 иперпиров.

ложения в городе монастырской земли. В 1321 г. ивирские монахи добились расторжения договора с Аргиропулами, не желая терять доходов со своей земли.

В городском хозяйстве метохов афонских монастырей называется не менее 20 домов и населенных строений¹⁰. Кроме того, Ксенофонтов монастырь имел в Фессалонике дома, пожертвованные ему деспотом Иоанном Комнином Палеологом¹¹.

В марте 1326 г. Георгий Визин продал Ивирскому монастырю 4 дома в Фессалонике, поблизости от ипподрома: двухэтажный дом с двухскатной крышей и балконом, два двухэтажных дома, нуждавшихся в ремонте, и дом без крыши. При домах имелся сад с фиговыми деревьями, виноградный пресс¹².

Анна Паксамадо и ее брат Димитрий Карзерес продали Ивиру 3 дома с двором, колодцем и воротами на сумму 60 иперпиров в венецианских дукатах (по курсу 12 дукатов на иперпир)¹³.

В 1327 г. братья Калламаны – Димитрий, Мануил и Михаил – продали Зографскому монастырю несколько домов (не менее 4): около метоха св. Николая, в квартале св. Пелагея к северу и западу от государственной дороги – за 250 иперпиров. Это были двухэтажные большие дома, имевшие подвал, мансарду, виноградный пресс, колодец, канал и сделанные из кирпича и камня подсобные помещения¹⁴.

Итак, монастырские документы называют не менее 38 домов, принадлежащих афонским монастырям. Большей частью эти дома сдавались монахами в аренду или использовались как подворье. Монастыри извлекали доход, владея домами в сдавая их внаем.

Монастыри принимали непосредственное участие в производстве и обмене. В собственности Ксенофонтова монастыря находись 3 эргастии¹⁵. Метох св. Георгия, принадлежавший Фило-

¹⁰ Если в хозяйстве метохов упоминаются дома, подсчитывается – не менее двух.

¹¹ *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565–1453. 4. Teil. Regesten 1282–1341. München; Berlin, 1960. № 2245. S. 38.

¹² *Dölger F.* Aus den Schatzkammern... № 112. S. 306.

¹³ *Ibid.* № 11. S. 303.

¹⁴ *Actes de Zographou* // BB. 1907. № 25. P. 54–55.

¹⁵ *Actes de Xenophon* // BB. 1903. T. 10, № 8. 97–105. P. 64.

фееву монастырю, имел в Фессалонике место, где ежегодно проходила ярмарка¹⁶. В Калимановой грамоте указывается, что Зографский монастырь владел в Фессалонике 80 лавками¹⁷.

Корабль Ватопедского монастыря водоизмещением приблизительно в 700 модиев мог беспошлинно торговать в Константинополе и других городах Византии, в том числе и в Фессалонике. Такие же привилегии имели корабли некоторых других монастырей¹⁸.

Анализ монастырских документов приводит к мысли о том, что духовные феодалы владели значительными имуществами в Фессалонике, извлекали доход от сдачи в аренду земельных участков, домов в городской черте, принимали непосредственное участие в товарном обмене.

Пригородный район Фессалоники был тесно связан в экономическом отношении с городом, многие горожане имели свои участки в пригородах. Округа Фессалоники имела большое значение в снабжении городского населения продуктами питания¹⁹. Фессалоникийцы считали, что выгоднее и дешевле покупать продовольствие за чертой города, в пригородных районах²⁰.

Несомненно, что огороды, виноградники, сады, пахотные земли пригородов играли значительную роль в экономической жизни Фессалоники.

Необходимо отметить, что в фессалоникийском округе была очень развита церковно-монастырская собственность, важные пригородные владения находились в XIV в. в руках святогорских монастырей.

¹⁶ Actes de Philothée // ВВ. 1913. Т. 20, № 6. Р. 20.

¹⁷ **Иванов И.** Български старини из Македония. София, 1931. С. 606–607. См. также: **Лишев С.** За стоковото производство във феодална България. София, 1967. С. 92.

¹⁸ **Regel W.** Χρυσόβουλλα καὶ γράμματα τῆς ἐν τῷ ἀγίῳ ὄρει ᾿Αθῶ μονῆς τοῦ Βατοπεδίου. СПб., 1896. Р. 25–26 (1357); ММ. VI, LII. Р. 166; LXVI. Р. 183; LXXXIX. Р. 219.

¹⁹ PG. T. 109. Col. 532.

²⁰ Житие Феодоры Солунской. Юрьев, 1890. С. 23 (см.: **Сюзюмов М. Я.** Экономика пригородов византийских крупных городов // ВВ. 1956. Т. 11). Жители Фессалоники часто были собственниками пригородных земель (см.: Actes de Chilandar. № 95. 8. Р. 202).

Величина радиуса пригородного района Фессалоники определяется произвольно: 15–30 км от города в отличие от официальной 100-мильной полосы пригорода Константинополя²¹.

К сожалению, современное состояние исторической топографии района фессалоникийской фемы²² и данные монастырских актов не всегда дают возможность точно определить удаленность отдельных местностей, в которых находились монастырские владения, от Фессалоники.

Непосредственно примыкали к Фессалонике три катепании – Каламария, Лангада и Вардарий (или Паравардарий)²³.

У восточной части города начиналась Каламария²⁴. Она занимала большую территорию, протянувшись от горы Хортаит до перешейка полуострова Кассандра. Только северо-западная часть катепании Каламария являлась пригородным районом Фессалоники. Долина Каламарии, лежавшая у южного подножья горы Хортаит, на плодородном побережье близ Фессалоники, по описанию Иоанна Камениаты, «прекрасна и сладостна. Она изобилует тенистыми деревьями, всевозможными садами, щедрыми водами рек и источников, которыми горные чащи дарят равнину и оделяет также и самое море. Виноградные лозы густо покрывают землю и обилием своих гроздьев радуют жадный до прекрасного взор»²⁵.

Документы называют владение афонских монастырей в следующих местностях Каламарии: Аврамити, Дияволокампус, Като

²¹ Сюзюмов М. Я. Экономика пригородов... С. 57.

²² См. статьи А. Ксингопулоса, Г. Соториу и Д. Евангелидеса в журнале «Ἑλληνικά» (1954. Т. 13. Σ. 331–336; 1955. Т. 14. Σ. 453–457). Интересные топографические наблюдения по афонским актам сделаны Г. Феохаридисом (см.: *Theocharides G. I. Κατεπανίχια τῆς Μακεδονίας*. Thes., 1954). Предметом изучения Феохаридеса было 10 катепаникиев фемы Фессалоники и 5 катепаникиев фемы Серр и Стримона. Однако пригородный район Фессалоники очень бегло рассмотрен в исследовании Феохаридеса; в картографических материалах книги пригородный район – до 15 км – является «белым пятном».

²³ Лангада и Вардарий отнесены Феохаридисом к неточно определенным катепаниям (*Theocharides G. I. Κατεπανίχια...*). Раздел топонимии книги см.: Σ. 86–87.

²⁴ В наши дни Каламария – привилегированный жилой квартал Фессалоники (см.: *Dölger F. Aus den Schatzkammern...* S. 41).

²⁵ *Иоанн Камениата*. Взятие Фессалоники / Пер. С. В. Поляковой и И. В. Феленковской // Две византийские хроники X века. М., 1959. С. 162.

Вольво, Ксилоригий, Кризиана, Кумузул, Лигниана, Линний, Неохорий, Палир, Ропалия, Стоми, Фускула. Какие же из них можно отнести к фессалоникийскому пригородному району?²⁶

Две деревни – Ропалия и Фускула – находились рядом с городом, у восточной его части (περὶ τὸ ἀνατολικὸν μέρος τῆς Θεσσαλονίκης)²⁷. Дьяволокамπος был расположен примерно в 12 км от Фессалоники (на юго-восток)²⁸. Палир – в 16 км от города (восточнее Дьяволокамposa)²⁹. Ксилоригий, проастий Ивирского монастыря, лежал юго-восточнее Палира, вблизи Василики (22 км от Фессалоники), находясь на большой дороге, которая вела от Фессалоники к Василике³⁰.

Деревня Кризиана находилась на расстоянии приблизительно 22 км к югу от Фессалоники. Местоположение деревень Като Вольво, Кумузул,³¹ Лигниана и Линний не поддается точному определению: не исключена возможность, что они тоже входили в пригородный район, хотя это предположение очень условное. Богатый метох Ксенофонта Стоми, находившийся на берегу Кассандрийского залива, и расположенные рядом с ним деревни Аврамити и Неохорий выходят за черту пригородного района Фессалокики³².

Иногда акты называют владение в Каламарии, не определяя точного их местонахождения: в таких случаях они указываются как сомнительные пригородные владения.

²⁶ Удаленность от Фессалоники (в километрах) считается по прямой линии по картам, приложенным к книге *Theocharides G. I.* Κατεπάνικια...

²⁷ Actes de Chilandar. № 117. 5. P. 242 (1328); *Theocharides G. I.* Κατεπάνικια... Σ. 8.

²⁸ Немного восточнее современного аэродрома (*Theocharides G. I.* Κατεπάνικια... Σ. 11). См. также: Κτενᾶ. Χρυσόβουλλοι λόγοι τῆς ἐν Ἀθῶν ἱερᾶς βασιλικῆς, πατριαρχικῆς καὶ σταυροπηγιακῆς μονῆς τοῦ Δοχειαρίου // ΕΗΒΣ. 1927. Т. 4. Σ. 286.

²⁹ *Theocharides G. I.* Κατεπάνικια... Σ. 11.

³⁰ *Dölger F.* Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon // Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. München, 1949. Т. 28. S. 403; *Theocharides G. I.* Κατεπάνικια... Σ. 11.

³¹ Кумузул в источниках называется всегда вместе с Кризианой. Может быть, они были расположены рядом (см.: Actes de Chilandar. № 60. 16–20. P. 142; № 61. 15. P. 144; № 70. 18. P. 151; № 71. 21. P. 161; № 138. 31. P. 293).

³² *Theocharides G. I.* Κατεπάνικια... Σ. 9–10, 13.

Рост монастырских владений, расположенных близ города, начинается с конца XIII в. (см. прил., табл. 4). Если документы этого времени называют собственностью афонских монастырей небольшое количество виноградников и одну зависимую обитель, то к середине XIV в. общее количество монастырских земель возрастает примерно до 4 тыс. модиев, наиболее крупными владениями, лежащими в непосредственной близости от города, являлась деревня Фускула, где Ксенофонтову монастырю принадлежало 3 550 модиев земли и метох Хидандаря с принадлежащими ему землями и виноградниками.

Основная часть пригородной собственности афонских монастырей была сконцентрирована в Каламарии (см. прил., табл. 5). Здесь им принадлежало более 6 100 модиев земли (учитываются только те земли, удаленность которых от Фессалоники точно определена), не менее 6 метохов, 5 деревень, около 50 модиев садов и виноградников (см. прил., табл. 6). Кроме того, афонские монастыри владели в Каламарии (в пределах пригородного района) рыболовными садками, причалами, местами для рыбной ловли, мельницами (см. прил., табл. 7).

В катепании Вардария, примыкавшем к Фессалонике с северо-западной стороны, основные монастырские владения были расположены на реках Вардар³³, Аксий и Галик³⁴ (см. прил., табл. 8). Поскольку территория катепании невелика, он весь может быть включен в пригородный Фессалоникийский район³⁵.

Данные актов относительно пригородных монастырских владений свидетельствуют о том, что основным видом собственности монастырей была земля. Преимущественно монастырские земли располагались близ городской черты Фессалоники (4 тыс. модиев из 7 400 модиев, расположенных в пригородном районе, находились в непосредственной близости от города).

Владения монастырей, расположенные в Фессалонике и пригородном районе, в большинстве случаев были результатом дарений и продаж, совершаемых императором, его приближенными,

³³ Вардар – судоходная река, впадающая в Фессалоникийский залив близ города.

³⁴ *Theocharides G. I.* Κατεπάνικα... Σ. 34–37.

³⁵ См. карты в приложении к книге Феохаридиса.

богатыми фессалоникийскими гражданами. Монастырь Ксенофонта купил двор в Фессалонике у Кавасилы³⁶; 200 модиев земли в Апидеях передал Хиландрскому монастырю οἰκεῖος императора, великий аднумиаст Иоанн Ангел³⁷.

Лица, обозначенные в актах лишь словами «τίς», «τίνες» – без титулов и званий, почти всегда выступают в отношении монастырей как продавцы, но не дарители. Размеры продаваемых ими владений обычно незначительны, например, Хиландарский монастырь купил у некоего Димитрия Пирра виноградник в 7 модиев; у некоей Софии и ее детей – 38 модиев земли³⁸.

Актовый материал освещает (хотя и очень скупо) трения, возникающие между монастырями и крестьянами по поводу земельных владений. Так, грамота деспота Димитрия I Палеолога и хрисовул Андроника II (1322 г.) отмечают, что крестьянин Кулаитий, имевший стасий в Кризиане, а также некие Пезикопулос и Сарантин чинили беспокойства Хиландарскому монастырю в отношении его кризиананских владений³⁹. Андроник II приказывает этим трем крестьянам прекратить сопротивление занятию деревни монахами Хиландаря; деспот Димитрий Палеолог объявил, что Кризиана принадлежит только Хиландарю⁴⁰.

Все императорские грамоты объявляют полную неприкосновенность всех владений афонских монастырей, в том числе и тех владений, которые расположены в городе и пригородном районе. Обычно грамота, подтверждающая эти владения, заканчивается формулой: «монастырь владеет всеми названными метохами и доходами, получаемыми от них, независимо и неприкосновенно»⁴¹.

³⁶ Actes de Xenophon. № VIII. 97–100. P. 64 (1330)

³⁷ *Dölger F.* Aus den Schatzkammern... № 7. 72. S. 42 (1317).

³⁸ Ibid. № 7. 43–72. S. 41.

³⁹ Хиландарский монастырь испытывал притязания на некоторые владения в Кризиане со стороны некоего жителя Фессалоники Сарантина (Actes de Chilandar. № 95. P. 202). Возможно, это тот Сарантин, о котором шла речь в документах Хиландаря № 81 и 86.

⁴⁰ Actes de Chilandar. № 81. P. 174–175; № 86. P. 186–187.

⁴¹ Actes de Xenophon. № XI. 384–390. P. 81 (1338). См. также: Actes de Chilandar. № 33. 72–78. P. 80 (1317); Actes de Esphigménou. № XIV. P. 32 (1347); Actes de Zographou. № XXIV. 18–25. P. 53 (1326); Actes de Philothée. № VI. 65–72. P. 20 (1326).

В хрисовулах неоднократно отмечается, что монастырские владения в городе Фессалонике и округе (так же, как недвижимое имущество всех фессалоникийцев) являются их полной собственностью и свободны от налогов⁴².

Как показывает актовый материал, быстрый рост монастырских владений в Фессалонике и пригородном районе, начавшийся в последней четверти XIII в., в основном приходится на первую половину XIV в.

Если в конце XIII в. городская и пригородная собственность духовных феодалов была представлена случайными небольшими владениями, то к середине XIV в. размеры ее становятся значительными (см. прил., табл. 9).

По данным монастырских грамот почти невозможно судить, как отразились на состоянии городских и пригородных монастырских владений события зилотского восстания⁴³. Большинство исследователей фессалоникийского восстания 1342–1349 гг. утверждают, что зилоты конфисковывали монастырские владения. В актовом материале эти факты не отражены⁴⁴.

Грамоты Стефана Душана Филофееву и Эсфигменову монастырям, подтверждавшие права монастырей на их владения в Фессалонике и пригородном районе (также, как и на другие имущества), конечно, могут не отражать реального положения вещей в силу причин чисто политического характера⁴⁵.

Нашли отражение в актовом материале конфискации монастырских владений несколько более позднего периода – времени турецких завоеваний на территории Византии, начиная с 70-х гг.

⁴² Actes de Chilandar. № 31. 26. P. 72 (1316); № 62. 27. P. 146 (1321); Actes de Xenophon. № VIII. 96–98. P. 64 (1330); № XI. 103. P. 73 (1338).

⁴³ Косвенно могла бы быть отнесена к смутам периода гражданских войн грамота, данная церковным судом Серр Хиландарскому монастырю относительно земель, захваченных соседями (1360), но она локализуется районом Серр (Actes de Chilandar. № 146. P. 307–310).

⁴⁴ Кантакузин также не упоминает о мероприятиях фессалоникийцев против монастырей и церкви.

⁴⁵ Actes de Philothée. № 9. P. 24–27 (1346 г.); Actes de Esphigménou. № 14. P. 30–32 (1347 г.).

XIV в.⁴⁶ В связи с угрозой, нависшей над империей со стороны турок, византийское правительство, вопреки его традиционной политике в отношении монастырей, вынуждено было пойти на частичные конфискации монастырских владений для передачи их прониарам в целях укрепления оборонной силы страны⁴⁷. Правда, сообщения источников о подобных мероприятиях правительства Византии не очень богаты. Но некоторые из них относятся к монастырским владениям, расположенным в пригородном районе Фессалоники.

Известная программа императора Мануила II Палеолога (от декабря 1408 г.), найденная В. Мошиным в архивах Ватопедского монастыря⁴⁸, говорит о превращении в пронию половины всех фессалоникийских метохов («ἵνα προνοιάσθωσι τὰ ἡμίση τῶν μετοχιῶν... τῶν Θεσσαλονικέων», как и вообще всех (καὶ ἄλλων πάντα)⁴⁹. Превращение некоторых монастырских владений в пронию имело место в пригородном районе Фессалоники и ранее – во второй четверти XIV в. По хрисовулу Андроника II (1330–1331) 1 500 модиев земли, принадлежавших метоху Дохиарова монастыря τοῦ Ρωσαίου в Диволюкампосе, были отданы стратиотам Варваринов⁵⁰.

⁴⁶ Б. Т. Горянов считает, что конфискации монастырских имуществ в конце XIV в. были весьма незначительными (см.: *Горянов Б. Т.* Поздневизантийский феодализм. С. 126). О конфискациях подобного характера в районах, близких к Византии, говорит Е. П. Наумов (см.: *Наумов Е. П.* К истории церковного и монастырского землевладения в Сербии, Македонии, Зете во второй четверти XIV века // СВ. 1963. Т. 23. С. 134–148).

⁴⁷ *Dölger F.* Die Frage des Grundeigentums in Byzanz // Bulletin Intern. Comm. of Hist. Sciences. 1933. Т. 5. Р. 7; *Ostrogorsky G.* Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954. Р. 155–179; *Острогорский Г. А.* К истории иммунитета в Византии // ВВ. 1968. Т. 13. С. 91–93.

⁴⁸ *Мошин В.* Акти из светогорских архива // Споменик Српске Краљевска академија. Београд, 1939. Т. 41. С. 164–167.

⁴⁹ Там же. С. 165. Грамота, по мнению издателя, говорит о событиях после битвы при Марице 1371 г. О датировке правления Мануила, издавшего грамоту в Фессалонике, см.: *Loenertz R.-J.* Notes sur règne de Manuel II à Thessalonique, 1381–82 // BZ. 1957. Bd. 50. H. 2. S. 390–396.

⁵⁰ Κτενα. Χρυσόβουλλοι λόγοι. № 1.

Из грамоты доместика Константина Макрина нам ясно, что 900 модиев земли из тех, которые были изъяты у метоха монастыря Дохиар, принадлежали Варваринам и 600 модиев – Неокастри-там⁵¹. Позднее (1343) монахам Дохиара удалось добиться от Иоанна V подтверждения прежних их владений в 1 500 модиев земли в Диаволокампосе с помощью влиятельного лица вестиария Мануила, который, по всей вероятности, играл роль протектора монастыря⁵².

Относительно конфискаций городских владений монастырей мы не встречаем данных в актовом материале (хотя это не исключает их возможности). Часть же пригородных фессалоникийских владений афонских монастырей перешла в результате произведенных конфискаций в руки прониаров. Но такое перемещение собственности от одной группы господствующего класса к другой не изменило характера этой собственности. В византийском городе не было создано условий для формирования и роста тех социальных слоев, которые могли бы способствовать складыванию новых тенденций, что явилось одной из внутренних причин падения империи.

⁵¹ *Dölger F.* Aus den Schatzkammern... № 62. S. 172–173 (1338 г.); *Ostrogorky G.* Pour l'histoire de la féodalité. P. 157. Варварины и Неокастриты были прониарами. Варварины – влиятельные собственники в районе Каламари. См.: *Соловьев А., Мошин В.* Грчке повелье српских владара. Београд, 1936. № 11. 36–38; № 18. 22–26. 29–31.

⁵² *Ostrogorky G.* Pour l'histoire de la féodalité. P. 156.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Фессалоникийские метохии XIII – первой половины XV в.

Монастырь	Год упоминания	Документ	Название метохов	Владения метохов	Всего метохов
Ивирский	1283	Хрисовул Андроника II (Р. 2095, 2320)	Метох Нерукотворный	Монастыри, дома, сдаваемые в аренду, виноградники	8
	1311	Хрисовул Михаила IX (Д. № 37. 72–75. С. 108)	Метох	Монастыри, помещения, сдаваемые внаем, земельные участки и виноградники	
	1346	Хрисовул Стефана Душана (Г. п. VII. С. 46);	Метохии Продрома, св. Климента, св. Георгия, св. Варвары, св. Анфисии (Анисии)	Дома, виноградники, хорафии	
	1357	Хрисовул Иоанна V Палеолога (Д. № 9)			
Ксенофонт	1302	Хрисовул Андроника II (Р. 2245)	Метохии Богоматери и св. Георгия	Дома, дворы, строения, сдаваемые внаем; три эргастии и три двора (один из них рядом с метохом)	2
	1330	Хрисовул Андроника III (Кс. № VIII. 97–105. С. 64)	Метох пресв. Богоматери		
Хиландарский	1299	Хрисовул Андроника II (Х. № XIII. 77–79. С. 34)	Метох св. Георгия	Право пользования Хортаитинской водой, протекающей через город	Не менее 2
	1316	Хрисовулы и простагмы Андроника II (Х. № 31. С. 71; № 32. С. 76)	Метох		

Продолжение табл. 1

Монастырь	Год упоминания	Документ	Название метохов	Владения метохов	Всего метохов
Хиландарский	1326(?)	Простагма Андроника II (X. № 139. С. 294–295)	Метохи	Строения, свободные от расквартирования со стороны властей	
Филофейский	1326	Хрисовул Андроника II (Ф. № VI. 53–59. С. 20)	Храм св. победоносца и чудотворца Георгия	8 модиев виноградников, земельные участки, дома, сдаваемые внаем, место, где ежегодно проходила ярмарка св. Георгия	2
	1346	Хрисовул Стефана Душана (Г. № 8. С. 56)	и св. апостолов Петра и Павла		
Эсфигменский	1282	Хрисовул Андроника II (Э. № XII. 39–40. С. 28)	Метох	Дома	2
	1347	Хрисовул Стефана Душана (Э. № XIV. 27–29. С. 31)	Метох Продрома		
Ватопедский	1292 1301 1329	Хрисовулы Андроников II и III (Рег. № 1. С. 3; № 2. С. 8; № 4. С. 15)	Метох пресв. Богоматери	Дома около метоха	1
Лавра	1298	Хрисовул Андроника II (Р. 2208)	Метохи	Строения, сдаваемые внаем, пашни, виноградники	Не менее 5
	1329	Хрисовул Андроника III	Метохи св. Троицы,		

Окончание табл. 1

Монастырь	Год упоминания	Документ	Название метохов	Владения метохов	Всего метохов
Лавра		(оригинал фальшивый) (Р. 2735)	св. Афанасия, св. Евфимия, св. Николая, св. Фотины		
Зографский	1270	Запродажная грамота (З. № 9. С. 25–27)	Метох св. Николая в квартале св. Пелагии		Не менее 3
	1289	Хрисовул Андроника II (З. № XI. 51–53. С. 30)	Метох св. Николая, называемый «Пресная Вода»		
	1296 1311	Хрисовул и простагма Михаила IX (З. № XXIV. 12. С. 53)	Метохи		
Каракаллы	1294	Хрисовул Андроника II (Д. № 38; Р. 2169, 2170)	Метох Спасителя		1
Пантелеймон	1311	Орисмос и хрисовул Андроника II (возможно, фальшивый) (Р. 2334)	Метох Зинаиды		1

Таблица 2

*Арендная плата, взимаемая Ивирским монастырем (1402)
и Аргиропулами (1404–1421) за сад в Фессалонике*

Год	Кол-во арендаторов	Общая сумма денежной платы за год, иперпиров	Вид продукта	Общий размер натуральной платы за год
1402	5	59,5	Капуста Зеленый лук Морковь	600 кочанов с 12 грядок с 6 грядок
1404	7	86	Чеснок Лук Гранаты Салат	1800 головок 1800 луковиц 1800 штук 6 поклаж
1421	7	115	Огурцы Тыква Дыни	600 штук 300 штук 300 штук

Таблица 3

Увеличение денежной платы за сад в Фессалонике в 1402–1404 гг.

1402				1404			
Земледелец	Номер садового участка	Имя арендатора	Денежная плата за год, иперпиров	Земледелец	Номер садового участка	Имя арендатора	Денежная плата за год, иперпиров
Ивирский монастырь	1	Франгопул	27,5	Аргиропулы	1	Два арендатора (имена неизвестны)	30
	2	Калофет	12		2	Франгопул и Карвунис	14
	3	Феодор Макрисс	3		3	Феодор Макрисс	6
	4	Сын Франгапула	10		4	Калофет	16

Окончание табл. 3

1402				1404			
Земледелец	Номер садового участка	Имя арендатора	Денежная плата за год, иперпиров	Земледелец	Номер садового участка	Имя арендатора	Денежная плата за год, иперпиров
Ивирский монастырь	5	Димитрий Мавромматис	8	Аргиропулы	5	Димитрий Мавромматис	20
		<i>Всего</i>	<i>60,5</i>			<i>Всего</i>	<i>86</i>

Таблица 4

Монастырские владения вблизи городских стен Фессалоники

Монастырь	Год	Документ	Состав владения
Хиландарский	1299	Хрисовул Андроника II (X. № 13. 78–80. С. 34)	Виноградники
	1314	Запродажная грамота (X. № 28. 17–19. С. 65)	Виноградники в деревне Ропалия вблизи метоха Пророка
	1314	Запродажная грамота (X. № 29. 17–19. С. 65)	Виноградники в деревне Ропалия
	1316	Хрисовул Андроника II (X. № 31. 14. С. 72)	100 модиев государственной земли, засаженной виноградниками; метох Пророка с виноградниками (7 модиев куплены у Димитрия Пирра; 5 модиев – у Феодоры Маллокопа и еще 1 модий) и земель (10 модиев)

Окончание табл. 4

Мо- на- стырь	Год	Документ	Состав владения
Хиландарский	1317	Хрисовул Андроника II (Х. № 32. 95–120. С. 76)	Метох Пророка со всем ему принадле- жащим, виноградниками (15,5 модиев), землей (10 модиев); в деревне Ропалия виноградники (11,5 модиев), земля (265,5 модиев); около метоха Пророка 100 модиев земли
	1320	Грамота доместика Мануила Дуки Ласкариса (Х. № 54. С. 132)	Виноградники, земли, сады, водяные мельницы
Ивирский	1320	Практик (Д. № 70/71. 577–578. С. 203)	10 модиев земли к востоку от Фессало- ники
Ксенофонт	1338	Грамота доместика Константина Макрина (Кс. № 11. 99–105. С. 73)	Земля в деревне Фускула (3550 модиев)
Каракаллу	1294	Хрисовул Андроника II (Д. № 38. С. 112)	Монастырь Христа

Таблица 5

*Пригородные монастырские владения в Каламари
(до 22 км от Фессалоники)*

Монастырь	Год	Владения в Каламари (без владений близ городской черты)	Год	Предположительные пригородные владения в Каламари (удаленность от Фессалоники не установлена)
Хиландарский	1321	Деревня Кризиана с 500 модиями земли (Х. № 60. 16–20. С. 142)	1320	68 модиев земли (Х. № 55. 5. С. 134)
			1321	Деревня Кумузула (Х. № 60. 6–20. С. 142)
			1365	Деревня Линний с причалом (Х. № 149. 8–10. С. 314)
			1365	В деревне Лигниана все владения с причалом и рыболовным садком (Х. № 150. 44–45. С. 316)
Ивирский	1301	Деревня Ксилоригий (Пр. С. 47–51)	1301	Деревня Като Вольво (Пр. С. 47–51)
	1310	Земельные владения Пинсон (Д. № 37. 73–74. С. 108)	1310	Метох Богоматери и силок; метох Калокомпий (Д. № 37. 72–73, 117–118. С. 108))
	1357	Метох св. Варвары в Ксилоригии с зависимыми крестьянами, мельницей, виноградниками, пашней, садками; в Диаволокампосе земля (Д. № 9. 34–37. С. 45)	1357	Деревня Като Вольво с зависимыми крестьянами и всем окружающим (Д. № 9. 36–37. С. 45)
Ксенофонт	1320	В Палире 4 модия земли (Кс. № 7. 200. С. 550)		
	1330	В Палире метох с 12 модиями земли (Кс. № 8. 94–97. С. 64)		

Окончание табл. 5

Мо- на- стырь	Год	Владения в Каламарии (без владений близ городской черты)	Год	Предположительные пригород- ные владения в Каламарии (удаленность от Фессалоники не установлена)
Дохиар	1331	Метох около Диаволокам- поса (Кт. № 1. 7. С. 286)	1409	Половина деревни Калоком- пий с местом для рыбной ловли (Д. № 63. С. 175)
	1336	В Диаволокампосе 1500 модиев земли (Д. № 62. С. 172)		
Филофейский	1347	Метох в Ксилоригии, име- ющий виноградник (5 мо- диев), сад (10 модиев) и землю (50 модиев) (Ф. № 6. 46–48. С. 20))	1346	Метох св. Андрея с парика- ми и проскафименами, ви- ноградниками и хорафиями (Г.п. № 8. 41–43. С. 56)
			1347	Метох св. Андрея, имеющий виноградник (8,5 модиев) и мельницу, работающую на воде протекающей там реки (Ф. № 6. 43–46. С. 20)
Лавра			1329	Мельница и сад (Р. № 2733)

Таблица 6

*Общие данные о монастырских владениях в каламарийском
пригородном районе Фессалоники в XIV в. (включены владения,
удаленность которых от города точно определена)*

Вид владений	Кол-во	Монастыри-владельцы
Земля	Более 6100 модиев	Хиландарский, Ксенофоновский, Дохиар, Филофейский
Метохи	Не менее 6	Хиландарский, Ксенофоновский, Дохиар, Ивирский, Филофейский, Каракаллу
Деревни	Не менее 5	Хиландарский, Ивирский
Мельницы	Не менее 3	Хиландарский, Ивирский

Окончание табл. 6

Вид владений	Кол-во	Монастыри-владельцы
Виноградники	Не менее 32 модиев	Хиландарский, Ивирский, Филофейский
Сады	Не менее 10 модиев	Хиландарский, Ивирский, Филофейский

Таблица 7

Общие данные об основных видах монастырских владений, предположительно отнесенных к пригородному району Фессалоники в XIV в. (удаленность от города не определена)

Вид владений	Кол-во	Монастыри-владельцы
Земля	Свыше 68 модиев	Хиландарский
Деревни	Более 4	Хиландарский, Ивирский, Дохиар
Причалы, рыболовные садки, места для рыбной ловли	4	Хиландарский, Ивирский, Дохиар
Мельницы	2	Филофейский, Лавра

Таблица 8

Пригородные монастырские владения в катепаникии Вардария

Монастырь	Год	Документ	Состав владения
Хиландарский	1299	Хрисовул Андроника II (Х. № 13. 80–81. С. 34)	В Апидеях на Вардаре земля (900 модиев)
	1317	Хрисовул Андроника III (Д. № 7. 72, 79–80. С. 41)	Земля в Апидеях (400 модиев)

Мо- на- стырь	Год	Документ	Состав владения
Хиландарский	1317	Хрисовул Андроника II (Х. № 32. 121, 126– 129. С. 76)	Около Вардара земля (200 модиев), в Апидеях земля (300 модиев)
	1317	Грамота Константина Кунали, Димитрия Контена и Льва Калогнома (Х. № 34. С. 80–81)	200 модиев земли на Вардаре
	1318	Грамота Константина Кунали, Димитрия Контена и Льва Калогнома (Х. № 36. С. 83–84)	Место для рыбной ловли на Вардаре
Лавра	1321	Грамота Константина Перга- мина и Георгия Фарисея (Д. № 61. С. 171)	Пастбище на Вардаре
Зографский	1320	Грамота Фарисея (З. № XVIII. С. 42–43)	Земля на Вардаре
Ивирский	1310	Хрисовул Михаила IX Палеолога (Д. № 37. 76–77. С. 108)	Хорафии и сады в Кермах

Ταβλίца 9

*Общие сведения о размерах городской
и пригородной собственности афонских монастырей
в Фессалонике XIV в.*

Вид владений	Κολ-во	Κολ-во упоминаний владений без указания размеров	
		город	пригород
Ζεμλιά	Βόлее 7 410 модиев	5	8
Βινογρaдники и сады	Βόлее 50 модиев	5	9
Δεревни	9		
Μετοхи	36		
Μельницы	Не менее 5		
Εργαстирии, лавки	34		
Дома, строения, двοры	38		
Рыболовные садки, причалы			5
Ζαвисимые крестьяне			3

**Список сокращений,
встречающихся в таблицах**

Рег. – *Regel W.* Χρυσόβουλλα καὶ γράμματα τῆς ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει
᾿Αθω μονῆς τοῦ Βατοπεδίου. СПб., 1896.

Κс. – Actes de Xenophon // BB. 1903. Τ. 10.

Э. – Actes de Esphigménou // BB. 1906. Τ. 12.

З. – Actes de Zographou // BB. 1907. Τ. 13.

Χ. – Actes de Chilindar // BB. 1911. Τ. 17.

Φ. – Actes de Philithée // BB. 1913. Τ. 20.

Κт. – Κτενα. Χρυσόβουλλοι λόγοι τῆς ἐν ᾿Αθω ἱερᾶς, βασιλικῆς,
πατριαρχικῆς καὶ σταυροπηγιακῆς μονῆς τοῦ Δοχειαρίου // ΕΗΒΣ. 1927.
Τ. 4. Σ. 289–311.

Г. п. – Соловјев А., Мошин В. – Грчке повелје српских владара. Београд, 1936.

Пр. – **Dölger F.** Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon // Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. München, 1949. Т. 28.

Д. – **Dölger F.** Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948.

Р. – **Dölger F.** Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565–1453. 4. Teil. Regesten 1282–1341. München; Berlin, 1960.

ВИЗАНТИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМА ЛИДЕРА И ТЕМПОВ РАЗВИТИЯ*

Основатель научного сборника «Античная древность и средние века» профессор М. Я. Сюзюмов неоднократно обращался к проблеме византийского государства, считая его одной из существенных составляющих общества. Проводя компаративные наблюдения в сфере функционирования этой общественной структуры, он особо подчеркивал, что идея сильного централизованного государства в эпоху Средневековья была прогрессивной и в силу этого несла особый заряд обаяния для тех, кто стоял лишь у порога формирования государственности¹.

Государственно-политическая конъюнктура в Европе в соответствии с действием множества векторов развития внутри отдельных структур, которые составляли социальный организм, называемый средневековой Европой, менялась в течение трех традиционно выделяемых этапов: раннего Средневековья (V–XI вв.), расцвета Средневековья (XI–XV вв.) и угасания Средневековья (XVI – первая половина XVII в.). Византии было суждено прожить лишь первые два этапа общеевропейского развития. Позднее продолжает проявлять себя оставленное ею наследие.

На раннем этапе Византия являла несформировавшемуся европейскому миру образец цивилизованности. Все, к чему Европа будет идти долгими путями своего исторического развития, было в концентрированном виде уже заложено в Византии. В соответствии с избранной темой это прежде всего государственность публичного характера и кодифицированное право. Атрибуты сильной

* Статья опубликована в сб.: АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 26–37.

¹ Сюзюмов М. Я. Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории (В порядке дискуссии) // ВВ. 1969. Т. 29. С. 33–34; Он же. Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада // ВВ. 1973. Т. 35. С. 3–18.

централизованной государственности – бюрократия и армия – были здесь весьма четко организованными структурами. Правда, генетически византийская и иная государственность (во всем многообразии ее путей и форм) существенно различались.

Ранневизантийская государственность, как известно, имела очень сложную генетику: даже самых слабых аналогий ей мы не сможем обнаружить в средневековой Европе. Византийская политическая теория, лежащая в основе ранневизантийской государственности, впитала древнегреческие идеи гармонического порядка («таксиса»), а также участия граждан в общественной жизни. Эллинистическая идея «царства» определила склонность к монархическому устройству при сохранении греко-римской идеи полиса. Эллинистическое влияние было связано с идеей неограниченности власти, ее обожествления, пышностью двора, но и с традиционно римским уважением к закону. Христианские ценности Востока способствовали созданию концепции *Pax Christiana* как продолжение римской теории *Pax Romana*. От эпохи домината идет тенденция публичности императорской власти². В наследии, полученном Византией, отдельные истоки четко не различаются, диффузируя между собой. Определяющей же, как кажется, являлась эллинистическо-христианская идея «царства».

Сохранение до конца VII в. полисного наследия – элементов городского самоуправления, над которыми находилась система централизованного государственного управления, сделало возможным такие определения ранневизантийской государственности, как «неограниченная монархия с элементами конституционных начал» или «автократия с элементами демократии»³. На фоне протекающего в ранней империи кризиса полисные элементы постепенно исчезнут. В целом же система государственного управления, порожденная разновременными достижениями культуры античного

² Грибовский В. М. Народ и власть в Византийском государстве. Опыт историко-догматического исследования. СПб., 1897.

³ Курбатов Г. Л. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии. М., 1984. С. 107; Он же. Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. Л., 1991. С. 8.

и эллинистического мира, не могла иметь аналогов в других регионах европейского мира.

В ранний период истории складывающегося европейского мира Византия, являясь носителем идеи централизованной монархии, была, несомненно, лидером. Возникающие европейские страны во многом стремились подражать византийскому образцу⁴: это могли быть царские одеяния, атрибуты церемониала, монеты с изображением византийского императора (они были, по определению Ж. Ле Гоффа, «долларом средневековья»)⁵; даже орган, сопровождавший церемонию приема в византийском императорском дворце, возбуждал воображение правителей молодых стран.

Итак, являясь лидером в европейском мире вплоть до X в., Византия посылала «вызов» этому миру в виде идеи централизованного государства. «Ответ» же на этот вызов не мог быть адекватен ему, будучи сформирован набором социальных связей, характерных для каждого отдельного социума. Европейский мир был заражен лишь идеей, а не реальным ее воплощением, ибо набор факторов развития всегда индивидуален для различных стран. Получив импульс идеи государственности от страны с публично-правовым характером власти, молодые государства воплощали эту идею в форме *res privata*. Понадобится несколько веков, прежде чем европейские государства начнут созревать для осознания и воплощения идеи публичности власти⁶.

Однако, являясь лидером в сфере государственности, Византия находилась в стадии кризиса (V–VII вв.) и медленной перестройки общества (VIII–X вв.) в условиях затянувшейся альтернативы в выборе путей развития.

Опередив по темпам развития все остальные социальные структуры, византийское государство в значительной степени контролировало все ростки нового, адаптируя их через законодательство

⁴ Ронин В. К. Византия в системе внешнеполитических представлений раннекарolingских писателей // ВВ. 1986. Т. 47. С. 82–87.

⁵ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 135.

⁶ Медведев И. П. Некоторые правовые аспекты византийской государственности // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. Л., 1990. С. 7–9.

или систему налогов к той социальной среде, порождением которой оно было. В силу такой ситуации государство определяло развитие многих институтов и социальных групп, таких, как колонат, город, знать и т. д., одновременно замедляя развитие социума.

Любопытно заметить, что в странах, не испытывавших античного влияния (прямого или опосредованного), можно наблюдать процессы, сходные с описанными на византийском примере по своим внешним проявлениям, но отличные по социальной природе. В государствах Восточной, Центральной и Северной Европы, при всех их региональных отличиях, политогенез опережал по темпам развития остальные социальные структуры. Здесь государства складывались из основ родоплеменного общества, сохраняя родовые институты. Но поскольку государство оказало воздействие на все остальные формы жизнедеятельности общества, они подпали под контроль и регуляцию со стороны государства, что предопределило замедленные темпы социального развития.

Начиная с X–XI вв., лидерство в средневековой Европе переходит к западному ее региону, к государству франков. На территории самой развитой в социальном и культурном отношении римской провинции Галлии генезис общественных отношений происходил иначе, чем в остальной Европе раннесредневекового периода. Галло-римская среда способствовала ускорению процессов разложения франкской общины и превращению прежней общинной собственности в отчуждаемый аллод. Раннее появление частной собственности в условиях варварской среды привело к ускорению темпов развития многих социальных институтов, но прежде всего к появлению земельной элиты. Именно на этом этапе были заложены основы власти землевладельцев (а затем и города как структуры), противостоящих организованному по родовому, варварскому принципу государству. По определению Ф. Броделя (он имел в виду прежде всего город), эти социальные группы «перехитрили» государство⁷, развивавшееся более медленными темпами.

⁷ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 541.

Феодализм как система общественных отношений покоится на феодальной собственности на землю, вассалитете, внеэкономическом принуждении к труду и, как следствие, характеризуется такими чертами, как иерархичность, корпоративность, сословность. Эти черты являются взаимопроникающими и трудны к вычленению изолированно одна от другой. Систему составляет не набор этих признаков, а их органическое сосуществование с такими институтами, как феодальное государство, феодальное поместье, феодальный город.

Подобная комбинация структур и признаков имела место лишь на незначительной части средневековой Европы, преимущественно на территории прежней Галлии. Следовательно, понятие «феодализм», понимаемый как система, может быть отнесено в чистом виде только к Франкскому государству (впоследствии к Франции). Поскольку именно здесь феодализм оформился как идеально сбалансированная система, Франция и стала лидером средневекового европейского мира, начиная с X в.

Однако уже на примере лидера раннего Средневековья – Византии – очевидно, что посылаемый им «вызов» никогда не имеет адекватного «ответа». Территориальная близость к лидеру, наличие сходных ситуаций в природной и социальной среде или, напротив, отсутствие этой сущностной близости приводили к целой гамме «ответов», определяемых обычно как своеобразие развития феодальных отношений в конкретной стране или регионе. Но как бы то ни было, созревшая в условиях Франкского государства – Франции целостная система (ранее такой целостной системой была византийская государственность) имела значительную силу радиации. Для большинства европейских средневековых государств «ответом» на «вызов» феодализма был не феодализм, а феодализированность, т. е. постепенное (темпы определялись соотношением внутренних векторов развития) проникновение отдельных структур и признаков общей системы, которой не было суждено где-то повториться. Однако феодализированность станет одним из структурообразующих признаков такой системы, как средневековая цивилизация.

Византия не была исключением в европейском средневековом мире: византийское общество, начиная с X в., постепенно феодализируется. Как известно, это прежде всего парикия, прония, а также некоторая феодализация через такие институты, как харистикий, арифмос, эмфитевсис. В связи с развитой системой налогообложения взимание ренты с закрепощенного крестьянства в известной мере осуществлялось централизованно (впрочем, этот вопрос остается дискуссионным). Наибольшая для Византии приближенность к «каролингскому» пути относится ко времени Комнинов.

Однако *византийская частная собственность не приобрела феодального характера*. Присущие последней признаки – условность и расщепленность – не обнаруживаются в византийской земельной собственности, бывшей *dominium plenum*. Феодальная же собственность на землю обладала парадоксальным свойством – частная, но неполная⁸. Лишь один из признаков феодальной собственности на землю – бинарность, отражавший связанность через землю владельческих прав дината и парика, близок к тождественным явлениям, распространенным в средневековой Западной Европе. Но взятый отдельно от других, этот признак не делал еще частную собственность феодальной.

Вотчина в Византии не была основным средством доходов их владельцев, ориентированных прежде всего на доходы от государственной должности, которые были оплачиваемы государством за счет поступлений от налогообложения⁹.

Хотя Византия медленно, но все-таки продвигалась по «каролингскому» пути, она, однако, так и не стала феодальной страной. Отсутствие корпоративности, иерархичности, сословности – признаков, которые являются индикаторами состоявшегося феодального общества, делает невозможным измерение византийских процессов по нормам феодализма как целостности. В *Византии никогда не было феодального города, феодальной армии, без которых немыслимо существование феодализма как системы*.

⁸ Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 43–44.

⁹ Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977. С. 288–289.

В исследовательской литературе довольно часто Византию называют феодальной монархией. Возможно ли это определение? Для такой формы государственности, как феодальная монархия, характерна прежде всего расщепленность властного суверенитета: государство делило власть либо с князьями (в эпоху раннего Средневековья), либо с сословиями (в период расцвета средневекового общества). Когда это явление расщепленности политического суверенитета было преодолено, западноевропейское государство перестало быть феодальным. *Византия* же, не знавшая синдрома расщепленности ни собственности, ни власти, *никогда не была феодальной монархией*.

Наряду с определением Византии как феодальной монархии можно встретить и противоположную по значимости характеристику: «В Византии, где синтез происходил при наличии сильной позднеримской государственности, и реликты первобытнообщинного строя не оказывали существенного влияния на политическую структуру, развитие раннефеодального государства происходило в ходе постепенной эволюции рабовладельческого уклада. Поэтому оно формировалось более медленными темпами (в VIII–XI вв.) и сложилось как новая политическая система только в XI в. при сохранении до конца существования Византии форм античной государственности»¹⁰.

Отбросив иные спорные вопросы, содержащиеся в этом тезисе, обратим внимание лишь на то, что византийская государственность определяется как некий симбиоз новой политической системы в виде раннефеодального государства и неких античных форм государственности. Как мы уже убедились, ни раннефеодальным, ни феодальным (в силу отсутствия соответствующих признаков) византийское государство не было. Но оно не было, как неоднократно доказывалось в научной литературе, и античным. Как же следует его определить?

При ответе на этот вопрос следует исходить из того посыла, что понятия «феодализм» и «средневековье» не являются тожде-

¹⁰ *Хачатурян Н. А.* Эволюция государства в средневековой Европе до конца XI в. // История Европы с древнейших времен до наших дней. Т. 2: Средневековая Европа. М., 1992. С. 488.

ственными, хотя близки, взаимосвязаны и в отдельных случаях могут совпадать. Первое понятие означает завершенную систему со всеми составляющими ее компонентами. Второе же понятие представляет эпоху, одним из определяющих признаков которой является феодализованность, могущая проявляться во всех или лишь в отдельных элементах системы (и, следовательно, в последнем случае не составлять ее). Феодализованность как признак Средневековья является непрямым (наряду с христианизацией общества), но градус его полноты или неполноты является различным для каждого отдельного региона, для каждого типа развития.

Исходя из этого, следует считать Византию не феодальной страной, поскольку здесь не было феодализма как завершенной системы, а средневековой. Когда же состоялся переход Византии в средневековую эпоху?

Все исследователи социальной истории Византии сходятся ныне на том, что IV–VI вв. были для нее позднеантичным временем. Перемены начались в глубинах «темных веков» (VII – начало IX). По периодизации М. Я. Сюзюмова, «темные века» представляют второй этап переходной стадии, этап, названный им «дофеодальным»¹¹.

«Темные века» стали на долгие годы исследовательским полем, где скрестились мечи сторонников идеи континуитета или дисконтинуитета применительно к историческому развитию Византии. Как ни парадоксально, обе оппонирующие стороны правы, ибо ни континуитет, ни дисконтинуитет не носили универсального характера. Изменения мало затронули внешнюю сторону жизни (хотя все-таки затронули!); они носили скорее сущностный характер. Общеизвестно, что «темные века» – это частичная деурбанизация (за счет малых городов), упадок муниципального самоуправления, возрастание роли дворцового управления. В это время утратили свое политическое значение цирковые партии, бывшие остатком гражданских прав народа позднеантичной эпо-

¹¹ Сюзюмов М. Я. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии // ВВ. 1960. Т. 17. С. 5; Он же. Дофеодальный период // АДСВ. 1972. Вып. 8. С. 3–26.

хи. Спонтанное выделение фемных областей, начиная с Малой Азии, сменило прежнее административное членение на префектуры и диоцезы. Иконоборчество выдвинуло на историческую арену провинциальную знать, а христианское мировоззрение в ломке кризиса освободилось от античных мировоззренческих основ¹². Вернулся в этот регион греческий язык как официальный, а император стал именоваться василевсом. Но все-таки все эти перемены не делали еще Византию средневековой страной. А. П. Каждан, наиболее активный сторонник идеи дисконтинуитета, назвал эпоху «темных веков» периодом реструктуризации – с добавлением, что это путь от поздней античности к средним векам¹³. Все перечисленное было скорее прологом коренных перемен.

«Осредневековление» Византии, несомненно, было связано с процессом, означавшим актуализацию деревенской общины, которая самоорганизовывалась в сложные времена кризиса и угрозы со стороны восточных соседей. Именно утвердившаяся община и стала основой конструктивных перемен, связанных с постепенным перераспределением земельной собственности и последующей медленной феодализацией. Это общественное явление также получило импульс прежде всего в восточных землях, менее подверженных воздействию пресса центральной власти. В связи с этим можно повторить, что Малая Азия стала «колыбелью средневековой Византии»¹⁴.

Если воспользоваться терминологией А. П. Каждана, то упрощение процесса византийской феодализации произошло в последующие эпохи «реконсолидации» (Македонская эпоха) и «вестернизации» (время Комнинов)¹⁵. Именно в эти периоды происходит

¹² Курбатов Г. Л. История Византии: От античности к феодализму. М., 1984. С. 68–96; Литаеврин Г. Г. Византийское государство в VII–XII вв. // Раннефеодальные государства на Балканах, VI–XII вв. М., 1985. С. 99–178.

¹³ Kazhdan A. P., Epstein A. W. Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries. Berkley; Los Angeles; London, 1985. P. 1–11.

¹⁴ Курбатов Г. Л. История Византии... С. 81.

¹⁵ Kazhdan A. P., Epstein A. W. Change in Byzantine Culture... P. 11–73; History of Byzantium // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. T. 1. P. 353–356.

приобщение Византии к нормам средневекового мира. Эти перемены сказались и на сущности византийской государственности. Воспользуемся следующим наблюдением: «Пять с половиной столетий с середины VII до начала XIII в. составляют центральный период византийской истории... Сущность перемен выразилась в том, что позднеабсолютистская Восточная Римская империя, какой она была к концу VI в., стала феодальной средневековой монархией»¹⁶. Это определение очень точно выделяет тот временной диапазон, в рамках которого совершались перемены, но из него следует убрать лишь одно слово – «феодальной». *Византия постепенно стала средневековой монархией, поскольку она обслуживала общество, подвергнувшееся феодализации, но феодальной монархией ей не суждено было быть.*

Однако Запад и Восток Европы (конкретнее – Франция и Византия, наиболее концентрированно выражавшие типы развития) к XII в. вновь расходятся по темпам и направленности развития. Если средневековый этатизм Запада к XII в. представлял власть как явление публичное (чего он был лишен в раннесредневековый период), то Византия, обретя черты феодализованности, начала проявлять в названное время тенденцию к децентрализации, особенно заметную, по наблюдениям М. Я. Сюзюмова, после битвы при Мириокефале¹⁷. Чтобы дать более или менее очевидный простор для развития новых социальных связей, Византия как средневековая страна должна была пережить в каком-либо варианте стадию политической раздробленности. Конечно, нельзя предположить, что Византия могла бы стать «поместьем-государством», как определял стадию распыленного политического суверенитета Н. И. Кареев¹⁸, но наличие центробежных сил очевидно для этой эпохи. Впрочем, движение тенденции было откорректи-

¹⁶ Ссылка не приводится умышленно, чтобы не создавалось впечатление критики: автор этой статьи сам также неоднократно применял к византийским реалиям определение «феодальный». Процессу медиации Византии на материалах истории культуры посвящено исследование: *Cutler A., Spieser J.-M. Byzantine medieval 700–1204. P., 1996.*

¹⁷ *Сюзюмов М. Я.* Борьба за пути развития... С. 57.

¹⁸ *Кареев Н. И.* Поместье-государство и сословная монархия средних веков. СПб., 1909.

ровано обстоятельствами внешнего плана: IV крестовый поход ускорил дробление Византии и одновременно способствовал ускоренному проникновению на территорию страны феодальных отношений западного образца. Итак, понадобилась внешняя сила, чтобы государство, давно уже расшатываемое двумя группировками знати¹⁹, было децентрализовано.

Воссоздание в 1261 г. единства страны не сняло с повестки дня действия центробежных тенденций. Абстрагируясь от неблагоприятного внешнеполитического фона, следует заметить, что Византия была больна, страдая синдромом раздробленности «не ко времени»: в стране не было характерных для этой стадияльной ступеньки социальных атрибутов, которые сопровождали названный процесс на Западе. Прежде всего речь идет о сословиях, которые в странах Западной Европы позднее стали союзниками-соперниками государственной власти. Правда, многие европейские страны, особенно восточных и северных регионов, познали эту стадияльную неизбежность отнюдь не в «чистом» виде.

Особенность исторического пути Византии определялась не только замедленными темпами «осредневековления» в силу того, что преамбулой к этому процессу было наличие сильной государственности, но и ее городской генетикой, которая, по Ж. Ле Гоффу, давала толчок к движению «против течения истории»²⁰. Анахронизм, характерный для многих процессов византийской социальной истории, диктовался еще и тем, что она долгое время оставалась «Константинополитанией». В этом определении превалирует не столько идея предельно централизованного («дворцового») управления, но и длительный приоритет города (преимущественно Константинополя) в политической жизни империи. Ни Париж, ни Лондон, ни какая-нибудь другая столица средневековой Европы не сыграла столь значительной роли в истории страны, как Константинополь. Его по значимости для своей страны можно было бы сравнить с итальянскими городами, ставшими городами-государствами.

¹⁹ Сюзюмов М. Я. Борьба за пути развития... С. 57.

²⁰ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. С. 276.

Византия в своем стадийном развитии так и не достигла зрелого Средневековья. В этом отношении можно обратиться к словам Г. Л. Курбатова: «Византия не столько не смогла преодолеть свое позднеантичное прошлое, сколько, как средневековый социальный организм, – его прямое наследие, свое закостеневшее раннесредневековое прошлое»²¹. Блистательный лидер эпохи раннесредневековой Европы, Византия трудно, преодолевая разнонаправленность векторов внутреннего развития, с X в. освободила место на пьедестале лидера Франции, исторический опыт которой явил эталон тех отношений, связей и явлений, который принято называть феодализмом.

Византия погибла, когда классическое европейское Средневековье заканчивалось, передавая эстафету Новому времени. О Византии в Европе уже не вспоминали, разве что рыцари при дворе бургундского герцога Филиппа Доброго на знаменитом празднестве «фазаньего обета» клялись отомстить за павшую под ударом турецкого меча Византийскую империю, «если ничто этому не помешает»²². Духовное наследие Византии воспринималось уже не как византийское, а как греческое. Памятники византийской культуры разошлись по музеям мира и стали лишь памятью о минувшем.

Чем цивилизованней становилась Европа, тем большее количество лидеров посылало импульсы нового. Германия стала лидером Реформации, заразив Европу новым представлением о назначении церкви и сущности отношений между верующим и Богом. Италия лидировала в процессе гуманизации культуры. Англия и Нидерланды были первыми на пути капитализации европейской экономики. Франция и Англия стали лидерами в утверждении нового типа государственности – абсолютизма.

Хотя о Византии было забыто, ее наследие присутствовало по крайней мере в трех приоритетах. Немецкий протестантизм в лице Мартина Лютера и Филиппа Меланхтона неоднократно апелли-

²¹ Курбатов Г. Л. История Византии... С. 199.

²² Хейзинга Й. Осень средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1988. С. 99–100.

ровал к православию, будучи в тот период концептуально ближе к нему, нежели к католицизму. Итальянский гуманизм получил свою греческую «подпитку» из Византии; особенно интенсивным было византийское влияние в сфере книжной культуры. Заметно присутствие византийской идеи и в новой форме государственной власти – абсолютизме.

Абсолютизм представляет собой форму авторитарной власти, имеющей в основе предельную централизацию государства и покоящейся в значительной степени на балансировании отдельных социальных сил, характерных для переходного периода. Для Западной Европы этот этап государственности совпал со временем угасания Средневековья и перехода к новой эпохе. Если абстрагироваться от стадияльной привязки западноевропейского (прежде всего – французского) абсолютизма, можно обнаружить заметную близость этого типа власти с византийской государственностью как раннего переходного периода, так и периода сущностного обновления общества в X–XII вв.

М. Я. Сюзюмов в статье «Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории» заметил, что Византийская империя была для средневекового Запада «образцом абсолютистского государства»²³. Абсолютистские основы византийской государственности были отмечены Г. Г. Литавриным, И. П. Медведевым²⁴ и другими исследователями. Помимо отмеченных черт этого типа власти следует назвать также тенденцию к большему или меньшему проявлению сакральности власти, гипертрофированное возращание бюрократического аппарата²⁵, сложившуюся систему постоянного налогообложения, фаворитизм. Все отмеченное характерно как для Византии, так и для Франции.

Наличие балансирования социальных групп как подосновы абсолютизации власти не является неременным условием и чаще

²³ Сюзюмов М. Я. Историческая роль Византии... С. 32.

²⁴ Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство... С. 196; Медведев И. П. Некоторые правовые аспекты... С. 28.

²⁵ Литаврин Г. Г. Одиннадцатое столетие – «золотой век» византийской бюрократии // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992. С. 121–134.

характерно для стран с затянувшимся переходным периодом. Феномен социального равновесия между дворянством и молодой буржуазией, относимый обычно к социальной среде западноевропейского феодализма, отнюдь не универсален и может быть в полной мере отнесен лишь к истории позднесредневековой Франции. К Англии эта характеристика может быть отнесена лишь условно, так как междоусобье, известное под названием войны Алой и Белой роз, и проводимые с конца XV в. эвикции создали благоприятные условия для политической самореализации буржуазии, что породило тип абсолютизма, при котором сохраняются парламент и местное самоуправление. В Испании конкистадорский дух дворянства, закрепленный реконкистой и колонизаторской политикой в новых землях, увел страну в сторону от промышленного подъема и, следовательно, не способствовал созданию сил, могущих противостоять старому дворянству. В странах Центральной и Южной Европы – Германии и Италии – в силу исторических условий при рождении регионального типа абсолютизма проблема балансирования между старым и новым с выходом последствий этого балансирования в политическую сферу не была актуальной. В странах Северной и Восточной Европы тенденции к абсолютизму и их воплощение вышли хронологически за рамки средневековой эпохи и не имели полного набора характеристик такого явления, как абсолютизм.

По интенсивности степени балансирования различных социальных группировок и воздействию этого явления на возможность абсолютизации власти монарха позднесредневековую Францию можно сравнить с Византией, хотя социальное наполнение этого явления, а также его стадийные и темпоральные параметры различны. Затянувшаяся для Византии альтернатива исторического развития – выбор между «венецианским» и «каролингским» путями – привел к соперничеству двух группировок знати. Столичная бюрократическая знать, олицетворявшая первый из названных путей, противостояла в течение нескольких столетий провинциальной военной знати, с утверждением власти которой становился бы возможным второй путь. Их соперничество создавало

ситуацию «качелей»²⁶, что в свою очередь обеспечивало на фоне этого балансирования некую независимость власти и ее абсолютизацию.

Наблюдаемое в ряде стран явление «социальных качелей», могущее быть оценено как фактор, способствующий возникновению абсолютизма, в то же время не является неперенным условием развития власти высокой степени авторитарности. Это явление возможно лишь в переходные периоды и лишь в крупных централизованных странах, где монарх может манипулировать, делая выбор между протагонистами. Византийский император, опираясь на разработанную систему права, допускал новое только в той дозе, которая не меняла существующих структур. Происходило санкционированное василевсом репродуцирование прежних норм, а также противостоящего провинциальной знати столичного чиновничества. Во Франции же король мог своей властью адаптировать элементы отживающей системы в лице старой придворной аристократии к изменившимся социальным условиям.

Балансирование старого и нового как социальный фон абсолютной монархии (там, где эта ситуация сложилась) является не причиной, а скорее следствием наличия абсолютной власти монарха. Возникнув, это явление способствует утверждению авторитета власти, а монарх в свою очередь стремится воспроизводить это состояние. Для Франции стремление сохранить старую аристократию как противовес новой элите закончилось взрывом 1789 г. Византия иссякла в многовековой борьбе двух группировок знати и дала основание внешним силам свергнуть ее в состояние политической раздробленности. Поддержание в рамках авторитарной власти явления социального балансирования со временем становится анахронизмом и приводит к нежелательным для благополучия страны последствиям.

Средневековая европейская государственность, существенно меняя, соответственно периодам, свою форму и функции, имела

²⁶ Поляковская М. А. Абсолютизм и проблема «социальных качелей»: Византия и Западная Европа // Научные чтения, посвященные столетию со дня рождения М. Я. Сюзюмова: Тез. докл. Екатеринбург, 1993. С. 29–31.

сложный типологический рисунок. В рамках этого пространства Византия занимала место отнюдь не на обочине европейской истории. Она заметно влияла на становление идеи государственности и ее политического воплощения в ранний период. Позднее она сама воспринимала и адаптировала к ее реальным условиям те импульсы развития, которые были посылаемы Западной Европой. Не дожив до эпохи позднего Средневековья, Византия воздействовала, однако, на общие процессы в форме ее политического культурного наследия – идеи централизации, абсолютизации и права. Византийские реалии различных эпох жизни империи дают богатый материал для компаративной медиевистики.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ВИЗАНТИНИЗМ» В РУССКОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.*

«Византинизм» как понятие родилось много лет спустя после гибели Византии и в западной историографии было соединено прежде всего с другим понятием — «цезарепапизм», дефиницией, наполненной, начиная с Я. Буркхардта, негативным содержанием. Двадцатый век в лице Я. Патерсона (1937) и других исследователей довел негативизм понятия до предела в силу неприятия современниками возникавших в Европе новых политических режимов, что давало повод критиковать их через очернение византийского авторитаризма и так называемого цезаризма¹.

На русских ученых в начале нашего столетия, как заметил Ф. И. Успенский в «Истории Византийской империи», возлагались некоторые надежды в разрешении ими византийской «загадки», названной «византизмом», ибо именно восточноевропейские страны, и прежде всего Россия, впитали многое из византийского наследия².

В сочинениях русских ученых отразилась гамма представлений о сущности византизма. И. И. Соколов, имевший своим предшественником Ф. А. Курганова, развивавшего проблему отношений государства и церкви в Византии, одним из первых в русской науке употребил понятие «византизм»³. Ученый

* Доклад IX научных съездовских чтений 24–27 августа 1997 г.: Византия: Кумуляция и трансляция. Екатеринбург, 1997. С. 43–45.

¹ *Dagron G.* Empereur et prêtre. Etude sur le «césaropapisme» byzantin. P., 1996. Ch. 9.

² *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. СПб., 1913. Т. 1, ч. 1. С. 37. Рассматриваемому понятию в книге Ф. И. Успенского посвящена специальная глава «Византизм и его культурное значение в истории» (с. 37–48).

³ *Соколов И. И.* О византизме в церковно-историческом отношении. СПб., 1903.

понимал византизм как очерковление государства – это и особая система взаимоотношений государства и церкви, и преданность византийцев православной церкви, и особый характер византийской государственности, и церковно-религиозное влияние на науку и просвещение и др.⁴

Ф. И. Успенский определил «византизм» как «совокупность всех начал»⁵, воздействовавших на становление Византии из Восточно-Римской империи. Признавая, что «византизм» проявился к началу VIII в.⁶, Ф. И. Успенский делал акцент на том, что самым существенным выражением «средневекового византизма» была христианская империя: «Православное... византийское царство, опираясь на эллинистическое национальное начало, приобретает тот характер исключительности и филетизма, с которым Византия вступает в средние века, и который отличает византизм как исторический принцип»⁷. Ученый противопоставлял «византизм» в качестве органического начала западноевропейскому романизму⁸. Признавая крайнюю централизованность Византийской империи, Ф. И. Успенский определял Константинополь как «выражение византизма»⁹. В 1927 г. ученый присоединил к понятию «византизм» и цезарепапизм как одно из проявлений специфики православного царства¹⁰. Вводя понятие «цезарепапизм» – в противовес папскому цезаризму Запада, Ф. И. Успенский не вкладывал в него негативного оттенка, полагая, что со времени Константина Великого идея «императорства», т. е. сущности византийской государственности, была органично связана с церковью. Наряду с отмеченными проявлениями «византизма», Ф. И. Успенский

⁴ См. об этом в докладе: *Заливалова Л. Н., Лебедева Г. Е.* Византийская симфония: К истории становления концепции // Византийское государство в IV–XV вв.: Центр и периферия: Тез. докл. XV Всерос. науч. сес. византистов. Барнаул, 1998. С. 83–91.

⁵ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. 1, ч. 1. С. 39.

⁶ Там же. С. 47.

⁷ Там же. Л., 1927. Т. 2, ч. 1. С. 3–4.

⁸ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. 1, ч. 1. С. 39.

⁹ Там же. С. 260.

¹⁰ Там же. Т. 2, ч. 1. С. 195–196.

видел в нем и любое своеобразие византийской культуры, и набор негативных нравственных качеств¹¹.

Именно последнее из указанных интерпретаций понятия «византинизм» присутствует в исследованиях П. В. Безобразова¹². Ученый видел в «византинизме» проявление негативных нравственных качеств – коварства, лицемерия, тщеславия, характерных для среды бюрократии и кормившихся от власти интеллектуалов. Образцом подобного «византинизма» был для П. В. Безобразова Михаил Пселл.

А. П. Рудаков выделяет как основное в «византинизме» древнюю восточную идею «религиозно-обоснованного мирового царства» и «царственного града»¹³. По А. П. Рудакову, «византинизм» возник как «логический результат долгого культурного развития и был подлинно мощно-преломляющей средой, в которой человеческая личность искажалась в определенный культурно-исторический тип»¹⁴. Т. е., будучи близок к Ф. И. Успенскому в понимании «византинизма», А. П. Рудаков по сути дела доводит до логического конца его мысль о Константинополе как квинтэссенции «византинизма», выделяя в качестве подобного центра уже не столицу, а тип личности (позднее эта идея была глубоко исследована А. Кажданом)¹⁵. Имея в виду присущий для исторического зарождения и развития византийского общества процесс кумуляции, А. П. Рудаков полагал, что в «византинизме» «отложились тысячелетняя культурная работа богатейших и просвещеннейших стран»¹⁶. Ученый заметил, что Византия некоторой своей косностью сохраняла для человечества достижения древности. Обращаясь же к проблеме трансляции византийской культуры, А. П. Ру-

¹¹ Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. 1, ч. 1. С. 39 и др.

¹² Безобразов П. В. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890.

¹³ Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917. С. 3.

¹⁴ Там же. С. 4.

¹⁵ Kazhdan A., Constable G. People and Power in Byzantium: Introduction to modern byzantine Studies. Wash., 1982.

¹⁶ Рудаков А. П. Очерки византийской культуры... С. 4.

даков имел в виду прежде всего Россию, где «византинизмом, в его лучшем смысле, взращены обе вековые ценности русского народа – православная церковь и самодержавие»¹⁷. Обозревая все линии византийского влияния на русскую культуру, ученый подвел итог: «Изучая “византинизм” мы, русские, все время как бы чувствуем себя дома, как бы углубляем свое самопознание, как бы восходим к истокам своих родных ключей»¹⁸.

Е. А. Черноусов подверг критике холодное, «смешанное с предубеждением» отношение к Византии тех, для которых «византизм», «византищина» – «ходячие выражения со слишком определенным отрицательного характера содержанием»¹⁹.

Итак, заметим, что в среде русских византистов резкого разнобоя в понимании значения византийского наследия не было. Речь шла лишь о более наполненном или лаконичном, более узком значении этого понятия.

Разногласия по обсуждаемой проблеме обнаруживаются в русской философии второй половины XIX – начала XX в. Как среди западников, так и среди славянофилов можно найти тех, кто не принимал «византийской идеи». Так, П. Я. Чаадаев видел в византийском влиянии главную причину российской отсталости, относясь к «византизму» как к роковому жребия России²⁰. Славянофилы же были более увлечены идеей «славизма» и в силу этого в некоторой степени негативно относились к идее «византизма».

Апологетом «византизма» в русской философии был К. Н. Леонтьев. Его сочинение «Византизм и славянство» (1873) является концентрированным выражением «византийской идеи»²¹. К. Н. Леонтьев акцентировал особую значимость для России византийского наследия: «Византийский дух, византийские нача-

¹⁷ Рудаков А. П. Очерки византийской культуры... С. 5.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Черноусов Е. А. Лекции об основных чертах государственного и общественного строя Византии. Харьков, 1909. С. 1.

²⁰ Россия глазами русского. СПб., 1991. С. 162.

²¹ Леонтьев К. Византизм и славянство // Леонтьев К. Восток, Россия и славянство. 1996. С. 94–155.

ла и влияния, как сложная ткань нервной системы, пронизывает насквозь весь великорусский общественный организм»²². «Византизм», в представлении ученого, – весьма сложное явление, но прежде всего это «особого рода образованность, или культура, имеющая свои отличительные признаки, свои общие, ясные, резкие, понятные начала и свои определенные в истории последствия»²³. По Леонтьеву, «...все художественное творчество наше глубоко проникнуто византизмом... наша серебряная утварь, наши иконы, наши мозаики, создание нашего византизма, суть до сих пор почти единственное нашего эстетического самолюбия на выставках»²⁴. Даже пестрота и своеобразие Москвы, пленяющие иностранцев, представляются К. Н. Леонтьеву по их происхождению византийскими²⁵. По убеждению ученого, Россию в ее неповторимости и самобытности может спасти лишь возвращение к «византизму», понимаемому им прежде всего как упрочение самодержавия и православия. Ученый писал: «Для силы России необходим византизм. Тот, кто потрясает авторитет византизма, подкапывается сам, быть может, и не понимая того, под основы русского государства»²⁶. Таким образом, многое в рассуждениях К. Н. Леонтьева объединяет его с русскими византинистами. Возможно, на его более глубокое понимание сущности византийской культуры оказали влияние те годы, которые он провел в Константинополе и на Афоне. Следует согласиться с К. Н. Леонтьевым, что многие критики «византизма» вкусили изрядную дозу негативности еще со времен их школьных учебников. И не нашлось русского Гизо или Тьерри, которые бы открыли России истинные богатства византийской цивилизации, которые она унаследовала²⁷. На пороге двадцать первого столетия эта проблема – кумуляции и трансляции «византинизма» является для России не менее актуальной, чем сто и более лет назад. По-прежнему среди российских гуманиста-

²² Леонтьев К. Византизм и славянство. С. 105.

²³ Там же. С. 94.

²⁴ Там же. С. 96.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 116.

²⁷ Там же. С. 99.

риев критиков «византинизма» больше, чем истинных ценителей. Византия с ее высочайшей книжной культурой остается для многих «великой немой» (хотя она таковой не была), которую не смогли понять²⁸.

И ныне проблема византинизма представляет интерес как с точки зрения византийской цивилизации, так и в связи с историей культуры России²⁹. Однако проблема остается открытой, как и столетие назад.

²⁸ *Леонтьев К.* Византизм и славянство. С. 98–99.

²⁹ *Чернышева М. И.* О понятии «византизм» в языке славяно-русских переводных памятников // ВВ. 1991. Т. 52; *Козлов А. С.* Военно-политический аспект «русского византинизма»: Некоторые наблюдения над зарубежной историографией // Великий подвиг народа: Исторические чтения, посвящ. 50-летию победы в Великой Отечественной войне: Тез. докл. Екатеринбург, 1995; *Хвостова К. В.* Византизм «оправдание жизни»: Проблемы византийской цивилизации // ВВ. 1998. Т. 55 (80), ч. 2.

Часть 2

МИР ВИЗАНТИНИСТОВ

Письма и воспоминания

ИЗ ЭПИСТОЛЯРИЯ ВИЗАНТИНИСТОВ

Мир византинистов не ограничен лишь их научными трудами. Помогают прикоснуться к этому миру письма ушедшей эпохи: во второй половине XX в. люди еще обменивались посланиями. Надо полагать, что сохранилось немало писем византинистов этого времени. Сейчас, по прошествии времени, они становятся дневниками, позволяющими восстановить ушедшие события в мире византистики, проникнуть в лабораторию научных изысканий, ощутить своеобразие личности эпистолографа, узнать о его привязанностях и склонностях.

Интересно ли читать «чужие» письма и нужно ли их публиковать? Как-то я написала А. П. Каждану, что в Государственном архиве Свердловской области сохранился интересный диалог двух ученых – Сюзюмова и Каждана, который, наверное, когда-нибудь увидит свет. А. П. ответил в письме от 7 декабря 1989 г.: «К идее писем у меня отношение негативное. Нет, конечно, Вы можете печатать, у меня личных протестов нет... Как Вы понимаете, мы с М. Як.¹ не обсуждали ни мои любовные приключения, ни мои политические заблуждения. Я просто боюсь, что переписка – недостаточно интересный материал (вроде византийских писем XIV в.)»². В этих словах (не лишенных обычной каждановской иронии) я усмотрела разрешающую санкцию на печатание. Что же касается вопроса – интересно ли будет читателю – заранее на него ответить трудно. Тем, кто знал авторов писем, и их ученикам, которые были знакомы с ними только по научным трудам, несомненно, будет интересно. Что же касается других читателей, может быть, у них появится желание погрузиться в мир научной гуманитарной интеллигенции второй половины XX в.

¹ М. Я. Сюзюмов.

² Из личного архива М. А. Поляковской.

Для публикации мной отобраны письма пяти известных византинистов – М. Я. Сюзюмова, А. П. Каждана, С. В. Поляковой, Е. Э. Гранстрем и Б. Т. Горянова. У всех пятерых автор книги в свое время чему-то научился и относит их к «плеяде». Можно было бы назвать их «великими стариками», но они принадлежали не к одному поколению. Разница в возрасте между самым старшим, М. Я. Сюзюмовым, и младшим, А. П. Кажданом, 29 лет. Надо полагать, что для А. П. Каждана М. Я. Сюзюмов был стариком. Так что внутри этой плеяды были свои возрастные градации.

Некоторое насилие есть в том, что в этой публикации эпистографы представлены в «одном строю». Самыми плохими были отношения у А. П. Каждана и Б. Т. Горянова, и только после смерти Б. Т. Каждан немного смягчился и публично (на конференции в Петербурге в 1994 г.) признался в излишней негативности по отношению к своему оппоненту (который, надо признать, и сам был, мягко говоря, не без греха). Печален был финал взаимоотношений М. Я. Сюзюмова и Б. Т. Горянова. Но автор публикации абстрагируется от всех разногласий: учителей, как и родителей, надо принимать со всеми их достоинствами и недостатками.

В Государственном архиве Свердловской области, в фонде М. Я. Сюзюмова, наряду с его студенческими и научными работами хранится большое количество писем как к нему, так и его самого. Для публикации из этого фонда выбрано 8 писем М. Я. Сюзюмова. Как они попали в архив? Дело в том, что в 60–70-е гг. он печатал письма на машинке под копирку и второй экземпляр оставлял себе. Разумеется, не все письма М. Я. сохранились. Но и те, что находятся в архиве, дают возможность интересных научных наблюдений (например, переписка М. Я. Сюзюмова и М. М. Копыленко в ходе подготовки перевода «Истории» Льва Диакона).

Из этого же фонда взяты для публикации 3 письма А. П. Каждана к М. Я. Сюзюмову (некоторые из писем Каждана к уральскому коллеге уже напечатаны в издании, посвященном его памяти в связи с 80-летием со дня рождения).

Второй «архив», где сохранились письма византинистов, – мой, неофициальный, домашний: это один из ящиков большого

письменного стола. Получая письмо, я по примеру своего учителя (так гордившегося своей «немецкой», идущей из времен его студенческой юности пунктуальностью) сразу же отвечала на него – чтобы сохранить настроение, с которым полученное письмо читалось – и бросала его в ящик письменного стола. Правда, с годами неотвеченные письма стали ждать своей очереди, все меньше времени, сил и души оставалось на переписку. Но, к счастью, это случилось лишь 10–15 лет назад, когда бурные события в стране опрокинули вечные ценности. Письма, брошенные в ящик, никогда не перечитывались и не систематизировались. Какой-либо определенной цели их хранения не было: так – может быть, на старости лет прочитать. И настал момент (века возраста), когда захотелось перелистать пожелтевшие страницы, а затем – рассказать кому-нибудь о своем новом открытии этих писем. Этим «кем-то» и будет читатель.

Письма предлагаются либо полностью, либо с лакунами, либо в виде мелких фрагментов – выбор диктуется множеством причин: иногда автор стремится уйти от могущих показаться скучными длиннот, иногда – из нежелания поднять из вечности какие-то разногласия, резкости... Каждому из пяти авторов публикуемых здесь писем мной посвящено небольшое эссе – обрывки тех воспоминаний, которые хранит память и которые греют сердце.

В целом издание писем не является строго научным: лакуны отмечены многоточием (а не скобками); сокращения (типа «лит-ра», «к-рые») раскрыты без необходимых в подобных случаях квадратных скобок.

Поскольку авторы писем (особенно А. П. Каждан в своих письмах 60–70-х гг.) не всегда ставили дату, восстанавливать хронологию приходилось либо по почтовому штемпелю на конверте, либо, в случае его отсутствия, по контексту, в соответствии с упомянутыми фактами.

Осознавая, что публикация писем не является совершенной, тем не менее представляю ее – не без трепета – на суд читателей.

В. П. Яковлев

ИЗ ПИСЕМ М. Я. СЮЗЮМОВА

Михаил Яковлевич Сюзюмов (21.11.1893–01.05.1982) – крупный византист, особое место которого в истории науки определяется тем, что его первая работа увидела свет в 1916 г., т. е. в дореволюционное время. Он представлял собой живую связь времен, связь старого и нового, возрожденного после долгих лет негласной опалы отечественного византиноведения. Выпускник Юрьевского (Дерптского) университета, М. Я. Сюзюмов учился у В. Э. Регеля, А. А. Васильева, М. Н. Крашенинникова, ученых, начавших свою научную деятельность еще в XIX в. Октябрьская революция 1917 г. застала его в Петрограде, где он писал магистерскую диссертацию. В силу обстоятельств Гражданской войны М. Я. Сюзюмов оказался на Урале, сначала в Златоусте, а затем в Свердловске. Хотя кандидатскую диссертацию М. Я. защитил лишь в 1943 г., после 25 лет научного молчания, ему удалось создать вокруг себя кружок энтузиастов, положивших начало археологической экспедиции в Херсонесе, а затем и научную школу по византистике. Семеро из учеников М. Я. Сюзюмова защитили докторские диссертации.

М. Я. Сюзюмов – значительная, масштабная личность. Прежде всего это проявилось в его склонности к концептуальному осмыслению исторических процессов и оригинальному взгляду на многие явления. Он любил ошеломлять собеседника непривычной оценкой какого-либо факта или личности. А. П. Каждан вспоминал, что однажды М. Я. в разговоре с ним заметил, что он имеет свою, отличную от принятой, точку зрения по всем вопросам – от Александра Македонского до Колумба.

Те, кто знал М. Я. в 40-е гг., когда он начал свою работу в высшей школе, считают, что для него была характерна эпатажность, некое актерство. Мне трудно судить – я знала его уже

стариком. Но какая-то провоцирующая спор игривость у него все же была: несомненно, он был *homo ludens*. Некоторые чудачества – как в анекдотах о прежних профессорах – мы наблюдали почти ежедневно. То в чужом пальто уйдет домой, то прибежит на факультет – через 3 ступеньки («римским шагом») на четвертый этаж – сказать, что он на следующий день не придет, т. к. врач определил у него инфаркт... Некоторые его «фразы» остались жить. Так, одну из них мне «подарила» его студентка 40-х гг., с которой мы случайно познакомились в больничной палате. М. Я., зайдя в аудиторию и не обнаружив кафедры, сказал: «В средневековом университете студенты могли сидеть на соломе, но у профессора всегда была кафедра». С тех пор я почти ежегодно, оказавшись в подобной ситуации, воспроизвожу эту фразу со ссылкой на учителя.

Взяв в 1960-е гг. первых аспирантов, М. Я. Сюзюмов очень заботился о них, перехваливал, хотя все же больше был занят собой, своим внутренним миром. Был в нем какой-то огонь, которым вдохновлялись его ученики и ученики его учеников.

Н. Е. Застенкеру¹

Свердловск
29 мая 1949 г.

Глубокоуважаемый Наум Ефимович!

Посылаю Вам свою «Книгу Эпарха». Я ее переводил при свете разных лекарств вроде касторки, ихтиола (когда не было у нас в Свердловске света). Конечно, очень много необходимого я не мог получить и после войны. Но не использовать конъюнктуры – возможности печатать – было нельзя.

¹ Н. Е. Застенкер (1903–1977) после отбытия срока в период репрессий преподавал в 40-х гг. на историческом факультете Уральского государственного университета, затем вернулся в Москву и являлся ведущим преподавателем кафедры новой и новейшей истории МГУ. После смерти Н. Е. Застенкера его книги были переданы семьей в дар историческому факультету УрГУ. В одной из книг фонда Застенкера и было найдено это письмо.

Я хотел послать также Розенталь², Ивашину³. Если Вы знаете адрес, очень просил бы Вас сообщить. Также, не знаете ли адреса Юшкова⁴. Я рассылаю всем византинистам Москвы (кого знаю).

Получили ли оттиск Вашей статьи за 1943 г.?

Как сдает экзамен Гога⁵?

Большой привет Вашей супруге.

Крепко жму Ваши руки.

Ваш М. Сюзюмов.

А. Н. Чистозвонову⁶

Свердловск

9 сентября 1962 г.

Дорогой Александр Николаевич,

Только что вернулся из отпуска, провел лето в Ялте. Получил Ваше письмо и не удержался написать ответ. Я, вероятно, не совсем полно изложил свою точку зрения. Разумеется, вопрос о семье, в частности полигамии, был совершенно случайно связан с социальным движением, оформленным как ересь. Но это не значит, что этот момент можно считать несущественным в истории анабаптистского движения. Наоборот, раз мы имеем дело с фактом, с неудачей движения, то нужно особенно обращать внимание на обстоятельства, способствовавшие провалу движения. Прогрессивная идея, овладевшая массами, делается материальной силой. Но эта идея *не* овладела массами так, как, например, пуританство

² В. Н. Розенталь – преподаватель отечественной истории в Свердловском государственном педагогическом институте и Уральском государственном университете. В конце 40-х гг. вернулась в Москву.

³ И. Ф. Ивашин – преподаватель средних веков на историческом факультете УрГУ. В 40-х гг. вернулся в Москву.

⁴ С. В. Юшков – преподаватель истории государства и права СГПИ и СЮИ в 1935–1938 гг.

⁵ Сын Н. Е. Застенкера.

⁶ ГАСО, ф. 802, д. 165. А. Н. Чистозвонов (1914–1998) – московский медиевист, специалист по проблеме нидерландской революции. В письме спор идет об оценке значения ересей.

в Англии. Почему? Вот тут идет речь о моментах, *дискредитирующих* идею. И в данном случае полигамия Иоанна Лейденского была именно таким дискредитирующим моментом для широких масс... и идея осталась достоянием небольшой кучки сторонников... Конечно, полигамия – не выдумка Иоанна Лейденского. Идея полигамии, даже общности жен, носилась в воздухе в то время (вспомним даже Кампанеллу)... Семья из мужа и нескольких жен не противоречит индивидуальному производству, а пример восточной полигамии говорит только об усилении нищеты (семья из многих жен при ремесленном хозяйстве и крестьянстве является экономически более крепкой, а при равенстве общего количества женщин и мужчин естественно бедняки лишались семейной жизни...). Понятно: в массах идея полигамии не могла быть популярной и больше того – могла только отталкивать народные массы... Созидательная роль личности относительно ничтожна – историю делают массы. Зато деструктивная роль личности – колоссальна! Это знали еще древние: храм Дианы Эфесской созидал народ – тысячи различных специальностей, талантов, гениев. И один Герострат в одну ночь мог разрушить его! Эту деструктивную роль в анабаптистском движении в северо-западной Германии и выполнил Иоанн Лейденский. Используя свои несомненные заслуги в военной и идейной организации движения, Иоанн стал вести личную политику: и введение монархического правления и создание гарема для себя Иоанн Лейденский оправдывал текстами из Священного Писания, используя культ его как пророка. Это – блестящий прототип всех святош-«братцев», подчинявших себе в своекорыстных целях целые общины...

Теперь относительно связи религиозного и социального момента. Я не думаю отвергать социальной подоплеку ересей. Об этом дружно говорит и вся позитивистская и вся марксистская историография. Социальные движения имели религиозную оболочку... Но нужно не отвергать и другую сторону: социальный элемент зачастую привлекается и используется религией для укрепления воздействия религиозных идей на массы. Отцы церкви IV в., особенно Златоуст, – блестящий пример для этого... Соединение религиозных и социальных моментов, безусловно, придает особую

силу и движению, и религиозной углубленности... Но в чью же пользу подводился баланс этого союза? Что кому больше помогло: религиозная ли оболочка победе движения или же социальные моменты укрепляли религиозность масс? Увы, факты показывают, что побеждала *именно оболочка*, а движение подвергалось разгрому... И я не понимаю того сусально-умилительного отношения к ересям, которое наблюдается в марксистской историографии (особенно у моего коллеги Бортника⁷). К тому же вряд ли можно согласиться с положением об обязательности наличия религиозной оболочки для широкого народного движения (Жакерия, восстание Фомы Славянина, испанские крестьянские восстания, Болотникова и Стеньки Разина – или вовсе не имели или имели в ничтожной степени религиозные мотивы). Даже богомилы, о которых с такой любовью трактует прогрессивная историография, во время подлинно народного крестьянского восстания Ивайло в Болгарии блестяще *отсутствовали*. Конечно, еретическое движение сыграло роль в борьбе против феодальной идеологии и феодального строя, но восхищаться им нечего – ведь и ужасы первоначального накопления сыграли важнейшую роль в установлении прогрессивного капиталистического строя, но кто стал бы ими восторгаться? Теперь вернемся к Бокельсону: сектантское движение имело еще в первой половине XVI в. большую историческую будущность. Всякое движение обычно на первых порах страдает детской болезнью левизны. Такими симптомами болезни левизны были полигамия, общность жен, общность личного потребительского имущества. Эти моменты не связаны органически с движением, наоборот, они дискредитировали его, и поэтому движению нужно было преодолеть эту болезнь левизны. Но это не так легко. Вопрос о полигамии особенно был важен – без преодоления этого в учении и практике сектантского движения, оно не могло бы овладеть широкими массами... Полигамия не была органически связана с критикой средневекового мировоззрения и общественного строя, поэтому введение полигамии в Мюнстере не есть результат социально-экономической какой-либо закономерности, а результат роли личности. То, что личность может вносить в жизнь дискредитиру-

⁷ Н. А. Бортник – свердловский медиевист.

ющие движение моменты – мы сейчас это знаем лучше, чем когда-нибудь! Источники сохранили версию, как Бокельсон пришел к идее полигамии – и мы не имеем никаких *научных*, психологических, логических доводов отвергать подлинность этой версии хрониста. Исторически сложилось так, что преодолеть полигамию мюнстерцы не смогли, и идеи полигамии были разгромлены враждебной силой. Деревенские парии с оружием ландскнехтов зверствовали над мюнстерскими многоженцами – примерно с такою же яростью, как американские деревенские парни громили в XIX в. резиденцию многоженцев-мормонов. Преодоление ошибок и преступлений вождя в условиях культа личности – трудное дело... Если бы при жизни Сталина какая-либо группа восстала против культа личности, *народ* смял бы эту группу так же, как смят был Молленхеке и его 200 сторонников.

Несколько слов относительно семьи горожан-ремесленников. Полагаю, что когда говорят о «любви в современном смысле слова», то даже самые солидные люди забывают о диалектике и историзме. Противопоставляется любовь «низменному расчету». Но можно ли допускать такое противопоставление? Всякая любовь *должна* сочетаться с «низменным расчетом», ведь любовь должна иметь дело с длительной совместной жизнью в обществе и хозяйственные заботы о будущем неотделимо связаны с любовью. «Чистая» любовь, абстрагированная от всякого хозяйственно-бытового расчета – да это самый гнусный разврат!!! Подмастерье мог самым «чистым» образом полюбить дочь мастера и в то же время рассчитывать о мастерской. Немецкий фольклор о влюбленном подмастерье, который идет странствовать, очень трогателен... Каждая эпоха и каждая общественная группа по-разному соединяли расчет с любовью. В рабовладельческом строе любовь связывалась с расчетом о социальном статусе любимой; в среде феодалов – с землевладением, стало быть, с участием в наследстве; среди ремесленников любовь неразлучна была с расчетом о собственной мастерской; в купеческой семье – с капиталом для торговли, стало быть, с приданным... И у нас любовь связана с расчетом. Любый студент, влюбляясь в девушку, интересуется о ее работе, будущем заработке обоих: студент-историк строит расчеты – он будет иметь примерно столько часов, она – по математике – столько и т. д. Это нор-

мально, и о будущей совместной жизни не строят расчета только самые низкие развратники... Конечно, во все времена много извращений. Да у нас очень часты низменные расчеты без всякого момента любви (например, «влюбляются» в знаменитостей, в лиц высокого официального положения, в их детей для карьеры, ради квартиры; особенно часто, чтобы не уехать из города...). Да, еще много придется работать над той проблемой, которую затронули Вы в статье. А о бюргерской семье средневекового города нельзя, конечно, говорить, ограничиваясь цитатой из Энгельса. Нужно учитывать и необозримый любовный фольклор немецкого средневековья, и Ганса Сакса, который отражал ремесленную идеологию семьи того времени... и на этом фоне роль личности – сильной, талантливой и преступной, и порочной, и «тайна» рождения культа личности... Смотрите, как интересна затронутая Вами тема, если оторваться от приторно сусальных и догматических фраз.

Сегодня последний день моего отпуска и, как видите, я несколько часов провел в беседе с Вами...

Всего, всего наилучшего, успехов и удачи в новом учебном году!!!

Ваш М. С.

О. К. Алабужевой⁸

Свердловск

7 февраля 1964 г.

Уважаемая Ольга Константиновна,

Очень рад, что получил весточку о Вашем сыне, которого хорошо помню и судьбой которого я интересуюсь. Передайте ему мой горячий привет – я как-то надеялся, что он сможет поступить в аспирантуру в Уфе, я хорошо знаю заведующего кафедрой всеобщей истории и в случае чего могу дать ему рекомендацию для Ва-

⁸ ГАСО, ф. 802, оп. 1, д. 149. О. К. Алабужева – мать дипломника М. Я. Сюзюмова Аркадия Алабужева. Письмо написано в ответ на просьбу дать совет по поводу написания исторического романа о времени Фридриха II.

шего сына. Не думаю, что поздно. А соединение интереса к искусствам с вопросами культуры вполне желательно для историков.

Я внимательно прочитал Ваше письмо и ваше желание работать над историческим романом. Правда, я не особенно сочувствую Вашему выбору эпохи. Это погрузиться в океан материала! Это охват источников Италии XIII в. (море!), Германии (тоже море!), папства (океан!), ведь так много характерного в движении и изменении именно в этот период! так много личного. Конечно, лица интересны. События драматически развивались! Все как будто просится для романа, но слишком много надо работать. В первую очередь – над характеристикой общества того времени, особенно в Италии, и чтобы дать правдивую характеристику Конраду Гогенлоэ ведь нужно пользоваться письмами, помещенными в Монумента Германияе⁹. Я затрудняюсь, что бы Вам порекомендовать. В первую очередь могу рекомендовать русскую литературу, но уверен, что Вы ее знаете – В. А. Бильбасова¹⁰ – «Поповский король Генрих Распе», его же – «Культура при императоре Фридрихе II» (ЖМНП¹¹, 1865), его же – «Крестовый поход Фридриха II». Особенно: для характеристики общества П. Б. Бицилли¹² – «Салимбене», СПб., 1916 (это характеристика хроники Салимбене, в которой так красочно дана эпоха, и анекдоты о Фридрихе! Его же – «Элементы средневековой культуры». 1918). Из советской, конечно, Вы знаете труды Гуковского¹³.

Конечно, источники нужно читать по-латински – Аркадий вместе с Вами (уверен, что Вы знаете латинский язык) сможет разобраться в ряде источников. Получить их не так уж трудно – в центральной библиотеке сделать заявку на межбиблиотечный абонемент – пришлют!!! (выписать рекомендую или из Ленинской библиотеки в Москве или из библиотеки Салтыкова-Щедрина в Ленинграде). Если это нужно, могу дать точную информа-

⁹ Monumenta Germaniae historica scriptorum.

¹⁰ В. А. Бильбасов – петербургский историк конца XIX в.

¹¹ Журнал Министерства народного просвещения.

¹² П. М. Бицилли – медиевист, профессор Новороссийского университета первой четверти XX в.

¹³ М. А. Гуковский – ленинградский медиевист.

цию об источниках. Особенно важны решения Лионского собора, где бывший друг и сподвижник Фридриха папа Иннокентий IV вылил всю грязь семейных дел на Фридриха II! Конечно, о семейных делах Фридриха говорится много, но разрозненно в источниках. Очень интересно, где Вы получили подробные данные о Конраде Гогенлоэ? Привлекли ли Вы Данте? Уверен, что все, что можно, использовали.

Относительно того, насколько нужно интересоваться личными делами – думаю, что для романиста – нужно очень именно проникать в личные дела. Я не вижу особой раздвоенности в личности Фридриха – мне он кажется фигурой монолитной византийского типа – но политика его была гибкой – для Сицилии одна, для Германии – другая, для отношений с папой особенная, смотря по обстоятельствам и по наличию сил. Интересна недавно вышедшая статья о завещании Фридриха II (на нем. яз.) (Гунтера, Веймар, 1962). Все это, конечно, можно достать через межбиблиотечный абонемент... Я, в общем, теряюсь, что Вам порекомендовать... Напишите – то ли латинские источники, то ли кое-что из безбрежной немецкой литературы о Штауфенах и, главное, я не знаю, что у Вас уже имеется в качестве исторической канвы для романа. Готов Вам помочь, чем могу. Еще раз привет Аркадию.

Уважающий Вас М. С.

А. Д. Люблинской¹⁴

11 июля 1966 г., понедельник

Глубокоуважаемая Александра Дмитриевна,

Не знаю, застанет ли мое письмо Вас в Ленинграде, но когда-нибудь все-таки дойдет.

Я посылаю Вам своего Аскалонита, буду очень счастлив, если Вы поместите его в готовящееся второе издание «Источниковедения». Аскалонит для урбаниста-историка замечательный источник.

¹⁴ ГАСО, ф. 802, д. 166. А. Д. Люблинская (1902–1980) – ленинградский медиевист, специалист по проблемам Франции. В письме речь идет о ее учебном пособии «Источниковедение истории средних веков» (Л., 1955).

Кстати, я после выхода в свет послал некоторым ведущим членам горсовета экземпляры – удивлялись, что 1500 лет тому назад боролись по тем проблемам, которые еще и сегодня не решены. К сожалению, не могу пока договориться об издании комментариев к Аскалониту.

Вспоминаю о наших спорах в Москве. Я думаю, что в настоящее время спор романистов и германистов должен перейти в новую фазу, не отрешиваться от этого спора... Нужно критически разобраться, есть ли где на нашей планете общество, прямо перешедшее от родового строя к феодальному без влияния античного или китайского и других обществ? Таких нет, а если кто из «восторженных» историков последний этап родоплеменного общества старается (по «подобию» некоторых сторон общества) признать феодальным, то вряд ли можно восторгаться этими восторгами. Извините, что задеваю эти вопросы, за мою назойливость...

Думаю, что Вы уже в отпуске на юге. Я собираюсь в начале октября в Ленинград на защиту Курбатова¹⁵, надеюсь, увидимся.

Как обстоит дело со 2-м изданием «Источниковедения»? 1-е у нас уже превратилось от частого использования студентами почти что в листочки бумаги...

Всего Вам наилучшего, желаю всяческой удачи, здоровья!

Всегда признательный Вам, М. Сюзюмов.

М. М. Шитикову¹⁶

Свердловск

13 марта 1967 г.

Amico mi carissime!

Очень и очень жалею, что Вы сразу не послали, как обещали, мне Вашу статью – не было бы тех неприятных для Вас (а в конечной степени и для меня) разговоров на редакционной коллегии,

¹⁵ Г. Л. Курбатов – ленинградский (петербургский) византист.

¹⁶ ГАСО, ф. 802, оп. 1, д. 157. М. М. Шитиков – ныне доктор философии УрГУ. Будучи аспирантом М. Я. Сюзюмова в 60-е гг., работал по проблеме итальянского влияния на константинопольскую торговлю в XV в.

тем более что Ваш рецензент (Вы его фамилию, конечно, знаете) очень авторитетный человек. Просмотрел Вашу статью в исправленном виде. Но Вы мало сделали исправлений. Особенно в отношении отзыва Вашего рецензента. Если Вы не согласны с рецензентом, даже тысячу раз справедливо, *тем не менее* нужно хоть для вежливости отредактировать подвергнутое критике место, чтобы оно не давало возможности разнотолков. *Это придется сделать* и не выступать против рецензента, а «учитывать» его замечания, хотя и *оставаться при своей концепции*. Любое замечание ведь имеет в основе некоторую неясность редакции текста!!!

Но у меня есть еще серьезные просьбы:

На стр. 5 говорится: «Почти все товары, упоминаемые в книге Бадозра, прошли через Константинополь и не просто были проведены мимо, а сменили там своего владельца». Вызвало сомнение. Нужно уточнить. Действительно ли товары *совсем не покупались* константинопольским населением, а только провозились мимо? Можно ли сделать вывод, что роль константинопольского населения как *покупателя товаров* приблизилась к нулю в это время, что Константинополь был только транзитным пунктом? Здесь нужно кое-что вставить! «Почти все товары» – может быть, можно выразить в % ??? На стр. 6 фраза: «Не только местное...» и до конца... никто не может растолковать, что это означает – означало ли, что все товары застревали в Константинополе и раскупались там потребителями (это в вопиющем противоречии с предыдущей фразой), или же другие купцы вывозили товары из Константинополя?... *Уяснить!*

Там же на стр. 6: «где им всегда обеспечен сбыт»?.. Непонятно – непосредственному потребителю или другим купцам, организовавшим транзит? Суть в том, что нужно развернуть понимание фразы: «Ведь это значительно ускоряло оборот капитала» и с этого начинать абзац. Тогда будет понятно, и фраза не вызовет разнотолков.

Далее, на стр. 7 пример говорит совсем не о том, что Вы выдвигали на конце 6 страницы. Говорит о продаже непосредственному потребителю, а ранее говорили о транзите!

На стр. 7 привести цифры о разрыве цен! Иначе нельзя составлять положение. Обратите внимание и на мое замечание в тексте к примечанию на стр. 7.

На стр. 9 недоумение вызывает Ваше исчисление доли Константинополя в венецианской торговле с Левантом. Вы исходите из % аукционных продаж: 24 % и 38 % и тут же говорите: от $1/4$ – $1/5$... Любой скажет от $1/4$ до $1/3$ и выше...

На 10 стр. вообще много непонятного. На второй строчке прибавить: *«то есть около одного миллиона дукатов в год»*. Затем логически у Вас что-то непонятное. Я Вам предлагаю такой текст после: «около миллиона дукатов в год» – «Мы можем обосновать наш гипотетический подсчет также и на данных книги Бадоера. Всего за 3,5 года торговый оборот с Венецией выразился в 235 тыс. иперпиров, или 67 тыс. иперпиров в год, что по среднему курсу равняется 26 тыс. дукатов в год. Но Бадоер является не единственным предпринимателем-венецианцем в Константинополе. Помимо него только по его книге мы встречаем 83 имени других венецианских купцов, торгующих с Константинополем. Если считать, что в лице Бадоера был предприниматель среднего калибра (об этом ниже), то оборот Бадоера нам представляется только $1/80$ всего оборота Венеции, т. е. исчисленная нами сумма оборота Венеции с Константинополем равняется, во всяком случае, не менее одного миллиона дукатов! Оценка Тирье¹⁷ (который не знал Бадоера) объема сделок венецианцев на константинопольском рынке 100–150 тыс. дукатов, по всей видимости, занижена, по крайней мере, в 8–9 раз!»

На стр. 11 вставить то, что объясняет, почему Вы выбрали распределение сделок по этническому признаку (чтобы пояснить: почему не согласны с рецензентом). Рекомендую вставить: «На книге Бадоера мы можем выяснить, насколько местные греки сохранили за собою еще некоторую долю в участии в торговле того времени (поскольку имеются представления о почти полном вытеснении греков в результате привилегий итальянскому купечеству). Поэтому мы старались определить по книге Бадоера, какая

¹⁷ Ф. Тирье – итальянский историк.

часть сделок относится к каким этническим группам. Не везде Бадоев отмечал этническую принадлежность его участника в сделке, около половины сделок не имеют интересующих нас данных. Однако из общей суммы оборота Бадоева – около 450 000 иперпиров – около 250 000 имеют соответствующие пометки. Это дает нам возможность, хотя и неполную, определить, какое место византийские греки еще сохранили за собой в торговле и финансовых операциях, что представляет собой основную часть наших исследований в данной статье.

На стр. 17 нужно отметить о «типичности» не так. Перечислить операции банка, связь с торговлей и заключение – стр. 18 – несмотря на то, что банк Критопулоса терпит банкротство, – нужно думать, что византийским попыткам организовывать банки наподобие итальянских препятствовала гегемония итальянского торгово-ростовщического капитала...

К стр. 23. Это, по-моему, центральная часть Вашего исследования. Как объяснить, что русские, болгары, валахи, грузины, мавры покупали ткани по дорогой цене?

Либо они не интересовались дешевыми тканями, так как круг покупателей был узок (князья и т. д.) и нуждались только в самых дорогих «поволоках»? Или потому, что их положение как покупателей было ущемлено в правовом отношении???

Вам нужно ответить примером, точно показывающим, что такой же тип товаров продавался этим покупателям дороже, чем венецианцам и грекам. *И здесь неловко ссылаться на будущую статью* – ведь Виз. Врем.¹⁸ – международный орган!!! Аргументацию нужно дать именно здесь!!!

На стр. 34 обязательно (сверхобязательно) привести аргументацию относительно того, что турки, армяне и другие в среднем вдвое дороже платили за те же ткани, которые покупали греки! Невероятная *неловкость* сослаться на будущую статью в другом органе. Даже если бы вышла статья, то *основное* можно было бы и нужно привести именно для аргументации. *Общий был вопрос: а как и почему это получилось и правильно ли утверждение???* Продумайте! Сверхобязательно!

¹⁸ «Византийский временник» – научный сборник византинистов.

Удастся ли Вам доказать, что за одно и то же качество товара турок платил в два раза больше, чем грек??? Может быть, турки, имеющие много награбленного богатства, покупали для своих жен *самые дорогие подарки*? Тогда никаких рассуждений и не может быть... И лучше отметить это и замолчать по этому поводу... Но если Вам удастся это отметить, то Вы сможете многое присовокупить!!!

Надеюсь, что Вы не сделаете неосмотрительных шагов. Очень и очень жалею, что не смог сразу же просмотреть Ваш ответ на первую рецензию. Когда будете писать в редакцию, напишите, что Вы *учли* все возражения рецензента и исправили, и уточнили те опечатки и неясности, которые обнаружены были рецензентом. Пришлите мне окончательный экземпляр возможно скорее.

Будьте здоровы Вы и Ваша семейка!!! Желаю успеха и дрожу за Вас...

Ваш М. С.

Е. Ч. Скржинской¹⁹

Свердловск

18 ноября 1969 г.

Многоуважаемая и дорогая Елена Чеславовна,

Простите, что так долго задержался с ответом – после сессии... еще много работы – отчеты. Секретариат представил записи прений – их просмотреть и напечатать на машинке для последующей печати в 1971 г.

Относительно континуитета – я всегда выражаю недовольство, когда под континуитетом разумеется неизменность, т. е. слову *continuitas* придают значение *immobilitas*. Континуитет – непрерывное продолжение со всеми противоречиями скачками вперед и назад.

Континуитет – не эволюция, *continuo* – только означает «продолжай!» Относительно же городов средневековья, которые воз-

¹⁹ ГАСО, ф. 802, оп. 1, д. 176. Е. Ч. Скржинская (1897–1981) – ленинградский историк, специалист по проблемам Причерноморья в Средние века.

ники в средние века. Конечно подлинно средневековые, но возникли тогда, когда уже существовали города, непрерывно продолжавшие развитие со времен античного мира! И по образу и подобию этих, уже впитавших континуитет, возникали новые города. Конечно, им не нужно было начинать путь сначала. Они воспользовались континуитетом старых городов. Пример: Москва (самостоятельно прошла весь путь от феодального периода) и Братск – там континуитет привнесен. Конечно, Братск чисто социалистический город, но разве там нет пережитков прошлого? Спекулянтов, хулиганов, воришек и т. д.? Все хорошее от прошлого, а иногда и пережитки в *новом* городе! Также и новые города в Византии, и средневековые города Западной Европы – раз общественный институт существует при благоприятных условиях, он количественно и территориально расширяется! Создание новых городов при наличии старых (Рим, Неаполь, Марсель и т. д.), при наличии христианских центров (епископата) ничуть не опровергает теории континуитета. Я выступаю только против самобытников, которые воображают, что Братск возник сразу же в результате самобытного спонтанного развития Сибири независимо от континуитета – феодальный, капиталистический и социалистический город! Так же, как отдельный человек не обязан пройти все стадии развития человечества, так и общественный институт воспринимает привнесенный общественным развитием континуитет. Разве Чикаго развился в результате самобытного развития местности? Американские города принесли европейский континуитет в Америку, продолжая его в направлении капитализма... То же самое можно сказать и о городах средневековья, основанных герцогами и епископами, и монастырями. Я очень высокого мнения о средневековом городе – именно тогда трудящийся ремесленник в то же время был «научным работником», изобретая секреты улучшения своего дела, не проходя предварительно никакой особой науки, кроме практики! А сейчас серьезные изменения в технике не могут быть даны без самого глубокого изучения основ современной науки. Объединение научного исследования и практики в одном лице – сейчас редкость, а в средневековом городе – правило! Нельзя

забывать мобилизующей и реорганизующей роли господствующих идей для средних веков христианства, римского права, средневековой схоластики!

Относительно греческой надписи у входа в зал:

ΑΣΠΑΣΜΑ	ΕΥΠΡΑΓΙΑ
τοῖς	ΕΥΠΡΑΞΙΑ
κοινωνοῖς	ΕΥΤΥΧΗΜΑ
ΤΗΣ	τῇ
Η'	Η''
ΣΥΝΟΔΟΥ	συνόδω
ΤΩΝ	ΤΩΝ
ΒΥΖΑΝΤΙΝΩΝ	ΒΥΖΑΝΤΙΝΩΝ
ΣΠΟΥΔΩΝ	ΣΠΟΥΔΩΝ
ἐν	ἐν
ΕΣΣΔ	ΕΣΣΔ

Мой новый адрес: Свердловск, 81, Луначарского, 17, кв. 24.
 Кажется, все Ваши вопросы?
 Всего наилучшего!

Всегда Ваш М. С.

Р. М. Бартияну²⁰

*Свердловск
 28 августа 1970 г.*

Дорогой Рачья Михайлович,

Сердечно благодарю за присланный сборник источников. Как видно, у Вас много делается для истории Армении. Но так жалко, что я не знаю армянского языка и в то же время жалко, что не сохранилась традиция XVI–XVIII вв. всегда при публикации источников отдаленного прошлого приводить перевод на латинский

²⁰ ГАСО, ф. 802, оп. 1, д. 150. Р. М. Бартиян – армянский историк. византист. В письме речь идет о XIII Международном конгрессе по историческим наукам, проходившем в августе 1970 г. в Москве.

язык. Счастливы были историки прошлого до конца XIX в., когда эта традиция почему-то прервалась! Нет единого языка, – а теперь всюду языковая задержка! Все-таки как хорошо было бы для художественной литературы – свои языки, а для науки только латинский международный язык! ведь это, во-первых, так облегчило бы и, во вторых, создало бы единство!

Я приехал третьего дня из Москвы – там, на конгрессе, искал глазами Вас: я был уверен, что Вы будете на конгрессе!!! Но, увы! Вас не оказалось. Я проживал в гостинице «Россия» вместе с А. Н. Мнацаканяном²¹. Вели очень интересные разговоры – конгресс прошел интересно, но было слишком много сутолоки. Эта сутолока усугублялась путаным устройством университетского здания и нелепой установкой сидений в аудиториях, где располагались секции. Но все-таки конгресс оставил хорошее впечатление. Удалось увидеть всех тех иностранных лиц, с которыми веду переписку. Очень много было кавказцев – но ни Вас из Армении, ни Каухчишвили²² из Грузии я не встретил!

Всего, всего наилучшего! Еще раз благодарю за книгу – постараюсь использовать ее у студентов, которые знакомы с языком.

Ваш М. С.

З. В. Удальцовой²³

23 марта 1970 г.

Глубокоуважаемая, дорогая Зинаида Владимировна,
Давно не писал – уж очень много работы – веду 3 курса:

1) Техническая хронология; 2) Производственные отношения по римскому праву; 3) Историография средних веков (поскольку принцип у меня – преемственность, то начинаю от Полибия).

²¹ А. Н. Мнацаканян – армянский историк, исследователь истории XX в.

²² С. Г. Каухчишвили – грузинский филолог и историк, специалист по проблемам истории и литературы Кавказа и Византии.

²³ ГАСО, ф. 802, оп. 1, д. 163. З. В. Удальцова (1918–1987) – московский византист, возглавляла сектор византиноведения Института всеобщей истории АН СССР.

И, кроме того, опять много дипломников (на базе спецкурсов)...

Посылаю Вам наши «Ученые записки» – три года в печати... издание – «дешевка».

Мой «Морской Закон» так же, как первое издание «Книги Эпарха» – для «внутреннего употребления», т. е. для спецсеминара. Но издать «Морской Закон» так же, как «Книгу Эпарха», не под силу в настоящее время. Нет предисловий (они осложнили бы спецсеминар), мало параллелей. Не переведены положения Корпус Юрис! Нужно было бы перевести всю книгу Василия, часть которой – Морской Закон... Все это в плане было, а остается в записях...

Сейчас занят перепиской с Копыленко²⁴ – споры относительно перевода... Копыленко очень славный человек. Уже накопился целый архив писем! А впереди – целая корреспонденция. Я все-таки хочу, чтобы Лев Диакон был бы таким, каким он мне представляется, а иногда отдельные выражения не так соответствуют этому...

Тревожусь и относительно августовского международного конгресса. Смогу ли вообще приехать... Еще более тревожит меня выбор тематики выступления... Какая установка – показать, что у нас в СССР полное единство в исторической науке, в недрах марксизма-ленинизма нет расхождений в деталях или же выступать против представления, что в СССР будто бы нет борьбы мнений в рамках марксистской историографии?.. Будто все канонизировано...

Я не буду выступать по первому докладу (Вашему и Евгении Владимировны²⁵), мне очень хотелось бы узнать тематику других докладов по Византии – можно ли узнать? Если можно, то очень просил бы. Можно ли совершенно отдельный доклад, например, «Модернизация и сепаратизация в византиноведении»? Если нужно, то мог бы и по-немецки сделать доклад, но такая тема затро-

²⁴ М. М. Копыленко – алма-атинский эллинист, филолог. Речь идет о совместной работе М. Я. Сюзюмова и М. М. Копыленко по переводу и комментированию текста «Истории» Льва Диакона.

²⁵ Е. В. Гутнова – московский медиевист.

нет не только зарубежных, но и некоторых наших... Лучше выступить по какому-нибудь докладу в прениях...

Очень просил бы Вас черкнуть мне несколько строк об установках конгресса...

Всего, всего наилучшего. Полагаю, что у Вас сейчас такой же «цейтнот», как и у многих наших! Разница только в масштабах...

Привет Михаилу Антоновичу²⁶

и всегда Ваш М. С.

Свердловск

9 февраля 1972 г.

Глубокоуважаемая, дорогая Зинаида Владимировна,

С глубоким смущением посылаю Вам свой вариант рецензии на Ваш труд. *Feci quod potui, dixi quod mihi videtur, quae existimo expropi*. Конечно, я, византинист с 1912 г., могу представить Византию только с точки зрения континуитета в культуре, в праве, идеологии Позднеримской империи... Конечно, я считаю, что больше всего страдали от варваров массы крестьянства (знать еще могла вступать в контакты с варварами...). И что ни о каком союзе масс с варварами не могло быть и речи. Конечно, я везде придерживаюсь генетического метода и считаю структурализм страшным извращением...

Я очень пропагандировал Вашу книгу – студенты восхищаются ею... но *pro domo mea*. Я на практических занятиях по историографии, конечно, противопоставлял свою аргументацию... вот почему я с таким смущением посылаю Вам мою рецензию. Я неделю работал над ней – первый период разросся на 15 страниц – уничтожил и перешел к краткости... Так что Ваше последнее слово о предложенном варианте рецензии. Я в плохом настроении – Гроссман²⁷ не хочет печатать мои статьи в «Вопросах истории»,

²⁶ М. А. Алпатов – муж З. В. Удальцовой, историк исторической науки.

²⁷ А. С. Гроссман – сотрудник, а позднее член редакционной коллегии журнала «Вопросы истории».

в том числе и эриванский доклад... много у меня не пропущенных статей – может быть, кое-что посмертно напечатают в университете... на кафедре, неважно... Маргарита²⁸ лежит неподвижно... тазовые кости раздроблены. Но, надеюсь, что вылечат... посылаю Вам свой кое-как изданный учебничек – для практических занятий по хронологии. Новый выпуск АДСВ²⁹ в типографии, выйдет не ранее лета. Получаю отзывы из заграницы о Льве Дьяконе, пишут – Лев представляется теперь совсем другим...

Мои аспиранты были в Ленинграде, присутствовали на разборе нового труда по просопографии XII в. Как поживает Ваша аспирантка, я что-то не помню, посылала ли она свой автореферат... А я с увлечением перечитываю введение в новеллы Юстиниана. Это не ложь, это искренность бывшего крестьянина...

Но... я люблю болтать, не хочу отнимать от Вас времени... Вряд ли смогу приехать в Москву в ближайшее время. Трудности – Поляковская больна и т. д.

Как поживает Михаил Антонович и молодой ученый?...³⁰ Самые добрые пожелания и привет Вам, всегда Вам благодарный и признательный

Μετὰ βαθέως ὑπολήψεως καὶ σεβασμοῦ.

Простите, что пишу на греческой машинке – русская сломалась...

²⁸ М. А. Поляковская.

²⁹ «Античная древность и средние века» – научный сборник кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета.

³⁰ Сын З. В. Удальцовой.

ХЕРСОНЕС В ПИСЬМАХ М. Я. СЮЗЮМОВА¹

Письма Михаила Яковлевича Сюзюмова 60–70-х гг. (ГАСО, ф. 802) хранят частицы информации, отражающей те стороны его концепции и деятельности, которые можно было бы назвать «идеей Херсонеса». Наиболее концентрированно эта идея отражена в письме А. П. Каждану от осени 1966 г. (без даты, но с записью «только что вернулся из Перми», т. е. с пермской научной конференции конца 1966 г.), а также в письмах А. Л. Якобсону от 2 февраля 1969 г. и Г. Л. Курбатову от 7 февраля 1972 г. (соответственно: д. 153, л. 6–6 об.; д. 168, л. 1–2; д. 154, л. 4–4 об.).

Хотя у всех и всегда создание и развитие уральской школы византиноведения ассоциируются с именем профессора М. Я. Сюзюмова, сам ученый соотносил создание научного направления прежде всего с Херсонесом. Истоки возникновения научного направления М. Я. Сюзюмов относил не к 1959–1960 гг. (когда появились первые аспиранты, вышел первый выпуск кафедрального сборника «Античная древность и средние века», состоялись первые полевые сезоны Крымской археологической экспедиции Уральского университета), а к военному 1942 г., когда он сам еще не имел даже кандидатской степени. М. Я. Сюзюмов писал Г. Л. Курбатову: «Школа уральская – с 1942 г., когда здесь, в Свердловске, хранился эвакуированный архив Херсонеса, когда собирались Стржелецкий, Виноградов, Сюзюмов, Суров, которые мечтали сделать Свердловск центром византиноведения» (д. 154, л. 4). Кроме своего, ученый назвал имена Станислава Францевича Стржелецкого, сотрудника Херсонесского музея, доцента Евгения Георгиевича Сурова, первого руководителя экспедиции в Крым, и профессора античности Александра Ивановича Виноградова. Это была группа единомышленников, генерировавшая «идею Херсонеса».

В основе этой идеи в концепции М. Я. Сюзюмова лежал тезис об антично-византийской сущности города, оказавшей воздействие

¹ Доклад М. А. Поляковской на X сюзюмовских чтениях. Тезисы опубликованы: История Византии и византийская археология. Екатеринбург, 1998. С. 5–8.

на русские территории. Ученый, вопреки стремлениям «искать в Херсонесе славян (было такое дело!) или тавров (!!! – увы, и сейчас фантазеры науки ищут)», высоко ценил значение Херсонеса, ибо он «всегда был эллинским и византийским городом!» М. Я. Сюзюмов подчеркивал, что «Херсонес, Ольвия, Пантикапей и т. д. ценны истории только потому, что они распространяли достижения великой античной культуры. Если бы (не. – *М. П.*) Херсонес и подобные центры цивилизации, русские не смогли бы перепрыгнуть сразу от родового общества к феодальному!» (д. 153, л. 16). Разумеется, в пылу спора ученый прибегал к методу «отсечения» других факторов, однако насколько в унисон с его выводами звучат слова А. С. Пушкина о значении влияния древнегреческой книжности на древнерусскую культуру и прежде всего на русский язык: «В XI веке греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени» (Соч., 1986. Т. 6. С. 18).

С Херсонесом М. Я. Сюзюмов связывал свою концепцию континуитета: «Мировое значение Херсонеса и других соседних городов в том, что Херсонес развивал свою роль именно в континуитете античной культуры...» (д. 152, л. 16 об.). В связи с этой идеей профессор пишет о дискуссионных приемах приобщения к ней своих учеников, работающих на херсонесском материале: «Я у себя постоянно развиваю атаки на византийские студии наших ребят» (Там же). В письме к А. Л. Якобсону ученый замечал: «Конечно, все наши свердловские сторонники континуитета, обращающие в первую очередь (внимание. – *М. П.*) на общее, а специфика и история ее развития являются только изменениями этого общего...» (д. 168, л. 2). О проводившемся в то время А. Романчук кандидатском исследовании М. Я. Сюзюмов писал: «Конечно, она проводит линию на континуитет» (Там же, л. 1). Одновременно автор письма разъясняет свою позицию в этом вопросе А. Л. Якобсону, придерживавшемуся иной точки зрения на проблему: «Я думаю, все наши разногласия основываются на недоразумении. Противники континуитета в советской историографии понимают конти-

нуитет как *эволюционность*...» По мнению же М. Я. Сюзюмова, диалектический континуитет – это «удержание связи и развития положительного» (Там же).

М. Я. Сюзюмов выделял значение Херсонеса для изучения проблемы византийского города. Он исходил из того, что «город в Византии (и поздней античности) всегда был центром с изменением социальной структуры, переживал периоды упадка и роста, но не переставал быть общественным институтом (д. 154, л. 4). Особое значение придавал ученый изучению периода «темных веков». В письме З. В. Удальцовой от осени 1969 г. он писал: «Наши студенты уже вернулись из Херсонеса – очень много интересного в отношении окружения города, причем как раз данные VIII в.» (д. 163, л. 1).

М. Я. Сюзюмов в письме А. П. Каждану подчеркивал значение влияния византийского военного дела на «расположение византийской оборонительной линии», а также на общую систему фортификации. В силу этого он считал возможным «присоединить» к херсонесскому материалу по этому вопросу такое сочинение, как «Тактика Льва» (д. 153, л. 16). Ученый видел византийское влияние «во всем прочем (базилики, жилые дома, гавани и т. д. и т. д.)...» (Там же, л. 16 об.).

Профессор считал необходимым расширение экспедиционных работ, полагая, что «новые раскопки на широких площадях могут многое дать» (д. 168, л. 1).

Понимая важность херсонесских раскопок для развития научного направления по византиноведению, М. Я. Сюзюмов ратовал за упрочение связей со специалистами, работающими непосредственно с херсонесскими материалами. Так, в письме от февраля 1969 г. он писал: «В марте месяце в Свердловск придет Инна Анатольевна (Антонова. – М. П.) для заключения договора о сотрудничестве на следующие пять лет...» (д. 168, л. 2). Кстати, И. А. Антонова одно из своих писем М. Я. Сюзюмову подписала «Ваши херсонеситы» (д. 193). В письме З. В. Удальцовой ученый сообщал, что в Свердловск на проводившуюся здесь в сентябре 1969 г. X Всесоюзную конференцию византинистов приедут «археологи из греческих городов Северного Причерноморья» (д. 168, л. 1).

Он приглашал приехать и А. Л. Якобсона: «...приезжайте когда-нибудь к нам в Свердловск... Вас встретим как одного из самых любимых авторов!!» (Там же). Сам М. Я. Сюзюмов в 60-е гг. довольно часто отдыхавший в Ялте, неоднократно навещал уральскую экспедицию в Херсонесе, о чем свидетельствует одно из его писем (д. 153, л. 9 об.).

В письмах М. Я. Сюзюмова есть несколько упоминаний и о созданной при кафедре в те далекие годы научной лаборатории, любовно нареченной аспирантами-шестидесятниками «античкой». Ученый писал: «...посмотрите на нашу миниатюрную лабораторию (места не дают развернуться)... без лаборанта кабинет! Никаких возможностей расширяться...» (д. 168, л. 1 об.). Надо полагать, он был бы горд, что усилия давних лет ныне преумножены.

Письма М. Я. Сюзюмова, в которых затрагивалась «херсонесская тема», называют имена тех молодых ученых, которые в 60-е гг. выполняли под его руководством кандидатские диссертации, используя результаты раскопок в Херсонесе. Двое из подававших надежды аспирантов тех лет – А. И. Романчук и В. В. Кучма упомянуты в письмах М. Я. Сюзюмова. Осенью 1965 г. Сюзюмов писал Каждану: «В этом году Кучма сделал много в Херсонесе – он, видимо, начал увлекаться средневековой археологией» (д. 153, л. 16). О руководителе крымской экспедиции А. И. Романчук М. Я. Сюзюмов написал в письме к А. Л. Якобсону: «Алла Романчук много работает. Работает в кружках, преподает, организует работы в сборнике, договаривается об открытых листах, пишет отчеты, планирует программу экспедиций – и в то же время готовит диссертацию и т. д. Нагрузка прямо героическая...» (д. 168, л. 2). Оба названные М. Я. Сюзюмовым аспиранта стали докторами наук. Традиция продолжается.

ИЗ ПИСЕМ А. П. КАЖДАНА

Александр Петрович Каждан (03.09.1922–29.05.1997) – один из крупнейших ученых в мировой византистике второй половины XX в., автор около 700 трудов. Более двадцати лет он работал в секторе истории Византии Института всеобщей истории АН СССР (1956–1978), был членом редколлегии «Византийского временника» (тома 27, 29–39), затем, после эмиграции в 1978 г., преподавал некоторое время в Париже, в Коллеж де Франс, а позднее, с 1979 г. до последнего дня жизни, жил и работал в исследовательском Центре византиноведения Дамбартон Окс в Вашингтоне.

Мое знакомство с Александром Петровичем состоялось зимой 1963 г. Приехав на месяц позаниматься в «Ленинке» (Библиотеке им. Ленина в Москве), я никак не могла получить нужную мне книгу: все заявки на нее возвращались с пометкой – «выдана читателю зала № 1» (это зал для докторов наук и академиков – тогда это был для меня храм, святыня!). За неделю до отъезда я, раздосадованная, решила выяснить ситуацию у библиотекаря этого зала. Она, посмотрев в абонементе, шепотом сказала: «Да, книга занята, с ней работает Каждан. Вот он сидит». У меня не было времени на раздумья: помню, как я прошла эти несколько метров до стола, где сидел Александр Петрович, и представилась, попробовала что-то сказать о нужной мне книге. Александр Петрович предложил мне выйти, мы довольно долго проговорили на лестничной клетке, и он в этот же день пригласил меня к себе домой. Я понимаю, что имя моего учителя – профессора Сюзумова – много значило в этом знакомстве.

Позднее, в каждый свой приезд в Москву, я бывала в гостях у Кажданов, сначала одна, а с 1972 г., когда мы подружились с Сашей Чекаловой (ныне доктор наук, ведущий научный сотруд-

ник сектора византиноведения), вместе с ней. Мы распивали чай на кухне – Муся Каждан была радушной хозяйкой и охотной собеседницей. Атмосфера отношений в доме была уютной, дружественной, диалоги часто сопровождались шуткой. Помню, Муся спросила: «Саня, ты не помнишь, куда мы мороженое положили?», в ответ мы слышали: «У мамы под подушкой». Мне пришлось заниматься в домашнем кабинете Каждана, когда хозяйка уезжала покататься на лыжах, а дома была только Анна Александровна, мама Александра Петровича. Приезжали мы с Сашей и на дачу, где А. П. жил с семьей, – отмечали его 55-летие («уход на пенсию», как он говорил в шутку).

Однажды мне пришлось побывать на известном домашнем семинаре по чтению византийских авторов: занятие проводилось с двумя студентами-классиками (один из них – Миша Бибиков). Помню свободную атмосферу общения, когда после разбора стилистических и грамматических сложностей греческого текста был легкий разговор *περί το, περί σε*. Эти «каждановские среды» в квартире на Малой Бронной означали прежде всего среду общения, а не только день недели.

После заседания в секторе мы – Александр Петрович, Саша Чекалова и я – не раз шли от ул. Дм. Ульянова до центра пешком – и часто в этих разговорах «по дороге» Каждан размышлял и сомневался по поводу вынашиваемых тем – совсем по Сократу! А задаваемые им вопросы, часто неожиданные, порой резкие и «неудобные», подталкивали к тому, чтобы достойно на них ответить, порой не сразу.

Позволю себе повторить один абзац из статьи, которую мы с Сашей Чекаловой написали к его юбилею: «Невозможно забыть и лекции А. П. Каждана по византийской литературе, читавшиеся им в стенах МГУ, в те же 70-е годы. Они читались (а точнее произносились, ибо Александр Петрович ни на русском, ни на любом другом языке никогда не читает своих лекций по бумажке) из острого желания быть услышанным и понятым. Эти лекции не только несли новую, непривычную для того времени информацию и подходы, но и создавали поле интеллектуально-эмоционального напряжения – до холода внутри, как на спектакле великого

актера. Это достигалось не столько особым риторическим талантом лектора, хотя он, несомненно, присутствовал, сколько огромной энергетической концентрацией ученого, возникновением биополя высокого потенциала»¹. Как я узнала позднее из его письма, после лекции, на которой я присутствовала, у него по пути домой случился сердечный приступ. А мне пришлось убрать из моего отчета по стажировке (иначе зав. сектором З. В. Удалцова не подписывала) упоминание о моем посещении этой лекции – Каждан уже стал одиозной личностью.

Наша переписка длилась более тридцати лет – сохранилось 120 из его писем (и некоторые из моих ответов). Для меня эта переписка была школой науки жить и мыслить. Но сейчас, отбирая письма для издания, я воспринимаю их и как дневник жизни самого Александра Петровича. Поэтому, публикуя их (фрагментарно), я убрала формулы обращения и подписи, что подчеркнуло в большой степени дневниковый характер писем.

Несмотря на активную переписку и не столь уж большую возрастную дистанцию, мы всегда сохраняли отношения «учитель – ученик». Он никогда меня не хвалил (разве что один раз), был крайне требователен ко мне. Я и сейчас себя и других оцениваю его глазами.

М. Я. Сюзюмову²

1965 г.

(примерно)

Дорогой Михаил Яковлевич,

Все-таки я с Вами не согласен! Прежде всего, в начале Вы допускаете «подмену доказательства» и вместо того, чтобы доказывать тезис, что византинисты отдают предпочтение москвичам перед свердловчанами, доказываете, что по истории СССР и краеведению легче напечатать работу в Свердловске, чем по средним

¹ Одиссей. 1997. С. 367.

² ГАСО, д. 215, л. 3.

векам. Да кто ж против этого спорит! Только к нам, византинистам, это не имеет никакого отношения.

Далее, о Е. Ч.³. Она – как к ней не относиться – никакого различия между москвичами и свердловчанами не делает. Она вообще не допускает никого в свой домен и, между прочим, зарезала статью отнюдь не новичка, некоего А. П. Каждана, которая представлялась в ВВ, – о византийской власти на Боспоре в конце XII в. (Я напечатал ее потом в сборнике в честь Тихомирова⁴ – по-моему, вполне приличная работа). Статью Чудиновских⁵ я не читал – я ведь, слава богу, не член редколлегии и вмешиваюсь крайне редко – и в какой мере Е. Ч. права в данном случае, не берусь судить. Мне только важно, что поступала она так не из-за дискриминации свердловчан...

То же самое и относительно Ваших работ (старых, конечно, вряд ли теперь Вы можете жаловаться!): Вас не печатали в то же самое время, как выбросили мою статью о пронии, как выбросили статью Гуревича⁶ против дьяконовских⁷ димов и т. д. Дело в том, что Вы выступали против того, что Н считал непререкаемым, а он этого не терпел. Так что дело совершенно не в свердловском происхождении Ваших статей, а в их неортодоксальности. Но 1) теперь этого бояться меньше (хотя Корсунского⁸ мы не печатаем, хоть он и москвич) и 2) ни один из Ваших учеников еще не выступил с той силой опровержения авторитетов, с какой выступал когда-то Сюзюмов (когда-то в смысле – когда его не печатали).

Каждый из нас, бывало и бывает, высказывал из издательского плана или залеживался. Но выбросьте, ради бога, из головы, что дело здесь в свердловской ориго! Недавно я хотел напечатать книжку о Евстафии Солунском, заранее объявил, что без гонорара, материал у меня интересный, в том числе рукописный, однако

³ Е. Ч. Скржинская.

⁴ М. Н. Тихомиров – московский историк, специалист по истории феодальной России.

⁵ Э. И. Чудиновских – аспирантка М. Я. Сюзюмова.

⁶ А. Я. Гуревич – московский медиевист.

⁷ А. П. Дьяконов – московский византинист первой половины XX в.

⁸ А. Р. Корсунский – московский медиевист.

не стали печатать: дескать, не соберем тиража. Вот и все, а ведь я не из Свердловска... Таких примеров сколько угодно.

Опять же Вы не правы и в отношении Смирин⁹, который к Вам никакой дискриминации не проявлял. Я Смирин знаю хорошо, у него могло быть множество разных причин тянуть – но не это. (Кстати, «Эпарх» тянулся гораздо меньше, чем «Псамафийская хроника»¹⁰). Любарский¹¹ же никакой привилегией не пользовался, напротив, хотя он сдал *раньше* «Эклоги»¹², «Эклога» уже вышла, а «Анна»¹³ нет.

Так что эта Ваша концепция построена на фактах, но на фактах, взятых в произвольных сочетаниях, ну, бог с ним. Так можно без конца воду в ступе молоть.

Читали Вы 26-й том ВВ? Я в восторге от ответа Е. Э.¹⁴ С каким изяществом она возвращает мне удары. Я ей, например, ставлю в упрек, что она не написала о Дамаскине, и она мне – тот же упрек (даже Танеева приплела!). Не поймешь, кто книгу писал – она или я...

Что у Вас нового? Чем заняты? Собираетесь ли в Москву? Я написал скандальную статью «Христианство и духовная культура»: пытаюсь поставить вопрос о том, что христианское мировоззрение (этика и проч.) благоприятно сказывалось на некоторых сторонах развития искусства и литературы, что в трактовке любви, страдания, сочувствия был прогресс в сравнении с античностью. Пора, пожалуй, об этом. Не видели ли Вы, кстати сказать, в № «Вопросов литературы» за прошлый год рецензию Маркиша¹⁵ на позднюю античную поэзию и прозу? Он упрекает редакторов в том, что они совершенно игнорировали раннехристианских авторов. Видите, до чего мы дожили!

В последнее время много занимался Симеоном Новым Богословом: достал два тома его «Катехизисов», а сейчас, наконец-то,

⁹ М. М. Смирин – московский медиевист.

¹⁰ «Псамафийскую хронику» издал А. П. Каждан.

¹¹ Я. Н. Любарский – ленинградский (петербургский) византинист.

¹² «Эклогу» издала Е. Э. Липшиц.

¹³ «Алексиада» Анны Комниной.

¹⁴ Е. Э. Липшиц – ленинградский византинист.

¹⁵ С. П. Маркиш – московский литературовед.

раздобыл изданное в 1928 г. его Житие, написанное Стифатом. Очень любопытный автор и очень близкий, по-моему, к Кекав-мену.

В Институте – научная тишь. Послезавтра, в пятницу, обсуждение докторской диссертации Корсунского в университете. Вот, как бы и все. Тысяча приветов!

Ваш А. К.

Осень 1965 г.

Дорогой Михаил Яковлевич¹⁶,

Очень рад Вашему письму – давно не получал, даже соскучился. Желаю Вам, чтобы Ваши «конструктивные предложения» были действительно учтены.

С Острогорским¹⁷ провели мы тут несколько вечеров, и как всегда в таких случаях, ни о чем не успели поговорить. Во всяком случае, он просил Вам передать привет, что я и делаю. Сейчас он уже в Ленинграде, откуда поедет к своим родным – в Хельсинки и в Стокгольм. Очень просил присылать ему свои статьи – так что учтите это...

Сборник Ваш еще не читал (к сожалению, только что закончил партию аннотаций для БС¹⁸ – теперь немного придется подождать), бегло проглядел. Ваша статья, по-моему, интересна по своему принципу, только мне кажется, что все это, убивая единственность закономерной связи, и превращает нашу науку в идиографическую. Но, может быть, это и лучше. (Любопытная была статья Штаерман¹⁹ в ВИ²⁰, открывающая дорогу для всякого рода аналогий, которыми мы на практике пользуемся и без того.) Другие статьи не радуют, честно говоря, но судить надо не по просмотру, а по настоящему чтению.

¹⁶ ГАСО, ф. 802, д. 215, л. 4.

¹⁷ Г. А. Острогорский – сербский византист.

¹⁸ «Byzantinoslavica» – международный журнал (Прага).

¹⁹ Е. М. Штаерман – московский антиковед.

²⁰ Журнал «Вопросы истории» (Москва).

ВВ 27 пока лежит без движения – ведь мы переведены на один том в год. З. В.²¹ была слишком занята в этом году, чтобы что-нибудь предпринимать. Зато «История Византии» движется, надеюсь, что т. 1–2 сдадим скоро в производство. Ваши замечания просмотрел, криминальную фразу убрал и многое другое учел, но очень на Вас сердит за то, что Вы не привели в порядок Юстиниана II: глава совершенно распадается. Мне кажется, что Вы в теоретических построениях куда сильнее, чем в чистой идиографии. Сейчас все время сижу над «Историей Византии». Очень жалею, что нет у меня Ваших едких глосс и по 2-й части, но теперь уже поздно! Читаю авторов: недавно получил из ГДР Христофора Митиленского, сейчас читаю Месарита. Диапазон! А что получится из этого – не знаю. Может быть, только гора карточек, которые помрут вместе со мной.

Сердечный привет Вам и всем вашим ученикам, которых Вы так любите и которые готовы ради Вас сражаться даже с самой истиной!

Ваш А. П.

1965 г. (примерно)

Дорогой Михаил Яковлевич²²,

Наташа²³ уже отправила Вам комплект первой части 2-го тома, а я все никак не мог выбраться написать Вам. Сейчас все идет, как по-писаному: после того, как годы ничего не двигалось с места, наступила пора страшной спешки: мы должны сдать в издательство 2 т.²⁴ в марте (!), а последние главы еще только поступают. Таким образом, мы сдадим том, не отредактировав его, будем доводить до кондиции по второму экземпляру, пока первый будет отлеживать свое в издательских шкафах.

²¹ З. В. Удальцова – редактор сборника «Византийский временник».

²² ГАСО, ф. 802, д. 215, л. 1.

²³ Н. М. Меньшова – сотрудник сектора византиноведения Института всеобщей истории АН СССР.

²⁴ Речь идет о подготовке второго тома «Истории Византии» (вышел в 1967 г.).

Очень прошу Вас внимательно, не торопясь просмотреть всю первую часть – как свои главы, так и чужие. Что касается Ваших глав, то основные претензии, выраженные на обсуждении, таковы: гл. 3 нуждается в доработке (это связано с тем, что Вы писали ее, наплевав на принятую в томе периодизацию, в результате чего основную часть главы пришлось перебросить в 1-й т.), в главе нет ясности, и социальная опора Юстиниана трактуется противоречиво. В части иконоборчества вызвал возражение Ваш тезис о «рес сакра», но тут я на Вашей стороне и просил бы только ограничиться замечанием о существовании другой точки зрения насчет земле- владения, высказывалось также неодобрение (в отношении. – *М. П.*) раздела о павликианах (к тому же часть мне по хронологическому принципу пришлось перекинуть во 2-ю ч. – все то, что после 843 г.): просили изложить материал более концентрированно и программу их изобразить более четко. Что касается меня самого, то я бы хотел видеть эти главы более живыми: я попытался сам, Вы увидите, вставить некоторые нарративные моменты. Есть у меня еще пожелание, но вряд ли Вы на него согласитесь: при таком сравнительно небольшом объеме (ведь это не 1-й т.: у нас на каждое столетие примерно вдвое меньше листажа!) хронологически последовательное изложение не является идеалом. Если бы Вы согласились выделить внешнюю политику, это могло бы дать некоторый выигрыш в ясности изложения. Но на этом я не настаиваю!

Ваш параграф о городе подвергся очень большому сокращению. В результате, конечно, могли быть искажены кое-какие нюансы, могли появиться и противоречия. Пожалуйста, тщательно его просмотрите и внесите поправки. Единственно, чего *нельзя* делать ни в коем случае – это расширять объем. В томе безумно тесно!

Да, еще одно забавное замечание было сделано относительно 1-й гл. Вся характеристика источников получилась *негативная* – того-то нет, в том-то искажение и т. п. Нельзя ли как-то перестроить акцент, чтобы получалось, что есть в них, а не чего в них нет?

Жду также Ваших замечаний по чужим главам. С моей точки зрения, аграрный параграф терпимый, попытка административно- го очерка не может не вызвать возражений, т. к. это в нашей лите-

ратуре новая тема, традиций нет. В большой доработке нуждается «Культура»: по этой части особенно жду Ваших замечаний и *предложений*.

Что у Вас нового? Не собираетесь ли в Москву? У меня сейчас идет спор по переписке с С. В. Поляковой²⁵ – о датировке романа Макремволита. Я отстаиваю традиционную точку зрения – XII в. А как Ваше мнение? Нет ли у Вас экземпляра «Книги Эпарха»? Если есть, пошлите, пожалуйста, Гийану²⁶.

В Институте новое сокращение, которое затронет, по-видимому, и наш сектор. Получил кое-какие новые книги, в том числе «Катехизис» Симеона Нового Богослова. Это удивительно интересный писатель! К сожалению, издание еще не закончено.

Сердечный привет Маргарите Адольфовне²⁷!

Ваш А. К.

1966 г. (примерно)

Дорогой Михаил Яковлевич²⁸,

Могу Вам сообщить, пока неофициально, что была редколлегия 28-го тома²⁹ и статьи, как Ваша, так и Кучмы³⁰, прошли без задоринки. Наверное, на днях вас известят и из редакции.

А теперь – к Вашему письму. Что касается континуитета, то, конечно, с такой формулировкой ни один идиот спорить не сможет. Если Вы понимаете континуитет как усвоение определенных элементов культуры прошлого – кто же станет отрицать, что он всегда есть. Но ведь спор-то всегда не об этом шел! Гитлеровский райх определенными и весьма мощными нитями связан с Веймарской республикой, но кто же посмеет отрицать, что это иное качественно государство? Христианская идеология тысячью корней

²⁵ С. В. Полякова – ленинградский византист.

²⁶ Р. Гийан – французский византист.

²⁷ М. А. Поляковская.

²⁸ ГАСО, ф. 802, д. 215, л. 2.

²⁹ Речь идет о 28-м томе «Византийского временника».

³⁰ В. В. Кучма – ученик М. Я. Сюзюмова, ныне волгоградский византист.

уходит в античную цивилизацию и даже христианская мистика родственна неоплатонизму, но правомерно ли на основании этого забыть, что в сущности своей это – иная культура? Я читал не так давно «Спанеа» параллельно с «Димоником» Исократ (или Псевдо-Исократ?): целые абзацы восходят к «Димонику», но нельзя не видеть, что по задачам своим, по главному – совершенно иное произведение. Вот ведь о чем я твержу все время: конечно, масса сходного, начиная с того, что по-прежнему ходили на двух ногах и теми же деревяшками ковыряли землю, а все-таки в какие-то моменты совершались качественные сдвиги.

Как легко уловить элементы сходства формулировки: права, образы поэтов, бордели и бани, – господа, тысячи вещей роднят Византию с Поздним Римом. Проследивать частичный континуитет – для этого достаточно хорошей памяти. Но Вы же сами видите, что это другое государство? И уловить различия – куда как труднее. И в этих поисках гораздо легче допустить погрешности, ошибки.

Довольно об этом.

Все Ваше письмо – об учениках. И как всегда (не обижайтесь только на меня), Вы совершаете подмену доказательства. Ну кто когда посмеет кинуть в Вас камень и сказать, что Вы не все сделали для них? Больше того. То, что Вы делаете, для меня – чудо. И Ваша научная деятельность с ее юношеской свежестью и фейерверком идей, и Ваша человечность преподавателя, и Ваша удивительная попытка создать школу византиноведения в Свердловске – все это – чудо. Я не льщу Вам, Вы меня знаете. Вопрос не в Вас – вопрос в том, нужно ли метать бисер, стоит ли помогать тем, кто недостаточно способен, чтобы занять место в науке...

А теперь о сроках. Ну, что же Вы горюете, что какой-то мерзавец и шкурник не стал у Вас учиться. И слава богу. Пусть к нам идут не многие, а те, кто хотят и могут, и любят наше дело. Хвостова³¹ писала диссертацию 7 лет. Любарский чуть меньше этого (и предварительно сделал перевод целой «Алексиады»)!. Ходит тут ко мне один молодой и на редкость одаренный юноша, который

³¹ К. В. Хвостова – московский византинист.

скоро всех нас заткнет за пояс – Сережа Аверинцев³²: срок аспирантуры его прошел, а он не спешит с защитой, хотя, повторяю, это редкого таланта, колоссальных знаний человек, блестящий переводчик, начитанный в философии и богословии, свободно владеющий языками... Наши должны медленнее защищать, как правило, – это совсем иная дисциплина.

Короче говоря, я хочу сказать Вам слова известной басенной львицы: «Хоть один, но зато – лев», вот, по-моему, что нам.

А я понемногу подбираю (или осуществляю) Ваши идеи: помните, как Вы обиделись на Рыбакова³³ за Константина Багрянородного? Я воткнул это в аннотацию его книги в «Бизантинославике» – прочтите, получите удовольствие. Он, думаю, нет. Воплотил я и другую вашу идею: критику мифологической школы о Христе. Если все будет хорошо, она появится во 2-м номере «Науки и религии» на днях. Хочу теперь обругать Истрина³⁴ за протокирilloвскую азбуку, созданную на Руси в VII в. – ну что это за квасной патриотизм! В общем, дождусь, как меня всем миром колотить будут, тогда уж никто не заступится.

Все хожу вокруг да около Симеона Богослова – пора уж садиться писать, да приходится то одно, то другое подчитывать. Книг, черт побери, не хватает! Пожалуй, все-таки напишу начерно – потом, как с Евстафием, буду года полтора подтягивать хвост.

Ну, затянул письмо – пора кончать. Да, Вы спрашиваете о темах. Что касается Феодорита Киррского, то я просто не в курсе – боюсь, не много ли для начала. Идеологические проблемы V в. крайне сложны (Вы лучше меня знаете). Думаю, что постановка возможна, если у Вас самого есть предварительное решение или хотя бы набросок. Акрополит, как Вы знаете, тема Гейзенберга, и он помер, так ее не решив. Тема, тут уж я немного знаю, колоссальная: ведь ставить ее не в гейзенберговском охвате стыдно; нужно и Синописис Сафы (т. н. Скутариота) привлекать, Месарита и мно-

³² С. С. Аверинцев – московский филолог, специалист в области греческой, ветхозаветной и византийской литературы.

³³ Б. А. Рыбаков – московский историк, археолог, специалист по истории Древней Руси.

³⁴ В. М. Истрин – российский византист 20-х гг. XX в.

гое другое (а параллельные латинские источники!). Правда, привлекательно, что есть русский перевод...

Не исключено, что я в марте на денек залечу в Свердловск.

В Москве был Н. Поили его. О Вашем докладе написал Шевченко³⁵ и послал ему книжку тбилисских тезисов. Надеюсь, дойдет.

Ну, будьте здоровы. Поверьте, что по-человечески я Вашим свердловчанам сочувствую, но где начинается наука, кончается человеческое.

Ваш А. К.

Э. Н. Хрущевой³⁶

Dumbarton Oaks

8 мая 1992 г.

Дорогая Элла,

Не без некоторого внутреннего смеха прочитал я Ваше письмо. Вот тебе и на, дожили до того, чтобы видеть собственную икону! Самое смешное, однако, заключается в том, что пару дней назад (sic!) звонил мне какой-то молодой грек из Нью-Йорка и сообщил, что пишет обо мне диплом, и интервьюировал меня по этому поводу. Кажется, он не знает русского языка (что делает всю комедию еще смешнее).

Ах, Господи, зачем же писать о живых людях...

Вы просите (с Саймоном Фрэнклином) *Studies*. Я бы послал Вам – не помню, есть ли у меня экземпляр, но достать, наверное, можно. Но я боюсь почты – я столько потерял при пересылке книг, что и пером не описать. Сделаем так: в июле сюда придет Саша

³⁵ И. Шевченко – американский византист.

³⁶ Э. Н. Хрущева в момент получения письма – дипломница М. А. Поляковской, исследовавшая концепцию византийской истории в трудах А. П. Каждана (в связи с его 70-летием). Решившись, по совету научного руководителя, обратиться к герою своей дипломной работы по поводу вех его жизненного пути, она получила в ответ собственноручную автобиографию А. П. Каждана, не содержащую официальных купюр, но написанную с изрядной долей самоиронии.

Чекалова³⁷ (подруга Марг. Ад.³⁸) и, если я достану экземпляр, я дам ей. Вообще-то в Москве книга есть, я посылал туда в свое время. Да, кстати, эта книга – в основном переводы с русского (сильно подправленные и подновленные, но переводы).

Я постараюсь сделать Вам копию предисловия, которое я написал для своего итальянского издания. Это не автобиография, но характеристика моего, как торжественно выражаются, творческого пути. Биографий моих в ходу нет, да и нужны ли они? К сентябрю будет DOP³⁹ со списком трудов и дурацкой статьей «Разговоры с Александром». Если бы я сам писал, я был бы к себе безжалостным. Я ведь делом-то не учился, кончил два года университета в 41 г., потом работал и сдавал заочно (т. е. без приобретения знаний), греческий учил самоучкой и по сей день делаю странные ошибки. Политически был вполне конформистом – в 35 г. печатал ортодоксальные стихи на день Первого мая и т. п. К аспирантуре скакал с одного предмета на другой – эллинизм, английское средневековое право, церковная история, аграрная Византия. В общем, все как *не* надо. Преподавал (внештатно) в заочной ВПШ⁴⁰ (два лета) – древнюю и средневековую историю – тогда это было (45 и 46 г.) – был активным атеистом, написал очень плохую повесть «У стен Царьграда». Симпатичный образ, правда? Можно сказать, почти в друзьях с Крывелевым⁴¹ ходил.

Процесс выздоровления был долгим и мучительным. Очень хорошо помню, кажется, это было в 53 г. – я стоял в коридоре Института истории (тогда на Волхонке) и говорил с Даниловым⁴², будущим министром просвещения РСФСР, и спрашивал его, как же мы будем теперь без цитат из классиков марксизма. Так – вот.

Мне помогло, думается, мое еврейство, которое стало между моим конформизмом и карьерой. «Вы не шейте ливреи, евреи» – знаете такую песню? В 46-м я кончил аспирантуру – работы в Моск-

³⁷ А. А. Чекалова – московский византинист.

³⁸ М. А. Поляковская.

³⁹ «Dumbarton Oaks Papers» – научный сборник (Вашингтон).

⁴⁰ Высшая партийная школа.

⁴¹ И. А. Крывелев – историк религии.

⁴² А. И. Данилов – московский медиевист.

ве мне не было. В 49-м меня с треском выгнали из Ивановского пединститута, хотели отдать под суд за космополитизм, отделался запрещением работать в системе народного образования. С трудом добился отмены приказа, устроился в Тулу, в 52 г. опять вылетел (по сокращению штатов), год ходил так, *unemployed*, писал статейки в БСЭ: «опушка», «преферанс», «покер» (мои, мои!), да и то под чужой фамилией, редактировал книжку Полянского⁴³, выжил, дождался кончины Великого Вождя (заметьте, моя жена пошла на Его похороны, еле живая вернулась – такая была атмосфера). Это, Эллочка, *мои* университеты.

Дальше пошло лучше: от труб и литавр сталинской поры двинулся к полупониманию *rerum natura*. Кстати, о сталинской поре – вот Вам анекдот. Моя «Деревня», т. е. «Аграрные отношения» (1952), была уже сверстана, когда вышел очередной гениальный труд, где взгляды на феодальную собственность разошлись с моими. Но Вождь свою книгу публично читать не велел, ее держали под спудом и давали по особой милости. Судьба меня хранила – смог прочитать и в издательстве сделали выдирку: если внимательно приглядеться, там, где я «совпадаю» со Сталиным в трактовке этой чертовой собственности, шрифт чуть-чуть другой. Так и жили, милая моя девочка.

Схоронили Друга Народов. Меня взяли на работу в Великие Луки. Докторская моя была написана (Деревня и город) в 52 г. – я защитил ее в 61 г. Характер у меня был скверный, лез не в свои сани. Еще мальчишечкой напечатал рецензию на Виз. Врем. 1 в Изв. АН, ОИФ⁴⁴ – прочтите, не пожалеете: я там Левченко⁴⁵ уличал в плагиате из Дьяконова⁴⁶; ...слава Богу, Косминский⁴⁷ отговорил дурака. Результат? Левченко запорол мою диссертацию, сказал: «На уровне дипломной работы», и все съели. А ведь сколько лет прошло, пока С. Foss⁴⁸ повторил мои выводы о городах VII в.,

⁴³ Ф. Я. Полянский – московский медиевист.

⁴⁴ Известия АН СССР, Отделение истории и филологии.

⁴⁵ В. М. Левченко – ленинградский византист.

⁴⁶ А. П. Дьяконов.

⁴⁷ Е. А. Косминский – московский византист.

⁴⁸ К. Фосс – американский византист.

и сейчас, совсем недавно, вышла книга Harvey'я⁴⁹ о прогрессивном развитии византийской экономики в XI–XII вв. А в «дипломной работе» – пусть коряво, неуклюже, с ошибками – все уже было сказано в 52 г., 40 лет тому назад.

Но как бы то ни было, стало лучше. В 56-м меня взяли в Институт истории. Взяли благодаря Мих. Як.⁵⁰, для которого это место было, но который в Москву ехать не захотел. Стали думать, кого бы взять. Всех к тому времени набрали – не только Удальцову, но и Литаврина, Наследову, Осипову⁵¹. Оставались за пределами я да Курбатов⁵². Взяли меня, почему-то. Есть два объяснения. Одно научное: Удальцова не хотела усиливать Ленинградское отделение... Другое анекдотическое, может быть, неверное, но не я выдумал: решать дали Косминскому, моему учителю (сразу отмечу, это был гениальный историк, лучший на моем пути, но злой человек), который будто бы сказал: «Не знаю ни того, ни другого (sic! Я его обожал как женщину, и уж он-то меня знал); давайте на бумажках напишем имена и в сахарницу кинем... Вытащил меня».

Да, пропустил я один эпизод из моей жизни. «Аграрные отношения» были моей диссертацией, и Косминский (который тогда еще меня «знал») предложил их напечатать. Человек, который тогда был влиятельным, Б. Т. Горянов⁵³, был против (прочтете книгу, поймете почему) и сперва выступал открыто, а потом прислал письмо под чужим именем, стали разбирать, а я тем временем выяснил, что такого человека не существует, а по указанному адресу находится электростанция. По бумажке из Ленгорсправки рукопись прошла на ура.

Так с 56-го я был в Институте истории: сперва мл. н. с.⁵⁴ с обязательством ежедневно снимать номерок в 9.30 (никто в секторе –

⁴⁹ А. Hervey – автор книги «Economic Expansion in the Byzantine Empire 900–1200».

⁵⁰ М. Я. Сюзюмов.

⁵¹ З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин, Р. А. Наследова, К. А. Осипова – московские византилисты.

⁵² Г. Л. Курбатов – ленинградский (петербургский) византист.

⁵³ Б. Т. Горянов – ленинградский византист.

⁵⁴ Мл. н. с. (м. н. с.) – младший научный сотрудник в академическом учреждении.

или это еще была группа? – этого не делал, только я как самый последний), потом ст. н. с.⁵⁵, потом доктором наук. 60-е гг. были хороши – свободой запахло. Почитайте «Новый мир», я там печатался, создал «новый жанр» – рецензии на исторические труды. Сейчас у вас все в голос, а тогда надо было об Октябрьской революции через Плутарха и Суллу писать. Тут мое обучение завершилось: прочтите мои историографические статьи в Виз. Вр. – о загадке Комнинов, об аграрной истории. Как они отличаются от вымученной критики буржуазной реакционной литературы в «Аграрных отношениях»! Не осудить – понять стало задачей. Думаю, что моя «Византийская культура» тоже обязана смерти Сталина своим происхождением; эволюция была та же, что и у Гуревича и под тем же влиянием школы *Annales*. Хорошо мне жилось и работалось в 60-е гг. Почему я уехал? Это сложно. Уехал сперва мой сын с семьей, у него были свои соображения. Мою жену тут же уволили. Удальцова была умнее, на скандал не шла, но шаг за шагом ограничивала меня, ясно мне сказав, что сына и внуков мне в глаза не видать. А потом удар – мою статью в Виз. Вр. зарезали как немарксистскую. Я позднее опубликовал ее в соавторстве с А. Cutler'ом⁵⁶ в «Byzantion»⁵⁷ – «Continuity end Discontinuity», судите сами о качестве. Так она меня и выперла, спасибо покойнице. Мне было 56, когда я уехал, было трудно, и теперь многое трудно, но работается хорошо и спокойно, исчезло чувство обиженности, несправедливости.

Что еще? Знаете ли Вы, что я выпустил трехтомный «Oxford dictionary of Byzantium» (1991)? Я послал Марг. Ад.⁵⁸ верстку – книга уж больно дорога, но в Москве она есть. Конечно, я не весь его написал, но, кажется, весь отредактировал как *edition-in-chef*.

Когда я уезжал, Як. Ник.⁵⁹ сказал: «Не сможешь ты там работать». И правда, первые годы я развивал старые идеи и старые заготовки. Но этим не закончилось. Конечно, я стал *мельче*, реже

⁵⁵ Ст. н. с. (с. н. с.) – старший научный сотрудник.

⁵⁶ А. Катлер – американский византист.

⁵⁷ «Byzantion» – международный византиноведческий журнал (Брюссель).

⁵⁸ М. А. Поляковская.

⁵⁹ Я. Н. Любарский.

пишу о больших проблемах, ближе подошел к тексту, но, кажется, еще не исписался. Хватит похвастаться!

Ваш А. К.

Р. С. Я перечитал свое письмо и решил добавить две вещи:

1) «Псевдоним», использованный Б. Т. Горяновым для подметного письма, был Б. Т. Семидольский. Потрясающее совпадение инициалов!

2) Еще один позорный эпизод из моей жизни. Я был послан по линии ЗВПСИ в Саранск и, т. к. обкомы работали в те годы заполночь, мои дни были свободны. Местный пединститут пригласил меня прочесть лекции по древней истории. Я согласился (кстати, тогда Бахтин⁶⁰ работал в этом пединституте – это был, по-моему, 45-й год, но я не знал этого имени тогда!), но город был грязный, и вот что я, к стыду своему, придумал: я пошел к предгорсовета (которому предстояло сдавать мне экзамен) и попросил, чтоб меня возили в институт на машине (он предлагал мне талон на галоши), и меня возили. Вы должны понять, что в городе было примерно десять автомобилей в то время. Вот так власть калечит людей.

М. А. Поляковской

Июнь 1966 г.

С некоторым опозданием благодарю Вас за письмо и поздравляю с защитой! Надеюсь, что теперь Вы будете чувствовать себя спокойнее и благополучнее, и это скажется наилучшим образом на Вашей научной работе. Приехать в Москву Вам *очень* важно, чтобы «повариться» в нормальной среде, подышать «непровинциальным» (не обижайтесь на меня) воздухом – и, кстати, этот воздух был очень заметен на конференции.

Р. С. Чем теперь будете заниматься? Опять деревни считать? Не надоело еще?

⁶⁰ М. М. Бахтин – литературовед, теоретик искусства.

Осень 1966 г.

Спасибо за письмо и за замечания – получил я их и рукопись. Думаю, что соображения Ваши относительно N основательны: она хорошо начинала, но увлеклась в последнее время *словами*. Может быть, я старею, но не могу понять слов ради слов, терминов ради наукообразности, не дающих результатов. Из современной социологии можно взять многое для византиноведения – вопрос о малых группах, например, о семье, практически у нас не поставлен. А не кажется ли Вам, что известное упрочение византийского «фамилианизма» связано с особенностями государственного строя? И отсюда специфика монастыря как микроструктуры (корпоративизм Запада ↔ фамилианизм Византии) приобретает *коренное* значение. Здесь не *слово* «микроструктура», а попытка понять главное в общественном устройстве империи, понять, так сказать, «византийского человека». Стремитесь к этому! Кстати, прочитайте-ка дивную книгу Романова⁶¹ о морали и правах на Руси. *Очень* важно.

М. Я.⁶² написал мне, что я Вас обидел. Думаю, что это не так. Надеюсь, что Вы понимаете, что в науке не может быть скидок на хорошее отношение. Слишком много сахара – это опасно. Будьте здоровы.

Осень 1969 г.

Я хочу поблагодарить Вас за все гостеприимство, которое я встретил в Свердловске, и пожелать Вам – совсем не формально и не торжественно – настоящего счастья и больших успехов.

Дни бегут, работы не становится меньше, забот и болезней тоже. Собака с высунутым от изнеможения языком – вот, скорее всего, самый точный символ человека XX в. Мы уже совершенно потеряли способность остановиться на минутку, оглядеться, предаться тихой лени. Куда там! Мы довели до абсолюта классичес-

⁶¹ Б. А. Романов – ленинградский историк.

⁶² М. Я. Сюзюмов.

кие добродетели кальвинистов – энергию, стяжательство, деятельность, хотя все это идет вхолостую, но остановиться нет сил. Пушкину когда-то казалось, что свободы нет, хотя есть покой и воля. Я уже не говорю о свободе, но нет ни покоя, ни воли. Бог наш бег и, самое страшное, мы не пугаемся.

Еще раз всего наилучшего.

Р. S. Привет М. Я.

Декабрь 1969 г.

Очень рад был получить Ваше письмо. Тем временем послал Вам (и М. Я., и В. А.⁶³) мой оттиск – информацию о советских работах (и о Ваших в том числе).

Очень рад и тому, что Вы ощущаете новый стимул для работы. Стимул, *внутренний* стимул, непреодолимое желание, когда работа становится потребностью, как для соловья – петь, – это самое главное. С временем, конечно, плохо, плохо и у нас, хотя мы, конечно, в оптимальном положении (зато и обязанностей больше – возьмите хотя бы во внимание, сколько надо времени и усилий на всю рецензионно-информационную работу, что лежит на моих плечах!), но недостаток времени, *Mangel der Zeit*, это преодолимо, а вот если нет стимула – тут как-то.

Добивайтесь возможности на несколько месяцев вырваться в Москву или Ленинград. Лучше, конечно, в Москву – здесь книг больше. Даже у меня в библиотеке поработать, и то даст кое-что, не говоря о больших библиотеках. Говорят, в Штатах преподаватель колледжа имеет седьмой год – для себя: командировку в Европу и т. п. Неплохо, а?

В Москве вышла и моментально была распродана книга Эразма Роттердамского «Разговоры запросто». Написанная как учебник латыни, она, оказывается, может жить и в русском переводе. И удивительно интересна эта тяга к средневековью, к большой мировой литературе – 100 тыс. тираж – и за два часа не стало!

⁶³ В. А. Сметанин – ученик М. Я. Сюзюмова, свердловский (екатеринбургский) византинист.

Театральная жизнь в Москве тоже не меркнет. Не говоря о традиционном балете (гремит «Спартак»), по-прежнему нет-нет и вынырнет хороший драматический спектакль. Интересна «Женитьба Фигаро» в Сатире (с Мироновым), а сегодня иду на постановку по «Преступлению и наказанию». Говорят, славно.

На днях должен появиться № 10 «Нового мира», где я пытаюсь рассуждать на общеисторические темы. Интересно было бы знать Ваше мнение.

Тысяча приветов Мих. Як. и всем милым свердловчанам!

Январь 1970 г.

Спасибо за Ваше большущее письмо! Хорошо, если Вам удастся приехать в Москву хотя бы на месяц, хотя все такие наезды – только раздражают аппетит. Относительно С. В.⁶⁴ – я очень советую Вам отнестись к ней серьезно: это женщина умная, много занимается византийским романом (причем, на хорошей античной базе) и, главное, старается понять стилистические явления – что у нас, к сожалению, дается мало кому.

Спасибо и за критические замечания. Кое-кто из моих московских друзей говорил мне вещи в этом роде, из людей, чей вкус я уважаю. Так что, видимо, что-то в этом есть от истины. Однако многое я мог бы сказать в свое оправдание.

Прежде всего, рецензия – полемика с известной статьей Данилова⁶⁵, о чем я, к сожалению, даже и упомянуть не имел возможности. Читать ее без этого – бессмысленно, половина исчезает. Далее, многие вещи сказаны непрямо, например, в том месте, которое Вы разбираете, – о кровной общине. Все это сказано ради двух, по-моему, общезначимых положений: а) нельзя позволять себе «глобальные» обвинения – это смешно, б) надо быть очень осторожным с «универсальными» путями развития. Если так прочесть рецензию, думаю, она окажется более содержательной, чем на первый взгляд. Что же касается некультурного читателя, интересы которого

⁶⁴ С. В. Полякова.

⁶⁵ А. И. Данилов.

Вы неожиданно защищаете, то боюсь, что он и много другого в этом журнале не поймет. Бог с ним, с некультурным.

И еще одно – о самом сборнике, о его языке. Я сам не гонюсь особенно за «новым» языком, но и не вижу в нем ничего преступного. Дело не в языке, а в том, *что* им выражено. Новые слова иногда очень и очень выразительны. Что же касается сборника, то он «первооткрывательный» не глубиной идей, но тем, что *такие* (в нашей литературе мнимо решенные вопросы) снова ставятся. А по поводу *Kulturkreise* – действительно, ничего принципиально нового с тех пор не появлялось. Есть позитивистский рационалистический эволюционизм и растерянный скептический взгляд на историю как систему неподвижных цивилизаций (с вариациями Шпенглера⁶⁶ и Тойнби⁶⁷). А что Вы имеете в виду, интересно?

У нас зима никак не «становится» – то мороз, то слякоть. Стараюсь временами вырваться на лыжах. Читаю сейчас письма Пселла – очень интересно. Жаль, что Вы занимаетесь поздней эпохой, впрочем, и там, конечно, много любопытного. Шевченко⁶⁸ когда-то замышлял работу об интеллигенции XIV в., может быть, еще и напишет.

Сердечный привет Мих. Як. и всем свердловчанам!

Июнь 1970 г.

Очень рад был получить от Вас письмо. Спасибо и за Ваше беспокойство. Думаю, однако, что судьба человеческая состоит не из одних радостей и надо спокойно и стойко переносить невзгоды. Хотя, конечно, много легче переносить невзгоды своих ближних, чем собственные – и свои неприятности, которые еще имеют быть, нежели те, что уже наступили. Συνεχῶς εἰπεῖν, νῦν ἔτε οὐ ταρασσῶ, οὐκ ἔχω τὴν τοῦ θεοῦ φρίκην.

Что касается перевода, то трудности, с которыми Вы столкнулись, – нормальные трудности перевода. Перевод не должен быть

⁶⁶ О. Шпенглер – немецкий философ.

⁶⁷ А. Тойнби – английский философ.

⁶⁸ И. Шевченко.

буквальным (3 слова в оригинале и непременно 3 слова у переводчика!), но должен максимально точно передавать смысл и художественные приемы авторского текста (рифма, игра слов *etc.*). В Вашем конкретном случае, конечно, – прежде всего смысл. Нюансы в другом языке могут передаваться другими языковыми средствами, но их надо сохранить и для этого понять.

Вы в Вашем письме подменяете вопрос смысловой точности вопросом буквальности. Я очень жалею, Рита, что мы с Вами не почитали просто по-гречески и я не посмотрел, *как* Вы в натуре передаете греческий в русском. Еще раз: главное – точность смыслового рисунка при возможном различии грамматики и лексики!

У меня к Вам просьба. Скажите, пожалуйста, Сметанину, что я приступил к редактированию «Византийских очерков» (т. 2), куда включена его статья (в сокращенном им же варианте) из Виз. Врем. Если он хочет что-нибудь изменить, пусть делает срочно и шлет в мой *домашний* адрес. Также пусть даст мне знать, куда ему писать в июне, если будут вопросы. То же самое скажите и Мих. Як. (я напишу ему немного погодя сам): идет его «Трудовые конфликты».

Всего, всего Вам хорошего.

Июль 1970 г.

Ваше большое письмо я нашел, возвратясь из отпуска: я ездил на две недели в Вологодскую область, и вместе с хорошо Вам известным Яковом Николаевичем Любарским прожил в палатке на берегу маленького озера в лесу. Такая «дикая» и вместе с тем неторопливая жизнь очень исцеляет от всяческих городских забот и «мерехлюндий», и я вернулся похudevшим, загоревшим и бодрым – боюсь только, что все три качества временны.

Здесь – затишье перед конгрессом, но уже завтра меня требуют на какое-то организационное заседание. Слышали ли Вы, что наш сектор возвращают в Институт всеобщей истории?

Завтра, наверное, начну работать, а сегодня бегаю по всяким накопившимся за отпуск делам, привожу в порядок корреспонденцию и вообще очищаю тылы.

Я очень рад, что Вы оценили по заслугам перевод Игоря Ивановича Шевченко. У этого человека, действительно, можно поучиться.

Думаю, что гостевые билеты для Вас и для Сметанина можно будет организовать – сложность только в гостинице, но ведь для Вас это не проблема. Так что ждем Вас на конгресс...⁶⁹

Я слышал, что Мих. Як. должен в 20-х числах быть в Москве, поэтому не пишу ему. Но если он почему-либо задержится, скажите ему, пожалуйста, что я беспокоюсь из-за отсутствия текста его статьи для Очерков. Позвоните ему, ладно?

Желаю Вам всего, всего хорошего!

Февраль 1971 г.

Спасибо Вам за письмо и за тысячу вопросов. В Москве несколько новых спектаклей: «А зори здесь тихие» на Таганке (с огромной выдумкой постановка, но – как почти всегда у Любимова – дурной вкус при выборе пьесы); у Маяковского «Трамвай желаний» Теннесси – но я еще не видел. Открылась выставка французских импрессионистов и постимпрессионистов. Есть дивный Дега и еще кое-что, например Тулуз-Лотрек, которого мы фактически не знаем. Из книг, которые мне попались, пожалуй, всего существеннее «Лунин» Эйдельмана⁷⁰. Очень вдумчивая книга – и о самом важном (в ЖЗЛ).

В Византии все тихо-спокойно, как говорит З. В.⁷¹ Никакой научной жизни показать Вашим студентам я не могу – после *divorce*'а с Г. Г.⁷² наш сектор – просто дохлая собака. Может быть, возьмут Фонкича, но это все-таки не замена. У Геннадия – кругозор, смелость. Он из московских византинистов, конечно, всех сильнее (кроме, разве что, Аверинцева – но это другой порядок, как говорят математики). Так что теперь – все в разных местах, разбросано, раскидано.

⁶⁹ XIII Международный конгресс по историческим наукам.

⁷⁰ Н. Я. Эйдельман – московский историк, писатель.

⁷¹ З. В. Удальцова.

⁷² Г. Г. Литаврин.

31-й ВВ – только прошла корректура. Виз. сб.⁷³ (2-й) – в производстве. Готовимся к Еревану и к Бухаресту. Что я буду говорить в Ереване, сам не знаю. Наверное, что-нибудь из «книги» (*Le Livre*), которую кончаю перепечатывать (уже 430 стр. напечатал), – в марте, верно, кончу. Эх, если бы теперь иметь силы все зачеркнуть и, вооружась опытом, начать сызнова! Но на это мужества нет.

Рад, что М. Я. оправился. Передайте ему мои самые сердечные приветы!

У меня дома ремонт, отчего мой семинар по Пселлу *has stopped*. Тоже, наверное, кончится в марте. Приезжайте на будущий год, позанимаетесь у меня по-гречески, а?..

Февраль 1971 г.

Во-первых, посылаю Вам (для передачи М. Я.) письмо Берзы⁷⁴ (там и адрес).

Во-вторых, спасибо за Ваше письмо. Обсуждение прошло (совершенно формально, т. е. безболезненно), но в помощнике-соавторе мне отказано. Далее ученый совет, где должен встать вопрос о листаже. Но я сейчас угнетен не столько этим, сколько обилием ошибок, которые я все время обнаруживаю: тут и *lapsus calami*, и просчеты из-за поспешности, из-за желания пойти сложным путем *etc.* Как всегда, у меня есть интересный метод, но нет упорства, чтобы довести его до конца...

Кончил большую статью об *Actes de Lavra*, которую делаю вместе с Фонкичем: наверное, для 34-го тома ВВ.

Приходит огромное количество новых книг. Всех даже не перечислить. Для Вас, видимо, важна *Volksliteratur* Бека. Многие берут и даже приходят читать ко мне – по-моему, это удобнее, чем в любой библиотеке: ведь под рукой справочники, комплекты журналов, источники. Я сам почти все время работаю дома.

Жизнь идет без перемен. Работы много. Сейчас приходится читать статьи для ВВ: скоро редколлегия. Да и текущей работы

⁷³ «Византийский сборник» (Москва).

⁷⁴ М. Берза – румынский византинист.

много. Муся загружена своими бабушкиными обязанностями, болезнями родственников. Да и все наше поколение оказывается в аналогичной ситуации: так что все реже вырываемся из дома вечерами...

В Москве читают статью Эфроимсона об альтруизме (в «Новом мире»). Это, кажется, первый материал «Нового мира» (после старого), претендующий на сенсационность. Но я, при всем уважении к Эфроимсону⁷⁵ (это сильный биолог-генетик), не радуюсь его статье: и написана плохо, и решение проблемы, по-моему, спекулятивное, ложное. Читали ли Вы ее?

Вот, как будто, и все новости. Уже поздно – пора и спать. Сердечный привет Мих. Як. Будьте здоровы.

Февраль 1971 г.

Благодарю Вас за два экземпляра ученых трудов, которые я тут же отослал в *Byzantion* и *ByzSl*. Чтобы в какой-то мере возместить Ваши хлопоты и заботы, я послал Вам вчера две книги по древней истории. Я понимаю, что это не Византия, но обе книги я в бытность мою «на периферии» любил и широко использовал. Если не угодил, не обессудьте.

Revenant à notre discussion, рукопись моя терпеливо ждет перед Ученым советом завершения другой (не моей и, точнее, анти-моей) рукописи, ибо «они должны обсуждаться вместе». После этого она зачисляется в *резерв* издательского плана, из которого может быть извлечена, а может – и нет. *Die Zukunft wird zeigen*.

Всех благ. Потом подробнее.

P. S. Καλὸς ὁ Νεὸς χρόνος!

⁷⁵ Речь идет о статье В. П. Эфроимсона «Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека)».

Апрель 1971 г.

В перерыве между моим деловым письмом и Вашим «выздоровливающим» я уже получил эпистулу Мих. Як., из которой узнал о Вашей болезни и операции. Господи, как посочувствовать, как выразить сочувствие и как помочь человеку, когда он за тридевять земель, да еще в условиях нашей жизни в бешеных ритмах? Недавно я получил письмо от одной моей приятельницы, милой дамы из Эрлангенского университета, которая страшно одинока (вся семья погибла, кроме девяностолетней старухи-матери) и к тому же хворала зимой; и вот она пишет об этой атмосфере незамечания болезней, смертей, страданий, что ее окружает: старость, смерть, болезни – все это для приютов, госпиталей, а мы живем, наслаждаемся, веселимся...

Конечно, я против крайних проявлений «страстолюбия», когда культ муки побеждает жизнь, страстотерпец становится аскетом, а болезнь – выражением сопричастности божеству, – но без *Mitleid*, со-страдания куда мы денемся?

Радуюсь я тому, что, вопреки операции, Вы сохраняете полную бодрости и готовитесь к Еревану. Ну что же, может быть, увидимся в Ереване, хотя мне в последнее время надоела шумиха официальных встреч с растратой времени, которое становится все дороже, как шагреновая кожа. А в Ереване я был и не в восторге от него. Впрочем, время выбрано очень удачное.

Новостей никаких. З. В.⁷⁶ читает лекции в Равенне, а меня приглашали в Вену, но начальство не доверило мне этого. Хочу думать, что хоть Бухарест (в составе большого стада) будет мне доступен, но хоть я и писал доклад, делегатом я наверняка не буду. Может быть, это тоже даст Вам кое-какую пищу для размышлений.

Ремонт идет к концу и книга тоже. Позади больше 600 страниц – осталось совсем мало.

Желаю Вам здоровья (увы, на сей раз это не стереотип), ну а остального добивайтесь сами!

⁷⁶ З. В. Удальцова.

Июль 1971 г.

В Москве, наконец-то, лето – отличная погода, можно уехать в лес, валяться, задрать голову, и рассматривать покачивающиеся верхушки сосен. Этим я занимался сегодня целый день, отчего пребываю в благодушном настроении. Хочется все бросить и предаваться *dolce far niente* или как это там называется.

Что касается того, что нужно человеку и что такое свобода (и нужна ли она человеку), то это очень сложная проблема. В средние века, например, свобода казалась делом дьявольским, а идеалом было подчинение (самоподчинение) богу, *resp.* сеньору. Давало ли это счастье – зависит от того, каков сеньор. Так что надо найти хорошего сеньора, но где взять Юрьев день? Одним словом, лето не для таких дискуссий.

Хотел бы прочитать в Бухаресте доклад вроде того, что был в Ереване, но не знаю, удастся ли. Хочу написать его, т. к. в Ереване я нахально импровизировал или почти импровизировал. При писании обнаруживаются тысячи промашек и просчетов, так что придется писать в самом общем виде. Вообще, мне сейчас нужна добросовестная женщина, знающая много языков, которая прошлась бы за мной и проверила *все* и недоверчиво все бы прокрипиковала – ужасно не хочется делать это самому. Отдаю полавторства! Вот, Рита, берите отпуск на год – и за дело, а? З. В., правда, почему-то против этого проекта, а почему – не могу понять.

Вышли разные новые книги, например, новое издание *Actes de Lavra*, очень расширенное (мне по всей рукописи пришлось менять ссылки!), патриаршьи *Regestes*, t. IV (по XIII в.), синоптическое издание Дигениса и много еще другого. Приезжайте работать в мою библиотеку – лучше Ленинской!

Г. Г.⁷⁷ давно не видел – может быть, он в отпуске или дома работает. О конгрессе ничего нового – ждем решения. Наши (кроме Фонкича⁷⁸) все в отпуске.

Привет Мих. Як.! Будьте здоровы *etc.*

⁷⁷ Г. Г. Литаврин.

⁷⁸ Б. Л. Фонкич.

Октябрь 1971 г.

Я все еще продолжаю отдыхать, хотя теперь уже отпуск идет к концу. Мы с Мусей живем в Лидзаве, около Пицунды, и, несмотря на октябрь, я купался сегодня четыре раза. Правда, несколько дней погода дышала осенью: на горах лег снег, а здесь шли дожди, и море стало холодным. 17-го возвращаемся в Москву – и надо приниматься за работу. Дел, как всегда, выше головы!

Что у Вас? В Свердловске, наверное, близится зима, да и занятия уже в разгаре? Отошли после Бухареста?

У меня к Вам просьба, о которой я, впрочем, уже писал Мих. Як. В Бухаресте просили «Книгу Эпарха». Если у Мих. Як. или у Вас есть лишний экземпляр (я думал у меня есть, но, видимо, я уже кому-то отдал), пошлите Берзе⁷⁹. В обоих случаях дайте мне знать: если не смогли послать, я буду искать и кланчить в Москве. Ладно?..

Перед самым отъездом сюда я получил последние BZ⁸⁰, где, между прочим, рецензия на «Виз. культуру», но в спешке я даже не успел ее прочитать. Любопытно, что были рецензии в «Новом мире» и «Вопросах литературы», были в некоторых западных изданиях, но не только в «Вопросах истории», но и в «Виз. Вр.» рецензий нет и не будет. *C'est la vie*. Должна появиться, кажется, в *Amer. Slav. Rev.* большая рецензия (сравнительная) на «Историю Византии»⁸¹ и кембриджскую Византию, где, между прочим, Мейендорф⁸² гневно упрекал Мих. Як. и меня в вульгарной и марксистской трактовке истории церкви, а Зин. Влад.⁸³ хвалит за конвергенцию(*sic!*). Что, по-моему, характеризует не столько ее, сколько его!

Желаю Вам всего наилучшего.

Простите пляжный почерк.

⁷⁹ М. Берза.

⁸⁰ «Byzantinische Zeitschrift» – международный византиноведческий журнал (Мюнхен).

⁸¹ Речь идет об «Истории Византии», изданной сектором византиноведения Института всеобщей истории АН СССР.

⁸² И. Мейендорф – американский византинист, историк религии.

⁸³ З. В. Удальцова.

Январь 1972 г.

Не сразу отвечаю Вам, все ждал, когда кончится новогодняя поздравительная переписка.

Да, безумный поток литературы захватывает так, что можно было бы все бросить и только читать новые книги. Я читал сейчас (довольно медленно) *Volksliteratur* Бека: там, между прочим, кое-что и для Вас интересного – особенно про песнь о Велисарии, – памятник с резко очерченной социальной направленностью (XIV в.). Сейчас вышло новое его издание Э. Фольери⁸⁴ – надо попытаться раздобыть.

Из текстов читаю Гимны Симеона Богослова: для теперешних моих интересов это не так уж нужно, но что поделаешь – старая любовь. А потом придется читать... Эсхила. Я обещал написать рецензию на новый русский перевод его.

Читаю еще Лемерля⁸⁵ *Le premier humanisme byzantin* – по-моему, очень интересно, но чтобы судить, надо все-таки дочитать. А на очереди много-много других – и не хочется «галопом».

Начал снова семинар, опять читаем Никиту Хониата. Ходят одни мужчины – от Фонкича до студентов. Забавные это занятия, совершенно средневековая *lectio*: читаем, переводим, объясняем.

Мне хочется показать, что кроется за поверхностью текста, за его внешним смыслом. Иногда занятия бывают удачными, тогда радостно. И для себя всякий раз открываю что-то новое у Хониата, хотя читаю, кажется, уже четвертый раз.

Виз. Врем. 32-й – сигнал.

На днях будем обсуждать книгу З. В.⁸⁶ Не хочется писать об этом, но, если приедете, небезынтересно будет побеседовать.

Сектор, действительно, собирается в пароходную поездку Алжир – Тунис – Марокко, но я по разным причинам не еду.

Вот, как будто, и все новости.

Зима никак не установится: то мороз, то тает и грязь. Пытаюсь вырваться на лыжах, радуюсь, что опять могу.

Сердечный привет Мих. Як. На днях напишу и ему.

⁸⁴ Э. Фольери – итальянский византист.

⁸⁵ П. Лемерль – французский византист.

⁸⁶ З. В. Удальцова.

Февраль 1972 г.

Радуюсь хоть Вашей бодрости. Увы, сейчас Вам нужно ее много.

Получили ли Вы оттиск *Leone*⁸⁷, который я Вам послал? Думаю, что Вам он интереснее, чем мне. М. Я. заверил меня, что разделит с Вами книжки, которые я послал, но письмо мое пришло раньше бандероли. Будем ждать.

Жизнь здешняя идет в устоявшихся рамках, без катаклизмов. Занятый хлопотами, едва нахожу время читать и еще меньше, чтобы прочитанное обдумать. Иногда как-то хочется все бросить и только читать, ходить в музей да в театр, но театр тихо вымирает, а в музее, правда, я недавно был, в запасниках Третьяковки, где видел много неожиданного и прекрасного.

В секторе, как говорит З.В., все «тихо-спокойно». Кажется, К. А.⁸⁸ сделают скоро старшим научным сотрудником. Здорово, правда? Это при Фонкиче-младшем. Такова жизнь.

Очень радуюсь своему семинару: вот уж, в самом деле, вещь бескорыстная, если могут быть бескорыстными человеческие отношения. (Я имел в виду, что самый «обмен веществ» между людьми дает обеим сторонам.) Мне всю жизнь не хватает *μαθηταί* — при сознании, что я могу научить хотя бы не делать моих ошибок, что уже немало.

В работе — весь ушел в поиски своих ошибок и погрешностей. Очень обидно! Хочется уже бросить и заняться Хониатом, который стынет в ящичках. Когда уже конец? Послал в Ереван книжку об армянах в составе византийского господствующего класса XI–XII в., а теперь досылаю *addenda et corrigenda*.

Сердечный привет Мих. Як., если его увидите, на днях и ему напишу.

Февраль 1972 г.

Перед самым отъездом в Ленинград, откуда и пойдет к Вам это письмо, я получил весточку от Мих. Як., где он писал среди

⁸⁷ П.-Л. М. Леоне — итальянский византист.

⁸⁸ К. А.Осипова.

прочего и о Вашей беде. Да, судьба к Вам жестока, и мне только остается пожелать Вам мужества и сил. Пусть время работает на Вас как можно скорее. Напишите мне (если Вы уже можете писать), как идет поправка и чем Вы заполняете свой неожиданно и некстати обрушившийся досуг.

Я приезжал сюда обсудить свою рукопись. Зачем – не знаю. Не в плане доксологии, ни прагматически мне это не нужно, но почему-то вдруг захотелось. Услышал много *laudationes*, к которым всегда был равнодушен и становлюсь все равнодушнее с каждым нарастающим годом. Получил кое-какие замечания, но все эти замечания ничтожны в сравнении с той критикой, какую я мог бы сам обрушить на себя.

В Ленинграде я живу у Яши⁸⁹, который самым искренним образом шлет Вам свои приветы. Вчера навестила нас Соф. Викт.⁹⁰ – по-прежнему оживленная, и мы хорошо поболтали. Дни проходят среди *normal tourist attractions*, на этот раз я почти не занимаюсь: несмотря на мороз, брожу по городу и, пренебрегая толпами, по Эрмитажу.

Перечитывая написанное, боюсь, что все это только будет разжигать Вашу справедливую, но добрую зависть. Но Вы простите мне, я уверен, что это невинное хвастовство.

Крепитесь, выздоравливайте и возвращайтесь в строй!

Март 1972 г.

Радуюсь, что Вы понемногу возвращаетесь к «ходячей жизни» и что мои маленькие подарки пришлись Вам по душе. Кстати, в последнем *Jahrb. der Österr. Byzantinistik*⁹¹ (20, 1971, 189–221) напечатана статья: *P. E. Pieler. Recht, Gesellschaft u. Staat im byz. Roman der Palaiologenzeit*, что может представлять для Вас интерес.

Публикация Фольери (Роман о Велисарии) в ЛБ⁹² есть (у меня тоже).

⁸⁹ Я. Н. Любарский.

⁹⁰ С. В. Полякова.

⁹¹ «Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik» (Вена).

⁹² Библиотека им. В. И. Ленина.

Я живу в состоянии некоторой неопределенности. Книга заморожена. В ожидании пытаюсь издать ее часть (в Ереване) – «Армяне в составе господствующего класса в Византии XI–XII вв.» Это должно пройти по национальным соображениям, хотя для меня, как Вы понимаете, этот принцип не самый важный. А затем буду готовить серию статей – много хуже, *mais que faire?*

Может быть, удастся поехать в Италию – на традиционную конференцию в Сполето. Если произойдет, то в начале апреля. Не могу сказать, что я помираю от желания – как-то надоели эти мимолетные наезды: хотелось бы на большой срок – работать всерьез, но это немыслимо, так что будем довольствоваться малым.

Понемногу пробивается весна. Снега мало, должно быть скоро стает.

Дома все без перемен. Желаю Вам всяческих благ.

P. S. Не видели ли Вы моей статьи об Аммиане в ВДИ⁹³ № 1?

Апрель 1972 г.

Конечно, я бессилён описать свое путешествие в Италию. Должен честно сказать, оно оказалось удачнее, чем я предполагал: очень хорошая, маленькая группа (6 чел.), почти сплошь мужская, жили дружно, а люди, встречавшие меня в Риме, помогли осмотреть за 2 дня то, что можно там повидать.

Секторяне отъезжают через несколько дней – до 7-го мая. Саша⁹⁴ со мной о замечаниях не говорила: или ей несущественно, или запрещено, дабы не набраться дурных влияний.

Поток литературы продолжается. Помимо разных журнальных статей, я получил по Вашей части книжечку: *H. Hunger. Aspekte der griechischen Rhetorik von Gorgias bis zum Untergang von Byzanz. Wien, 1972 (SB d. Österr. AW Philos. hist. Kl. 277, Abt. 3).*

Сейчас постепенно, после первой усталости (добравшейся до меня по возвращении), начинаю работать. Скоро пришлю маленькую статью в сборник в честь Мих. Як.

Рад, что Вы приходите в себя и начинаете двигаться. Пишите.

⁹³ «Вестник древней истории» (Москва).

⁹⁴ А. А. Чекалова.

Май 1972 г.

Вы спрашиваете про конференцию в Сполето. По сути дела, на конференции я не был – был на открытии, на торжественном обеде и на суарэ, устроенном у нас в гостинице, куда пришли Гийу⁹⁵, Манго⁹⁶, Пертузи⁹⁷ и Крестен⁹⁸. Мило болтали, говорили друг другу комплименты, которые ни к чему не обязывают.

Я послал Сметанину статью на 6 стр. в сборник в честь М. Як. Статья не гениальная, но кусок из злосчастной книги, которая лежит. Вышел сборник в честь Сказкина⁹⁹ («Европа в средние века») – там очень забавная моя заметочка, на этот раз уже из Хониата. Хотя я не хотел распечатывать кусками, но вижу, что делать нечего – и отдал этот фрагмент и еще один – в сборник в честь Лазарева¹⁰⁰ (о цвете у Хониата – вот, оказывается, какие возможны темы).

Спасибо за добрые слова про Аммиана. Цель и в самом деле была несколько хулиганская, но что делать, если твое существование есть само по себе укор и оскорбление дураков? Обижаться в данном случае надо на собственное невежество.

Кстати, о Гуревиче¹⁰¹. Вышли сразу 2 его книги: «История и сага» и «Категории средневековой культуры». Что-то будет!

Радуюсь, что у Вас идет на поправку – пусть бы уже поскорее забыть о печальном столкновении.

Секторяне еще в Африке, но скоро приедут. Опять начнется незатейливая кутерьма и бодание по каждому поводу (последний объект здоровой и справедливой критики – аннотации для *BSI*. Может быть, кто-нибудь другой хочет это делать?)

Ну, ладно, довольно брюзжать! На дворе весна, листья растут с каждым часом, и пора уже гулять, а не работать.

Привет М. Як.! Увидите Сметанина, пусть черкнет мне, получил ли статью.

⁹⁵ А. Гийу – французский византинист.

⁹⁶ К. Манго – английский византинист.

⁹⁷ А. Пертузи – итальянский византинист.

⁹⁸ О.-М. А. Крестен – итальянский византинист.

⁹⁹ С. Д. Сказкин – московский медиевист.

¹⁰⁰ В. Н. Лазарев – московский искусствовед, автор исследования «История византийской живописи».

¹⁰¹ А. Я. Гуревич.

Июнь 1972 г.

Куда Вы исчезли? Поскольку в Свердловске все еще довольно много автомобилей¹⁰², вопрос мой имеет реальный *background*. Свердловск вообще молчит – успокаивает только, что он не мог, словно град Китеж, уйти под воду. Так что есть надежда на *resurrection*.

У нас тишь и гладь (я пишу это, а за окном – гроза, грохочет гром, и дождь вовсю колотит по крышам, но я имею в виду не κτύπος, а εἰρήνη). З. В.¹⁰³ в отпуске, а когда она вернется – уже меня не будет. С 1 августа буду отдыхать в Латвии, где-то в лесу, на речке. Не могу, правда, сказать, что ужасно хочу: работаю пока с удовольствием, хотя я делаю, как всегда, многое «не то»: статьи для БСЭ, рецензии, отзывы *etc.*, *etc.* Но все-таки каждое утро читаю из Пахимера страниц 15, и это дает зарядку такой же бодрости, как гимнастика и душ. Ах, если бы на этом остановиться – только читать, выписывать карточки и расставлять их по местам, а все остальное предоставить τοῖς ἄλλοις!

Новостей мало. Прочитал книгу Рэнсимена¹⁰⁴ – *Last Byzantine Renaissance* – поверхностно очень. От Leone получил два оттиска: Φιλομαθῆς Григоры и письмо Хумна. Первое важно Вам, второе – Сметанину. Если у Вас нет, могу сообщить точные данные, но мне кажется, Вы с ним обмениваетесь продукцией.

Вы не писали мне о «Мистре». Книга, по-моему, удалась – тема, конечно, плохая, но он¹⁰⁵ выжал, что можно было... Читаю любопытную книгу Arnheim'a¹⁰⁶ «*Senatorial Aristocracy in the Last Rom. Empire*»... Книга с очень ощутимым результатом...

Ну, ладно. Желаю Вам и пр. Пишите! В Москву не собираетесь?

¹⁰² Намек на «дорожно-транспортные» неприятности, пережитые его адресатом.

¹⁰³ З. В. Удальцова.

¹⁰⁴ С. Рансимен – английский византист.

¹⁰⁵ И. П. Медведев – ленинградский (петербургский) византист.

¹⁰⁶ М. Т. В. Арнхейм – английский историк.

Январь 1973 г.

Действительно, давненько не было от Вас письма, и я даже подумывал, не обидел ли я Вас ненароком. Рад, что оно пришло и что оттиски, которые я послал «к Новому году», дошли до Вас.

А когда оглянешься, ничего не произошло, ничего не вышло, да и ничего, пожалуй, не написано «за истекшее время». Яшенька не приезжал. «Анкета» моя не двинулась (правда, я сдал кусок в Виз. Врем. и, правда, пытаюсь издать часть в Ереване: «Армяне в составе византийского господствующего класса»)... Для себя же читаю – как Вы думаете что? Никифора Григору. Хочу понять, насколько он хуже Хониата. Видимо, вопреки Медведеву и многим другим, XIV в. был таким же резким *resul* в сравнении с достигнутым в XI–XII ст., что только Кахриэ джами мешает понять его размах. Впрочем, так ли уж необычайны эти росписи? Ведь великие вещи XI–XII вв. (мозаики на катихуменах Софии) дошли испорченными – а в них есть все. Ну, ладно, надо еще дочитать до конца и вокруг.

Вы пишете о нехватке переводов. Когда-то я сделал их довольно много (актов), но даже не знаю, где они валяются. О частных правовых актах в самом деле написано мало. Кстати, о переводах – читаю сейчас «Византийские легенды». Да, вышел Кекавмен – видели уже? Монумент. Теперь забываешь о том, какими ненужными трудностями все это сопровождалось, бесконечными поездками в Тбилиси *etc.* Меня бы на это не хватило. Я и сейчас подумываю, может, мне просто переплести «Господствующий класс» и сдать его в Ленинку¹⁰⁷ – нет сил на «реализацию».

Спасибо за память! Кланяйтесь Мих. Як.

Март 1973 г.

Нахал Любарский забрал у меня *Laudes* (дубликат) и переслал Вам как свой подарок. Хорош гусь! Но я его разоблачаю. Это шутка. Какая разница, каким путем книжка пришла к Вам – лишь

¹⁰⁷ Библиотека им В. И. Ленина, ныне – Российская государственная библиотека.

бы пришла. А я все держал дубликаты – думал, Вы приедете на симпозиум и отберете себе, но Яков опередил. Впрочем, кое-что осталось, так что торопитесь.

Кроме книг, я тут раздавал варианты *enquête*'ы. Это, кажется, уже все разобрали.

Что касается недубликатов, то, конечно же, я могу Вам дать (на короткий срок и под надежное обеспечение, например, под доцентское место в УрГУ), – скрепя сердце, но дам, ладно уж (моя бедная богатая библиотека уже гуляет по всему Союзу – от Еревана до Сев. Пальмиры).

На конференции в Эрмитаже не был. Вообще пока далеко (дальше Пушкина) не ездил – собираюсь в Ленинград в конце декабря, может быть, Новый год там встречу.

Что касается Афин, то это не от меня зависит. Я готов ехать и как раз занят писанием доклада (идиотическое занятие! Неужели люди в моем возрасте должны упражняться в сочинении работ на заданную тему?) о центростремительных и центробежных силах, *que je dous faire en collaboration avec deux dames charmantes*.

В Москве с неделю гостил Н. G. Beck¹⁰⁸, который *emeretiert* (его заменит с будущего года Hohlweg¹⁰⁹, – странны дела твои, о Господи!). Бек очень напомнил мне Мих. Як. – своей страстной любовью к спорам по всем вопросам (от государственной собственности *auf Boden* в Византии до современной немецкой литературы) и наличием готовых, отточенных формулировок. Здесь он был очень мил, интересен в беседе (правда, монологист, что усугублялось еще и тем, что говорили мы на его *Muttersprache*, что меня сильно ограничивало), сделал забавный доклад о неконформистах (*Langhaarige*) в Византии – моя критика была точь-в-точь, как если бы читал доклад Мих. Як.: надо ввести исторический критерий, понять развитие этой формы неконформизма.

Я задумался, беседуя с ним, об отличиях моего типа мышления от такого. Ведь у меня формулировки – самое слабое место, они мне безразличны. Мне, например, наплевать, будем ли мы говорить о феодализме применительно к Византии, и я без стыда признаюсь,

¹⁰⁸ Х.-Г. Бек – немецкий византинист.

¹⁰⁹ А. Хольвег – немецкий византинист.

что не знаю, что такое феодализм. Для меня важнее формулировки *образ*. От этого проистекают многочисленные *qui pro quo*. Таков, в частности, пресловутый вопрос о государственной собственности, которого многие умные люди просто не понимают. Так и Бек: точь-в-точь как Мих. Як. Он мне твердил, что в Византии было все так же, как и в современных государствах. Я ему отвечаю, что с современностью незачем сравнивать, а надо сопоставить с западными средневековыми *Feodalstaaten* – разница сама бросается в глаза. Да, конечно, отвечает он, *Willkür* в Византии была. Я говорю, что мне больше ничего не надо: назовем ли это госсобственностью или нет, ничего не переменится – но что любой византийский аристократ (до XIV в.) жил под страхом императорской *Willkür*, что это определяло его ощущение нестабильности – это все существенно важно. Но так получается именно *Bild*, образ, а не *Formel*, определение. А *Bild*, по-моему, куда емче, глубже, чем формула.

Ну, ладно, я заболтался. *Genug für heute*. Пора, пора в Москву, а то пойдут внуки, тогда Вас уже никакими соблазнами из Свердловска не вытащить.

Φίλω καὶ ἀσπάζω.

Апрель 1974 г.

От Вас давно ни строчки. Что слышно у Вас? Я понемногу оживаю, 29.04 поеду в санаторий. Говорят, что через год буду богатырем – надо подождать.

Немного работаю, прочитал очень интересную книгу Байса *Oströmische Beamte im Lichte der Schriften des Michael Psellos*, во многом перекликающуюся с моим «Господствующим классом». Читаю Кантакузина (по 10 стр. в день – очень мало!) – чтение для меня крайне полезное, только новые наблюдения заставят, наверное, перечитать все начитанное ранее.

Что у Вас? Как домашние? Успеваете ли что-нибудь делать? Не собираетесь ли в Москву? Я-то, наверное, все лето буду на даче (*sic!*).

Не забывают меня и не сердитесь на открытки – вообще пишу мало.

28 апреля 1974 г.

Я отвечаю Вам в Свердловск, потому что боюсь за предмайскую почту: не исключается, что она принесла бы это письмо на следующий день после Вашего отъезда.

Правда, писать мне нечего, т. к. жизнь моя приобрела совершенно бессмысленные очертания, и живу я сейчас отзвуками и воспоминаниями. Завтра отправляюсь в санаторий, где совершенно не представляю себе, чем меня будут занимать. Авань, все это пройдет – и довольно об этом.

АВСД 9 я еще не получил – но заранее *gratias*. Послал Вам несколько дублетных оттисков – подбирал то, что ближе к XIV в. У меня есть кое-какие лишние книги (книги, как и люди, тоже бывают лишними), и я рад был бы презентовать Вам, но, как встарь, боюсь почты. Оттиски пропадут – фиг с ним, а книжку жалко. Может быть, случится оказия или в сентябре явитесь в Москву...

Новостей нет. По науке приближаюсь теперь к Вам: после Григоры читаю Кантакузина (*A propos* вышел 1-й том немецкого перевода Григоры – интересно Вам это?). Чтение очень любопытное, и я бы посадил какого-нибудь молодого человека за Кантакузина, только: а) нет молодого человека и б) чтобы что-то сделать, надо хорошо знать предшествующее. Συνεχῶς εἰλεῖν, хотя я до сих пор не верил в византийский ренессанс, при чтении Кантакузина я начинаю видеть в нем почти ренессансную фигуру – во всяком случае негативно, т. е. по своему отречению от традиционной морали. Потрясающе, например, до чего часто он пользуется словами λωσιτελεῖν или κέρδος. Он все время мыслит этими понятиями – что выгодно или нет, и подлаживает под христианские формулы.

Он мне был нужен как *background* Хониата, но я боюсь увлечься и написать о нем отдельно что-нибудь.

Интересных книг давно не держал в руках, если не считать Вайса¹¹⁰ *Oströmische Beamte im Lichte der Schriften des Michael Psellos* – очень жалею, что читал ее уже после завершения своей монографии. Он сделал, по-моему, максимум того, что можно сделать методом примеров, но моя «статистика» ставит под сомнение

¹¹⁰ Г. Вайс – немецкий византист.

многие из его выводов. Но главное: он ухватил – *Unsicherheit* социального и экономического положения византийского чиновничества, то, чего никак не могут взять в толк ни Мих. Як., ни Геннадий, всерьез убеждающие себя, что в Византии была частная собственность *etc.*

Ну, хватит болтать. Желаю Вам и все прочая.

Июль 1974 г.

Спешу Вам ответить, чтобы письмо еще застало Вас. Я, конечно, свинья, еще не прочитал *Festschrift*, хотя Вашу статью проглядел и порадовался: мне кажется, что Вы, освободившись от монастырского землевладения, обретаете крылья. Вопрос о нормативности (этики) и разрыве с нормативностью очень важен для понимания всей средневековой мысли, а в византиноведении он вовсе не ставился. Ср. нормативность эстетических категорий в конструкциях Яши Любарского. Я много об этом думаю теперь в связи с Кантакузином.

...У меня хлопот выше головы: идет корректура *Classe dirigeante*.

Эта книга – роковая. Едва я кончил первый вариант, разболелся радикулитом страшной силы; завершил ее совсем – инфаркт. Что будет теперь, не знаю еще, но надо успеть прочесть и составить индексы. Без индексов ей трудно будет пользоваться. Так что – все дела побоку – и тружусь, хотя приходится гулять, спать, делать гимнастику *etc.* для восполнения всего того безобразия, которое со мной сделали в больнице.

Итак, счастливого отдыха – и дай Вам Бог счастья и, наконец, покоя. Приезжайте, всегда рад Вас видеть – и, может быть, Вы правы, что не поедете на симпозиум. Много шума и мало толку.

Миллион приветов от всех моих.

Р. С. Как у Вас дома, как здоровье мужа?

27 ноябрь 1974 г.

Дорогие Рита и Михаил Яковлевич¹¹¹,

Простите, что пишу Вам вместе, но сейчас моя корреспонденция ужасно разрослась, я получаю благодарности за книгу и попутно большие письма, требующие ответа, а время и силы у меня ограничены.

Я очень рад, Мих. Як., что Вам понравилась статья Камерона¹¹²: в 12-м № ВИст. должна быть моя соответствующая заметка – о ней и о работе Принцинга¹¹³ (знаете Вы ее? Это критика квартальной теории с топографической точки зрения). Жалею, что только теперь прочитал книгу Жильбера Дагрона¹¹⁴ «Origines d'une capital» (о Константинополе до 451 г.) – там большая глава о «ди-мах»; Дагрон также отвергает квартальную теорию, но в отличие от Камерона видит социально-политическую роль цирковых партий. С Курбатовым¹¹⁵ я тоже в хороших отношениях: после его доклада мы вместе поужинали (и выпили), но еще до этого, дорогой, он признался мне, что недооценил Ваши «Зрелища»...

Естественно, что критические Ваши замечания мне не кажутся убедительными. Ну, что Вы мне рассказываете, что в Дигестах *etc.* господствует понятие частной собственности, – это я и сам знаю! Дело в том, что между записанным правом и реально действующим «кутюмом» лежала *Kluft*, – и это политически правовое лицемерие византийцев было одной из важнейших их характеристик. Дигесты – не отражение византийской жизни, а наложенная поверх нее априорная сетка. Ясно, что в Англии поступок Василия II с Малеином вызвал бы баронскую войну, а византийцы все это преспокойно съедали. Ну, ладно, об этом можно без конца...

То же и с Василием II: я старался показать, что а) традиция о его отношении к знати неоднозначна: см. Вриенния, б) дарения земель монастырям при нем продолжались, в) ни одной крупной

¹¹¹ Обращение сохранено, т. к. письмо адресовано двум корреспондентам.

¹¹² А. Камерон – английский византист.

¹¹³ Г. Принцинг – немецкий византист.

¹¹⁴ Ж. Дагрон – французский византист.

¹¹⁵ Г. Л. Курбатов.

семьи он не прикончил, хотя, конечно, за полвека кое-кого наказал и сместил, г) в его царствование появились многие военно-аристократические семьи, служившие, видимо, ему опорой. Каких же Вам еще источников? Тенденциозный лепет Пселла против этого ничего не значит.

Я, конечно, работаю, Рита, – и это самое хорошее, что у меня есть: работает семинар, где мы читаем по-гречески и учимся понимать тексты; читаю новые книги, а из авторов – Атталиата (вместе с Продолжателем Скилицы). Я начинаю склоняться к мысли, что Продолжатель Скилицы и в самом деле – Скилица (или, во всяком случае, к нему очень близок), но это надо проверять и проверять. Я сейчас начитываю авторов, а писать когда? Не знаю. Может, совсем не надо? – но куда будут уходить пары? Мне все хочется: очень хотелось бы написать историю византийской литературы или хотя бы исторической прозы, но на это *еще* не тяну. Может быть, когда-нибудь... А скоро надо браться за «Культуру» – за мной оба (XI и XII) столетия...

Желаю Вам обоим всего наилучшего!

Ваш А. К.

Февраль 1975 г.

Я уже беспокоился из-за Вашего молчания и все порывался написать (от М. Як. тоже не было писем), но как-то насели дела, и я все откладывал и откладывал, пока сегодня не пришло Ваше очень дельное, большое и суховатое письмо, выдающее усталость. И я сразу пишу.

Дела мои идут (под этой неопределенной формулой можно разуметь что угодно), и я потихонечку пытаюсь обрести если не старую, увы, то хоть какую-нибудь форму. В прошлое воскресенье вылез на лыжах – впервые без внука, который верно служил мне ограничителем. Проходил 2 часа и вернулся живым. Это – лучшая часть моего «второго развития».

Писал (и сегодня вчерне завершил) статью об Атталиате. Неисповедимы пути человеческого мышления! Все лето я готовился к тому, чтобы написать про Кантакузина, набил карточками

несколько коробок из-под печенья, а написалось совсем наоборот. Статья вышла огромная, наверное, страниц на 90 (еще ее надо отредактировать и перепечатать), но методически небезыңтересная, поскольку там все-таки анализ, а не голословные *proclamations*. Думал, что расскажу об этом Вам, но в письме – невозможно.

Игорь Чичуров кончил диссертацию о Феофане и предшествующей историографии. Знаете, очень здорово. Он показал путем тщательного сличения, что, вопреки самообману, Феофан – очень оригинальный писатель с совершенно новым подходом к материалу – только что он занимает позицию неоригинальности (как Дамаскин) и оперирует не готовыми словами, а готовыми формулами и абзацами (как мы теперь дома не из кирпичей строим, а из блоков). Это *очень важно*: главное, что Игорю удалось показать, что т. н. компилятивный метод (здесь он *mutatos mutandos* перекликается с Кучмой) мог служить отличным образом и для пропаганды идей, например, для того, что немцы называют *Kaiserkritik*.

Занятый Атталиатом и Игорем, я последнее время ничего не читал, видел только *BYZANTINA*¹¹⁶ 6 с огромными рецензиями на Виз. очерки № 2 (*Weiß*¹¹⁷) и Кекавмена (*Tinnefeld*¹¹⁸) – последняя, по-моему, очень близка к моей...

Жду Яшиного¹¹⁹ приезда. Он обсудился в Ленинграде, теперь надо найти место для защиты. Отличная работа – дай ей, Тиха, зеленую улицу. Да, если бы работы Любарского и Чичурова вышли, это бы очень продвинуло вперед изучение византийской литературы.

Мне почудилось из Вашего письма, что Вам очень неуютно и одиноко на кафедре. Да, нам много лучше: все-таки раз в неделю у меня собираются молодые люди, и мы читаем по-гречески и говорим про Византию. Есть какая-то атмосфера, взаимное доброжелательное подталкивание. Как это все важно! Помните, в «Иметь и не иметь» – «человек... никогда... не может... один»? К науке это относится не в меньшей мере, чем к жизненным отношениям (или к контрабанде).

¹¹⁶ «Byzantina» – византиноведческий журнал (Фессалоника).

¹¹⁷ Г. Вайс – немецкий византинист.

¹¹⁸ Ф. Тиннефельд – немецкий византинист.

¹¹⁹ Я. Н. Любарский.

Приезжайте к нам. Неужели нельзя вырваться на несколько месяцев?

Ладно, Рита, надо стараться не горевать, читать книги и встречаться с людьми, которые тебя понимают или, по крайней мере, стараются понять. Чего и Вам желаю. Пишите.

P. S. Сердечный привет М. Як.

Март 1975 г.

Many thanks for the book! М. Як. писал, что Вы жуть как заняты – так что ждать от Вас писем нечего.

У нас никаких новостей, кроме того, что в воздухе уже носится весна, и я боюсь, что сегодня последний лыжный день в сезоне (t +10). Прошла сверка моей «Книги и писателя в Византии» – жду сигнала. Книга очень неровная, одна глава о Хониате (я читал ее еще в Свердловске – Господи, как давно это было!) – моя действительно, остальное компилятивно и местами просто вяло. Смешно, что такое можно напечатать, а для серьезного дикое трудности.

Получил я приглашение от Лемерля¹²⁰ приехать в сентябре на *table ronde*, посвященный Византии в XI в., и сделать им *exposé générale* на удобную мне тему (оплата их). Не поехать ли в самом деле, как Вы думаете?

В секторе ничего нового. С «Культурой» никакой ясности: что будет, кто будет писать. Ген. Григ.¹²¹ прошел свой сектор¹²² – будет защищать Кекавмена. Я написал рецензию для «Вопросов литературы» на Кекавмена + Виз. легенды, решил впрямь их в одну телегу. Обещают в 6-м или 7-м номере.

Все? Кажется, все.

Как дела со сборником М. Як.? Сборник в честь Лазарева¹²³, который должен был выйти к моему 50-летию (В. Н. родился ров-

¹²⁰ П. Лемерль.

¹²¹ Г. Г. Литаврин.

¹²² Т. е. обсуждение диссертации в секторе.

¹²³ В. Н. Лазарев.

но на 25 лет раньше, день в день, – я смеюсь, самый большой день советского византиноведения), так до сих пор еще не набран.

Привет Мих. Як. Скоро напишу и ему.

Апрель 1975 г.

Культуру только начинаем. Я выговорил себе сепаратный кусок (1025–1204) и начал работать. Хочу написать *только о переменах*, которые происходили в обществе, быте, культуре и как-то их систематизировать. Это, конечно, односторонние и многие факты оставит за бортом, но только в этом я вижу возможность сделать шаг от простой *discriptio* к пониманию явлений (хотя без натяжек не обойтись). Думаю, что напишу быстро, так как читать ничего не стану, только то, что сейчас знаю и помню.

М. Я., сколько я слышал, от 1-й ч. отказался. Ее ждет не менее трогательное *jugum* – З. В.¹²⁴ и Аверинцев¹²⁵. Т. к. оба будут писать (оба?) в последний момент, то родится что-нибудь забавное.

О Камениате я сделал доклад. Очень меня обругали. Может быть, и надо меня ругать, но смешно, когда мне говорили: «К чему все эти сомнения, ведь он стоял на стенах и все видел. Словно сохранилась его фотография 904 г. ...»

Например, Макарий Мелисин подделал хронику Сфрандзи – это ведь «факт». Почему не могло быть подделки – пусть на базе существующего описания – и в XV в. Но, конечно, я и говорил это, *доказать* нельзя и не об этом речь – надо только усомниться.

З. В.¹²⁶ говорила: «Почему он не описал артиллерию». Я (робко): «В 1430 турки ее не применяли». И т. д. на таком же уровне.

У нас жара, вечером 22°. Хочу на дачу, раз нельзя в поход. Буду работать и гулять, наверное, начну купаться. Несколько раз ходил зимой на лыжах – и остался жив. Вот так.

Сердечный привет Мих. Як.!

¹²⁴ З. В. Удальцова.

¹²⁵ С. С. Аверинцев.

¹²⁶ З. В. Удальцова.

Июнь 1975 г.

Нет, правда, Рита, Вы бросили мне писать, и это *не* похвально. А я-то надеялся прочитать какие-нибудь лестные слова хотя бы по поводу «Господствующего класса», не говоря об *opera minora*, которые растут, как грибы, в разных журналах (ВИ № 5, ВДИ, ИФЖ¹²⁷ № 1 *etc.*), «а оттисков все нет», как поется в «Пиковой даме».

Жизнь моя делится между работой (сказать по секрету? Я написал вчера свои главы по византийской культуре + большую статью об Атталиате) и гулянием. На этой неделе рискнул съездить в Пущино и прочитать перед биологами лекцию о Византии. Хотя я *ужасно* устал, но все-таки остался в живых – и это вселяет надежды. Но в Тбилиси поехать не решился.

Что у Вас?

Недавно был в Москве Яков Ник.¹²⁸ Мы говорили о разных разностях, в том числе и о Вас. Собираетесь ли навестить столицу? Пора бы уже.

Скажите Козлову¹²⁹ (как он защитился?), что я его письмо получил и благодарю, а не пишу, потому что завален хлопотами и временем располагаю малым. Но если что-нибудь ему от меня понадобится – *consilium aut auxilium, semper adsum ad servitium ei*, а уж о Вас и говорить нечего...

Р. С. Пишите, а то разучитесь эпистолографии.

Июнь 1975 г.

...А я живу вот уже 10 дней на даче, пользуюсь своим положением и являюсь в сектор раз в неделю. Муся ездит на три дня в город, и эти три дня я вообще в одиночестве (такое доверие оказывается моему здоровью), правда, несколько дней жил у меня

¹²⁷ Историко-филологический журнал (Ереван).

¹²⁸ Я. Н. Любарский.

¹²⁹ А. С. Козлов – ученик М. Я. Сюзюмова, свердловский (екатеринбургский) византист.

мой аспирант, Миша Бибигов. На даче хорошо – ни телефона, ни отрывающих тебя от себя визитов: гуляю, читаю, пишу. Читаю сейчас письма Николая Мистика – вышло новое издание с хорошим английским переводом Дженкинза¹³⁰, этого мне хватит еще на добрый месяц с гаком; читаю еще всякие случайные вещи, рукопись диссертации Я. Н. Щапова¹³¹ о кормчих книгах, например. (В оппоненты меня теперь не приглашают за вредностью, но от советов моих на предварительном этапе еще не отказались, хотя я думаю, и это лишнее: зачем?) А писать кончаю свои главы по культуре, хотя кончить это практически невозможно, ибо тема «без границ», – границы есть только у объема, а мне пока на это наплевать. Пока эти главы в рукописи, их еще никто не читал, и они потихоньку набирают плоть и полнеют. Мне хотелось написать о том новом, что отличало византийскую культуру XI–XII вв. от более ранней, и представить это новое в системе, в закономерной внутренней связи. Конечно, в это почти никто не поверит – все привыкли к тому, что в Византии меняются одни имена, а суть остается прежней. *This unchanging world!*

Я посылаю как раз письмо Мих. Як. по вопросу о сходстве и различии и очень хотел бы, чтобы Вы его тоже прочли. Да, впрочем, у Вас и своих забот хватает...

Не собираетесь ли в Москву? Или летом у Вас, кажется, экзамены – будете всей семьей поступать в вуз (или я что-то путаю)? А на сентябрьскую сессию?

А у меня планов нет – так бы и сидел все лето и осень здесь, да Мусе надо отдохнуть. Она теперь меня не отпускает ни на шаг, даже ездила со мной в Пушкино «читать лекцию».

Радуюсь, что Ваш муж выздоровел (как я понял по Вашему письму), и желаю Вам провести хоть немного времени без болезней в семье.

¹³⁰ Р. Дженкинз – английский византинист.

¹³¹ Я. Н. Щапов – московский историк, специалист по истории Древней Руси.

Июль 1975 г.

Как-то не сразу собрался Вам ответить – какие-то мелкие хлопоты мешали, внук гостит, гости приезжали...

Прежде всего – поздравления! Все мы растем над собой, подстраивая нижние этажи. Значит, еще немного и будете бабушкой. Ну, ну...

АВСД-11 получил, прочитал, сделал карточки для BS (на днях отправлю) и реферат для РЖ. Сборник очень слабый. В отношении Вашей статьи Ваша собственная критика абсолютно справедлива: конечно, сопоставление византийских сочинений разного жанра недопустимо. Я как-то писал, что взгляды Никиты Хониата в «Истории» и в «Речах» совсем разные, причем именно взгляды, а (не. – М. П.) конкретные трактовки того-сего. Есть *loi du genre* или – как это там называется.

Даже и Мих. Як. не порадовал меня. О том же, но насколько проще и лучше, без претензий сказано в «Категориях» Гуревича¹³². Возможен ли диалог с цивилизацией прошлого? В состоянии ли мы понять ее? Понять – заставить ее заговорить на нашем языке – не есть ли это модернизация? Принципиально не понять – говорить с ней на разных языках – это *soit dit* сепаратизация. У М. Я. сепаратизация – просто жупел, непонятно, в чем ее вред, да и нет ни единого примера *пользы* антисепаратизации. Кроме того, сепаратизация попадает в один ряд с поиском адекватного языка, т. е. с попыткой понять цивилизацию изнутри, с помощью *ее* категорий, вживания в цивилизацию, а это совсем, совсем другое.

Все нагорожено, чтобы еще раз лягнуть германистов – но причем там модернизация?

Ну, ладно, довольно браниться. Я постарался смирить себя и в карточках, и в реферате остался объективистом (почти).

Рад, что Вы приедете – пора уже. Может быть, еще застанете Телемское аббатство на ул. Мичурина, 26. Я хочу просидеть здесь как можно дольше. В сентябре приедет Любарский, будем разбираться в его переводе Пселла. Хорошо...

¹³² Речь идет о книге А. Я. Гуревича «Категории средневековой культуры».

Сейчас стоит отличная погода, много гуляю, купаюсь, потихоньку (от медицины и Муси) осваиваю велосипед. Здесь чувствую себя здоровым – в городе сразу дурую. На работу остается мало времени, да и накопилось много мелких дел, которые надо сделать: главным образом новые книги, надо их отрецензировать, т. е. прочитать.

Сегодня кончил смешную рецензию: сопоставление двух книг по культуре. Одна, Краузе¹³³, вышла в 1869 и перепечатана в 1974, а вторая – Гийу¹³⁴ (1974). Не могу удержаться, чтобы не похвастаться: Гийу в огромном масштабе использовал «Византийскую культуру»¹³⁵. Не знаю, что делать – радоваться или огорчаться. Еще прочитал Тойнби¹³⁶ «Константин Багрянородный и его мир» (1973). Книга была бы очень интересна для М. Як. Старик Тойнби тоже склонен к парадоксам: он начинает упадок Византии не после Василия II, а с Никифора II, с успеха византийского контрнаступления на востоке. Почему? Сделав безопасной Малую Азию, Никифор II, Иоанн I и Василий II создали условия для роста династического землевладения. И все под этим углом.

Из источников прочитал Письма Николая Мистика. Вообще последнее время читаю больше, чем успеваю обрабатывать. Последние дни читал корректуру ван Дитена – новое издание «Истории» Хониата (он просил кое-что ему проверить). Прекрасная работа!

Вот и вся моя жизнь – как на ладони. В секторе большой сон. Появляюсь только раз в 2 недели. *Madame*¹³⁷ в отпуске, потом поедет в США, потом в Ленинград – так что большие перспективы для научного роста. «А я не хочу уезжать». Мне как-то ужасно хорошо здесь и спокойно. Вчера даже зеленый попугай прилетел. К чему бы это?

Желаю Вам всего, всего хорошего. Мих. Як. большой привет. Заказ на ABCD¹³⁸ я послал на кафедру. Надо бы написать Мих. Як. письмо, да никак не соберусь.

¹³³ И. Г. Краузе – немецкий византист.

¹³⁴ А. Гийу.

¹³⁵ Речь идет о книге А. П. Каждана «Византийская культура X в.».

¹³⁶ А. Тойнби.

¹³⁷ З. В. Удальцова.

¹³⁸ Так автор письма переиначивает аббревиатуру свердловского сборника: не АДСВ, а ABCD, т. е. букварь.

Август 1975 г.

...Не надо так переживать, ибо *nos mutamur* не в зависимости от поведения наших детей, а только от нашего собственного. Я получил книжки и письмо – εὐχαριστέω, но мой заказ остается в силе: пусть только их посылают на Москву, потому что здесь я еще только месяц, а за месяц Ваши оперативники, конечно, не обернутся.

Я получил одновременно письмо от М. Як.: Вы пишете про него, он – про Вас. Он, конечно, фигура удивительная, я бы сам про него с интересом написал, только честно – про достоинства и недостатки, а этого, увы, никто не любит. Так что – воздержусь.

Собираетесь ли Вы в Москву, в Ленинград? Об этом почему-то ни слова. Я жду приезда Любарского, и тогда решу, ехать ли мне в Ленинград или нет.

Отдыхали ли Вы? Или так все лето и выдавали дочку замуж?

Я вдруг заметил, что после больницы, т. е. уже 1½ года, я по сути дела не отдыхал, хотя был в санатории и чуть не год (гипербола!) провел на даче. Но все время работаю – и как-то радостно. Написал большой раздел о культуре XI–XII вв. совсем с новых позиций (в движении), правда, З. В. просила, чтобы я сдал в еще незавершенном виде, так что еще нуждается после обсуждения доделывать. Написал второй вариант Камениата: сильно ужал, но, по-моему, довольно забавно. Я хочу, чтобы вышло вместе с возражениями – пусть все будет видно. А сейчас кончаю статью про письма к Симеону Николаю Мистика (вышло новое издание): хочу показать, что презумпция хронологической последовательности «болгарского досье» неверна. Посмотрим...

Да, *a propos* – хочу еще похвастаться двумя рецензиями: одна в ВДИ о двух книгах по Поздней Римской империи... а др. – в ИФЖ про Скилицу. Так что, видите, еще не вовсе выдохся. Вот старый хвастун!

Ну, ладно, довольно болтать – уже довольно поздно, надо спать ложиться. Не грустите, приезжайте в Москву – заниматься и ходить в театры да в музеи.

Сердечный привет М. Як. Я ему напишу на днях.

Август 1975 г.

Я получил одновременно или почти одновременно письмо М. Я., где он сообщает, что Вы в отпуске и вне Свердловска – и Вашу помеченную Свердловском эпистулу. Т. к. все соткано из противоречий, то я ничему не удивляюсь...

Я собираюсь жить здесь сентябрь, а если можно будет, то и октябрь. Мне здесь лучше и спокойнее, чем в городе. Самое удобное, если бы книги пришли в Институт, но боюсь, что это создает дополнительные осложнения (один раз, кажется, даже пропали) – так что, если ничего не изменится, шлите сюда.

Вы поднимаете важный вопрос о внутреннем или адекватном понимании прошлого. В самом деле, есть две крайности: согласно одной точке зрения, все эпохи примерно одинаковы – в одной чуть больше капитализма, в другой – феодализма (я огрубляю); вообще, исторические категории не временные, а синхронные: капитализм соседствует с феодализмом, рабовладением и пр. Это воззрение можно назвать модернизацией, и, если быть честным, то, пожалуй, М. Я. сам-то стоит на этой позиции. Но, скажем, не М. Я., а Dopsch¹³⁹. Вторая – все эти эпохи принципиально разные, разные не только в социально-политическом плане, но и в культурном, в своих ценностях, и потому непостижимые извне, из другой культуры. Мы не можем понять человека «феодальной культуры», «восточной» *etc.* Итак – либо общий для всех критерий, и тогда средневековые – недоразвитое новое время (или прогнившая античность), либо несоизмеримые критерии и полная невозможность диалога.

Мне думается, *tertium datur*, и решение идет от французских социологов – от Дюркгейма¹⁴⁰ и Леви-Брюля¹⁴¹ через Марка Блока¹⁴² и Леви-Стросса¹⁴³. Но дело не в именах. Мы должны понять прошлое (будь то первобытное общество или *société féodale*) как

¹³⁹ А. Допш – австрийский историк.

¹⁴⁰ Э. Дюркгейм – французский социолог.

¹⁴¹ Л. Леви-Брюль – французский социолог.

¹⁴² М. Блок – французский историк.

¹⁴³ К. Леви-Стросс – французский этнограф.

систему, т. е. как совокупность связей (отношений), обусловленных единым принципом. Я не знаю, читали ли Вы мою рецензию на Чичурова (в СВ¹⁴⁴) – там-то я (предельно завуалированно) писал о том, что культуру образуют не элементы-координаты, а общий принцип. *Specificum* средневекового (*resp.* византийского, восточного и пр.) общества не в том, что его «элементы» непохожи на наши, а в том, что эти элементы образуют замкнутую в себе систему, подчиненную общему принципу. Этот принцип можно понимать разное: скажем, Леви-Брюль и Леви-Стросс принципиально разное осмыслили принцип первобытного сознания (= культуры): для одного это пра-логические связи, для другого – высшее развитие номенклатурной логики, тяга к перечислению, классификации и т. д. Это мне сейчас неважно. Важно же, что понять прошлое мы можем лишь на основе *особенных* (т. е. не наших) критериев, но если построим эти критерии, элементы *etc.* в систему.

Конечно, как всегда, ошибки возможны. Мы и живого человека подчас воспринимаем по-разному и, следовательно (в каком-то случае) неточно. Но важна степень неточности: если мы имярек не только назовем, но и будем считать свиньей – это грубая ошибка. Но если мы примем карьериста за порядочного человека, это ошибка уже меньшая.

На этой шуточке позвольте кончить. Привет М. Я.

Февраль 1976 г.

Вы меня совершенно позабыли. Единственным извинением этому может служить только Ваш скорый приезд в Москву.

Я уехал отдыхать на 12 дней под Москву – ничего не делаю, только читаю Бахтина, а так гуляю, ем и даже хожу (сегодня первый раз) на лыжах, хотя морозы стоят до 36–38° (ночью). Вот еще пишу открытки, чтобы напомнить о себе хорошим людям. Надо бы писать письма, да лень – могу я себе позволить чуть-чуть полениться?

¹⁴⁴ Научный сборник медиевистов «Средние века» (Москва).

Как Вы? Как Мих. Як.? Трудная пора экзаменов позади, можно чуть-чуть и для себя пожить, правда?

У нас у всех большое горе – умер В. Н. Лазарев. Все больше уходит от нас стариков-учителей (я-то помню его еще «молодым»: вместе на лыжах ходили – он ведь был очень спортивным), все ближе на передний план выдвигается мое поколение. Очень хочу Вас видеть. Приезжайте, если можете.

Июнь 1976 г.

Я очень рад был получить Ваше письмо, хотя не могу сказать, что меня радуют те *troubles*, которые все больше и больше сопровождают Вашу (да, видимо, и не только Вашу) преподавательскую деятельность. Конечно, на этом фоне наш богохранимый Институт – дивное место пребывания, и если закрыть глаза на идиотизм большей части его обитателей и бессмысленный онанизм (простите мне это грубое и нехудожественное слово) подавляющей массы его унылой продукции, то можно наслаждаться жизнью, как только захочешь. Писала ли Вам Саша¹⁴⁵ об обсуждении моих глав по византийской культуре? Оно носило совершенно парадоксальный характер: З. В.¹⁴⁶ была – вопреки всем моим ожиданиям – человеком, наиболее одобрительно принявшим тот экспрессионистический поток сознания, который я подал. N. и NN., напротив, всего ожесточеннее отстаивали необходимость традиционной манеры изложения, когда все расставлено по полкам и на каждом явлении нацеплены этикетки с указанием даты рождения. Не помню уже, что я им отвечал, но, видимо, меня в самом деле трудно понять, хотя Guillou¹⁴⁷ это удалось наилучшим образом. Ах, дорого бы я дал, чтобы увидеть сравнительную рецензию его и моей «Культуры», но пока ограничимся *моей* сравнительной рецензией: от Краузе до Гийу (в ВВ 38), где я всячески его превозношу (не без оснований).

¹⁴⁵ А. А. Чекалова.

¹⁴⁶ З. В. Удальцова.

¹⁴⁷ А. Гийу.

Но сейчас я не занимаюсь культурой. Последнее время был занят ответом Shepard'y¹⁴⁸, который в JÖB опровергает мою датировку печенежского *crossing* через Дунай и отстаивает – опять-таки – традиционную. А на мой взгляд, его статья наилучшим образом подтверждает мою правоту: он допускает *mutatio elenchi*, доказывая, что лето 1049 г. *terminus ante quem*, тогда как для опровержения надо было доказать, что 1049 г. – *terminus ante quem non*, что печенеги не могли перейти Дунай до 1049. У него же получается такая *hard schedule*, такое напряженное расписание, что все события не могут уложиться в отрезок от апреля (переход печенегов) до лета 1049 (разгром ими византийцев при Ямболе). Но довольно об этой мелочи!

Теперь я немного приблизился к Вам: буду читать письма Афанасия, изданные А.-М. Толбот¹⁴⁹. Всегда занятно читать новые источники, только запущенные в оборот (правда, покойный Лоран¹⁵⁰ уже пообирал вершки – в 4-м вып. «Патриарших регест»).

Да, я не сказал самого главного. Я уже на даче: Ваше письмо пришло буквально за несколько часов до переезда. Напоминаю адрес, если захотите написать: Моск. обл., Кратово-1, Мичурина, 26.

Ahrweiler¹⁵¹ терпит. Конечно, можно послать заказным – ничего с ней не случится (лучше всего: с уведомлением о вручении), но я спокойно могу подождать до осени. Вы пользуетесь у меня кредитом.

Как Мих. Як.? Последнее письмо его полно жалоб. Да, жизнь и к нему незаслуженно сурова, нелюбезна – уж он-то мог быть академиком по всем статьям и пользоваться на старости лет уважительным почетом.

Как Ваша молодежь – Козлов¹⁵², Степаненко¹⁵³? Утрясаются мало-помалу?

Пишите обо всем и помните обо мне.

¹⁴⁸ Дж. Шепард – английский византист.

¹⁴⁹ А.-М. Толбот – американская исследовательница.

¹⁵⁰ В. Лоран – французский византист.

¹⁵¹ Речь идет о данной автором письма для временного пользования книге французской исследовательницы Э. Арвейлер.

¹⁵² А. С. Козлов.

¹⁵³ В. П. Степаненко – ученик М. Я. Сюзюмова, свердловский (екатеринбургский) византист.

20 июля 1976 г.

Уже давно не было писем из Свердловска, и я ничего не знаю ни о Вас, ни о М. Я. Впрочем, заявление мое нелепо, потому что вот уже больше двух недель я в Литве, в палаточном кемпинге на берегу озера Свента, где меня трижды в день отлично кормят и ничего не требуют взамен. Гуляю, катаюсь на лодке, собираю землянику и чернику – одним словом, кейфую и не думаю о византиноведении. Первую неделю погода была холодной и дождливой, но здесь отличные палатки с тентом и песчаная почва, так что можно было все перетерпеть. Потом погода установилась, вода в озере согрелась, ягода полезла из всех углов, и можно считать, что наступило лето.

А что у Вас? Где Вы? Как здоровье М. Я.?

Я возвращаюсь в Москву к 1 августа и, хотя выхожу на работу, но думаю весь август и сентябрь просидеть на даче, куда и пишите (п/о Кратово-1, Моск. обл., Мичурина, 26).

Самое смешное, что я не знаю, чем я буду теперь заниматься. Никита Хониат и культура – два моих главных объекта, слишком хлопотливы, чтобы их делать на даче (я откладываю их на осень, когда вернусь домой), наверное, буду читать новые книжки и строчить рецензии для Виз. врем. А тем временем подумываю, будет ли у меня в этом году курс лекций по византийской литературе.

Игорь¹⁵⁴ уехал в ФРГ – на полгода или на год. Миша¹⁵⁵ кончил первый вариант диссертации, который меня во всяком случае не удовлетворяет. Я думаю, август и сентябрь он проживет у меня на даче, чтобы переработать ее. От Любарского давно ничего не имею и не знаю, придет ли он в Телемское аббатство. Надо подумывать о новых учениках – старые все уже выбились на большую дорогу. Ну, поживем – увидим.

Сердечный привет М. Я.!

Желаю Вам всего самого лучшего, и это, ей-богу, не просто фраза.

¹⁵⁴ И. С. Чичуров.

¹⁵⁵ М. М. Бибииков.

10 августа 1976 г.

Я не могу сказать, что Ваше письмо было очень ясным – да, может быть, этого и не надо, но во всяком случае оно меня не обрадовало. Господи, сколько напастей на Вашу голову в последние годы! И когда я слышу о подобных бедах у моих близких, я всегда кусаю себе губы, потому что не знаю, чем и как бы я мог помочь. Сказать что-нибудь доброе? Ох, слова – это такое легко доступное средство, и сколько есть ловких фокусников, легко и свободно раздающих эти самые добрые слова, что мне всегда чудится в словесной доброте что-то ненастоящее, обманное. Впрочем, «тьмы горьких истин нам дороже»... Как бы то ни было, Рита, сочувствие мое не мнимое, даже если оно не облечено в приятные слова или облечено плохо. Это правда.

Что касается книжки, не засоряйте себе голову. Если никто в ближайшее, обозримое время не едет в Москву – ну, пошлите бандеролью с уведомлением о вручении: это, кажется, наиболее надежный вид переписки. Анна Александровна¹⁵⁶ в Москве – так что книга дойдет.

Я, как Вы понимаете, возвратился, сижу на даче и стараюсь поменьше бывать в секторе, где идет подготовка к Афинам. Я не переживаю свою непоездку: в сравнении с тем, что я потерял¹⁵⁷, это – детские игрушки. Впрочем, не могу сказать, чтобы мне не было вовсе обидно – но как-то скользит по поверхности.

Понемногу работаю. На этот раз я не привез на дачу многого, и потому занимаюсь мелкими и медленными поделками, отложив в сторону и Хониата, и культуру. Весь июнь я читал письма Афанасия (патриарха), только вышедшие в Вашингтоне, а теперь написал рецензию для ВВ. Очень расплылся, хотя и сдерживал себя. У меня есть несколько соображений, главным образом по поводу датировки писем, которые никак в рецензию не лезут, и мне бы хотелось найти сейчас дельного студента, чтобы он, опираясь на мой опыт, сделал бы из этого дипломную работу. Надо будет в сентябре поискать такого на филфаке.

¹⁵⁶ А. А. Каждан – мама автора письма.

¹⁵⁷ Надо полагать, имеется в виду отъезд сына с семьей в США.

Теперь читаю книгу Браунинга¹⁵⁸ «Византия и Болгария», где несколько живых мыслей уживаются с большим количеством нарративных банальностей. Есть еще на примете несколько книг, которые надо бы проглядеть быстро, но быстро почему-то не получается.

Погода стоит посредственная. На днях, правда, я еще осмелился купаться, но потом похолодало, прошел большой дождь, и сейчас я не знаю, кончилось ли лето или еще вернется. Но и *Indian summer* в Подмоскovie бывает прекрасным, особенно когда схлынут дачники и улицы станут пустынными, а в лесу и вовсе будет тихо-тихо, а солнце делается ласковым и чуть теплым и вечера – длинными. В доме у нас тепло и уютно (хотя, конечно, это уют не каминный, не от живого огня), и мне все чаще хочется освободиться от трудов, даже вполне праведных, и предаться несправедливой неге, безделью. Да, как-то здесь я чувствую себя покойнее, чем в городе...

Но все-таки время еще не пришло для покоя, и с осени надо будет погружаться в дела по-настоящему. И надо учить людей – это, может быть, самое лучшее, что можно делать, отдавая другим частицу себя.

Желаю Вам всего самого хорошего! Сердечный привет Мих. Як.! Как он там? Его возраст уже сам по себе опасен. Но дай ему $\theta\epsilon\acute{o}\varsigma$ как можно больше сроку – только без маразма.

Обнимаю Вас.

5 сентября 1976 г.

Вот уже и сентябрь наступил: Вам на работу, а мне последний дачный месяц. Наверное, и я в этом году буду читать лекции – просили меня о курсе истории византийской литературы. Только я думаю начинать с VIII–IX вв., потому что в протовизантийском периоде увязнешь по уши: уж больно много там крупных фигур. Значит, или надо бегло, или так и не пойдешь дальше IV в. А так я смогу потихоньку, не торопясь двигаться...

¹⁵⁸ Р. Браунинг – английский византист.

Наши, наверное, вчера улетели в Афины. У них, правда, были какие-то денежные затруднения, но думаю, что все утряслось. Немножко обидно, но в общем это не жизненно важно. Очень смешно, что Игорю Чичурову, который сейчас в долгосрочной (год) командировке в ФРГ, *не* разрешили ехать в Афины, хотя ему для этого не требовалось ни денег, ни визы. Не разрешили – из чисто-го держимордства.

Новостей никаких нет. Хониата я сейчас забросил – на даче им неудобно заниматься. Читаю кое-какие новые книги и делаю аннотации – вот и все. Из приятных мелочей – мне звонили из ВААП'а (знаете, есть теперь такое агентство по охране авторов от их прав) и сказали, что 2 итальянских издательства просили разрешения перевести «Культуру» и «Книгу и писателя». Правда, я думаю, пока все это совершится, пройдут годы.

Думаю, что мою статью в сборнике «Из истории культуры» Вы прочитали «неправильными» глазами. Ее надо критиковать: 1) за то, что я не дал статистического выражения (т. е. сколько процентов у Хониата и сколько у Григоры), отчего все остается волюнтаристским, но я не сделал этого до использования нового издания Хониата и еще хочу сделать; 2) за то, что сравнил только двух авторов, а не дал историю образа по всей византийской литературе. Это тоже может вести к искажению перспективы. Но я только намечаю пути, пробую – не боясь того, скорее призываю к литературоведческому подходу, которого в сущности нет. Ваше же критическое замечание, естественное с Ваших «григорианских» позиций, отвожу, и вот почему: для меня Григора – только «точка отсчета», выразитель традиционно-банальной общевизантийской точки зрения (таким он и был). Я взял его как близкого к Хониату по времени и объему автора исторического, т. е. одножанрового (что важно!) произведения – и только. Я его не «оптимизирую» – это обычный, банальный христианский оптимизм: Бог все может повернуть. Эсхатологии – в научном понимании этого слова (см. *Podskalsky. Reichseschatologie*) – в Византии вообще не было. На фоне Григоры (и даже Пселла – об этом в 3-й гл. «Книги и писателя») *трагическое* восприятие действительности Хониатом проступает отчетливее и – что *очень* важно – проступает не на идео-

логическом (философском), а на образном уровне. Вот этот разрыв образного и философско-идеологического уровней (если я прав) – чрезвычайно существенное, методологически важное наблюдение. В этом и есть суть статьи.

Я, к сожалению, еще не читал сборника. По оглавлению он обещает быть интересным. Вот начну расписывать *BZ*, 1976, № 1 – и примусь за сборник. Если только что-нибудь еще не вклинится. А то только сейчас прочитал книгу Angold'a¹⁵⁹, за которую давно брался!

Какие у Вас планы? Как домашняя ситуация? Как в университете? М. Я. гордо написал мне, что его переизбрали – ну что ж, может быть, это самое лучшее для вас всех.

Всего, всего Вам хорошего!

10 октября 1976 г.

Я – свинья! Я вдруг вспомнил, что я не сообщил Вам о прибытии Ahrweiler¹⁶⁰. Все в порядке!

После переезда в Москву – дикая, отвычная свистопляска. Спешно надо было сделать карточки для *BS* (попробуйте просмотреть пару сотен статей и книжек, аннотировать, да еще перепечатать на машинке), изготовить дюжину рецензий для ВВр. (даже когда решаешь – формальную отписку, все равно не всегда получается), а тут еще гости (иностранные и свои), Греческий театр («Эдип в Коломне» + «Всадники») – не знаю, как все пролезет в игольчатое ушко 24-часовых суток. И все-таки собираюсь читать курс: уже получил официальное приглашение. И надо кончать Хониата (план!), хотя не надо бы еще. А уж о письмах я не говорю: я люблю получать их, а чтобы получать, надо писать. И с грустью замечаю, что первые 2–3 письма пишешь раздумчиво, всерьез (поэтому всегда начинаю с письма Ильюшке¹⁶¹ – самого важно-го), а потом волей-неволей сбиваешься на пустословие, на болтовню.

¹⁵⁹ М. Ангольд – шведский византист.

¹⁶⁰ Книги Э. Арвейлер.

¹⁶¹ Илья – внук А. П. Каждана.

Основная информация: вышел и поступил на М. Бронную¹⁶² 1-й фасцикель «*Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit*» (Wien, 1976); охватывает букву А; всего предполагается 10 тетрадей. При каждой – отдельно: список сокращений + индексы. Интересно? Приезжайте смотреть. Вышла также книга Cl. Foss¹⁶³ о Сардах: прекрасное подтверждение моей старой теории об упадке города в VII в. Но смех – обо мне ни слова, как будто и не существовало. Как говорится, «их нравы». У меня – другие.

Посылаю проспектик. Покажите М. Я.: может, подпишется.

А пока обнимаю Вас и желаю Вам бодрости, веселья и собственной жизни, своими (а не только бабушкинскими) интересами. У меня, к сожалению, это все слишком консеквентно.

4 ноября 1976 г.

С некоторым смущением я замечаю, что у меня все больше накапливается не отвеченных писем и что я становлюсь все более и более эпистолярно неаккуратным. Это можно объяснить, но нелегко оправдать, ибо среди малых (не смертных) грехов невежливость – один из отвратительнейших. Я пока не получил Вашей обещанной посылки алфавитно-озаглавленного сборника¹⁶⁴ – только посланный М. Як.¹⁶⁵ экземпляр пришел, но я еще не успел ознакомиться с его содержанием. Увы, он пришел чуть-чуть позднее желаемого, ибо буквально месяц назад я отослал карточки в BS, и, следовательно, *publicity* свердловской византиноведческой науки откладывается на полгода. *Non mea culpa ceterum*, не так ли?

То, что Вы завалены сейчас лекционной работой, имеет какие-то положительные черты, ибо вселяет надежду, что второй семестр будет свободнее и что – *peut-être* – у Вас образуется некий темпоральный выигрыш, позволяющий приехать в Москву. Ибо – что ни говори, что ни думай, – а без книжек трудно двигаться вперед, да еще один момент составляет явное московское преимущество –

¹⁶² Т. е. на московский адрес автора письма.

¹⁶³ К. Фосс – американский византинист.

¹⁶⁴ АДСВ.

¹⁶⁵ М. Я. Сюзюмов.

наличие здесь среды, хотя и не очень большой, византиноведов и медиевистов, позволяющей обмениваться мнениями и друг у друга набраться идей. Смешная вещь! Не так давно один западногерманский профессор сказал мне в ответ на мои упреки (основанные на устных жалобах Игоря Чичурова, находящегося сейчас в командировке в ФРГ) в скучности лекций западной профессуры. Мне было сказано примерно так: «Во-первых, у нас только скучное считается за науку, а, во-вторых, профессора говорят только банальности, опасаясь, что слушатели украдут у них оригинальные идеи». У нас, мне кажется, господствует другой принцип – живой обмен мнениями, по-моему, обогащает обе стороны, и что может быть приятнее, чем видеть воплощение твоих идей или обогащение другой нивы твоими соображениями. В конце концов, мы все делаем общее дело, если только делаем дело, а не спекулируем на деле.

Только что принесли сообщение, что умер Острогорский¹⁶⁶ – умер после долгой, тяжелой болезни, склероза... Все это совершенно невозможно представить себе... Мало с кем из «западных» я был связан такими прочными и сложными узами, как с Г. А. Расходясь с ним по тысяче важнейших вопросов – от судьбы городов до прониции, я оставался с ним в дружеских отношениях, насколько это вообще возможно между людьми, географически столь далекими и принадлежащими к разным поколениям. Во всяком случае, уважение было, мне кажется, взаимным. Я отлично помню, как он сидел у нас дома, мы болтали о том и о сем, о науке и о людях, и даже начинало казаться, что стирается возрастная грань. А теперь и его нет...

Относительно статьи Бычкова¹⁶⁷. Речь идет, как я понимаю, о работах эмигрантов, выпущенных действительно на русском языке и, вероятно, имеющих в спецхране.

Относительно Кидониса ничем не могу Вам помочь. На всякий случай, взгляните на статью Лэнертца¹⁶⁸ «Note sur une lettre de Dém. Cydonès à Jean Cantacuzène» (BZ 44, 1951), может быть,

¹⁶⁶ Г. А. Острогорский.

¹⁶⁷ В. В. Бычков – московский философ, специалист по византийской эстетике.

¹⁶⁸ Р. Ленертц – итальянский византинист, кодиколог.

там есть разгадка... Во всяком случае, Nicol¹⁶⁹ в «Кантакузинах» (стр. 64, пр. 77) пишет:

«The second of the two orations to John as Emperor which D. K. composed soon after 1347 gives a vivid description of the surprise entry into the city and the reactions of the inhabitants (ссылка на *BNJb*¹⁷⁰ 4, 1923)... the first of the two orations has rather more to say about K. family than about John» (ссылка на *BNJb* 3, 1922 и изд. Лэнерца). Так что, если Вы ошибетесь, то вместе с Nicol'ем.

Вот, как будто, и все. Курс мой начался. Прочитал введение и 2 лекции: о Феофане и «Филарете Милостивом». Теперь хочу о Феодоре Студите, потом наверное, подведу итоги рубежу VIII–IX вв. и перейду к Фотию. Так что я иду «по авторам».

Сердечный привет М. Як.! Да, видел сегодня Кучму¹⁷¹ – он приезжал на неделю.

Декабрь 1976 г.

Жизнь требует пристального напряжения: на днях Миша¹⁷² защищался, а сегодня на редколлегии «Памятников ист. мысли» утвердили «Хронографию» Пселла (в переводе Я. Н.¹⁷³). Только вернулся и пишу Вам. Прежде всего, *at last*, получены и частично отосланы АВСД 12. Благодарность западных медиевистов не поддается описанию...

Новостей у меня немного. Посылаю Вам «Атталиата» – получилась целая книжечка. Мне – пока еще – нравится. Извинитесь за меня перед М. Як.: я ему не посылаю, т. к. знаю, что у него есть весь ЗРВИ¹⁷⁴ 17 (там и Мишина статья о пронии). Прочтете – черкните что-нибудь хорошее, ладно?

Курс идет. Завтра читаю Фотия. Лекция перемежается с чтением греческих фрагментов. Но чувствую жуткую нехватку зна-

¹⁶⁹ Д. М. Найкол – английский византинист.

¹⁷⁰ *Byzantinische Neugriechischen Jahrbuch*.

¹⁷¹ В. В. Кучма.

¹⁷² М. М. Бибилов.

¹⁷³ Я. Н. Любарский.

¹⁷⁴ Сборник Радова. Византилошки Институт (Сербия).

ний. На самом деле, чтобы читать эти лекции, надо готовиться неделю. Пока что у меня одни идеи, а проверить их некогда.

Игорь¹⁷⁵ очень интересно пишет о своих занятиях в Мюнхене. Нагрузка – огромная и разнообразная: лекции об источниках эпохи Юстиниана, семинар по риторике (чтение Евсевия), семинар по Хониату (надо сделать перевод на немецкий большого куска и комментарий) *etc.* Ведут занятия люди довольно молодые: Хольвег, Шпек, Тиннефельд, Велудис¹⁷⁶. Думаю, что Игорь не подкачает.

Дома все без перемен. Невесело и привыкнуть невозможно¹⁷⁷, хотя и стараюсь делать вид, что все идет своим ходом.

Очень хотел бы Вас видеть.

Р. S. Саша¹⁷⁸ просила не писать Вам, чтобы она могла ответить первая.

Р. P. S. Есть кое-какие новые книги и журналы.

Декабрь 1976 г.

Рад был узнать, что Вы «моя» (в смысле: заочная ученица). Ни о конференции, ни о сборнике Фрейденберга¹⁷⁹ ничего не знаю. Зато знаю (получил) про книгу Алексидзе¹⁸⁰ о позднем романе: очень полезно для византиноведения. Реферат на М. Я.¹⁸¹ готовится к сдаче в номер, но еще надо провести через редколлегию.

У меня большая беда: мама (в д/о¹⁸²) упала и сломала бедро. Пока довезли ее в Москву, пока положили в больницу... Надо делать операцию, а у нее температура и сердце неожиданно стало

¹⁷⁵ И. С. Чичуров.

¹⁷⁶ А. Хольвег, П. Шпек, Ф. Тиннефельд, Велудис – немецкие византилисты.

¹⁷⁷ Речь идет о разлуке с семьей сына.

¹⁷⁸ А. А. Чекалова.

¹⁷⁹ М. М. Фрейденберг – медиевист, специалист по истории Балкан, заведующий кафедрой в Калинин (Твери). Ныне живет в Израиле.

¹⁸⁰ А. Д. Алексидзе – грузинский филолог, специалист по византийской литературе.

¹⁸¹ М. Я. Сюзюмов.

¹⁸² Дом отдыха.

шालить. А если не сделать операцию – не встанет с постели. Не знаю, что и будет.

Очень рад, что Миша¹⁸³ Вам полюбился. У меня, к сожалению, учеников очень мало: за все 20 лет моей службы в секторе мне не дали ни одного аспиранта! Только на стороне.

Спасибо за теплые слова об Атталиате. Мне тоже эта статья нравится: как-то ловко мобилизовано очень много материала.

Риточка, больше не пишу – сил нет думать. Желаю Вам всего, всего хорошего – это уже к Новому году или все-таки раньше?

23 января 1977 г.

Я пишу Вам, а не М. Я. – рука не поднимается написать ему. Может быть, Вы ему передадите, как-то смягчив. Увы, мы терпим поражение по всем фронтам. В РЖ¹⁸⁴ строгое указание: в 1977 г. помещать рефераты на издания не ранее 1976 г. И хотя библиотека еще не получила АВСД 12, и хотя М. Я. прислал мне, и я выложил на стол справку, и хотя я почти ἐκάστην ἡμέραν давлю на редактора, а редактор – на своего зава, пока ни с места, и только зав. спрашивает: «А почему Вы так заинтересованы в этой статье?» Вопрос еще не решен (к тому же скрываем от зава «скандальный» характер статьи), но нарушить формальный приказ нелегко.

На редколлегии ВВ – полный разгром. Хотя были положительные отзывы Геннадия¹⁸⁵ и мой на статью-письмо М. Я. (полемика с Вернером¹⁸⁶), хотя я говорил на редколлегии (Г. Г.¹⁸⁷ сломал ногу и отсутствовал), все это было *vox clamantis in deserto* и *Mme le Chef*¹⁸⁸ безапелляционно заявила, что (статья. – М. П.) не пойдет. Новые события (ἐκλογή), не прибавив ей авторитета, прибавили авторитарности. Бороться с ней напрямую невозможно, сил и нервов нет.

¹⁸³ М. М. Бибилов.

¹⁸⁴ Реферативный журнал (Москва).

¹⁸⁵ Г. Г. Литаврин.

¹⁸⁶ Э. Вернер – немецкий византист.

¹⁸⁷ Г. Г. Литаврин.

¹⁸⁸ З. В. Удальцова.

Когда пару лет назад она зарезала статью Бибикова под предлогом, что она обидна для Острогорского, я отослал ее Острогорскому, и тот напечатал ее в ЗРВИ. Вот мой совет М. Я. – во славу русской науки ему надо печатать ἐπιστολὴ πρὸς τὸν Βέρνερ в ГДР.

Неделю жил у меня Яшенька¹⁸⁹: он приехал сдавать две книги о Пселле – перевод «Хронографии» и монографию. Из-за перевода у меня с М^{те}¹⁹⁰ тоже было столкновение, но т. к. решал Черепнин¹⁹¹, то эту битву я выиграл, и она подписала отзыв в нужной редакции. Яшенька мне не понравился: какой-то усталый, чтоб не сказать больной. Тоже нелегкая жизнь у человека, заслужившего много лучшую.

В лекциях у меня перерыв – вакации. Дочитал я до Льва Диакона, а следующим должен быть Феодосий Диакон, который оказался (или это я его «оказал»?) интересным писателем. Любопытно, что из сектора ни один человек ни разу не появился на лекциях, хотя могу сказать нагло, что такого курса не услышать ни в Мюнхене, ни в Париже – и нигде ни прочесть! Мне они не нужны – слушателей мне хватает, и даже в сессию я читал по их просьбе. Но этим – не интересно. Я делал доклад у Пашуты¹⁹² – из сектора ни одного человека!

Вот как мы живем. Иногда хочется вопить по-волчьи, но уж тут я «наступаю себе на горло».

Пишите, не забывайте – хоть открытки.

19 февраля 1977 г.

Я – на отдыхе. Опять вернулся к хорошей давней традиции зимнего отдыха, и т. к. сегодня, можно сказать, проспал целый день (во всяком случае 3 часа после лыжной прогулки!), чувствую, что эта поездка была не излишней. Поехали мы в Звенигород не-

¹⁸⁹ Я. Н. Любарский.

¹⁹⁰ З. В. Удальцова.

¹⁹¹ Л. В. Черепнин – московский историк, специалист по феодальной России.

¹⁹² В. Т. Пашуто – московский историк, специалист по истории Древней Руси.

большой компанией и пробудем здесь 12 дней, до 2 марта. Так что отвечать, наверное, уже лучше на Москву.

Жизнь складывается из разных, очень противоречивых явлений. Большая беда (я, кажется, уже писал Вам) – то, что мама в больнице (уже 2½ месяца, правда, мне кажется, конец уже виден), и совершенно неясно, как все будет после конца больничного срока: она, оставшаяся до последнего времени физически независимым человеком, внезапно превратилась в инвалида, и это, разумеется, коренным образом изменит всю нашу общую жизнь (*A propos*, слышали ли Вы, что Ген. Григ.¹⁹³ тоже упал и сломал ногу, и хотя его перелом был куда легче, медицинские олухи наложили ему гипс не на то место, и теперь он вышел на работу инвалидом).

Это – одна сторона жизни, от меня совершенно не зависящая. Другая – работа. Теперь мое увлечение – курс. Я уже прочитал 15 лекций и дошел до Феофана и Иоанна Геометра. Как раз перед отъездом прочитал заключительную лекцию – об особенностях византийской литературы X в. Мне кажется, очень получается интересно – и во многом неожиданно для меня самого. Ребятам немного, но слушают хорошо. Игорь и Миша¹⁹⁴ ведут практические занятия – читают перед лекцией фрагменты того автора, которому будет посвящена лекция. Так что в целом получается довольно солидно.

Когда вернусь, проведу одно занятие особого типа: будем обсуждать брошюру Бека¹⁹⁵ «Byzantinistik heute». Писал ли я Вам об этом? Этот его скандальный доклад в Афинах очень интересный! Он обнажает недостатки современного состояния нашей науки и ставит некоторые общеметодологические проблемы будущего. Умно и очень раскованно написано. Я велел всем студентам написать реферат на 4 стр. (под девизом) и обещал объявить, у кого лучше. Всегда жалею, что Вы у меня не учитесь.

По-прежнему тону в Хониате. Я стараюсь читать ежедневно страницу, но, увы, не всегда выходит, и я еще не добрался до по-

¹⁹³ Г. Г. Литаврин.

¹⁹⁴ И. С. Чичуров, М. М. Бибиков.

¹⁹⁵ Х.-Г. Бек – немецкий византинист.

ловины. Я надеюсь, что когда словарь к Хониату будет составлен, я смогу посмотреть на него совсем с новых позиций.

А тем временем я должен к лету представить монографию о Хониате. Смешно! Это не надо ни мне, ни кому бы то ни было, но зато – план. А надо бы еще лет 5 поработать не торопясь.

...Я. Н.¹⁹⁶ сдает в производство обе книги: перевод «Хронографии» и монографию о Пселле. Скоро мы их увидим, надеюсь. Ему тоже нелегко: больной и уже немолодой, безусловно, одаренный ученый – и на такой глупой работе! Зато «мальчикам» хорошо: Мишу зачислили в Институт истории СССР, Игорь тем более процветает, Боря¹⁹⁷ сдает монографию (его, правда, здоровье не радуется – очень уж рано). Пусть им будет хорошо. Оглянусь, и все-таки радостно: остается след не только в мертвых книгах, но и в живых людях.

Пишите, пожалуйста, как Вы? А я остаюсь (на лыжне, если погода не испортится). Желаю Вам самого хорошего.

Март 1977 г.

Прежде всего, рад, что Вы приедете в Москву – хотя бы осенью. Дальше, вышла книга «Nikephoros Gregoras. Antirrhethika I» (hg.) von H.-V. Beyer¹⁹⁸. Wien, 1976 (= Wiener Byzantinische Studien, XII). DM 130.

У меня все идет вкривь и вкось. Мама еще в больнице (4 месяца) и едва начинает ходить на костылях. К этому прибавилась Мусина болезнь – сердце, видимо, давно и не без оснований назревавшая. Из этой ситуации выкручиваюсь, как могу (не работать ведь не могу – сдохну просто). Ладно, как-нибудь вывернусь.

Получил письмо от М. Я., полное жалоб. Не знаю, что и ответить ему. Конечно, в его судьбе много несправедливого, но ведь немало и счастливого. На это тоже не надо закрывать глаза.

Очень бранит Бека. В этом много правды: видимо, по-человечески Бек нехорош. Но – талант! И за это многое можно простить.

¹⁹⁶ Я. Н. Любарский.

¹⁹⁷ Б. Л. Фонкич.

¹⁹⁸ Х.-Ф. Байер – немецкий византист.

А его «Byzantinistik heute» (пожалуйста, передайте это название М. Я. – он в моем письме неуверенно разобрал) – просто отличное эссе. Совсем не в стиле старых его компендиумов.

Простите, что пишу коротко и сумбурно.

18 апреля 1977 г.

Я чувствую угрызения совести, потому что Вам отвечаю не сразу, а М. Я. – не отвечаю совсем (очень мне трудно с ним, он и раньше был само-сосредоточен в одном пункте: ему – хуже всех, а теперь тем более. А ведь при всех бедах и трудностях нельзя не видеть и трудности других... А ведь он в свои годы еще может работать! Одному этому надо радоваться). Дошел до меня слух, что Вы все-таки собираетесь в Москву. Καλῶς ἐστὶ, ἀσμένως ἀκήκοα· ὅφ' ἡδονῆς ἄλλομαι καὶ σκίρτάω. Напишите, надолго ли и когда.

...Читаю в основном манускрипты: Аверинцева о византийской философии IV–VII вв., предисловие Любарского к «Хронографии» Пселла, даже из иностранщины взяли моду присылать рукописи на отзыв. А ведь χρήματα ὁ χρόνος, как сказал поэт (или он не так сказал?).

25-го открытие Византийской выставки. Три дня будет сессия. Открывается двумя докладами – Аверинцева и моим – примерно на одну тему: τί ἐστὶ ὁ πολιτισμὸς βυζαντινός; Думаю, что ответы будут даны разные. Приехали бы послушать, а?..

У меня вышло забавное предисловие к переводу венгерского романа «Нерон, кровавый поэт» Д. Костолани. Если попадется, прочтите, а прочтете – черкните.

Так новостей нет. Завтра кончаю курс. Масса секторских обязанностей – ну, как-нибудь выкручусь. Скоро на дачу. Как будет в этом году, не знаю.

А в общем – все образуется.

Май 1977 г.

Вот мы и дожили до такого счастливого времени, когда наши письма – в ту и в другую сторону – в основном складываются из жалоб. Что за жизнь собачья! А ведь как ни трудно, как ни обидно подчас – все-таки же приспосабливаемся и живем, и получаем от жизни удовольствие. Да, в один из очень трудных моментов этой ранней весной, когда мама еще была в больнице, а врач требовал, чтобы Мусю уложили в госпиталь с подозрением на микроинфаркт, мой приятель позвал меня в театр на Таганке на прогон нового спектакля «Мастер и Маргарита». И я пошел, и смотрел, получал удовольствие, и только жалел, что уже невозможно остаться на обсуждение и познакомиться, сказав что-нибудь умное, с самим, с Любимовым.

Жизнь идет, времени ни на что не хватает, а потом оглянешься и смотришь, ан нет, что-то сделано, что-то отложилось. Можно похвастаться? Мне кажется, что я сейчас в хорошей форме, есть много полуфантастических идей, и чего мне в самом деле не хватает, это *своего* Сектора, чтобы я мог раздавать эти идеи на проверку и на реализацию. Что это? Канун старческого маразма или уже наступивший маразм, когда перестаешь относиться к себе критически?

Надвигается лето, и на днях собираемся на дачу, так что если соберетесь написать, мой адрес: Кратово-1, Моск. обл., Мичурина, 26 – как в прошлом году. Если все будет хорошо (а Муся хорошо поддается хорошему, умному лечению), может быть, на июль опять подадимся в Прибалтику – одна женщина обещала пожить с мамой месяц за соответствующее вознаграждение. Вот внешняя – не так уж скверная – канва моей жизни.

Кругом же много болезней: Геннадий¹⁹⁹ временно вышел из болезни и, если все пойдет О. К., к августу станет ходить. З. В.²⁰⁰ в больнице (легкие, сердце). Боря Фонкич чувствует себя отвратно – еле вылезает из сильного приступа гипертонии. Вот далеко не полный список-мартиролог московского византиноведения.

¹⁹⁹ Г. Г. Литаврин.

²⁰⁰ З. В. Удальцова.

Сектор стоит (в смысле «Культуры») на месте, я торопливо кончаю монографию (на самом деле там работы еще лет на 10!) и отрываюсь только на чтение срочных рукописей.

У Любарского лучше: домашние поправляются, автореферат напечатан...

Новых книг мало (*Actes de Lavra*, t. 2 – XIII в.), да я не успеваю в них разобраться – откладываю на август. Хорошо хоть выкраиваю время почитать беллетристику. Из «по-русски» книг прочитал «Степного волка» Гессе, но не полюбили, как, впрочем, и ранее у нас переведенная «Игра в бисер». Обе книги показались мне стоящими где-то на грани между беллетристикой и научным эссе, но для беллетристики слишком много сухости, а для эссе – очень много банальности, прямого осуждения «в лоб».

Слава богу, могу сейчас ходить, и по воскресеньям гуляю по лесу. Вот воистину тихая и надежная радость, не омраченная ничем, даже плохой погодой. Часто мечтаю: найти бы в себе силы на все плюнуть, жить тихо, работать мало, но гулять, читать, ходить в театр, встречаться с друзьями (а они еще есть), не считая каждый «потерянный» час. В отличие от вас, учительствующих, я мог бы себе это позволить, если бы... Увы, живое существо не вольно выбирать себе путь, мы рабы своего организма – видимо, удовлетворение главной своей страсти и дает самое огромное счастье.

Очень жалею, что такая неудача в МГУ. А к нам – нельзя? Кафедра МГУ... я их не жалу, да это взаимно. Интересно, что пока я читал курс на филфаке, приходили разные люди, но с истфака οὐδείς. Смешно, правда? А я-то думаю, что ведь такое и послушать-то (не только читать и придумывать) удовольствие.

Видите, я впадаю в другую крайность сегодня: от жалоб – к безграничному хвастовству. Но Вы меня простите, зная, что все-таки не без *granum salis*.

А засим обнимаю Вас, если позволите (фигурально и метафористически), и желаю всего, всего хорошего.

Р. С. Слышали, что умер Самаркин²⁰¹? Совсем молодой был парень. Приступ стенокардии на фоне микроинфаркта, т. е. что-то вроде того, что унесло Утченко²⁰².

²⁰¹ В. В. Самаркин – московский медиевист.

²⁰² С. Д. Утченко – московский антиковед.

Осень 1977 г. (?)

Всю эту неделю я вечерами был дома и рад был бы Вас видеть, но Вы не позвонили, хотя мы и договорились, что Вы зайдете (за оттисками, скажем). Вы не только не зашли, но и не позвонили – зачем же пенять на мою занятость? Мы виделись с Вами, по-моему, в первый же день по Вашему приезду – и не моя вина, что у меня еще было много работы, которую я *должен* был сдать на следующий день (я ведь даже не подозревал, что Вы приедете).

Спасибо за теплые слова по поводу лекции. К сожалению, из прочитанных четырех эта была единственно удачной (можете отнести это на счет Вашего присутствия), но я заплатил за свой подъем: на обратном пути у меня был приступ. Увы, я из тех людей, которым за все приходится платить.

Против историзма в подходе к централизации не возражаю отнюдь – возражаю против тезиса, идущего от Васильевского... что единая монархия всегда лучше феодальной раздробленности. В начале XVI в. раздробленная Германия и раздробленная Италия были еще экономически и культурно самыми передовыми странами Европы, в XVII в. они уступили это место по разным обстоятельствам, но не Османской Порте и не России Алексея Михайловича, а политически довольно рыхлой Голландии. В XVII–XVIII вв. абсолютная монархия короля-Солнца и его преемников привела Францию на грань катастрофы, чего несколько ранее уже добился испанский абсолютизм. Конечно, бывала «органическая» централизация – к примеру Римская империя в I–III вв., да и объединение Германии в XIX в., видимо, стало необходимостью (хотя в пределе это дало гитлеризм). Но в средние века, в высокое средневековье децентрализация была «органичнее». Вот что я думаю.

Рита, Вы должны понять мое теперешнее состояние. Я как-то хотел с Вами поговорить о всей своей неблагополучной жизни, о выбрасывании с работы, о постоянной дискриминации – обо всем, что научило меня ценить человеческую верность и презирать не только тех, кто прямо писал доносы, но и тех, кто в страхе отворачивался от меня, бросал меня, мои занятия *etc.* В обостренной сейчас ранимости я ценю не слова соучастия, а дела соучастия...; пока еще такие люди есть и, откровенно говоря, я думаю,

что всей своей жизнью, честной и щедрой ко многим, я это заслужил. На «других» не обижаюсь, но уважать не могу. Может быть, и Вы задумаетесь над тем, что я сказал.

Обнимаю Вас.

Март 1978 г.

Только что получил от Вас в обратной последовательности: сперва открытку, затем письмо. Следует ли из этого, что открытки всегда идут быстрее? Я только вернулся из Звенигорода, где провел 12 дней лыжного сезона: перед отъездом, чтобы не огорчать меня, погода стала портиться и скольжение прекратилось, так что путь, который я проделывал за $2\frac{1}{2}$ часа, стал занимать $3\frac{1}{2}$. С лыжни я попал на бал – чествование З. В., которое продолжится в следующую среду: будет ее доклад на ученом совете. Что мне сказать по этому поводу? N. сильно напился на балу (по его собственным словам), но я ушел трезвым. Бал был роскошен, и в который раз я удивлялся искусству людей остроумно сказать ничего. Никогда я не умел оторваться от контента и отдаться чистой форме, а все, что ты сам не умеешь, вызывает зависть – беззлобную и тихую, но все-таки мне часто хочется уметь играть на баяне или петь.

О книге Аверинцева я хотел бы с Вами поговорить подробнее, но писать не хочется. В среду (вместо лекции) я проведу ее обсуждение со своими слушателями (я боюсь сказать «студентами», потому что студентов там почти не осталось – все уже «старички»): хочу, чтобы ребята высказались. Эта книга особого жанра, это поэзия, и авторская личность проявляется в ней необычайно ярко. В этом ее великое достоинство: если лучшие из нас стремились заменить плохую схему хорошей схемой, то А. сделал огромный рывок вперед и отказался от схемы вообще. Его предмет – вольные мысли или, вернее, вольные образцы, выраженные в вольных словах. Но надо быть очень осторожным и помнить, что ранневизантийского в книге почти нет, а есть противостояние двух «вечных» культурных типов: ветхозаветного (ближневосточного) и античного, которые смешиваются и создают христианство, в котором преобладает ветхозаветная культурная традиция. Бац!

После принципиального отвержения схемы мы оказываемся все равно в тисках схемы...

Но я не хотел писать об Аверинцеве.

Вышла книга Бычкова «Византийская эстетика». Я еще не читал ее в этом варианте, но читал и как диссертацию, и в рукописи, и статьями, так что некоторое представление имею. Вы правы: Аверинцев игнорирует Бычкова, и в каком-то смысле это понятно. Ведь они антиподы, занимающиеся одним предметом. А толерантность возможна лишь тогда, когда человек сохраняет самокритичность, что при большой степени таланта и при ощущении себя пророком довольно затруднительно.

Что еще вышло? Говорят, что вышел Пселл в исполнении Любарского, но я еще не видел. Это – монография, а перевод Пселла уже в корректуре. Так что Любарский в один момент сделался *μειυτος ανηρ*. Вышла еще книжка Гуревича о раннем норвежском обществе – все никак руки не дойдут. С запада ничего принципиально важного не получал: понаслышке знаю, что появилось переиздание 3-й части Дельгеровых²⁰³ «Регест» (в переработанной Виртом²⁰⁴ форме). Надо бы доставать, да мне все больше становится лень хлопотать, писать, брать на себя какие-то обязательства. Морально созреваю для пенсии, что ли...

Саша говорила мне, что вы собираетесь приехать на юбилей. Возвратившись и явившись, я тщетно искал Вас среди гостей. Отложим до другого раза, выходит.

А пока что остаюсь всегда к вашим услугам.

Dumbarton Oaks

5 апреля 1990 г.

Конечно, книга – Вам, до университетской библиотеки мне дела нет. Спасибо за теплые высказывания (хоть они и не по читанному). Что нет «автографа» – извините: я их не люблю. Наклейте мое письмо, если хотите. *People and Power* должен бы выйти вторым изданием – постараюсь тогда послать.

²⁰³ Ф. Дельгер – немецкий византист.

²⁰⁴ П. Вирт – немецкий византист.

Мы вчера прилетели из Англии: я прочитал две лекции в Лондоне и говорил на конференции в Кембридже. Мы много бродили по улицам, паркам. Это, конечно, преимущество западной жизни – сел и поехал. Впрочем, на конференции выступала какая-то женщина из Ленинграда, у вас тоже полегчало.

Я пришлю Вам что-нибудь для сборника – вот кончим сдавать Словарь, скину прежние обязательства и напишу. Что же касается моих суждений о Мих. Як., я прав. О Сталине я опираюсь на его прямые высказывания в наших разговорах, и вся его концепция идет от этого... Мих. Як., как я писал, был честный русолоб и сталинист, честный, искренне веривший или, как вы говорите, свободный. В нем это было внутри, а не «чего изволите». Потому-то я его всегда уважал, при всей нашей разнице политических и научных воззрений. И в своей статье о нем уважение это, думаю, выразил...

Да, официального ответа на приглашение в сборник не пошлю. Я все официальное, кроме налоговых отчетов, похоронил. Так что терпите меня таким, какой есть.

Целую, если позволите. Не официально.

Dumbarton Oaks

17 октября 1990 г.

...Статья моя, что я Вам послал, – это маленький кирпичик большого здания. Я сумею построить только флигелек его. На самом деле, надо обработать хотя бы десяток авторов и сравнить их между собой. Но это адский труд. Хорошо, если бы я кого-нибудь соблазнил...

Оксфордский словарь движется – сегодня пришла первая верстка, 100 страниц. Уже не хочется читать, ведь осталось ловить опечатки, а это скучно. Но некому делать – контора закрылась. Помаленьку начинаю заниматься другими делами. Я написал серию статей о Косме Иерусалимском: две уже печатаются (в *BZ* и *Muséon*), а третью я кончаю. Работаю над итальянским изданием «Господствующего класса» – прошла масса времени, и надо хоть чуть-

чуть обновить книгу, хотя от ее заключений я не отказываюсь. Написал статью «Византийский крестьянин» для сборника *L'Uomo bizantino*.

Здесь начал вести семинар – читаем письма Пселла. Нелегкая работа! Ходит человек 10, в большинстве знающие язык лучше меня – я вылезаю за счет знания реалий и за счет наглости. Дел, как видите, и у меня хватает.

В это воскресенье возил Любарских в лес гулять – у нас еще дивное бабье (*Indian*) лето, деревья только начинают желтеть. Мы еще собираем помидоры на наших кустах, а в саду жарким пламенем горят хризантемы. Осень и весна прекрасны в этих краях.

О России я Вам ничего не стану писать. Весь мир болен. Как говорит Шекспир, *what is amiss, plague and infection mend*. От этих *plague and infection* хочется бежать, да не знаю куда – я и так забежал чересчур далеко... Покоя сердце просит. Обнимаю Вас.

Dumbarton Oaks
29 декабря 1990 г.

...Я, честное слово, не могу уразуметь Вашего упрямства. Кто Вас здесь заставит ходить на какие-то семинары? Я не только понимаю, что Вы не можете переводить с греческого на английский, но я и сам, прожив здесь почти 12 лет, делаю это с трудом и крайне неуклюже. Приезжайте на год, на полгода, на летние месяцы... Рассматривайте это как научную командировку или как незаслуженный отдых... Конечно, я ничего не могу гарантировать, но думаю, что у Вас есть шансы. Вот в 92 году будем праздновать мое 70-летие – такое ведь раз в жизни бывает...

Теперь, когда *ODB*²⁰⁵ закончен, надо делать какие-то новые вещи: у меня в производстве серия статей о Косме Иерусалимском; первая вышла в *BZ*, но я не посылаю оттисков – жду вторую в *Muséon*. Две статьи по агиографии идут в *DOP*, но это нескоро. Итальянцы делают сборник о *Homo Byzantinus* и заказали мне статью

²⁰⁵ The Oxford Dictionary of Byzantium.

о крестьянине. Где-то валяется моя статья о византийском ренессансе, что Вам ближе. Сейчас в связи с семинаром рождаются какие-то наблюдения над Пселлом. Как видите, все в разбросе, вне связи одно с другим. Да, еще статья о византийской филантропии.

А тут еще доклады на разных конференциях, которые надо писать и читать: в марте в Лос-Анжелесе – русская историография XI в.; в мае в *DO* (симпозиум) – частная, феодальная и государственная система в Византии; еще через год (следующий симпозиум) – образ юриста в византийской неюридической литературе.

На будущий год я приглашен с лекциями в Сан-Марино (*sic!*) и Упсалу; в первом случае шесть, во втором четыре лекции, и все разные. Так что до серьезной работы руки не доходят, и Хониат стоит тяжким грузом на моем письменном столе.

Не помню, писал ли я Вам, что итальянцы решили издать «Господствующий класс», но я не могу выпустить книгу, написанную почти 20 лет назад и основанную на материалах, собранных ранее. Так что пришлось собрать новые данные, включая неизданные печати из собраний *DO*²⁰⁶. К моей великой радости, новые материалы прекрасно совпали с моими выводами, несмотря на то, что Ю. Бессмертный²⁰⁷ в своей очень умной рецензии показал, что статистически мои выводы неубедительны. Видимо, статистика не вполне и не прямо применима к нашим данным.

Вот я Вам и описал все, что я делаю. Жизнь все больше сводится к работе – все остальные радости как-то усыхают и отсекаются. Лыжи, горы, волейбол – все это практически кончилось... В кино хожу, но в театр редко – уж очень плох. Зато с музыкой в этой стране прекрасно – много концертов, первоклассная опера. Жаль, что я немзыкален, но все-таки хожу. Наконец, есть дети – то мы в Бостон, то они сюда. Человеческое общение здесь занимает меньше места, чем в России... В общем, жизнь – при всех ее буераках – спокойная и обеспеченная, пока я на работе. А дальше – будет зависеть от экономической ситуации. Вот и все. Обнимаю.

²⁰⁶ Dumbarton Oaks.

²⁰⁷ Ю. Л. Бессмертный – московский медиевист.

Dumbarton Oaks
19 ноября 1991 г.

...От Конгресса²⁰⁸ у меня такие смутные чувства. Оценить его научную значимость не могу, потому что его материалы, посланные почтой, до меня пока еще не дошли. Как и всякий конгресс он проходил при битком набитых кулуарах; из докладов мне запомнился только Мачке²⁰⁹ (очень хороший); секции с 20 докладами в день – это насмешка над наукой. Я еще успел съездить в Бостон на ежегодную византиноведческую конференцию, где меня обозвали Нестором (отнюдь не в смысле не-старь); больше не поеду, скука, спать хочется. Я, кажется, переносу только свои лекции...

Что касается Каждана как объекта общения, то лучший способ – это приехать сюда. Саша²¹⁰, кажется, собирается это сделать. Я, кстати, написал ей и какие-то книжки послал, но ответа нет, с почтой нынче творится что-то ужасное...

Сейчас много европейцев – Арвейлер²¹¹, Браунинг²¹², был Грирсон²¹³. Жизнь бьет ключом. А я сижу себе и читаю Феодора Студита. И ничего лучше мне не надо... Стоит прекрасная осень, тепло и сухо... Привет от Муси! Напишите про жизнь (*Lebensbedingungen*).

Dumbarton Oaks
23 июля 1993 г.

Вы спрашиваете про Рим. Ах, я уже стал стар, и меня трудно порадовать. Конференция была прекрасно организована, программа не переобременена, время на прения соблюдалось, люди собрались известные – и все-таки впечатление осталось какой-то беспомощности, разнобоя, непонимания больших проблем. Лайу²¹⁴,

²⁰⁸ Международный конгресс византинистов в Москве (август, 1991).

²⁰⁹ К.-П. Мачке – немецкий византинист.

²¹⁰ А. А. Чекалова.

²¹¹ Э. Арвейлер.

²¹² Р. Браунинг – английский византинист.

²¹³ Ф. Грирсон – создатель каталога византийских монет из коллекции Думбартона Окса.

²¹⁴ А. Лайу – американский византинист.

пожалуй, сделала единственный хороший доклад. Второй пункт моей программы – завершение работы над итальянским переводом «Господствующего класса» – провалился полностью: итальянская сторона не подготовилась, и я смог просмотреть только треть книги. Придется ждать и начинать все сызнова. Так что вместо работы болтался на пляже – тоже неплохо.

Вышел сборник моих статей в *Variorum*²¹⁵, с моим собственным предисловием. Статьи давно не выходят – какой-то затор по всем издательствам... На днях послал в Италию, в *RSBE*²¹⁶, статью с претенциозным названием «Оксиморон: индивидуальные черты в творчестве одного византийского гимнографа IX в.» Это попытка – надуманная? – прощупать личность за стандартными формулами. Жду к концу года *JÖB* – новая (совсем новая!) биография Иоанна Мавропода, а в *BS* должна выйти статья о письмах Игнатия (?), первоклассном источнике по экономической истории IX в., который никто в этом плане не использовал.

Собираюсь в отпуск. Мы затеяли большое путешествие по Колорадо, Юте и Новой Мексике – на автомобиле. Посмотрим, что из этого выйдет. Пока что у нас жаркое лето, гулять трудно, но зато можно купаться, хоть я и плохой пловец.

Я купил компьютер и потихоньку осваиваю современную технику. Надеюсь, что это не приведет к увеличению производительности труда.

В сентябре ждем Сашу²¹⁷. Сейчас, по летней стипендии, у нас Надя Каврус²¹⁸ и Ангелина Смирнова²¹⁹. Так что Россия нас не забывает. Приехали бы Вы. Не говоря уже ни о чем другом, можно купить подарки для внуков.

Муся шлет Вам приветы. Обнимаю Вас.

Р. С. Надо было бы написать Вам подробнее о «Портретах»²²⁰, но письма не лучший жанр для этого. Думаю, что значение работ

²¹⁵ «Variorum Reprints» – английское серийное издание.

²¹⁶ Rivista di Studi Bizantini e Neoellenici.

²¹⁷ А. А. Чекалова.

²¹⁸ Н. Ф. Каврус – петербургский византинист.

²¹⁹ А. С. Смирнова – московский искусствовед.

²²⁰ «Портреты византийских интеллектуалов» М. А. Поляковской.

измеряется не комплиментами в письмах, а интенсивностью использования. Если Вы проглядели *ODB*, Вы знаете, что я сделал много для использования Ваших статей. Я, конечно, ценю то, что Вы писали обо мне во введении, но, конечно, ставить меня в один ряд с Шевченко²²¹ в деле изучения поздневизантийской литературы – некрасиво. «Мы любим его (меня) не за это». Много выдумки пошло на заголовки глав – мне они нравятся. Главная проблема, думаю, в том, изменилось ли качественно византийское интеллектуальное общество в XIV в. в сравнении с XII? И еще: что случилось после середины XIV в. и куда испарился весь этот творческий подъем?..

Dumbarton Oaks

18 февраля 1995 г.

...Я задумал сейчас и уже начал «Историю византийской литературы» и я бы очень хотел, чтоб *DO* взял мне помощника под этот проект, – ни за что... А ведь истории византийской литературы нет, и если я не напишу ее, никто не напишет (как было со Словарем). Да, я знаю, что в Словаре масса огрехов, и много огрехов и провалов во всем, что я пишу – и все-таки никто не дерзнет написать историю византийской литературы именно как историю и именно как литературы. Beck²²² и Hunger²²³ сделали прекрасные справочники, но ни историей, ни литературой там не пахнет.

И вот тут я возвращаюсь назад и хочу сказать, что в России меня бы поняли. И Яков²²⁴, и Вы, и даже Геннадий²²⁵... Впрочем, я думаю, что многотомную историю византийской литературы и в России сейчас не издать – не осилить.

Моя беда в том, что я – как и Мих. Як. – хочу все «по-другому». А люди не хотят по-другому, хотят «как было». И как Мих. Як., я бесконечно много делаю ошибок – выдумываю и по дороге

²²¹ И. Шевченко – американский византист.

²²² Х.-Г. Бек.

²²³ Г. Хунгер.

²²⁴ Я. Н. Любарский.

²²⁵ Г. Г. Литаврин.

оступаюсь, тороплюсь высказаться и попадаю в яму. Когда я читаю Острогорского²²⁶, я поражаюсь его аккуратности в мелочах, завидую – и вместе с тем раздражаюсь: ведь по сути дела за Острогорским – в отличие от Сюзюмова – не стоит большой концепции. Концепция Острогорского по сути дела идет (не растет, а именно идет) от Васильевского²²⁷ и Ф. Успенского²²⁸, и он, как ни страшно это сказать, просто большой, умный и очень аккуратный Горянов²²⁹. Мне кажется, что только Мих. Як. и я вынесли в свет во второй половине XX в. целостные концепции Византии.

Расхвастался. Зачем?.. Почему, когда я пишу письма, мне жалче себя, чем в обычное время? Почему так хочется, чтобы рядом был кто-то, ученик в цветаевском смысле слова, кто понимал бы мои взлеты и прощал бы мои грехи? Нет его. Пусто. Обнимаю Вас и помню все.

Dumbarton Oaks

30 мая 1995 г.

Убейте меня, но не помню, ответил ли я на Ваше письмо от 25 апреля – но лучше написать дважды, чем ни разу. Переписка отнимает много времени (которого нет), и все-таки это драгоценное занятие. Φιλική ἐπιστολή создает иллюзию общения, а что еще остается в эмиграции, кроме иллюзий?..

Работаю над историей литературы. Мне интересно. Но меня поражает отсутствие интереса вокруг. Может быть, я себя переоцениваю, но такого, что я задумал, еще не было, и я льстил себя надеждой, что люди будут рваться почитать, издать. Отнюдь нет. Правда, и с *ODB* было так же, никто не хотел принимать всерьез, а в конечном итоге все пользуются, хотя мне с того никакого проку. Один Яков²³⁰ проявил неподдельный интерес, и я послал ему дискет с десятком глав. Хочу иметь первый том, до Фотия вклю-

²²⁶ Г. А. Острогорский.

²²⁷ В. Г. Васильевский – российский византинист конца XIX в.

²²⁸ Ф. И. Успенский – российский византинист первой четверти XX в.

²²⁹ Б. Т. Горянов.

²³⁰ Я. Н. Любарский.

чительно, к началу будущего года – но кто возьмется печатать? Вот и мои проблемы пошли.

Устал я, Маргарита. Мне 72 с хвостиком. Я работаю, как лошадь, с 8 утра до 5 вечера. Эта чертова литература не оставляет меня в покое и после того – сидит в голове, снится, думается αὐτονόμως. Хочу, чтоб меня лелеяли, как цветочек с полян, ἄνθος τοῦ ἁγροῦ, кажется, в Новом Завете. Чтоб любили. Не любят. Характер сволочной. Читали ли Вы мою статью в последнем *BS*? Кто будет любить такого гада? Обнимаю Вас. Правда.

Dumbarton Oaks
10 сентября 1995 г.

...Я печатаю в *DOP* статью «Византийский и итальянский город» (доклад, читанный на симпозиуме в *DO*) – там, между прочим, я полемизирую с Вами: мне кажется, что монастырские владения в Константинополе и Салониках были сравнительно невелики, а вот светские лица приобретали десятки домов и, видимо, выгодно сдавали их внаем. Впрочем, для Вас это давно пройденный этап, а для меня – служебный долг больше, чем реальный интерес.

Мы вернулись из отпуска, провели три недели на озере – я купался по три раза в день, много греб, но гулял меньше, чем прежде. Обратно 10 часов вел машину, радуясь, что еще не иссох порох в пороховнице. В Вашингтоне сразу окунулись в жару, которую Муся с трудом переносит. Авось, это ненадолго.

Надо начинать новый «учебный» год – много планов – больше, чем сил. Скоро появятся новые стипендиаты. В прошлом году у меня были хорошие отношения с молодежью, много гуляли вместе и болтали – но все это верхолетно, настоящие отношения не устанавливаются. Сейчас ждем гостей – сперва старший внук прилетает из Израиля, потом мой старый друг Сима Маркин из Женева с новой женой. Из России пока на горизонте никого нет...

От Саши²³¹ я давно ничего не имел. Все заняты своими делами. Обнимаю Вас. Муся шлет привет.

²³¹ А. А. Чекалова.

*Dumbarton Oaks**22 сентября 1996 г.*

Дорогие Саша²³² и Маргарита²³³,

Спасибо за Ваши копенгагенские весточки, которые я получил вместе с оригиналом приглашения. В этот раз я вполне серьезен – если мы будем живы и здоровы, мы приедем в августе будущего года – отдохнуть и отпраздновать мой юбилей среди друзей. Если институт захочет, я прочту пару неформальных лекций, конечно, без каких-либо претензий на гонорар: я знаю, в каком трудном положении сейчас академия, и это было бы свинством с моей стороны обременять вас еще больше.

Копенгагенские впечатления у всех одинаковые: плохая организация и дороговизна. Я рад, что не поехал – вместо того был в Вене, где я получил огромное удовольствие...

Сейчас надо кончать первый том «Истории византийской литературы». Хочу отослать текст в Афины этой осенью, но сроки зависят не от меня только, да и в Афинах книга может залежаться. Ведь мой итальянский «Господствующий класс» до сих пор не вышел, и я уже потерял надежду. Когда статья или книга лежит годами в производстве, теряешь интерес к ней, теряешь живой энтузиазм, который есть, пока пишется. Хотя я думаю, что наша «Византийская литература» – это наиболее значительное предприятие в современном византиноведении, ибо это не «еще одна книга», а книга, написанная совершенно по-новому, я не могу принудить никого (почти никого) прочесть ее. Все заняты своими делами, и куда я ни посылаю дискеты, всюду «по техническим причинам» они оказываются нечитабельными. Словарь подводил итоги – эта книга вся новая – от начала до конца... Обнимаю вас обеих.

²³² А. А. Чекалова.

²³³ Обращение сохранено, т. к. письмо адресовано двум корреспондентам.

Dumbarton Oaks
7 марта 1997 г.²³⁴

Спасибо за приглашение в Херсонес куда я, конечно, не поеду, хотя в конце августа я рассчитываю быть в Москве. Весной прошлого года мы месяц путешествовали по Греции, было очень интересно (хотя греки почти ничего не платили, весь мир гуманитарный обеднел), но я не отдохнул, и сейчас еле-еле тяну. Мне просто необходимо спокойно и долго ничего не делать, никуда не ездить. Мы приедем в начале августа и поселимся у друзей в деревне, в глуши – просто, чтоб выбросить из головы всяческую Византию. После этого – дней 10 в Москве, повидать друзей, может быть, выступлю у Литаврина, если они захотят. Таковы планы, а чем они обернутся, не знаю...

...У меня трудный, «большой» месяц – 15-го состоится обсуждение первых двух томов «Византийской литературы». Я очень боюсь обсуждения. Все поддается критике, начиная от языка. Книга – не статья, а книга про литературу должна быть хорошо написана... Но и не это одно: заявка, как говорят болгары, амбициозна – написать не просто еще одну историю византийской литературы, а написать ее абсолютно по-новому, вразрез с традициями. Я уже сижу в третьем томе, почти дошел до Пселла, и мне кажется, что нет ни одной главы, которая не была бы оригинальна. И вот это делает книгу беззащитной – всякая увлеченность неминуемо сопровождается искажениями, критик всегда может закрыть глаза на достижения и обнаружить (справедливо) ложные мелочи, которые ничего не искажают, ничему не мешают. И кто поддержит меня? Кто поймет? Я привык к тому, что я высказываю мысль – обычно неуклюже, ибо мысль новая, парадоксальная – и через 15, 20, 25 лет наука приходит к тому же. А тут не мысль, а целое полотно, скроенное из отдельных «непроверенных», во всяком случае непривычных, наблюдений. Поколение 2020 г., дай Бог, разберется. Боже мой, как меня бранили за пронию, за кризис

²³⁴ Это последнее письмо А. П. Каждана к автору книги. В мае 1997 г. он скончался, немного не дожив до своего юбилея, который собирался отметить в Москве.

города в VII в.! А теперь, забыв, откуда ноги растут, повторяют все это же самое, «битое». А моя старая статья в ВДИ о том, что не было закрепощения крестьянства и роста поместий в IV–VI вв.? Ее просто игнорировали, а недавно английская исследовательница Тамаре Леветт, с барабанным боем, пришла к тому же результату. Конечно, лучше – слава Богу, за 50-то лет накопили столько!

Вот и боюсь, что с «Литературой» будет так же – не за мысли боюсь, а за непонимание мыслей.

Мог бы и без обсуждения отдать в печать. Но хочу испытать, хочу послушать и *учесть* то, что нужно и можно учесть. Простите, пишу о своем – за неделю до «виселицы».

То, что Вы пишете про организацию науки, про Ленинскую библиотеку, про Временник – просто страшно! А энтузиасты все прут в гуманитарную вместо того, чтобы ковать пошлое золото. Чудесны дела твои, Господи! Обнимаю Вас. Может быть, в Москве и увидимся. Свет не без случайностей.

ИЗ ПИСЕМ С. В. ПОЛЯКОВОЙ

Софья Викторовна Полякова (1914–1994) – известный филолог и лингвист, специалист в области грецистики и византистики, ученый разносторонних интересов – от античности до русского Серебряного века, великолепный переводчик. Окончив в 1938 г. кафедру классической филологии Ленинградского университета, она всю жизнь, до ухода на пенсию, работала на этой кафедре. Написав докторскую диссертацию, Софья Викторовна не стала ее защищать, поскольку ей претили все те «заклинания» и штампы (актуальность, новизна и все подобное), без которых было не обойтись.

Наше знакомство было удивительным. В сентябре 1969 г. на конференции византистов в Свердловске я делала доклад о малозаметном авторе XIV в. Алексее Макремволите. Выступивший по докладу Я. Н. Любарский спросил, знаю ли я о том, что в эти минуты в Тбилиси на конференции по классической филологии по этому же автору и именно по этому же его сочинению выступает ленинградская исследовательница С. В. Полякова. Мне это показалось наполненным особым смыслом: 70 лет после публикации греческого текста Макремволитова сочинения «Лукий, или Осел» никто к нему не прикасался – и вдруг две ученые дамы с почти одинаковыми фамилиями одновременно вознамерились им заняться. Это событие послужило поводом для знакомства – сначала эпистолярного, а затем и личного.

Первая наша встреча состоялась в 1971 г. на конференции византистов в Ереване. После моего доклада об одном из энкомиев Николая Кавасилы Софья Викторовна прислала мне записку: «Ваш доклад очень изящно сделан и столь же изящно произнесен» (эта записка все еще лежит в какой-то моей книге и время от времени попадает мне на глаза – хотя я осознаю, что в этой

оценке много сиюминутного, эмоционального). Сама же Софья Викторовна сделала поистине блистательный доклад по византийской фольклористике: в перерыве между заседаниями А. П. Каздан сказал мне в назидание, что ее доклад по методам и наблюдениям можно считать образцовым. В день отъезда из Еревана я зашла в гостиничный номер к Софье Викторовне (у нее были какие-то неувязки с авиабилетом) – и с этого мига прощания потянулась ниточка наших более близких отношений.

В каждый свой приезд в Ленинград я навещала Софью Викторовну, одна или с моей близкой подругой Галиной Евгеньевной Лебедевой, доктором наук, заведующей кафедрой истории средних веков ЛГУ. Галя была своим человеком в доме Софьи Викторовны со студенческих лет, когда она изучала древнегреческий под ее началом. Дом Софьи Викторовны – в центре Ленинграда, за Казанским собором, был довольно открытым. Она жила со своей кухней Лилей и множеством собак, преимущественно дворового происхождения. В доме любили гостей, а для припозднившихся учеников всегда был готов продавленный диван, который именовали «колыбелью революции».

Софья Викторовна была человеком неожиданным, порой резким в суждениях; в ее сатирических замечаниях крылись такие глубины, которые открывались не сразу. Очень легко было попасть на ее иронический «крючок» (меня в этом отношении Бог миловал). Одновременно она была щедра на проявления дружественности, могла написать по какому-нибудь незначительному поводу записочку или стишок.

Мы обменивались книгами, научной информацией вплоть до ее болезни. И после смерти Софьи Викторовны Лиля прислала мне последнюю ее книгу – перевод «Повести о Херее и Каллирое» Харитона, предисловие к которой, написанное Софьей Викторовной, открывается фразой, отражающей концепцию ее творчества: «Древняя Греция – это детская европейского романа, в которой он родился и рос, сохраняя и в средние века, и в новое время фамильные связи со своими отдаленными предками». Книга вышла к 80-летию Софьи Викторовны, но она – увы! – не дождала до него несколько месяцев.

20 мая 1970 г.

...Макремволитом XIV в. я специально не занимаюсь, и он интересен мне только как дополнение к своему родственнику и однофамильцу из XII в. Евматию Макремволиту, т. е. для вопроса об аллегорическом толковании греческого романа в Византии. В ближайшем номере В. Вр. будет моя статья о двух толкованиях «Эфиопики» Гелиодора. Мне кажется полным значения забавное совпадение, что почти однофамильцы занимаются однофамильцами!

Позволяю себе присоединить к тезисам один из греческих романов, в переводе которого я принимала участие, так как эта книжка (вероятно, из-за легкомысленной обложки) разошлась в один день, и Вы, может быть, ее не имеете. Буду рада получить от Вас письмо.

9 июня 1970 г.

Спасибо за письмо и книги. Я очень рада, что мы начинаем «придвигаться» друг к другу и в смысле научных интересов. Вашу статью жду с великим нетерпением. Сейчас я сама занимаюсь агиографией и Евматием Макремволитом. Только что сдала, как я Вам, кажется, писала, большой том переводов византийских сказаний и статью к ним в «Литературные памятники». Опасаюсь, что, взглянув на этот материал с близкого расстояния, мои редакторы содрогнутся, и будет еще масса неприятностей и хлопот. Жития оказались чрезвычайно интересной областью и, как ни странно, совсем оставшейся без внимания литературоведов. Хотя я как будто разделалась с ними, меня продолжает влечь к агиографии и, видно, придется засесть за статью о Филарете Милостивом.

Напишите о своих планах. Не собираетесь ли в Ленинград? Было бы хорошо познакомиться лично. Будьте здоровы. Пожалуйста, передайте привет Михаилу Яковлевичу.

Февраль 1979 г.¹

Появление Вашего Кидониса / Настоятельно требует опроки-
дониса / Рюмок коротких и рюмок длинных / И разных прочих
емкостей винных. / Потому позвольте поднять тост / За дальней-
ший научный рост!

15 февраля 1974 г.

Я получила от Вас такое милое и свойское письмо, что стало тепло на душе. Как Вы могли думать, что я способна на Вас за что-нибудь обидеться! Я не обидчива по мелочам ни капли, и меня может, вернее, могла бы – *casus irrendis* – обидеть *заглазная* хула или клевета – больше ничего.

А теперь слушайте счастливейшую и фантастичнейшую на свете вещь: Жучка нашлась. Через полтора месяца после ее пропажи я тут на днях поехала в Сосново (на дачу) и заметила, что к моим собакам привязался какой-то щенок – Жучка так похудела за это время, что ее можно было принять за щенка. А так как она потерялась-то в Ленинграде, мне не пришлось в голову думать о каких-то отождествлениях, хотя сходство с каждой минутой все больше бросалось мне в глаза и мучило меня. Во время нашей довольно продолжительной прогулки неузнанная Жучка бежала за нами, и под конец в память Жучки я решила удочерить эту собачку, так на нее похожую. Завела ее в дом и вышла на террасу за молоком, чтобы ее накормить. Когда я вернулась, то увидела, что собачка легла на собачье место, т. е. на мебель, которую деревенская собака не может правильно использовать, и это заставило меня в удивлении наклониться над ней, и тогда я увидела, что у нее нет одного глаза, а на шее мой ошейник. Я, грешница, всегда смеялась над сценами узнавания в греческом романе, а тут Тиха показала себя точь-в-точь, как у *erotici scriptores*! Как говорится в старом анекдоте – «третий день пьем здоровье Вашего величества» и радуемся, и дивимся чуду.

¹ Записка написана в связи с получением 16-го выпуска АДСВ, где была напечатана моя статья о Димитрии Кидонисе.

Я позволила себе так подробно расписать эту историю, потому что она беспримерна. Камень спал у меня с сердца.

Я Вам, кажется, писала, что Евмафий выдвигается у меня в передовики средневековой литературы, который предвосхитил французский «Роман о розе» и немецкую аллегорическую романистику. А еще я написала об украинских версиях жития «Марии Египетской» – там забавный материал. Но сейчас я все больше занимаюсь русской поэзией – воскрешаю, по мере сил, память одной замечательной, но совершенно забытой поэтессы – Парнок. Мне в первый раз пришлось поработать в архиве, и это оказалось очень увлекательным, так что пока все остальное пошло как-то побоку.

Ну, вот на радостях наболтала Вам десять бочек арестантов – это все от того, что в голове какой-то кавардак от всего, что произошло. Пишете, пожалуйста, не забывайте. Моя сестра и все собаки шлют Вам приветы.

6 августа 1989 г.

С таким неприличным опозданием благодарю и поздравляю Вас с «Бытом и нравами»². Дело в том, что я живу на даче и только несколько дней назад получила Вашу книгу и письмо. Книга получилась очень интересная и полезная (я успела прочитать уже больше половины), так что еще и еще раз сердечно поздравляю. Могу себе представить, сколько энергии пришлось потратить на ее проталкивание. И тут Вы молодец и достойны всяческого прославления!

Меня очень заинтересовал источник перерисовки одной миниатюры XII в. на стр. 176. Пожалуйста, как-нибудь напишите, из какой книги она (эта миниатюра) заимствована.

Еще раз благодарю и желаю так держать. Лучшие пожелания, приветы и всяческие хорошестьи примите от меня и Лили.

² Книга М. А. Поляковской и А. А. Чекаловой «Византия: быт и нравы»

ИЗ ПИСЕМ Е. Э. ГРАНСТРЕМ

Евгения Эдуардовна Гранстрем (07.07.1911–15.03.1991) – ученица В. Н. Бенешевича¹, крупнейший специалист по византийским рукописям, доктор филологических наук, сотрудник Отдела рукописей Государственной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (ныне – Государственной Национальной библиотеки). Эта невысокая женщина с внимательными глазами за стеклами очков удивительным образом сочетала в себе строгость борца за истинное и одновременно – скромность и щедрость на доброе. Наше знакомство состоялось весной 1962 г., когда я приехала в Ленинград на выучку к Евгении Эдуардовне в области греческой палеографии. Будучи молодым преподавателем, только еще вступившим на стезю византиноведения, я не блистала знаниями в области избранной науки. Но этого, казалось бы, моя наставница не замечала, проявляя (как я сейчас понимаю) необычайную деликатность и никогда не прибегая к откровенно дидактическим приемам. Каждую встречу с Евгенией Эдуардовной в Отделе рукописей я воспринимала как праздник. Этот праздник я вспоминаю сейчас, как ни странно, не зрительно, а обонянием: я помню весенний запах утреннего Невского проспекта, когда я шла на очередной урок, и особый запах библиотеки – запах книг и старого дерева. Евгения Эдуардовна учила меня истории письма, давала огромные «домашние» задания: датировать какую-либо рукопись, отождествить текст, разобраться с аббревиатурами по Церетели, определить водяные знаки по Брике.

Мне довелось побывать в гостях у Евгении Эдуардовны – она тогда жила на улице Салтыкова-Щедрина. Хозяйка сразу же при-

¹ В. Н. Бенешевич – петербургский ученый 20–30-х гг. XX в.

нялась меня потчевать, «оправдываясь», что привыкла именно так принимать гостей, помня о днях блокады.

Я отчетливо помню нашу прощальную встречу на служебном входе в библиотеку. Мы обе немного волновались, привыкнув за два месяца к постоянным встречам. Меня переполняло какое-то возвышенное чувство, но когда я после некоторого колебания решилась ее обнять, она смущенно отстранилась, сказав, что вся пропахла книжной пылью. Видимо, какая-то дистанция между нами сохранилась.

В течение 30 лет мы переписывались время от времени, обменивались книгами (к сожалению, у меня сохранились письма только последних лет ее жизни). Как-то я получила неожиданный подарок от Евгении Эдуардовны: только что вышедший новогреческо-русский словарь. На нем нет дарственной надписи, но каждый раз, когда я беру его с полки, я вспоминаю мою «палеографическую весну» и Евгению Эдуардовну.

9 декабря 1985 г.

Достопочтимая, любезная Маргарита Адольфовна,

Спасибо Вам за книжку, за добрую память. Сборник хороший, интересный. Есть ли у этих сборников порядковые номера? Мне всегда казалось, что так называемые надстроечные явления важнее, чем «базисные». Базис что – пришел и ушел, а мысль остается. Я, конечно, еще не все прочитала.

Не согласна я с Вашим Кидонисом в его высокой оценке человеческого разума. Мы видим, к чему этот разум приводит. Животные умнее – они не переделывают природу, не устраивают войн...

На с. 122 внизу справедливейшее высказывание Меланхтона о судьбе настоящих ученых. Вспомните хотя бы судьбу Н. И. Вавилова... Так бы хотелось Вас повидать, но вам будет скучно со мной.

14 марта 1987 г.

Спасибо Вам за добрую память. Рада, что Вы заинтересовались «чином пещного действия», следовательно, хоть немного ли-

тургикой. А то это трусливое невежество так избегает церковной тематики, что только стыдно. В 1-м томе «Истории византийской культуры» вообще нет истории церкви и богословия... А какие у нас в духовных академиях были ученые! Надо бы переглядеть многие их работы, но разве будут это делать.

12 апреля 1987 г.

...Теперь наступило самое легкое время года – тепло, а главное – светло. В дни блокады и затемнения мы так ждали светлых дней. 19 апреля самый светлый весенний праздник – Пасха. Такой был красивый праздник. Мои родители – врачи – были равнодушны к религии, но все-таки заутреню я помню. Так это было красиво и торжественно...

8 октября 1987 г.

Спасибо за письмо, за добрую память. О Вашей встрече мне рассказала В. С. Шандровская² – в самых лучших словах. Все было интересно и хорошо, как нельзя лучше.

Писать о себе нечего – работать уже не могу, плохо ходят ноги. Мне много лет (76!), а к тому же еще диабет... Конечно, я счастливая – каких людей я знала, с кем дружила, а теперь – хорошая семья, все заботятся... Невестка хорошая и кошек любит, а я кошек обожаю. Вот только кот у нас на этот раз сердитый. А Марк Твен писал, что только тот дом respectable, где есть балованная кошка...

Посылаю Тбетское распятие. В начале XI в., в глухом селе, мастер Габриэль сделал такую вещь. Насколько ниже стоит теперь искусство. Распятие небольшое, метра полтора-два.

² В. С. Шандровская – ленинградский (петербургский) византинист.

ИЗ ПИСЕМ Б. Т. ГОРЯНОВА

Борис Тимофеевич Горянов (1897–1977) – известный в 40–60-е гг. прошлого столетия византинист, последователь Ф. И. Успенского, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, член редакционной коллегии и ответственный секретарь 1-го тома «Византийского временника», автор книги «Поздневизантийский феодализм». Им в конце 40-х гг. высказывались идеи (не поддерживаемые в те годы) о наличии ренессансных идей в среде византийских писателей XIV в.

Мой учитель М. Я. Сюзюмов высоко ценил Б. Т. Горянова, его разносторонние усилия в области византиноведческих штудий. По его словам, Горяновым был сделан полный перевод «Истории» Иоанна Кантакузина (он видел рукопись перевода у него дома). Полной неожиданностью для Б. Т. Горянова (как и для меня, впрочем) стала разгромная рецензия М. Я. Сюзюмова на книгу «Поздневизантийский феодализм» в XXV томе «Византийского временника». В одном из писем А. П. Каждану Михаил Яковлевич написал: «Кончил рецензию на Горянова – дал отпечатать – и в ужасе... А вдруг у него будет инфаркт, и я буду как убийца» (ГАСО, ф. 802, д. 153, л. 2). Неужели в этой рецензии проявилась привычная для М. Я. Сюзюмова страсть к спорам? Или была какая-то «закулисная»?

Я познакомилась с Борисом Тимофеевичем Горяновым в Ленинграде по рекомендации М. Я. Сюзюмова. Он принял меня радушно, давал много советов. Мы встречались в Библиотеке Академии наук и у него дома, в старой петербургской квартире на ул. Чайковского, где он жил со своей женой Гали Николаевной. Позднее мы немного переписывались – я получила от него три письма. О последних годах его жизни – увы! – я ничего не знаю.

Ленинград

25 апреля 1962 г.

Глубокоуважаемая Маргарита Адольфовна,

Больше месяца тому назад я получил письмо Михаила Яковлевича, в котором он мне писал, что «в непосредственно близком времени» исполнит мою просьбу о протокольном постановлении Вашей кафедры об оценке моей работы о поздневизантийском феодализме. Между тем до сих пор я не получил такого решения кафедры.

Я прошу Вас напомнить М. Я. об его обещании и сказать ему, что вопрос о представлении к защите будет рассматриваться на кафедре ЛГУ, а потом и на совете факультета до 15 мая. Следовательно, обещанное постановление должно быть прислано мне в 3 экз., за подписью зав. кафедрой и с печатями не позднее чем сразу после майских праздников. Как Ваши занятия?

Каково решение редакционной коллегии «Византийский вр.» о напечатании статьи, которую я читал? Мне попадается много статей, которые по Вашей теме Вам обязательно надо прочесть, но, мне кажется, сообщать Вам эти библиографические данные бесполезно, ибо в Свердловске Вы этой литературы не найдете. Потому я буду подбирать эти названия и охотно передам их Вам при следующем нашем свидании, когда Вы, надеюсь, не в слишком отдаленное время ко мне зайдете.

В связи с этим учтите, что у меня очередной отпуск в этом году начнется 6 августа. До этого я буду в Ленинграде и охотно в любое удобное для Вас время буду беседовать по всем вопросам Вашей темы, которые Вы захотите мне задать. Буду рад, если черкнете несколько слов по затронутым мною вопросам.

Поздравляю Вас с приближающимся праздником 1 Мая, желаю счастья в личной жизни, успехов в работе, благополучия — *εὐδαιμονίαν, εὐπορίαν, εὐτυχίαν*.

Ваш Горянов.

16 августа 1972 г.

Многоуважаемая М. А. Поляковская,

Простите за подобное обращение, но у меня не записаны Ваши полные имя и отчество, надеюсь, что мне их сообщите¹.

Это письмо вызвано тем, что Ваша статья о монастырских владениях в Фессалонике и ее пригородном районе в XIV – начале XV в. близко соприкасается с моими работами, в том числе с моей книгой «Поздневизантийский феодализм» (1962).

Мне кажется, что Вы идете в ногу со мной и в разрез со взглядами Вашего общего главы школы, который, в отличие от Вас, подчиняясь надуманной версии т. н. московской группы (*nomina sunt odiosa*), пишет неустанно о «раннекапиталистических элементах» в общественном экономическом строе Византии.

Вы цитируете мою работу, точно как Ваш шеф в угоду «москвичам» в т. 25 «Византийского временника» обливает ее помоями, после того как мои работы по докладу Э. И. Чудиновских² были представлены к защите *honoris causa* (кстати, я писал ей недавно, но пока ответа не получил). Я могу это объяснить только его возрастом, ведь он старше меня *minimum* на 5 лет (мне 75).

Отмечали заслугой то, что Ваш шеф «создал школу». Но в истории русской науки эти слова понимались так, что ученики идут по стопам учителя, тогда как в сборнике, который Вы мне любезно прислали («Античная древность и ср. века», 1962), этого не наблюдается.

Лично Вы используете ту же литературу, что и я, тогда как Ваш шеф предпочитает таких авторов, как З. В. Удальцова, А. П. Каздан *e tutti quanti*, которые открыто ревизуют учение Маркса – Ленина о феодализме.

Жаль, что Ваша работа не появляется в «Византийский вр.», а замкнута в малодоступном круге уральских изданий с ничтожным тиражом (500 экз.), едва достаточным, чтобы обеспечить все исторические факультеты страны и научные библиотеки.

¹ Недоразумение связано с тем, что я в 1962 г. сменила фамилию. Автор письма полагает, что он пишет незнакомому ему лицу.

² Э. И. Чудиновских – аспирантка М. Я. Сюзюмова.

В отличие от Вашего шефа я (правда, не по своей воле) ушел на пенсию в возрасте 66 лет. За истекшие годы я завершил новую книгу «История византийской философии» (450–475 страниц машинописи, что Вы сможете прочесть в ближайшем томе «Bulletin de sa philosophie médiévale» (Loiwain, Belgique). Мне очень трудно материально (120 руб. пенсии и жена без пенсии, отсутствие сбережений), но, если Вы проявите желание, я постараюсь выслать Вам эту книгу, когда выйдет в свет. Я был бы рад, если бы другие ученики Вашего шефа, получавшие мои консультации, написали бы мне.

Желаю Вам больших успехов в Вашей научной работе и прошу передать мой привет тем из учеников Вашего шефа, которые меня помнят.

Искренне Ваш Б. Т. Горянов.

Из истории новой серии «Византийского временника» (1947–1994)*

Столетие «Византийского временника» – это прежде всего старый «Временник»: плеяда русских византистов конца XIX в., интереснейшие архивы, эмиграция. Однако 47 лет из отмечаемого ныне 100-летия – это опыт и в какой-то степени – уже история новой серии этого научного сборника. Новый «Византийский временник» по длительности своей жизни на 13 лет старше старого (и вдвое больше по количеству выпущенных томов).

Как полагают философы, имя определяет судьбу. В названии византиноведческого сборника – «Византийский временник», или по-гречески BYZANTINA XPONIKA, заложено слово «время». Действительно, «Византийский временник», представляя, казалось бы, одну из самых элитарных и «чистых» в смысле отдаленности от проблем дня наук, оказался очень зависимым от Хроноса. Ведь его 100-летие на деле лишь 80-летие, т. к. в течение почти двадцати лет – с 1928 по 1947 г. – для него «прервалась связь времен». Опыт «Византийского временника» – это не только опыт научных изысканий, но и судьба византиноведения в нашей стране.

Возобновление издания «Византийского временника» с 1947 г., несомненно, определялось временем, эпохой. В годы Великой Отечественной войны, на коренном ее переломе, властью была «прощена» церковь, а с ней – безмолвно реабилитировано и византиноведение, некогда столь же безмолвно «репрессированное». Наука, исследовательским полем которой была самодержавная Византия с ее православием, была вновь допущена на научный Олимп.

* Доклад М. А. Поляковской в Санкт-Петербурге в мае 1994 г. на научной конференции, посвященной 100-летию «Византийского временника».

Первый том нового «Византийского временника», вышедший в 1947 г., – это как поток чистого живительного воздуха после многих лет небытия, глубокий вздох, сделанный византинистами вместе со страной, обретшей чувство достоинства после победы в трудной войне. Редакционная коллегия сборника, включавшая представителей московской и ленинградской групп византиноведения и возглавленная академиком Е. А. Косминским, исходила из идеи преемственности со старым «Византийским временником». Шрифтовый набор нового названия сборника был близок к старому, том имел новую нумерацию с сохранением старой. Как и раньше, «шапка» титула была греческой – *BYZANTINA XPONIKA*, – и даже номер тома, как и прежде, был указан по-гречески – *τόμος εἰκοστός ἔκτος*. Вводная редакционная статья была написана в очень почтительном тоне по отношению к прошлому русского византиноведения и пронизана идеей наследственной связи с ним. Дух статьи созвучен сегодняшнему юбилею. Мы читаем во вводной статье первого тома: «Русское византиноведение имеет славное прошлое... Старый “Византийский временник” завоевал себе почетное место в мировой науке... Советские византинисты... ставят целью снова завоевать своему органу то почетное место, которое он всегда занимал. Это будет лучшим памятником последнему редактору “Византийского временника”, главе русского византиноведения, академику Ф. И. Успенскому».

Второй том новой серии «Византийского временника» отделяет от первого тома отрезок времени всего лишь в два года. Однако произошли разительные перемены, откорректировавшие общий дух сборника. Изменился даже шрифт названия на титуле, исчезла греческая «шапка»; с прошлым, пожалуй, связывала лишь общая нумерация – том II (XXVII). Том открывался редакционной статьей «Против буржуазного космополитизма в советском византиноведении», содержащей ссылки на «Краткий курс истории ВКП(б)», работы Ленина и Сталина, а также на доклад Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Важнейшей задачей советского византиноведения объявлялась «непримиримая борьба с реакционной буржуазной идеологией византинистов Америки и Западной Европы». В статье замечено, что история Византии является

сейчас одной из тех отраслей науки, где особенно выпукло выступают реакционные черты современной буржуазной историографии. В этом введении ко II тому были явно преувеличены собственные заслуги («Буржуазному миру не нравятся наши успехи»). Появляется в редакционной статье второго тома и самобичевание за непозволительный тон первого тома: «... в I томе “Византийского временника”, вышедшем в 1947 г., отсутствовал этот дух непримиримой борьбы против зарубежного византиноведения. Вместо острой разоблачающей критики в I томе журнала проводились космополитические идеи мирного сотрудничества с зарубежным буржуазным византиноведением». Сравнение характера редакционных статей I и II томов «Византийского временника» говорит потомкам, как дорого стоил редколлегии сборника первый глоток свободы и достоинства и какой ценой пришлось за него расплачиваться. Правда, это не сказалось, пожалуй, на содержании и тематике статей. Однако раздел «Критика и библиография» стал отныне непримиримым по отношению к зарубежным коллегам. Резкой критике подверглось обобщающее исследование Г. Острогорского по истории Византии. Стил этой рецензии станет на какое-то время эталоном (к счастью, недостижимым) для анализа зарубежных исследований.

Редактору сборника Е. А. Косминскому на XIV сессии Отделения истории и философии АН СССР 27–28 ноября 1947 г. пришлось выступить с докладом об ошибках I тома, который он вынужденно назвал устаревшим. Одной из существенных его ошибок, как отмечал ученый, было то, что он не проводил «четкой грани между дореволюционным русским и советским византиноведением». Горький урок прекрасного первого тома долго еще сказывался, но все же он более всего проявлялся в рецензиях и отборе статей, но не в их содержании: индальгенция была в какой-то степени и платой вперед. В эти годы сложился научный коллектив авторов, включавший таких известных ученых, как Н. В. Пигулевская, Е. Ч. Скржинская, Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмов, М. В. Левченко, Б. Т. Горянов. Изменился состав редакционной коллегии: ее секретарем на смену, видимо, принесенному в жертву Б. Т. Горянову стала З. В. Удальцова.

В последующих томах «Византийского временника», вслед за вторым томом, упрочивается новая традиция открывать сборник вводной статьей. Так, третьему тому была предпослана статья «Методологическое значение высказываний И. В. Сталина о революции рабов для советского византиноведения», четвертый том открывался статьей «Значение работы И. В. Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР” для советского византиноведения». Мы понимаем, что эти статьи, вводящие «Византийский временник» в общий идеологический контекст эпохи, были *conditio sine qua non*. Дух вводных статей отражался прежде всего в резкой враждебности в отношении так называемого буржуазного византиноведения, упрекаемого в фальсификациях, помощи американскому империализму, порочной методологии, в общем бессилии и в пребывании в состоянии маразма. Так, беспощадной критике были подвергнуты исследования Анри Грегуара, Георгия Острогорского, статьи журналов «Byzantium» и «Byzantion». В резчайшей форме критикуются в IV томе «Византийского временника» труды А. А. Васильева, который представлен читателю как бывший русский византинист, покинувший и предавший свою родину. Рецензент пишет, что книга Васильева (Массачусетс, 1946) лишена самостоятельности, эклектична, «показывает, в каком плачевном состоянии маразма и растреления находится буржуазная наука в Америке и Западной Европе». Обзор материалов VII Международного конгресса византинистов завершался фразой о том, что «реакционные буржуазные византинисты безоговорочно поставили свою научную деятельность в услужение американским поджигателям войны» (Б. Т. Горянов). Завершает этот период некоего идеологического гнета, пожалуй, VII том «Византийского временника», вышедший в 1953 г. Он посвящен 500-летию падения Византии, и первая статья сборника, выдержанная в духе критики захватнической политики Турции на Балканах в противовес историческим победам Советского Союза, приведшим к расцвету балканских стран и установлению там режима народной демократии.

Мы далеки от позиции осуждения или покаяния. У медиевистов сейчас применяется исследовательский принцип осознания эпохи «изнутри», глазами современников. Нужно было жить в эту

эпоху, чтобы понять ее *modus vivendi*. Конечно, для одних авторов идеологические штампы были неприятным, но неизбежным довеском, который никак не сказывался на духе статьи – его можно, читая сейчас, просто отбросить, не замечать. Для некоторых молодых ученых идеологическое обрамление было единственным путем в сборник. Для других это было способом самоутвердиться, стать лидером. Не будем судить: это целый кусок человеческих судеб, взаимоотношений и научного опыта, порой очень горького.

За первое десятилетие существования новой серии «Византийского временника» определился научный опыт, окрепли научные направления. Приоритетными в этот период были темы, связанные с народными восстаниями и развитием русско-византийских отношений. Среди работ первой из названных тем были статьи З. В. Удальцовой по восстаниям в Африке в Юстинианову эпоху, А. Д. Дмитриева о скамарах, А. П. Каждана о восстании Василия Медной руки, Е. Э. Липшиц и немного позднее Р. М. Бартияна (т. VIII) – по павликианам. Во второй теме лидерствовали М. В. Левченко и П. С. Карышковский. Усиленно и плодотворно в эти годы разрабатывалась проблема византийского города (Г. Л. Курбатов, Н. В. Пигулевская, М. Я. Сюзюмов, Е. Э. Липшиц, А. П. Каждан, Р. А. Наследова). Накапливался научный опыт и в сфере изучения аграрных отношений (А. П. Каждан, К. А. Осипова, Б. Т. Горянов). В число активно разрабатываемых тем можно включить и проблему взаимоотношений Византии с другими государствами (Г. Г. Литаврин, Н. П. Соколов). Довольно полно в первых десяти томах (кроме первого) было представлено византийское искусство (В. Н. Лазарев, А. В. Банк). С VIII т. «Византийского временника» стали появляться статьи Е. Э. Гранстрем по опыту греческой палеографии. Проблемы культуры исследовались в статьях Е. Э. Липшиц, В. С. Шандровской и немногих других исследователей. С середины 50-х гг. коллектив авторов начал расширяться: в работе сборника стали принимать участие коллеги из Грузии и Армении.

Первый десяток томов новой серии «Византийского временника» богат публикациями источников, что сближает его со старым «Временником». Это и «Краткая история» Никифора, патри-

арха Константинопольского, и отрывки из Агафия Миринейского, и «Новая хроника» анонимного византийского хронографа XIV в., и речи Плифона, и сочинение «О царстве» Синесия Киренского, отрывки из Дуки и Сфрандзи, и «История» Олимпиодора, и в переводе С. В. Поляковой и И. В. Феленковской анонимный географический трактат «Полное описание вселенной и народов», и «Басня о четвероногих» в переводе В. С. Шандровской.

Новым рубежом в истории новой серии «Византийского временника» можно счесть его X том: 1956 год был началом «оттепели» в стране. Этот том не имел вводной статьи. Пожалуй, программным был помещенный в разделе «Хроника» отчет об участии советских византинистов в работе X Международного конгресса по византиноведению в Истамбуле в сентябре 1955 г. Это был первый конгресс, где принимали участие ученые из нашей страны. Советская делегация состояла из трех человек: члена-корреспондента АН СССР В. Н. Лазарева, кандидата исторических наук З. В. Удальцовой и кандидата искусствоведения Д. В. Сарабянова. Тон отчета был положительным в отношении конгресса и присутствующих там так называемых буржуазных ученых. Очень хвалимы были еще недавно подвергнутые резкой критике Георгий Острогорский и Анри Грегуар. Наряду с докладами по искусству Лазарева и Сарабянова с программным докладом «Основные проблемы византиноведения в советской исторической науке» выступила З. В. Удальцова. По результатам X конгресса Советский Союз вошел в Международную ассоциацию византинистов, как некогда, в начале века, входили в нее русские византинисты. Время «холодной войны» в византиноведении завершилось, на смену конфронтации приходят научные контакты.

Одним из признаков нового времени стало появление на страницах «Византийского временника» научных дискуссий. Тон их был совсем иным, нежели в прежних разгромных рецензиях (какой была, к примеру, рецензия на книгу А. П. Каждана «Аграрные отношения в Византии в XIII–XIV вв.» в VII томе сборника). Одной из интереснейших дискуссий был спор между Е. Э. Липшиц и М. Я. Сюзюмовым по «Земледельческому закону». Это был спор ученых, увлеченных поиском истины. В библиотеке истори-

ческого факультета Уральского государственного университета те страницы X тома «Византийского временника», где опубликованы материалы дискуссии, истончились – прозрачные на просвет, с обтрепанными краями: на материалах этой дискуссии воспитывалось новое поколение студентов – шестидесятники. Взвешивались все *pro et contra* диспутантов, вводимые ими *terminus post quem* и *ante quem*. Сейчас даже не так уж и важно, кто из них в каком вопросе был прав или не прав. Диспутантов мы сейчас любовно называем «наши старики», хотя в момент спора они были еще в расцвете сил. Мой учитель Михаил Яковлевич Сюзюмов вышел из среды старого русского византиноведения, его учителем был В. Э. Регель. Спор для Сюзюмова был способом существования в науке. Елена Эммануиловна Липшиц – высокая, изящная, женственная, интеллигентная, академичная, искусствовед и юрист по образованию. Вот такими мы помним этих двух ученых из плеяды «наших стариков». Сейчас появились новые работы по проблеме «Земледельческого закона», многие вопросы спора сняты временем, но сам факт этой дискуссии на страницах «Византийского временника» – это счастливое для него время.

Из славной когорты ушедших из жизни наших кумиров вспомним еще несколько имен. Умная, гордая, немного суровая, гражданственная, «совесть ученых» Алиса Владимировна Банк. Бесконечно преданная своей библиотеке, рукописному отделу, рукописям, любящая учеников, друзей, родных и животных, аскетичная и святая Евгения Эдуардовна Гранстрем. Совсем недавно ушла от нас неповторимая, златоустая, неожиданная, искрометная, строптивая, всегда «сама по себе» Софья Викторовна Полякова. Как нам их не хватает, как долго еще мы будем их вспоминать!

Статьи, публиковавшиеся на страницах «Византийского временника» в 70-е гг., свидетельствовали о сложившейся школе советского византиноведения. Это труды многих достойных ученых, среди которых я назову тех, кого я, несмотря на небольшую разницу в возрасте, считаю своими учителями, – Геннадия Георгиевича Литаврина, Александра Петровича Каждана, Георгия Львовича Курбатова.

Конец 60-х – 70-е гг. – это время пика в нашей ученой дружбе с коллегами из так называемых регионов византийского влияния – Грузии и Армении. Назову лишь Симона Георгиевича Каухчишвили, Марику Давидовну Лордкипанидзе, Нодара Юлоновича Ломоури, Рачья Михайловича Бартияна. Византиноведение нас свело, сдружило, сроднило. Это наши братья и сестры во науке, без которых нам сейчас так горько. А редкое письмо – праздник!

С 1967 г. редакционная коллегия «Византийского временника» возглавлялась Зинаидой Владимировной Удальцовой. Она была редактором 23 томов – с 27-го по 49-й. Многие успехи «Византийского временника» в это время были связаны с ее именем. Оглядываясь сейчас назад «без гнева и пристрастия», можно сказать, что З. В. была, несомненно, сильной личностью, способствовавшей подъему авторитета «Византийского временника» и византиноведения. Это было определено не в последнюю очередь тем, что она очень органично вписывалась в существующую тогда систему. Мой учитель М. Я. Сюзумов в одном из писем назвал З. В. Удальцову богиней. Ее царственный стиль руководства, когда можно было «под настроение» казнить или миловать, конечно, накладывал отпечаток на работу редакции «Византийского временника»: были возвышенные, были сломанные судьбы, был и стабильный «Византийский временник». З. В. Удальцова в истории «Византийского временника» – это целая эпоха (соответствующая эпохе авторитаризма в нашей стране). Однако этот период в истории сборника мы все же вспоминаем сейчас с ностальгическим теплом. Мы вспоминаем встречи и дружеские чаепития на Дм. Ульянова, 19, в неказистой, узкой, неудобной комнатке. Вспомним добрым словом коллектив редакции того времени – Раису Анатольевну Наследову, Киру Александровну Осипову, Зинаиду Гавриловну Самодурову.

В 1967–1968 гг. на страницах «Византийского временника» появилась статья, которая станет программной на следующее десятилетие, – статья А. П. Каждана об Евстафии Солунском. Это была своеобразная заявка на новое научное направление. Оно будет потом поддержано циклом работ Я. Н. Любарского, С. В. По-

ляковой, И. П. Медведева и коллективной работой – трехтомной «Культурой Византии».

В 70-е гг. крепили и прежние направления по социальной истории Византии. Стали более ощутимыми результаты исследований в области искусства, кодикологии, палеографии, нумизматики, сигиллографии. Взросли прекрасные археологические школы. Подрастали и набирали силы молодые ученые, создавшие собственные научные направления (имена можно не называть – все они сейчас здесь, в зале Эрмитажного театра, где мы собрались встретить наш юбилей).

Печальной страницей для «Византийского временника» стал 1977 год – отъезд А. П. Каждана. Отъезд или последовавшее за ним умолчание имени ученого – что горче? А были уже не далекие пятидесятые, это было почти вчера. Это уже страницы жизни нашего поколения, жизни тех, кто собрался в этом зале. Трудно объяснить это умолчание уже сейчас, еще труднее будет лет через десять, когда придет новое поколение византинистов. К счастью, А. П. вернулся на страницы «Византийского временника», правда, уже американским ученым.

Апрель 1985 г. все перевернул в судьбах общества и каждого человека. Хронос снова вторгся и в судьбу «Византийского временника». Все, казалось бы, началось с многообещающего переезда в респектабельное здание, но с достопамятного 1992 г. все и – «Византийский временник» тоже – рухнули в нищету. Эти трудные годы борьбы за существование пали на плечи Геннадия Григорьевича Литаврина, возглавившего «Византийский временник» и наше византиноведение. Когда наши далекие потомки будут отмечать новый юбилей «Византийского временника», они вспомнят имя Г. Г. в связи с таким его поистине Геракловым подвигом, как проведение – впервые в России – Международного конгресса по византиноведению и предшествовавшей ей Ростовской конференции. Кстати, проведение сегодняшнего юбилея – это новый подвиг Геракла, подвиг коллективный, но прежде всего коллектива «Византийского временника» и петербургской группы византинистов. И мы, собравшиеся из разных волостей и даже из зарубежья, тоже причастны к этому подвигу.

Наш корабль, носящий имя «Византийский временник», находится сейчас в трудном плавании, когда мелководье сменяется бурными шквалами в открытом море. Но будем надеяться, что команда этого корабля, в которой есть и старые морские волки, и умелые юнги, выдержит все непогоды и достойно продолжит свой путь к вечной *terra incognita*. Будем надеяться, что скоро сквозь низкие облака пробьется солнце – и даже сегодняшняя наша встреча уже согрета его теплом.

Список сокращений

АДСВ.	– Античная древность и средние века
ВВ	– Византийский временник
ВДИ	– Вестник древней истории
ВИ	– Вопросы истории
ВО	– Византийские очерки
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения
ЖМП	– Журнал Московской патриархии
ЗРВИ	– Сборник Радова Византологического института
ИП	– Исторически преглед
ИРАИК	– Известия Русского археологического института в Константинополе
СВ	– Средние века
BF	– Byzantinische Forschungen
Byz.	– Byzantion
BZ	– Byzantinische Zeitschrift
DOP	– Dumbarton Oaks Papers
EHBS	– Ἑπετερίς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
EO	– Echos d'Orient
GRBS	– Greek, Roman and Byzantine Studies
JÖB	– Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik
JÖBG	– Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft
MM	– Acta et diplomata medii aevi sacra et profana
OCP	– Orientalia Christiana Periodica
ODB	– The Oxford Dictionary of Byzantium
PG	– Patrologiae cursus completus. Series Graeca
PLP	– Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit
PLRE	– The Prosopography of the Later Roman Empire
REB	– Revue des Études Byzantines
Reg.	– Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches
SBAW	– Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften
SK	– Seminarium Kondakovianum
ST	– Studi e Testi
TM	– Travaux et Mémoire

Содержание

Слово от автора	5
-----------------------	---

Часть I

ВИЗАНТИЙСКИЙ МИР

Человек, власть, общество

Эмоциональный мир византийца	11
Понятие нравственной нормы в византийской литературе XV в.:	
Алексей Макремволит	19
Этические проблемы «Слова против ростовщиков» Николая Кавасилы	24
Фракийский дневник молодого интеллектуала (август – сентябрь 1346)	34
Образ человека в византийском письме	43
К характеристике византийской образованности: учителя и ученики	47
«Апология I» Димитрия Кидониса как памятник византийской общественной мысли XIV в.	60
Энкомии Николая Кавасилы как исторический источник	76
Плен как экстремальная ситуация столкновения «своих» и «чужих»	93
Диканикий как атрибут власти византийских архонтов	97
К спорам о скаранике	101
Интеллектуалы и власть в Византии	109
Freisinn oder Angst? Die moralischen Dominanten zweier Korparationsgruppen der byzantinischen Gesellschaft	133
Эволюция парадного обеда византийских императоров (X–XV вв.)	136
Византийская чиновная лестница в эпоху Палеологов	156
Общество, власть, интеллектуальная элита	178
<i>Homo byzantinus</i> в условиях византийской общественно-государственной структуры: нравственно-психологический аспект проблемы	187
Место города в исторической судьбе Византии	196
Проблема городской культуры в контексте Средневековья	201
К социальной характеристике поздневизантийского общества: Кавасилы	205
Место семейного клана в структуре поздневизантийского общества:	
Тарханиоты	222

Городские владения провинциальных монастырей в Поздней Византии	238
Монастырские владения в Фессалонике и ее пригородном районе в XIV – начале XV в.	249
Византия в контексте европейской средневековой государственности: проблема лидера и темпов развития	273
Интерпретация понятия «византинизм» в русской научной литературе конца XIX – начала XX в.	289

Часть II

МИР ВИЗАНТИНИСТОВ

Письма и воспоминания

Из эпистолярия византинистов	297
Из писем М. Я. Сюзюмова	300
Херсонес в письмах М. Я. Сюзюмова	320
Из писем А. П. Каждана	324
Из писем С. В. Поляковой	407
Из писем Е. Э. Гранстрем	412
Из писем Б. Т. Горянова	415
Из истории новой серии «Византийского временника» (1947–1994).....	419
Список сокращений	429

Научное издание

Античная древность и Средние века

Поляковская Маргарита Адольфовна

ВИЗАНТИЯ
ВИЗАНТИЙЦЫ
ВИЗАНТИНИСТЫ

Редактор и корректор В. И. Попова
Компьютерная верстка Н. В. Комардина

Лицензия ИД № 05974 от 03.10.2001. Подписано в печать 04.01.2003.

Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Уч.-изд. л. 25,11. Усл. печ. л. 25,0. Тираж 200 экз. Заказ 1643

Издательство Уральского университета. 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Отпечатано в ОАО «Полиграфист». Екатеринбург, ул. Тургенева, 22.